

Проповеди Митрополита Антония Сурожского

© Holy Trinity Orthodox Mission

Содержание

Митрополит Антоний Сурожский

1. Недели подготовительные к Посту

Слепой Вартимей
Закхей-мытарь
Притча о мытаре и фарисее
Притча о блудном сыне
Притча о мытаре и фарисее
Притча о блудном сыне
Притча о блудном сыне
Притча о страшном суде
Притча о страшном суде
Притча о страшном суде и посте
Прощенное воскресенье
Прощенное воскресенье
Прощенное воскресенье

2. Великий Пост

О посте и причащении
О причащении
К причастию
Торжество Православия
Святитель Григорий Палама
Исцеление расслабленного
Воскресенье Крестопоклонное
Преподобный Иоанн Лествичник
Преподобный Иоанн Лествичник
На полпути Великого поста
Преподобная Мария Египетская
Суббота: Воскрешение Лазаря
О трезвости: Перед Страстной
О воздержании: Перед Страстной
Вход Господень в Иерусалим
Вход Господень в Иерусалим
Страстной Понедельник
Страстная Среда — Таинство Елеопомазания
Страстная Среда и Таинство Елеопомазания
Служба "Двенадцати Евангелий" Страстного Четверга
Благовещение и Страстная Пятница
Вынос Плащаницы
У Плащаницы
Служба Погребения в Страстную Пятницу
Литургия Великой Субботы

3. Пасхальный период

Пасха
Пасха
Пасха

Светлый Понедельник — Благовещение
Фомино Воскресенье
Воскресенье жен-мироносиц
Воскресенье о расслабленном
Воскресенье о расслабленном
Воскресенье о расслабленном
Воскресенье о самарянке
О самарянке
Воскресенье о слепорожденном
Воскресенье о слепорожденном
Память Отцов Первого Вселенского Собора
О Вознесении Господнем и Пятидесятнице
4. Недели по Пятидесятнице
День Всех Святых
Воскресенье Всех Святых
День Всех Святых земли Российской
"Не заботьтесь..."
Вера римского сотника
Римский сотник
Исцеление гергесинских бесноватых
Исцеление гергесинских бесноватых
О сострадании
Расслабленный и четыре друга
Расслабленный и четыре друга
Два слепца и немой бесноватый
Чудо пяти хлебов и двух рыбок
Насыщение толпы пятью хлебами
Буря
О словах Христовых. Евангелие о буре
Буря
Послание 1 Кор. 3:9-17;
Исцеление бесноватого отрока
После Преображения. Исцеление глухонемого отрока
Притча о прощении должника царем
Притча о прощении должника царем
Притча о прощении должника царем
Богатый юноша
Богатый юноша
Притча о виноградарях и виноградарях
Притча о званых на брачный пир
Притча о званых на брачный пир
Разговор с книжником
Притча о талантах
Исцеление дочери хананеянки
Женщина-хананеянка; слепой Вартимей
"Выйди от меня, я человек грешный..."
Скудное и щедрое сеяние
Евангелие от Луки 6:31-36
Воскрешение сына вдовы наинской
Воскрешение сына вдовы наинской
Понедельник. Учение Павла не от людей, а от Бога
Притча о сеятеле

Притча о богатом и Лазаре
Исцеление гадаринского бесноватого
Исцеление гадаринского бесноватого
Воскрешение дочери Иаира
Исцеление кровоточивой женщины и воскрешение дочери Иаира
О Священном Писании. Притча о милосердном самарянине
Притча о милосердном самарянине
Притча о безумном богаче
Притча о безумном богаче
О делах тьмы
Исцеление согбенной женщины
Притча о званых на пир
Десять прокаженных
Богатый законник
5. Праздники Господские
Воскресенье святых праотцев
Воскресенье святых праотцев (Мф. 1:1-25)
Родословная Иисуса Христа. Воскресенье перед Рождеством (Мф. 1:1-25)
Рождество Христово
Рождество Христово
Рождество Христово
После Рождества
Крещение Господне
Крещение Господне
Преображение Господне
О Преображении Господнем
Преображение Господне
Воздвижение Креста Господня
Воздвижение Креста Господня
Неделя по Воздвижению: Ветхозаветный закон и заповеди Христовы
5. Праздники Богородичные
Рождество Божией Матери
Введение Божией Матери во храм
Благовещение Пресвятой Богородицы
Сретение, воскресенье о мытаре и фарисее
Успение Божией Матери
Отдание праздника Успения
6. Дни памяти святых
День Архистратига Михаила
Пророк Самуил
Иоанн Предтеча
Поминование православных воинов, погибших на поле брани
День памяти Апостолов
Апостол Иоанн Богослов
Великомученик и Победоносец Георгий
Священномученик Власий Севастийский
Преподобный Антоний Великий
Равноапостольная княгиня Российская Ольга
Равноапостольный князь Владимир
Отцы Киево-Печерской лавры
Преподобный Варлаам Хутынский
Преподобный Сергей Радонежский

7. Различные церковные события

Поставление во чтеца
Рукоположение во диакона
Рукоположение во священника
Монашеский постриг
О рождении и крещении
Проповедь новобрачным
Проповедь на отпевании
Отпевание
Отпевание
Первая проповедь об исповеди
Вторая проповедь об исповеди
Третья проповедь об исповеди
Сошествие во ад
О причащении
Об Евхаристии
Как принимать друг друга
О Священном Писании
О Евангелии
О призвании
О святости
Предостережение
О любви
О слышании
О чудесах
О теле
О несении тягот друг друга
Все в жизни — милость
Об ответственности христиан за весь мир
О смерти

8. Молитва и Жизнь

Предисловие
Сущность молитвы
Молитва Господня
Молитва Вартимея
Богомыслие и молитва
Молитвы и прошения, оставшиеся без ответа
Иисусова молитва
Трудническая молитва
Безмолвная молитва
Молитва для начинающих

Митрополит Антоний Сурожский

Митрополит Антоний (в миру — Андрей Борисович Блум) родился в 1914 г. в семье сотрудника русской дипломатической службы (мать — сестра композитора А.Н. Скрябина). Раннее детство прошло в Персии, где отец был русским консулом. В 1920 г. семья с трудом добралась до Европы и после нескольких лет скитаний осела в Париже. Будущий митрополит окончил здесь среднюю школу, затем биологический и медицинский факультеты университета. В 1939 г., перед уходом на фронт хирургом французской армии, тайно произнес монашеские обеты, в 1943 г. был пострижен в мантию с именем Антония. В годы немецкой оккупации — врач в антифашистском движении Сопротивления. После войны Продолжал медицинскую практику до 1940 года,

когда был призван к священству, рукоположен и направлен на пастырское служение в Англию. Епископ Русской Православной Церкви с 1957 года, в 1966 году возведен в сан митрополита и утвержден в должности Патриаршего Экзарха Западной Европы (обязанности которого исполнял уже с 1963 г.). Освобожден от должности по собственному прошению в 1974 году; с тех пор полностью посвятил себя пастырскому окормлению все увеличивающейся паствы своей епархии и всех, кто обращается к нему за советом и помощью. Его книги о молитве, о духовной жизни, вышедшие на английском, переведены на многие языки мира. Митрополит Антоний — почетный доктор богословия Абердинского университета "за проповедь слова Божия и обновление духовной жизни в стране" и Московской Духовной Академии — за совокупность научно-богословских, пастырских и проповеднических трудов.

1. Недели подготовительные к Посту

Слепой Вартимей

(Лк. 18:35-43) — 1 февраля 1970 г.

Слепой человек, который сидел у врат Иерихонских, знал, что он слеп. Мы тоже слепы — и мы не знаем этого. Он знал, что слеп, потому что все вокруг него могли свидетельствовать, что они видят, а он не видит, могли ему описать, *что* они видят, и он мог понять, чего он лишен.

Мы слепы, и если сравнивать нас со святыми — такими же, как мы, людьми, но которые просветлели душой, прозрели сердцем, умом, — то ясно делается, как многого мы не видим. Но первая наша беда в том, что так редки среди нас люди со зрением, а еще страшнее то, что мы верим, будто состояние большинства — нормальное состояние, а если кто — редкий! — видит, слышит, чувствует, понимает, переживает необычайное, то он — вне нормы, он не обязательно является меркой для нас и судом над нашей слепотой, нечуткостью, мертвенностью. В те времена в тех местах, где были явлены святые, с ними поступали, в общем, так же, как люди поступили со Христом: слушали недоверчиво, воспринимали слова насмешливо, к советам их не прислушивались, пути их не следовали. Порой дивились тому, что им дано, но считали это настолько необычайным, настолько неестественным, что к этому и стремиться нет смысла. Так и теперь мы слепы, мы не видим, не чуем. И надо себе поставить вопрос: *чего* же мы не видим, *к чему* мы слепы? Тогда, может быть, нам и придет на мысль прислушаться и попробовать понять.

Слепы мы к тому, что Бог среди нас; в храме, вне храма — везде присутствует Господь; а мы живем, словно Его нет. Он рядом с нами, мы Им дышим, движемся, существуем — и не отдаем себе в этом отчета, приписываем себе жизнь, силу, ум, переживания, дарования, успех; однако проходим мимо Того, Кто есть источник всего. Мы слепы в этом отношении: среди нас Господь — а мы можем думать пустые думы, переживать бессмысленные переживания, вести между собой тленные и растлевающие беседы. А Он стоит безмолвно, как *нищий* стоит у двери: не взглянет ли кто на Него, не обратит ли кто внимание, не учует ли кто Его присутствия, не переменит ли Его присутствие чего-либо в сердцах, в мыслях, в словах людей?.

И мы не видим; и нас так много, невидящих, что нам это и не странно: все слепы — значит, это норма! Как это страшно! А когда мы посмотрим вокруг себя, то мы такие же слепые. Каждый человек — образ Божий, икона, подобие; а мы ничего подобного не видим в нем. Пусть, конечно, эта икона изуродована — но разве мы к иконе, изуродованной человеческой грубостью, так относимся, как относимся к человеку? Если мы найдем икону растоптанную, оскверненную — с каким благоговением, с какой болью сердечной мы ее поднимем, прижмем к сердцу, унесем к себе, вычистим, поставим, как мученицу, на святое место и будем рассматривать то, что ее изуродовало, как раны, и *благоговеть* перед этим, потому что в этом мы увидим образ того, что случилось с Богом, когда Он стал Человеком: как Его люди били, как топтали, как оплевывали, как смеялись над Ним — это мы можем увидеть в иконе, написанной красками и пострадавшей.

А когда перед нами нерукотворный образ — *человек*, мы видим в нем — не знаю что, *только* не образ Божий, и относимся к нему, конечно, не так, как отнеслись бы к иконе, о которой я сейчас сказал... Разве нам разрывает сердце уродство человека — что он зол, что он завистлив и т. д.? Нет! Нам не больно от этого, нам противно! И другому так же противно смотреть на нас, потому что мы такие же, как те, кого мы осуждаем... И вот слепой в потемках бьет слепого, и никто из них не признает, что сам слеп и что это — ужас...

И еще: *все* в руке Господней; пути Божии неисповедимы: они бывают страшны; они бывают так светозарны, что слепит очи; они бывают так скромны, неприметны, что нужно все наше внимание, чтобы уловить действие Божие. И вся наша жизнь, жизнь каждого отдельного человека, каждого из нас — в руке Господней. И *все, без исключения*, что в ней происходит, имеет смысл, если бы мы только прозрели и поставили вопрос: Куда ведет Господь? Что это значит? — а не кричали: Мне неудобно! Мне больно! Меня это раздражает! *Не хочу* этого! Отойди прочь, Господи, с Твоими блаженствами, которые говорят о голоде, и о плаче, и о гонении, и об одиночестве... Не хочу того!

И мы слепы: слепы в своей жизни, слепы в сложной, богатой жизни других, кто с нами связан; слепы в понимании путей Божьих в истории, слепы по отношению к отдельным лицам и к целым группам людей — верующим, неверующим, своим, чужим; к своим так же слепы, как к чужим... Разве это не ясно, если только подумать?

А мы сидим в пыли у врат Иерихонских и воображаем, что зрячи. Проходит Христос, и мы *голоса* не возвысим, не крикнем о помощи; нет нужды, чтобы нам говорили: "Молчи, не тревожь Учителя"... Что мне от Него нужно? Я все знаю... Что Он может мне дать? Я зрячий, я живой... Неправда! — и слеп, и мертв! И только от Него может быть прозрение, и только от Него может быть жизнь. Но вот, мы не видим этого и не просим — а Он проходит; больше того: останавливается, стучит в дверь ума, сердца, жизни всеми событиями, всеми людьми, всеми переживаниями, всем *без исключения*, чем полна моя личная жизнь, и жизнь каждого вокруг, и всех, и всего мира и вселенной. А мы не слышим даже стука, даже гласа Господня, и не открываем...

Перечтем этот рассказ. Христос спрашивает: Что тебе от Меня нужно?... Мы бы ответили: Да ничего мне не нужно, Господи; все у меня есть... Или, наоборот, чего только мне ни нужно — богатства, славы, дружбы, тысячи вещей, *только* не Его и не Его Царства. И поэтому и не слышим мы или слышим так редко: "Прозри! Ты же веруешь, ты поверил! Ты — на грани зрячести, так прозри же, это в твоих руках!" Не слышим мы этого слова не потому, что у нас какая-то теоретическая вера бессильна, а потому что ничего нам не нужно, мы "зрячи". Как это страшно!

Подумаем все над этим пристально, пока еще можно прозреть и увидеть, как богата славой жизнь, как близок Господь, как сияет Он славой вечности, как бесконечно Он смиренен, кроток, близок к нам, как лежит это сияние Господне на каждом лице, как на иконе, бьет ключом жизни в каждом событии, в каждом человеке, зовет нас: Разомкнись! Открой глаза, открой сердце, разомкнись! Пусть воля твоя будет гибкой, свободной! Пусть тело твое будет, как земля богатая перед посевом Господним, и тогда жизнь будет! Рождается жизнь в человеке и вокруг него ширится, как свет, как тепло, как радость, как вечность. Все нам дано, и как мало мы это берем... Дай нам Господь мужество быть правдивыми, и дай нам Господь радость — радость прозреть! Аминь.

Закхей-мытарь

(Лк. 19:1-10) — 23 января 1977 г.

Наступила вторая подготовительная неделя к Посту; мы вспоминаем сегодня Закхея-мытаря. Имя "Закхей" значит "праведность", "справедливость"; как несуразно это имя в контексте его жизни, с какой горькой насмешкой, должно быть, люди думали о том, *как* этот человек назван и как он живет. Все люди, которые были им унижены, обездолены, обкрадены, притесняемы, вероятно, произносили его имя, принимая его как оскорбление,

как насмешку: как можно такого человека назвать таким именем, сделать его знаком таких великих, святых вещей как праведность, справедливость, когда вся его жизнь — глумление над справедливостью, когда вся его жизнь — служение мамоне *неправды*?

Но вот пришел какой-то час; и этот человек, чья жизнь была *так* уродлива, была в таком противоречии с его именем и как бы его глубинным призванием, вдруг оказался лицом к лицу со Спасителем Христом. Он захотел Его видеть и для этого не побоялся подвергнуться глумлению, насмешкам своих сограждан: человек, вероятно, пожилой, поземному достойный, богатый, взбирается на дерево, потому что он слишком мал ростом, чтобы через головы других людей увидеть Спасителя. И Спаситель, проходя мимо, как говорит Евангелие, его *видит*; разве Он не видел других людей? Конечно, видел! Но в тот момент Христос заглянул в глубины этого человека и увидел, что не напрасно он назван святым именем справедливости, святым прозвищем праведности... И Он его подозвал к Себе; Он поверил самому святому, что в этом человеке было *где-то* зарыто — зарыто всей его жизнью, затуманено всем; Он вошел в его дом; и когда Закхей вгляделся в своего Спасителя, увидел в Нем полноту человеческого величия, бесконечную крепость и бесконечное милосердие, любовь до креста, жалость и сострадание и вместе с этим *неумолимые* правду и праведность, — он сломился, годы и годы недостойной жизни вдруг, как *пыль*, разлетелись, и остался перед Христом настоящий, подлинный человек, способный на покаяние, способный сказать, что, если он чем обидел кого бы то ни было, — достаточно тому человеку прийти и потребовать исправления неправды: он четвертиною ему возвратит; или, если он кого-нибудь унизил или оклеветал, — он ему все сполна отдаст...

Он поверил во Христа; он поверил в себя самого, он поверил в человеческое величие, в святость и дивность человеческого призвания; он почувствовал, что быть таким, каким он прожил все годы своей жизни, — недостойно; он захотел вырасти, как говорит сегодняшнее Послание, в полную меру роста Христова, вырасти в стать человека. Через веру он действительно стал сыном Авраама...

Что же *нам* мешает пройти тем же путем? В прошлое воскресенье нам был представлен образ Вартимея-слепого, который от слепоты своей не мог *видеть* ни сияющего солнца, ни осиянного мира, ни проходящего Христа, ни ближнего своего, ни себя, ни пути перед собой; и Христос открыл ему очи на все. Закхей представляется нам примером человека, который способен преодолеть зло, задерживающее нас на пути жизни. Да, мы тоже неспособны видеть мир, осиянный благодатью Христа, действующего в нем царственно, видеть ближнего своего и путь свой. Но мы еще ослеплены иным образом: тщеславием, страхом перед судом человеческим. Мы видим, мы не совершенно слепы; но *Бога* мы не видим, а видим только насмешливые, пугающие нас лица людей и читаем на этих лицах осуждение и насмешку, тогда как часто на них написана жалость, боль о том, что мы так унижены, так недостойны себя самих... Лицемерный человек, по слову Иоанна Лествичника, это человек, который Бога не боится, а перед людьми дрожит и пресмыкается; разве мы не таковы? *Кто* из нас, для того чтобы лицом к лицу предстать перед Спасителем своим Христом, способен, как Закхей, поставить себя в такое положение, в котором все его *осмеют*? Разве мы способны на это? Как *редко* мы бываем достаточно мужественны, чтобы лицом к лицу встретить насмешку и поругание!

Закхей этого не побоялся; и вот что он нам говорит: *не бойся* человеческого суда, *не бойся* его насмешки, *не бойся!* Не будь ослеплен лицами, множеством лиц людей, посмотри на *единственный* лик, который есть подлинно человеческий лик — лик Христа, твоего Бога и твоего брата по человечеству, твоего Спасителя; забудь все, взглядишь в Него и открой Ему дверь в свою жизнь, в свое сердце, в свой ум! Откройся Ему до конца! Открой свой дом, свое сердце, свой ум — но дорогой ценой: Закхей не только преодолел страх перед людьми, но дал слово выправить свою жизнь, которое он *выполнил*, — вот второе его нам наставление... Если мы хотим стать детьми Авраама, то есть детьми веры, мы должны быть готовы *выправить* жизнь дорогой ценой, как сделал это Закхей...

Вдумаемся же в этот образ, как в прошлое воскресенье мы вдумались в образ Вартимея-слепца, и в эту неделю по-новому, смело, радостно приступим к тому, чтобы, открыв глаза, преодолев слепоту, увидеть *единственное* на потребу и стать свободными людьми — не рабами своей слепоты, не рабами своего страха, не рабами любого человека, который захочет нас взять в плен, не рабами того, что нам принадлежит, что мы приобрели, чем мы будто обладаем и что на самом деле нами обладает, — и станем свободными, и ступим одним шагом дальше в глубины Царствия Божия, в радость полноты жизни, полноты меры роста Христова. Аминь.

Притча о мытаре и фарисее

(Лк. 18:10-14) — 2 февраля 1969 г.

Мы привыкли презирать и осуждать фарисея: нам кажется, что сегодняшнее Евангелие дает нам на это право — он будто осужден Самим Христом. Но мы забываем, что надменная праведность фарисея стоила дорого ему и подобным ему людям. Это были люди подвига и убеждения; по коротким словам, которые о нем сказаны в Евангелии, он постится дважды в неделю, то есть воздаст Богу не только то, что должен бы воздавать по закону, но больше, сверх меры: он дает Богу от своего усердия. И одновременно он дает значительную часть своего дохода нуждающимся, то есть и к людям тоже он обращен каким-то, хоть и суровым, подвигом жизни. Поэтому нельзя легко судить о нем. Фарисеи были люди, которые были готовы понести тяготу своего подвига; но разбивался этот подвиг о правду Божию на том, что из своего подвига они черпали сознание какой-то мнимой праведности, а любви не достигали.

Вот он вошел в храм, не остановился у притолоки, не вспомнил, что находится в храме Бога Живого, что нет твари, которая не должна бы пасть перед Ним в трепете, в ужасе, в любви. Он пришел твердым шагом и занял свое место в храме — он на это место "имеет право"; он живет достойно, по правилам Церкви, и потому стоит он там, где имеет право стоять.

Разве это не страшно и не осуждающе похоже на нас? Как часто мы знаем, что у нас есть перед Богом, среди людей место и что есть у нас место, я не говорю — в вещественном храме, но в том таинственном, незримом храме, который есть мироздание, трепетно собранное вокруг Живого Бога своего. Мы тоже часто думаем: "Мое место — тут, а его — там".

А "там" стоял человек, который по суду людскому действительно не имел никакого пути вперед, в передние ряды праведников Господних. Он был собирателем податей, но как он отличался от современных! Он просто был прислужником оккупантов-римлян, которые поработили народ израильский, всячески его притесняли и искали в его же среде таких людей, которые будут только заниматься побором, собирать их дань. И конечно, такие люди были всеми ненавидимы, потому что законом их жизни было вымогательство, была твердость, была жестокость, была беспощадность.

Но одному, видно, этот мытарь научился в той страшной, жестокой жизни, которую он вел среди себе подобных и среди жертв ожесточения людского. Он научился, что не выжить человеку в страшном человеческом обществе, если хотя бы на мгновение не будет приостанавливаться закон, если хотя бы на мгновение не будет проявляться жалость, милосердие. Если все будет идти по писанному, если все будет делаться так, как по праву можно поступать, то ни один человек не уцелеет.

И вот он стал у притолоки, зная, что по правде людской и по правде Божией он заслуживает ту же беспощадную жестокость, какую он сам применяет изо дня в день; и он стал там, бия себя в грудь, ибо знал, что заслужить никакого милосердия нельзя, — милосердие не заслуживается, никакого милосердия купить нельзя, ни быть достойным его нельзя — его только вымолить можно; оно может прийти как чудо, как непонятое, совершенно неожиданное чудо, когда праведность склоняется перед грехом, когда милосердие вдруг прорывается там, где должна бы проявиться правда — высокая,

беспощадная правда. Он стоит весь в грехе своем, не смея войти в область правды Божией, потому что там для него нет прощения, а стоит он у притолоки, надеясь, что до края этого храма, до края праведности и через край ее перельется милость, жалость, сострадание, милосердие, что с ним случится незаслуженное и невозможное.

И потому что он верит в это, потому что жизнь его именно этому научила — что случается невозможное, и только невозможное делает жизнь людскую возможной, — он стоит, и до него доходит Божие прощение.

Христос нам говорит, что этот ушел более оправданным, чем другой. Фарисей не был просто осужден: до часа смертного можно надеяться на прощение, и он был праведен, он был труженик, он вкладывал усилие души и тела в праведность свою. Она была бесплодна, из нее не высекалась даже и искра сострадания и любви — и, однако, это была праведность... А неправедность получила прощение.

Вот, подумаем об этом; подумаем о том, во-первых, являемся ли мы хотя бы фарисеями, есть ли в нас вообще какая-то правда, правда перед людьми, с доброделием, правда перед Богом — то есть отдаем ли мы Ему должное, то, на что Он просто имеет право? А потом поставим перед собой вопрос: лишенные даже и праведности фарисея, не являемся ли мы такими же, как и он, Нелюбовыми, бессердечными, мертвыми душой? Как мы смотрим на ближнего — в храме, вне храма, в жизни, в семье, на работе, на улице, в газете, везде: единичного ближнего и коллективного ближнего? Как мы на них смотрим, как мы о них судим, не имея опоры даже в истинной, хотя и мертвой, праведности фарисея?. Аминь.

Притча о блудном сыне

(Лк. 15:11-32) — 26 февраля 1967 г.

Сегодняшнее Евангелие говорит нам не только о грехе и покаянии, но и о прощении, которое нам дается Богом. Когда блудный сын, пришедший в себя путем страданий, обездоленности, одиночества, отверженности, направился к отчужденному дому и когда он был еще далеко от дома, хотя уже мог вдаль видеть его очертания, отец, который, вероятно, много-много раз выходил и вглядывался вдаль, ожидая возвращения своего сына, — отец его увидел. И Евангелие нам говорит, что в сердце его загорелась жалость и ласка: "Сын его *мил* ему был", — и не ожидая его прихода, он, старик, оскорбленный, обездоленный грехом и бессердечием своего сына, устремился к нему навстречу и пал на его плечо головой, и обнял его, и поцеловал его.

Так ли мы встречаем друг друга, когда видим, что издалека, из той далекой страны, куда каждого из нас в какой-то момент (а иногда и часто в жизни) уносит грех, из той далекой страны к нам возвращается бывший друг, знакомый, приятель, родной? Так ли мы его встречаем?

Прежде всего, часто ли наша любовь остается такой непоколебимой, что мы постоянно выходим на порог нашего дома, общего дома, того дома, который значит, что мы — вместе, и глядим вдаль в надежде, что он вернется? И когда мы видим, что идет в нашу сторону человек, который был нам близок, но стал далеким, — часто ли бывает, что мы в сердце поражены огнем прежней любви, лаской, жалостью? И часто ли мы первыми устремляемся навстречу и не ожидаем ни слова сожаления, ни покаяния, ни признания: обнимем человека, приласкаем, утешим его в том, что он оказался неверен в любви и в дружбе?

Не чаще ли мы ведем себя, как тот сын, который ничем не был виноват перед своим отцом, и когда вернулся с поля, с работы, и услышал, что радость ликует в отчем доме, прежде чем причаститься этой радости, захотел узнать, чему там радуются: почему здесь радость вне меня? И когда узнал, что его младший брат, который погибал, теперь вернулся, он *войти* не захотел.

Грешный брат его, поняв, что сделал, увидев состояние, в которое он пришел в далекой стране, преодолевая стыд и страх, преодолевая неуверенность в том, как его

примут, пошел к отцу, а этот праведный стоит вне дома, где радуются, что погибший вернулся к жизни, и ждет, чтобы отец пришел его молить: Войди в общую радость! Я радуюсь, радуются слуги, радуется брат — приди, приобщись нашей радости... Отец даже не может его просить, чтобы он свою радость внес в общую радость, потому что ясно: никакой радости у этого праведного нет о том, что погибший спасся...

И *как* говорит отец, и *как* говорит праведный сын! Обращаясь к отцу, этот праведный сын говорит, что за все годы добродетельной жизни, труда отец его не наградил — словно платного рабочего! — ничем, а когда вернулся "этот твой сын", он заколол упитанного тельца... А отец ему отвечает: Разве нам не надо было радоваться, "когда твой брат вернулся?"... Праведный видит в блудном только согрешившего сына своего отца, которого за брата он уже не может принять, а отец ему напоминает, что если для него блудный — сын, то для праведника он — брат.

Опять скажу: часто ли бывает, что мы воспринимаем человека согрешившего — даже не против нас, а вообще поступившего плохо — как своего брата? Не чаще ли мы говорим "твой сын" — презрительно и отвергая? Часто ли мы признаем, что он мне все равно брат, он родной, он дорог отцу — значит, и мне должен быть бесконечно дорог?. Но нет, мы подобны этому сыну, который воображал себя добродетельным, потому что был хорошим работником, хотя оставался чуждым всему духу отчему.

И дальше еще одно. Отец не дает пришедшему сыну попроситься в работники; в работники он его не может принять, он его может принять только как вернувшегося сына.

И он повелевает рабам: принесите первую его одежду — не самую лучшую одежду, которая найдется в доме, чтобы он чувствовал себя в чужой одежде на себя непохожим, а ту одежду, которую он носил до того, как стал чужим в этом доме, до того, как сбросил ее с плеч, чтобы нарядиться по-иностранному, по-иному.

И когда он надел вместо своих лохмотьев старую свою одежду, которая прижилась к нему, которая легла на его тело уютно, отец повелел принести ему перстень: не просто кольцо, но тот перстень, которым человек в старое время, когда люди были неграмотны, запечатлевал каждое свое послание; перстень, который тому, кто им обладал, давал власть над человеком, власть жизни и власть смерти, власть его обездолить до конца, власть его опорочить.

Почему отец это сделал? Почему он не стал сперва требовать доказательств, что сын покаялся? Потому что раз тот преодолел и стыд, и страх, чтобы вернуться, отец знал, что он прочно пришел домой.

Так ли мы поступаем? Когда к нам приходит, возвращается человек, который когда-то был дорог и нас оскорбил или оскорбил кого-то нам даже не столь близкого, — отдаем ли мы все, что раньше было? Окутываем ли мы его в прежний теплый уют? Готовы ли мы дать ему перстень, которым он может запечатлеть в конце каждого письма нашу подпись?

Нет — и потому примирение не прочно. Потому так страшно бывает идти мириться, что знаешь, что отца не встретишь, а встретишь ложную добродетель, ложную праведность, унижающую, оскорбительную праведность того, кто скажет: ты мне не брат, даже если Тот, как и меня, признает тебя Своим сыном...

Подумайте над этим вопросом прощения, потому что скоро наступит Прощеное воскресенье: как бы оно не застало врасплох, как бы не оказалось, что мы не умеем прощать, и как бы это наше неумение не обратилось на нас, а не на тех, кого мы отвергаем и кого, за их покаяние, за страдания и слезы, за тяготу душевную, уже простил и принял Господь. Аминь.

Притча о мытаре и фарисее

(Лк. 18:10-14) — 8 февраля 1987 г.

Я хотел бы остановиться на трех чертах сегодняшней притчи. Первая — это самодовольство фарисея, его надменность. Он знал — и в этом он был прав, — что он неукоснительно выполняет все внешние предписания Закона; он *делал все*, что требовал

Закон, — но оставался чужд духу Закона. Он был исполнителем Закона, но не был его живым воплощением, живым выразителем. И его надменность порождалась его исполнительностью: он забывал, что суть Закона — взаимоотношения любви между Богом и человеком. И все же Бог не отверг его: только он ушел из храма домой менее освященным, менее приблизившимся к Богу, чем мытарь, потому что сердце его не было открыто Богу, он ничего не знал о любви, а знал только обязанности, долг и исполнительное отношение к жизни.

И вот — кто из нас может похвалиться, что, живя по Евангелию или идя путями Церкви, мы в совершенстве отождествляемся с тем, что составляет их сущность: любовь Божия, общение с Богом, забвение себя, всецелая самоотдача в радости и благоговейном трепете?

Две другие черты касаются мытаря. Прежде всего, он знал, что он недостойн быть среди народа Божия, знал, что он грешник, то есть тот, кто отделен от Бога, кто разделен внутренне вихрем страстей, жадностью, страхом, ненавистью, вожделениями; что он в конфликте с окружающими, потому что для них он хищник, и что гордиться ему нечем. Он только мог надеяться, что Бог будет милостив к нему, что Бог прозрит глубже, чем его жизнь, чем его дела, чем что бы то ни было, кроме как то, что он также создан по образу Божью и что Бог разглядит в его внутреннем потемнении и внешней отвратительности ту искру света, которая все еще роднит его с его Творцом — и не отвергнет его вконец.

И это привело его к такому состоянию, которое так дивно в нем: он не решился даже войти в область Божию, в святую область, какой был Храм, какой есть Церковь. Он стоял на пороге, зная, что это земля святая, что Моисей снял обувь свою прежде, чем приступить к Купине Неопалимой, — а здесь было больше, чем Купина Неопалимая, здесь было Божественное присутствие. И он стоял, и бил себя в грудь, и молился: Боже, милостив будь ко мне, грешному!

Вот чему мы должны научиться. Когда мы приходим в церковь, мы приходим в область Божию; человеческим грехом весь мир предан во власть зла, а храм — такая область, такое место, которое безраздельно посвящено Богу, место, где среди безбожного мира Бог у Себя дома, место, где Он царит. И мы должны вступать в церковь с тем чувством трепетного благоговения, которому нас учит мытарь, зная, что мы недостойны быть в присутствии Божиим, что мы не можем поднять глаз наших, чтобы взглянуть в очи Божии, — хотя, если мы их подыдем, то встретим в них все милосердие, и все сострадание, и всю любовь; и что каждое движение, каждая мысль, каждое слово, произнесенное в этой области, должны быть созвучны святости Божией; и вести себя в церкви мы должны как люди, находящиеся в Его присутствии, и с сердцем трепетным, полным покаяния, полным благодарности, полным любви и полным надежды.

Научимся же от фарисея и от мытаря, чего нам избегать и чем нам становиться; и тогда мы встретим Господа в Его милости, в Его любви, Господа, распятого по любви к нам и воскресшего, чтобы уверить нас, что даже самый темный из наших грехов — убийство Сына Божия, ставшего Сыном Человеческим, — бессилен отлучить нас от Бога и истощить, погасить, убить Божественную любовь. Слава Богу нашему! Аминь.

Притча о блудном сыне

(Лк. 15:11-32) — 1969 г.

Какая дивная и какая страшная эта притча о блудном сыне, которую мы так хорошо знаем, так хорошо помним и которая каждый год возвращается к нам с новой силой — с новой силой, рождающейся и от более тяжелого, мучительного опыта греха, и от более изумленного сознания Божией милости и того, как нас принимает и восстанавливает Господь...

Эта притча о многообразном грехе и одновременно о самой сущности греха. Открывается притча грехом в его наготы, в его абсолютности, в его дикой беспощадности. Младший сын приходит к отцу: он полон сил, полон желаний, он полон жажды жить, и не вмещается эта жажда, это желание, эта похоть жизни в рамки обычной домашней жизни.

И не может он больше ждать, и отцу своему он говорит: Отец, ты зажился; пока ты умрешь, во мне увянет жизнь; за время, пока ты будешь жить и жить, а не умирать, я завяну. Умри, умри для меня, будь как мертвый! Ты мне не нужен, но то, что я от тебя могу получить, я могу теперь получить. То, что ты потом накопишь, мне не нужно, а то, что ты до сих пор накопил трудом, любовью, подвигом души, то все мне раздели, дай мне мою долю; а потом, жив ты или не жив, — мне все равно; передо мной — жизнь...

Так говорим и мы по отношению к Богу; не так грубо, не так прямо, но так же жестоко. Все от Бога берем и уносим на страну далече, растратить, прожить. Забываем даже, что Он есть, для нас Он словно мертв в те моменты, когда мы от Него получили все, что нам нужно, чтобы жить на этой далекой, опустошающей стране. И идем, и живем, и богаты какое-то время; а потом беднеем, истощается украденное из Царства Небесного, унесенное, прибереженное, расточаемое. Пока мы еще богаты тем, что Отец дал, нас окружают такие же, как мы, которым до нас никакого нет дела, лишь бы поживиться: любовью ли нашей, беспечностью нашей, человеческим нашим теплом, умом, сердечностью, тем, что у нас есть, что бы это ни было. А когда истощится, начинает ветшать все, что из отцовского дома, от Бога было получено, тогда от нас отходят, потому что тот же закон, который мы применили по отношению к Отцу, действует и для нас. Нам до Него не было дела, лишь бы получить то, что Он может дать, — и другим до нас никакого нет дела, лишь бы попользоваться тем, что у нас есть из домашнего, отцовского богатства. И как часто мы отдаем самое драгоценное за бесценок, такие вещи, которые надо было хранить в сердце как самую святыню нашей жизни, легко отдаем, чтобы порадовать, повеселить, утешить: *вот* грех.

А дальше мы видим другого человека, уже не младшего сына, а сына, который так и не понял того, что было между ним и его отцом. Он всегда был добротный сын, не отступал от воли отца, как он сам говорит: всю жизнь я был тебе рабом, как раб служил тебе, — потому что слово "работал" по-славянски сильное слово, именно от слова "раб". Всю жизнь он чувствовал, что он просто работник своего отца, за кров, за пищу, за человеческое отношение, за привилегию, которую родство давало над рабами.

И вот возвращается младший сын в лохмотьях; все потерял: радость потерял, право быть сыном потерял, как мы часто говорим — "все потеряли". И в дверях его встречает отец, с любовью. А когда возвращается старший сын, тот, который всегда принадлежал дому, всегда был с отцом, никогда не отступил от правды этого дома, он слышит, что в дом пришел чужой, голодный, холодный, лишенный, который когда-то мог принадлежать этому дому, но ушел... И пусть бы себе оставался на стране далече, — нет, вернулся, истратил пол-имения, а теперь что? На остальное зарится, отнять хочет?. И говорит он, как мы часто говорим: "Этот твой сын"; он не говорит "мой брат"; нет, он ему не брат, он чужой: этот твой сын, который все потратил с блудницами, вернулся, а ты праздник устраиваешь, радуешься, что какой-то чужой вернулся, а мне меньше от этого будет... И отец ему говорит ласково: Твой брат вернулся! Он был мертв — теперь он живой; он пропал — теперь он нашелся: разве нам не радоваться, разве нам не ликовать?.

Вот и посмотрим на себя, на кого мы похожи: на блудного или на праведного? И с горем можно заметить, что похожи и на блудного, и на праведника — во всем, что несправедно. Есть ли у нас праведность старшего сына и есть ли у нас доверчивое сыновство младшего? Младший старшего принял бы к себе, не отвернулся бы, он ему был не чужой. А отец — он одинаково принимает и того, и другого. Горем принимает одного — праведного; и радостью принимает другого, который сохранил в душе сознание, что у него есть отец, что к отцу он может вернуться, что есть дом, куда можно прийти. Он не подумал, что старший брат ему закроет дверь в лицо, он только подумал, что отец, который согласился умереть для него, даст ему жить. Вот и нам предлагается: Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные и Аз упокою вы... Перед нами Отец, — но как жутко, что так часто рядом с Ним стоит каменный, черствый, как будто умерший душой

старший сын, который всегда был в доме Отца, а теперь не хочет принимать чужого. Аминь.

Притча о блудном сыне

(Лк. 15:11-32) — 11 февраля 1990 г.

Каким образом можно "перевести" эту притчу, такую богатую и такую дивную, в понятия, которые относятся непосредственно к нам? Сейчас я попробую сделать это еще раз.

Как часто случается, что мы разрушаем глубокие, полные значения и смысла отношения, потому что *привыкаем*, что любящий нас человек дает, дает щедро, дает постоянно, никогда не вспомнив о себе: просто дает; и как легко постепенно забыть человека, помня только дар. Это случилось с блудным сыном, но это случается так постоянно в наших человеческих взаимоотношениях.

Взаимоотношения устанавливаются, потому что каким-то чудом мы вдруг человека *увидим*, действительно видим человека очами души во всей его красоте, в полном значении этого слова; и затем этот человек являет жизнь и величие, и щедрость души, и жертвенность. А потом постепенно человек для нас все больше утрачивает значение, а дары его — или ее — становятся все более вседовлеющими. Я не имею в виду дары вещественные; я имею в виду тепло, и ласку, и понимание, и столько других вещей. Источник забывается, обесценивается, и "важна" только вода, текущая из него ручейками.

Если мы и дальше продолжаем так относиться, то мы все больше и больше отрываемся от человека; человек существует для нас все меньше и меньше. Блудный сын сказал своему отцу: Отдай мне то, что будет моим, когда ты *умрешь*; иными словами — "Давай согласимся, что ты больше для меня не существуешь и мне нужно только то, что ты можешь дать". И, как блудный сын, мы тогда некоторое время живем из полученных даров; наше сердце еще согрето теплом, которое было нам дано, наш ум все еще живет богатством бывшего общения. Но постепенно и это истощается, потому что уже не питается от источника; а затем превращается в воспоминание. А дальше — угасает и воспоминание, и мы делаемся *голодными*.

Все то время, что мы могли проживать полученные дары, мы были окружены людьми, которые хотели поживиться от того, что мы получили: мы были, как блудный сын, окружены людьми, которые облепляли его, пока он был богат богатством своего отца. Но когда ничего от богатства не осталось, они отпали. И оскудение вошло в его жизнь вторично: он отверг *одно* человеческое взаимоотношение, а теперь *он* был отвергнут другими; он остался *один*... Он старался как-то пропитаться, но питаться было нечем, и он ходил изголодавшимся.

И вот часто в нашей жизни случается, что, оторвавшись от источника взаимоотношений, оказавшись отвергнутыми теми, которые думали, что они могут бесконечно пить от ручейков, струящихся через нас, мы оказываемся изголодавшимися. Если бы только на мгновение мы могли осознать, что забытое и утраченное нами — это качество живых отношений с Богом и живых отношений с людьми, которые нас окружают!

Мы не можем всю жизнь жить на подарках: жизнь возможна только в *отношении* к Богу и в отношении к людям, как бы в непрерывном взаимообмене, когда мы столько же податели, сколько и приематели щедрости людской и Божией. Но когда нам голодно, когда мы в отчаянии, когда мы, изголодавшись, *умираем* — всегда ли мы вспоминаем, что мы *отвернулись* от Бога, от Живого Бога? Что мы отвергли живой Хлеб Небесный? Что мы создали с окружающими людьми ложные отношения, раздавая то, что было не наше, что было взято в то мгновение, когда оно было дано?

И тогда, значит, настало время нам задуматься глубоко и внимательно над самими собой и понять, что мы согрешили против Неба и согрешили против отца, против брата, против ближнего, против сестры — против всякого вокруг нас. Согрешили, значит

порвали связь, стремясь освободиться от них — нет, не совсем: стараясь не иметь с ними отношений дарующего, а относясь, как побирушка, пиявка.

И тогда, значит, настало время возвращаться: домой, туда, к тем, кто питал нас, *давал щедро, заботился*, и, в конечном итоге, — к Богу, Источнику всех благ.

Но так часто, пытаясь вернуться, мы встречаем не отца заблудшего сына: мы встречаем старшего брата, того, который никогда не имел подлинного взаимоотношения любви, дружбы ни с нами, ни с отцом. Мы встречаем того, который может похвалиться, что он всегда был добросовестным, честно "работал" в доме отца, делал все, что нужно, — но безразлично: выполнял, как выполняют обязанность, которой не избежишь, или же как сделку, как работу за плату, работу ради обеспеченности, труд в обмен за принадлежность к "дому", взамен за обеспеченность.

Надо нам задуматься над этим, потому что в нашем опыте человеческих отношений мы не всегда только блудный сын; мы так часто являемся старшим братом, и приходящего к нам и говорящего: "Я выпал из общения с тобой, по своей вине, я вел, или вела себя — паразитом, я хочу теперь быть другом!" — встречаем словами, или жестом: "Было время, я тебе был другом! Было время — мы жили в общении, которое мне было драгоценно; ты разбил, разбила его! Раны мои зажили, не хочу я больше раскрыться! Для меня ты — прошлое; ты мертв, мертва; иди к другим, чтобы они вернули тебя к жизни"... Как часто мы являемся старшим братом?!

И как непохоже на отца мы поступаем, который просто ни в какую минуту не переставал любить заблудшего сына, даже в момент, когда этот заблудший отрекся от него, отверг его, ждал "когда же ты умрешь", чтобы распорядиться всем, что этот человек накопил годами труда, годами мудрости, годами жертвенной любви. Отец никогда не переставал любить; старший брат перестал — или, вернее, никогда и не любил, только имел "деловые" отношения с теми, кто окружал его.

А отец — это тот, который бежит, чтобы *встретить* заблудшего; случалось ли нам *когда-либо* поступать так? Когда кто-то оскорбил нас глубоко, жестоко — сделали ли мы когда-либо первый шаг, помня, что *потерпевшему* обиду легче сделать первый шаг, потому что он не унижен, он не чреват страхом: а вдруг меня отвергнут? — тогда как обидчик в *ужасе* от предстоящего унижения, а может быть, и отвержения... Сделали ли мы когда-либо первый шаг, чтобы вернуть к жизни того, кто духовно, человечески *мертв*? Готовы ли мы были дать ему его первую одежду, укутать его былым взаимоотношением? Готовы ли мы были доверить ему наш перстень, дающий ему власть над нашей личностью, нашим имуществом, нашей честью, когда он промотал наше сокровище, унижил нас, обокрал нас? Дали ли мы ему, как говорит притча, обувь на ноги его, чтобы он мог ходить, и ходить безопасно?

Задумаемся в *таких* категориях; и если мы *так* задумаемся, каждый из нас сможет обнаружить, на чем он стоит: у всех нас переплетаются все элементы этой трагической и дивной притчи. Но недостаточно обнаружить это: обнаружив, кто мы, мы должны *сделать* что-то; мы должны принять решение, мы должны отречься от той личности, которой мы были до сих пор, *вернуться* и просить о прощении, о милости. Просить прощения у Бога — да; но *это* легко, потому что Бог видимо, осязаемо никогда не отсылает нас пустыми от Себя, никогда не говорит нам: "Уйди от Меня!" — но прощение у тех, кого мы оскорбили, и которые обидели нас.

Подумаем над этим. Через неделю мы будем вспоминать падение человека: как человечество утратило рай, единство с Богом, единство друг со другом, гармонию с тварным миром — все потеряло; сегодня — последнее предостережение: мы можем сделать что-то в течение наступающей недели; не все, но что-то, так что когда мы предстанем перед Судом, мы бы взглянули на Судью и сказали: "Оправдания мне нет; но я сделал, что мог: помилуй меня и спаси!" Аминь.

Притча о страшном суде

(Мф. 25:31-46) — 25 февраля 1979 г.

Притча, которую мы читали сегодня, так всем хорошо известна, что, казалось бы, нечего о ней и говорить; и вместе с этим есть в ней несколько черт, на которые мне хотелось бы обратить ваше внимание.

Первое — это то, что когда подсудимые — то есть все мы — стали перед судом Божиим, Господь не стал спрашивать ни о чем, относящемся к вере, к мировоззрению, а спросил их *только* об одном, и *прямо*: Были ли вы человечны на земле? Когда перед вами стояло горе — подумали ли вы о том, чтобы утешить? Когда был голод, и холод, и тоска, и оставленность, и заключенность в тюрьме, и плен болезни — что вы сделали: пожалели или нет?.

И тех, которые пожалели, Господь принял, ни о чем другом не спрашивая, потому что эти люди сумели на земле любить — земной, реальной любовью, и поэтому были открыты и к тому, чтобы вместить и Божественную любовь будущего века. Но эти люди, совершившие дела любви, недоумевали о том, что в них увидел Господь. Как это Господь к *Себе* относит то, что они сделали другим? Поступать по любви им было настолько естественно, что они и не задумываясь так поступали... Мы не спасемся тем, что с натугой сердца, мучительно заставляя себя, помня о Господних заповедях, будем их творить; они должны войти нам в плоть и кровь так глубоко, так совершенно, чтобы быть естественным движением души, а не простым послушанием закону, который нам дан извне. И поэтому если кто из нас и думает, что он поступает милосердно, заботится о больных, посещает тюремных заключенных, питает голодного, одевает холодного, — пусть поставит перед собой вопрос: от сердца ли он поступает или потому, что чувствует, что таков его долг и что он даст ответ за свои поступки? И если *только* по долгу, то, Боже, как мы далеки от того, чтобы быть детьми Небесного Царства!

Но обратите внимание и на тех, которые ничего из этих дел человеческой любви не совершили. Когда Христос им задает этот вопрос, они его даже не понимают: Где же мы Тебя, Господи, видели? Когда же мы Тебя не посетили в больнице или тюрьме? Когда же Тебя не одели холодного, не накормили голодного? Когда не утешили в горе?. Они никогда не замечали никого вокруг себя, иначе они не ставили бы вопрос о том, *надо* или *не надо*. Бог ли получит, как бы косвенно, дар нашей любви, или только этот человек... Они прожили всю жизнь только для себя, расчетливо, разумно, то есть, в конечном итоге, вполне безумно...

И вот перед нами тот же вопрос: как мы поступаем по отношению к ближнему? Часто люди говорят: Я не знаю, как любить Бога, я Его ищу в потемках, я не могу до Него добраться!. — Очень просто: через человека!. Апостол Иоанн сказал: Если кто говорит, что любит Бога, но не любит ближнего своего реальной и творческой любовью, тот *лжет*, потому что никто не может любить невидимого Бога, если до этого не научился любить конкретного, живого, животрепещущего перед ним человека... И поэтому, прежде чем ставить вопрос о том, как достичь Бога, спросим себя: как мы относимся к ближнему? Если наше сердце закрыто, холодно, замкнуто, если оно испугано при одной мысли, что ближний может от нас потребовать сердца и жизни нашей, — **не о чем** говорить, нечего искать близости Божией: надо сначала научиться иметь сердце теплое, сердце живое, сердце внимательное к ближнему, и *тогда* оно откроется и, как чистое сердце, увидит Бога. Аминь.

Притча о страшном суде

(Мф. 25:31-46) — 14 февраля 1988 г.

Сегодняшняя притча так хорошо нам знакома, что мы можем пройти мимо, как бы не заметить, о чем она говорит. А говорит она нам несколько вещей.

Прежде всего она напоминает нам о том, что придет день, когда мы встанем лицом к лицу с Живым Богом, и придет на нас суд. Нет — Бог не подстерегает нас, чтобы взвесить

и осудить наши злые дела и поступки; но мы встанем перед Богом, Который есть сама Красота, и обнаружим, как мы изуродовали в себе Его образ, когда, стоя перед Богом, так много возлюбившим нас, мы поймем, как мало любви мы дали Ему: это ли не суд?

Это случается и в наших земных отношениях. Иногда мы вдруг осознаем, что кто-то любил нас так глубоко, так подлинно, и мы взяли все, что нам давалось: всю любовь, все тепло, всю нежность, всю заботу, всю жертвенность; мы принимали *жизнь* того или той, кто изо дня в день отрекался от себя ради нас, — и не отозвались, принимая любовь, предлагавшуюся нам, как должное, как наше право. И приходит день, когда человек умирает, и тут мы понимаем, что мы брали, брали непрерывно, и *никогда* не подали знака, никогда не дали человеку почувствовать, что мы понимаем, как глубоко, как подлинно, как щедро мы любимы.

И тогда мы стоим перед последним судом над нами: поздно, слишком поздно!. О, — человек, любивший нас, простил нам давным-давно, и теперь, в вечности, говорит Богу словами Христа, когда Его распинали: Отче! Прости! Они не знали, что они делали... Но как мучителен суд, наш суд над самими собой, сознание, что мы могли так *обрадовать* любящего нас — и не сделали этого.

Это суд гораздо более суровый, чем любое земное правосудие; этот суд будет, и должен — бить нас изо дня в день в самую глубину сердца более беспощадно, чем любой формальный приговор. Не по тому, как мы соблюдали заповеди, мы будем судимы, а по тому, научились ли мы любить...

И сегодняшняя притча говорит об этом так ясно. Бог не требует от нас ничего, что выше человеческих сил и возможностей: пожалел ли ты голодного и жаждущего? Пожалел ли ты бездомного? Если кто был взят в тюрьму — изболелось ли твое сердце о нем? Не отшатнулся ли ты, постыдившись, что тебя сочтут его другом? Или испугавшись, что и тебя засудят с ним или с ней?. И столько других путей, которыми можно выразить сострадание, сочувствие, любовь.

В сущности, Христос говорит нам: были ли вы просто человеческими — или нет? Сумели ли вы проявить сочувствие, сострадание, солидарность? Были ли вы братьями и сестрами для тех, кто был вокруг вас? Если были — то новая жизнь *может* излиться в вас; но если вы не были *даже* человеческими — как вы можете ожидать, что станете участниками Божественной природы?. Только если мы подобны алмазу, свет может наполнить нас, и мы можем сиять и светиться, отражая его на все стороны; но если нет — как мы можем отражать что бы то ни было?

Помните слова Христовы о том, что если око наше, глаз наш темен, то все вокруг — темнота; если сердце наше слепо, и глухо, и мертво — все вокруг мертво, все молчит молчанием смерти, все вокруг нас темно потемками пустоты и отсутствия.

Но для того, чтобы быть подлинно человеческими, мы должны научиться жить заодно с Единственным, Который только может приобщить наше сердце, и наш ум, и нашу жизнь к *подлинной* любви, к полноте любви, к подлинному состраданию: со Христом, Который пришел в мир спасти нас. И пока мы отлучены от Него, мы можем, в очень ограниченной мере, оказывать сочувствие, дружелюбие, ласку, — но мы еще ничуть не знаем, что значит любить — любить всем нашим существом, всей нашей жизнью и смертью, всем, что в нас есть, и больше того, что в нас есть: *Божией* собственной любовью в нашем сердце, Божиим собственным зрением в наших глазах, Божией жертвенной самоотдачей в нашей отдаче себя самих.

Вот почему святой Иоанн Лествичник говорит, что мы не будем судимы за то, что не творили чудес, или за то, что не достигли небесных видений; но будем судимы о том, что не плакали непрестанно о нашей отлученности от Бога. И мы даже не переживаем этой отлученности по-настоящему, потому что мы так *привыкли* к этому расстоянию между Ним и нами; мы даже не чувствуем, как мы далеки и как мы обездолены без Него.

И иногда, я думаю, хорошо нам вспомнить о ком-то, кто прикоснулся края ризы Христовой и кто никогда, *никогда* не смог забыть, что он пережил. И вот я хочу прочитать

вам несколько строк из писаний старца Силуана: Скучал Адам на земле, и земля была ему не мила. Он тосковал о Боге и говорил: "Скучает душа моя о Господе и слезно ищю Его. Как мне Его не искать? Когда я был с Ним, душа моя была весела и покойна, и враг не имел ко мне доступа... Где ты, Господи? Где Ты, Свете мой? Почто скрыл лицо Твое от меня, и душа моя долго не видит Тебя, и скучает по Тебе, и слезно ищет Тебя. Где Господь мой? Почто не вижу Его в душе моей? Что мешает Ему жить во мне? Значит, нет во мне Христова смирения и любви к врагам". Я потерял благодать и вместе с Адамом зову: "Милостив буди мне, Господи. Даруй мне дух смирения и любви". О, любовь Господня! Кто познал тебя, тот неустанно ищет тебя день и ночь и кричит: "Скучаю я по Тебе, Господи, и слезно ищю Тебя. Как мне Тебя не искать? Ты дал мне познать Тебя Духом Святым, и это знание Божие влечет мою душу слезно искать Тебя".

Вот человек, подобный нам, простой русский крестьянин, который познал близость Божию и чувствовал себя сиротой на земле без этой близости.

Задумаемся над этим; задумаемся, потому что каждый из нас в святые, благословенные минуты жизни испытал близость Божию, — но как легко мы успокаиваемся, что, да, — мы одиноки в холодном мире, как и все остальные. А мы не призваны быть, как все остальные, — мы призваны быть Божиим собственным присутствием, сияющим через нас. Так *пусть* же просияет свет в нас перед людьми, чтобы они прославили Отца нашего, Который на небесах. Аминь!

Притча о страшном суде и посте

(Мф. 25:31-46) — 5 марта 1989 г.

Сегодня Воскресенье о Страшном Суде. Придет день, когда мы все встанем перед Богом, каждый из нас — со своей жатвой и, как говорит Книга Откровения, каждое Царство и каждый народ — с жатвой своей славы и своего позора.

В этот день время веры пройдет; потому что вера — это уверенность в вещах невидимых, а в тот день, в ослепительном сиянии славы Божией, мы уже будем видеть: мы будем видеть Его, как Он видит нас, мы узнаем Его, как Он знает нас. И время надежды пройдет, потому что надежда — это ожидание, а в тот день все уже исполнится; это будет восьмой день — последний день становления; это будет первый день вечности.

И на этом пороге мы будем стоять; с *чем* мы предстанем? Каков будет плод всей жизни, каждого из нас в отдельности, всех нас в нашей целокупности? Не как толпы разобщенных личностей, но как живого тела людей, которые все были крещены во Христа, в единство, все призваны, силой Святого Духа, в Единородном Сыне Божиим быть единородным сыном Божиим; с чем мы предстанем тогда? Когда вера и надежда пройдут, единственное, что останется, будет любовь.

И сегодняшняя притча говорит об этом: не столько об ужасе, о страхе, который, может, и скует льдом наши сердца, или, наоборот, охватит огнем, в котором мы сгорим во мгновение; она говорит о том предстоянии, когда мы увидим, что весь смысл жизни была любовь, и спросим себя: Есть ли во мне хоть *капля* любви? Принес ли я плод любви?. Притча говорит *об этом*. Притча не говорит, что мы будем оправданы, потому что говорили себе и другим, что мы верим в Бога, или потому что называли себя учениками Христа; Он Сам сказал: в тот день Он нам скажет, что тех из нас, которые *не* жили евангельски, не были Его учениками во всей правде, тех Он за Своих не признает. Но мы, может быть, скажем: Не молились ли мы в Твоих храмах? Не творили ли мы даже чудес Твоим именем? — И Он ответит: Отойдите, делатели неправды...

Но на что мы можем тогда надеяться? Притча говорит об этом так ясно, и это можно выразить одним словом: если вы были *человечны*, тогда вы принадлежите Царству. Если не были человечны, то не принадлежите... Христос не ставит вопросов о вере; Он ставит вопрос о том, было ли в наших сердцах сострадание, умели ли мы видеть страдание вокруг нас и отозваться — или же нет. И если мы отозвались, то мы Ему родные.

Но в этой притче есть и другая сторона, еще даже более дивная. Притча обращена не только к христианам, к ученикам, к верующим; когда Христос говорит тем, кто был полон сострадания, полон любви: *Вы сделали* все, что нужно — вы накормили голодного, вы приютили бездомного, вы посетили больного, вы не постыдились признать за брата того, кто был в тюрьме, — все эти люди скажут: Но когда мы видели *Тебя* в них?. И Христос ответит: Что вы сделали одному из Моих братьев, вы Мне сделали...

Не дивно ли подумать, что любовь — как мост, перекинутый над всякой пропастью, что любовь торжествует и выдерживает всякое испытание; что быть человеческим — даже не значит видеть в брате образ Божий, видеть в брате кого-то, кого любит Бог, за кого Он положил Свою жизнь; достаточно увидеть в нашем ближнем его *нужду* в сострадании: *человека*, ничего больше, — и тогда окажется, что мы поступили правильно.

* * *

Хочу сегодня сказать еще об одном: сегодня день, когда мы вспоминаем Страшный Суд, но это также начало Поста; с сегодняшнего дня православные воздерживаются от мяса; есть ли в этом какой-то смысл, кроме подвига и дисциплины? Да, думаю, что есть. В 9-й главе Книги Бытия есть страшный отрывок. После Потопа, когда человечество стало еще более слабым, чем прежде, еще менее укорененным в Боге, более трагично одиноким, более трагично зависимым от твари, потеряв общение с нетварным, Бог говорит Ною: Теперь все движущееся на земле, все твари будут вашей пищей; они будут вам в пищу, а вы будете им в страх... Это то взаимоотношение, которое человеческий грех, потеря Бога установили между нами и *всем* тварным миром, но особенно мучительно и чудовищно — с животным миром. И воздержанием от мяса во время Поста мы свидетельствуем, что мы это понимаем и — о, в какой малой мере! — стремимся искупить. Мы — страх тварного мира; *мы* разрушаем его, мы портим и загрязняем его, а мы были призваны изначально быть его водителями в вечность, в славу Божию, в совершенную красоту, которую Бог задумал для всей твари; мы были призваны сделать из этого нашего мира *собственный мир Божий*, Божие Царство — не в том смысле, что Он властвует над ним, а в том, что это Его семья: место, где Он живет среди Своей твари, и где творения Божии могут ликовать о Нем и друг о друге.

Поэтому будем помнить, что в ту меру, в какую мы будем верными призыву Церкви, — это не только акт, которым мы стараемся освободиться от порабощенности материальному миру, но и признание нашего *греха* против мира; и хоть в этой малой мере — усилие исцелить наносимую нами порчу, свидетельство, что мы понимаем, что мы сокрушаемся сердцем, и что *даже* если мы не можем жить иначе, мы бодем душой, стыдимся, и что *и* к Богу, *и* к миру, к которому мы относимся так беспощадно, мы оборачиваемся с сокрушенным и кающимся сердцем. Аминь!

Прощенное воскресенье

1975 г.

Сегодня Церковь вспоминает изгнание Адама из рая. Заключились двери райские; осиротел человеческий род, на земле мы ходим в потемках естественной жизни, где еле брезжит свет Христов. Родина наша небесная где-то далеко от нас, и, как изгнанники, мы тоскуем — тоскуем по той радости, о которой все изгнанники земли думают, когда вспоминают потерянное отечество, и все мы, когда думаем о том, что когда-то было: чистое, светлое, что погибло из-за наших грехов, из-за нашей сердечной помраченности.

И вот Адамов плач в течение тысячелетий и тысячелетий возносится к небу; плачет осиротевший Адам в лице каждого своего сына, каждой дочери своей, плачет и зовет Бога своего вернуть его в первобытную радость, вернуть ему дружбу Свою и вернуть ему любовь Свою. А Бог никогда ни любви Своей, ни дружбы Своей не отымал от нас, только *мы* далеко от Него ушли, потеряли чуткость сердца, не слышим уже Божественного гласа, не чуем уже близости Господней. Христос пришел на землю, наш Бог жил среди нас, и люди встречали Его на дорогах, в городах и селах, слышали Его слова, видели Его лик,

загорались сердцем и просвещались умом от Его учения, и все-таки до конца не сумели Его узнать. И Сын Божий, Который по Своей любви к нам стал Сыном Человеческим, отвергнутый людьми, умер вне града, вне человеческого стана. Но не поколебалась Божия любовь; смертью победил Господь смерть, нас Он освободил от вечного проклятия, нам Он дал уже теперь приобщиться в какой-то мере вечной жизни. А вечная жизнь — это Сам Бог; Божественная любовь — это Он.

И вот в начале Великого Поста, сегодня, как каждый год, мы вспоминаем свое сиротство и вспоминаем о потерянной родине своей, об отчем доме. И снова, и снова мы собираемся в путь, чтобы духом загореться, чтобы сердцем очиститься, чтобы просветлеть умом и чтобы вернуться к нашему Богу и Отцу. Но совершается это в каждом из нас в отдельности, а вместе с тем — всеми нами сообща, как в старые времена, когда люди покидали страну, которая стала местом порабощения, и уходили в неведомые им края обрести свободу. Так и мы должны оторваться от того, что делает нас рабами, уйти из плена, чтобы когда-то обрести ту свободу чад Божиих, которая является нашим призванием и должна стать нашим достоянием.

И как люди во времена давние собирались в такой путь вместе, как бы в складчину, собирая свою немощь, чтобы из этой немощи, из товарищества, из взаимной преданности выросла какая-то сила, как тогда, собираемся и мы теперь в путь. Тогда они обзревали порой неизвестных им людей, вглядывались в новые лица: что у них было общего? Только одно — то, что все отрекались от рабства, хотели свободы и все они поняли, что к свободе из рабства может вывести только единство примирившихся людей. Древний Израиль сорок лет скитался в пустыне, прежде чем достиг обетованной земли. Никто бы не выжил в этой страстной пустыне, если бы каждый не заботился о каждом, если бы каждый не думал о каждом, если бы судьба каждого не была ответственностью всех и судьба всех не воспринималась каждым как его собственная ответственность.

Так и мы должны теперь собираться воедино и идти в путь. И мы должны осознать, что нам надо вырваться из многого для того, чтобы быть свободными; нам надо осознать, что только спаянные, соединенные друг со другом любовью, жалостью, милосердием, состраданием можем мы этого достичь. И поэтому на грани Великого поста мы становимся перед образом Христа Спасителя и Божией Матери и просим Их прощения и Их напутственного благословения. Христос был убит детьми Адама, и мы являемся такими же детьми того же нашего праотца. Мы просим Христа нас спасти и благословить — но чьи руки пригвоздили Его ко кресту, чья ненависть отвергла Его, как не ненависть, как не руки предков наших по человечеству? И мы должны просить Христа о прощении и о благословении, с тем чтобы Его крест стал нашим спасением, чтобы ранами Его мы исцелились, чтобы, познав крестную любовь Господню, в благодарность мы нашли в себе силы принести Ему всю жизнь свою, всю любовь свою.

И у Божией Матери должны мы просить прощения: ведь Сын Ее погиб от наших грехов, не только от греха ветхого Адама, не только от греха живших до нас людей; и в наши дни Он так же погиб бы, потому что мы так же слепы и так же греховны, как Его современники. И вот мы взываем к Божией Матери; сколько веры нужно для того, чтобы к Ней обратиться за помощью и пощадой! Разве каждая наша молитва к Ней не значит: Мати, моими грехами убит, погиб жестокой смертью Твой Сын — прости! Если Ты простишь — никто меня не осудит... И вот с этой молитвой изо дня в день, а сегодня вечером особенно, предстоим мы перед Богородицей: Прости нам, о, Мати Христа, Спасителя нашего, погибшего от наших грехов...

И каждый каждого да вспомнит; да простит каждый всех, не только здесь присутствующих, но тех, которых он не может больше застичь своей мольбой о прощении. Многие оскорбленные, раненные нами уже отошли в вечный покой; теперь на их сердце не остается злобы или горечи; теперь они стоят перед лицом Божиим, теперь они поняли, как мы все слабы и слепы и как мы раним друг друга, не желая того, сколько бы злобы мы ни вкладывали в злые наши слова и поступки; теперь они в Царстве Любви,

в том Царстве, где все знают, что кроме любви, ничего нет ни на небе, ни на земле достойного Бога и достойного людей. Обратимся к ним в молитве от сердца и попросим простить нас и благословить, чтобы и нам, еще на земле, или позже — когда душа будет отлучаться от тела — мирно отойти в Царство вечного покоя, живого, трепетного покоя торжествующей любви. Вспомним тех, которые прошли через нашу жизнь, ранили нас и были нами ранены; простим тем, кто ранил нашу душу, смял нашу жизнь, обесмыслил иногда самые светлые наши мысли и убил самые живые наши порывы. Простим и попросим их, которых уже вблизи нет, простить нас. Пусть Господь донесет до их сердец нашу мольбу миром, который только Он может дать, который мир не может ни дать, ни отнять; пусть Господь этим Божественным миром утешит и исцелит их души и наши души.

И оглянемся вокруг себя, и дадим друг другу прощение, и примем друг от друга прощение, с тем чтобы вступить теперь в этот путь от земли к Небу, от рабства в свободу, чтобы не идти нам с тяжелыми кандалами на руках и на ногах, а ступать легкой поступью за Христом, куда бы Он ни пошел: в пустыню ли на искушение, в народ ли для проявления любви проповедью истины и чудом Своей ласки. Пойдем, если нужно, и в страстной Гефсиманский сад, пройдем и дальше, когда придет время разлучения тела и души, в тайну смерти, не как побежденные, а как Христовы. Дай нам Господь всем теперь получить мир от Господа, мир от Матери Божией, мир от усопших, мир от живых, и это мы можем получить от них, если *мы* им дадим мир и любовь. Аминь.

Прощенное воскресенье

17 февраля 1980 г.

Почему это люди — все мы и множество других людей — приходят в Церковь, присоединяются к Церкви Христа? Не потому ли, что это место, куда все могут прийти с уверенностью, что они любимы, что они будут приняты как братья и сестры, как дети или как родители: с лаской, с благоговением, с заботливостью... Мы любимы Богом, и Церковь — это то место, где Бог нас встречает Своей любовью и лаской, Своей спасительной заботой; место, где никто не лишний, где каждый желанный, где нет чужих, где все, по слову Апостола, свои и Богу, и людям.

Приходят люди разные. Говоря образно, одни из нас приходят во всей силе, во всей славе духовной зрелости и здоровья; другие приходят, как дети, не затронутые, не запятнанные злом и грехом, только порой им раненые. Но приходят и люди, как, вероятно, большинство из нас, которые прошли через жизнь и которых эта жизнь ранила: слепые, которые больше не видят света Божия, сияющего, искрящегося на всем, сияющего на каждом человеке и из каждого человека; слепые, которым видимое закрыло зрение на невидимое, для которых мир стал узок и темен, как тюрьма, и которые в Церковь приходят потому, что в ней раскрывается простор, глубина, ширина, в ней есть свет, в ней есть жизнь. Приходят люди, которых жизнь изувечила, приходят люди, которые изветшали во внешнем мире, которые уже клонятся к земле, в которых как будто уже только теплится вечная жизнь.

И все мы встречаемся в Церкви, потому что каждый из нас услышал, что здесь есть жизнь, здесь есть надежда, здесь торжествует Божия любовь. Каждый из нас *любим*, и поэтому каждый из нас спасен: потому что любовь Божия крепче смерти, крепче греха, крепче зла. Любовь Божия — *жизнь* для нас; и каждый из нас услышал, что эта любовь Божия познана и людьми и что, хоть несовершенно, не всегда всем сердцем (потому что все мы — раненые, все мы — больные, все мы — увечные), однако и мы друг друга умеем любить, жалеть, терпеть, прощать. Мы пришли сюда потому, что услышали, что есть жизнь и что здесь бьет ключом источник жизни...

А сейчас мы идем по-новому к другой, более славной, более дивной цели. От Евангелистов, Апостолов, святых, от Церкви, друг от друга мы услышали, что близится день славы Божией, близится день Воскресения, близится день, у которого не будет

ночи... И все мы сейчас готовы вступить в корабль, который унесет нас к вечным берегам... Церковь сравнивается и в Писании, и в сочинениях Отцов, и в песнях церковных с кораблем, который нас уносит в вечность. На корабле будет тесно, будет множество нас; одни будут радовать всех своей невинностью и чистотой, другие — невинные, чистые — будут наше сердце ранить при виде того, что с ними сделал чужой грех, человеческая жестокость, безумие... Еще другие будут стоять, как великаны духа, вдохновляя нас на этом пути; это те святые, память которых мы будем совершать из недели в неделю по воскресным дням и каждый день; святые, которые нам показывают, как жить, раскрывают нам величие подвига, открывают нам, как мы можем раскрыться Божественной благодати и чем мы можем стать: *какая красота, какое величие может в нас просиять во славу Божию, во спасение ближнего, в радость вечную Ангелов...*

Иные же вступают на этот путь греховными, еще не очищенными, еще больными грехом, еще ранеными. С какой жалостью, с какой лаской, с каким трепетом должны мы к ним относиться!. А другие в этот корабль вступают уже обветшалыми, потерявшими как бы надежду на собственные силы, надеясь только на поддержку другого, на заботливость, на ласку, на жалость. О тех Апостол Павел сказал: Вы, сильные, несите немощи слабых. — И в другом месте: Друг друга тяготы носите, тяжесть взаимную несите, и так вы исполните закон Христов...

Все мы принадлежим к тому или другому разряду, и все мы нуждаемся друг во друге на этом пути. Сейчас от покаянных недель самоисследования, исповеди, самоосуждения и покаяния мы вступаем в недели, когда раскрывается перед нами сила Божия, когда Церковь перед нами разверзает пути Божии, когда нам видно, как действует Бог, как Его благодать может человека преобразить, сделать новой тварью... Какой ценой это совершается Богом? Крестом, ужасом Гефсиманского сада, распятием, Богооставленностью, сошествием во ад: вот мера Божественной любви и торжества Божия...

Примем друг друга лаской, любовью, все друг другу простим! Мы будем петь сегодня вечером воскресный канон: Возлюбим друг друга, речём друг другу "Братя" и всем простим все Воскресением... Потому что не простить — это остаться во тьме, когда мы стремимся к свету, не простить — это остаться рабом греха, когда мы ищем свободы, не простить — это сохранить вольной волей в себе семя смерти и жало смерти, когда мы ищем, желаем воскресения, молим о нем, стремимся к нему... *Простим же друг другу все, все, чем мы друг другу досадили, чем мы друг друга оскорбили, унизили, все, что мы сделали, совершили *безумно*, в помрачении ума, в безумии сердца, в нетрезвом колебании воли, в бунте плоти — *все* простим друг другу и начнем этот путь.*

Этот путь нелегок, на этом пути мы будем неверны своему желанию сердечному, своему собственному устремлению, не будем верны ни Богу, ни самому лучшему, что в нас есть; но вспомним слова Серафима Саровского, что важно начало и конец пути. Начало — это наше теперешнее покаяние, это наша открытость друг ко другу, это наша готовность быть друг другу своими, а не чужими, друг друга тяготы носить, любить друг друга ценой страдания, боли, креста; конец — это радость встречи Пасхи Господней, встречи Воскресения, вступления в Царство Божие, в вечность, в торжество и победу.

А на пути — будем друг друга поддерживать; те, кто крепче, поддерживать немощных, но все, все, все без остатка терпеть друг друга, нести друг друга, как носили, как поддерживали друг друга израильтяне, когда вышли из Египта в землю обетованную — когда стариков несли, больных поддерживали, раненых укрепляли, детей на руках несли, крепких призывали на помощь. Вот *так* будем идти из недели в неделю к Пасхе Христовой, и тогда с какой радостью мы сможем друг друга обнять, поцеловать не льстивым поцелуем Иуды, а радостным пасхальным поцелуем, и сказать, что воскрес Христос, что побеждена смерть, что ночь пришла к концу, что воссиял новый день, вечный уже теперь для нас. И какая будет радость этой встречи! Прольем кровь, примем дух, начнем жить во имя Христово и во имя друг друга; и пусть сила Божия, которая в

немощи совершается, сделает невозможное возможным и из нас, земных, сделает детей Царства Божия: **аминь**, да будет, да будет это в каждом, для каждого из нас, для всех нас!

И теперь я хочу просить всех — и вас, здесь присутствующих, и через вас — тех, которые не здесь, которых нет по немощи, по лени, по забывчивости, по старости, простить мне, что я, которому поручил Господь о вас заботиться день и ночь и молитвой, и любовью, и каждой силой души и тела, *так мало* это делаю, так неверен своему призванию! **Простите**, и через это откройте и мне путь к прощению Божию, и если сил хватит, если я сумею покаяться, очиститься, обновиться — и я послужу вам с верностью, к которой меня призвал Господь и которую я постоянно так греховно, так зло, так безответственно нарушаю... Простите меня, и простим друг друга, и откроем друг другу объятия сердца, назовем друг друга братьями и сестрами и вступим в этот путь к Воскресению, к новой жизни, когда мы станем живыми силой и жизнью Живого Бога. *Аминь* еще раз. Да будет, да будет! Аминь!

Прощенное воскресенье

1986 г.

Из "земли чуждой" мы сейчас пускаемся в путь в страну славы, на встречу с Живым Богом как дети Его Царства. И этот храм наш сейчас являет нам образно картину нашего положения: мы стоим в полумраке и видим Святое Святых Бога, Его собственную область, алтарь, залитый светом Славы. Мы знаем, что Христос принес свет в мир, что Он — Свет, а мы — дети Света. И вот теперь мы устремляемся из тьмы в полумрак, и из полумрака — в блистающую славу нетварного Божественного Света.

Во всяком путешествии, когда мы только что покинули обжитое место, мы еще полны прежних привычных чувств, воспоминаний, впечатлений; а потом они постепенно бледнеют, пока в нас не останется ничего, кроме устремленности к цели нашего пути.

Вот почему на первой неделе Поста читается покаянный канон святого Андрея Критского: в последний раз мы задумываемся о себе; в последний раз мы отрясаем пыль со своих ног; в последний раз мы вспоминаем о неправде прежних лет.

И прежде чем приступить к Торжеству Православия, когда мы вспоминаем, что Бог победил, что Он пришел и принес правду в мир, принес жизнь, и жизнь с преизбытком, и радость, и любовь, мы в последний раз обращаемся на самих себя и к другим, чтобы испросить друг у друга прощение: освободи меня от уз, которые сплетены моим недостойнством и которые сковывают меня; от уз, которые сплетены из греховных дел и из греховного небрежения, того, что мы сделали другим, и того, чего мы не сделали и что могло бы принести столько радости, столько надежды и явить, что мы достойны Божией веры в нас.

Поэтому в течение наступающей недели оглянемся на себя в последний раз, взглянем друг на друга и примиримся. Мир, примирение не означают, что проблем не стало: Христос пришел в мир, чтобы примирить его с Собою, и в Себе — с Богом; и мы знаем, какой ценой Он за это заплатил. Беспомощным, уязвимым, беззащитным Он отдал Себя нам, говоря: *Делайте со Мной что захотите*; и когда вы совершите *последнее* зло — узрите, что *Моя* любовь не поколебалась; она была радостью, и она была пронзающей болью, но это всегда только любовь...

Это пример, которому мы можем, которому мы должны следовать, если хотим быть Христовыми. Прощение наступает в момент, когда мы говорим друг другу: *Я знаю, как ты хрупок, как глубоко ты ранишь меня, и потому, что я ранен, потому, что я жертва — иногда виновная, а иногда безвинная — я могу, из глубины боли и страдания, стыда, а подчас и отчаяния, повернуться к Богу и сказать: Господи, прости!* Он, она не знает, что делает! Если бы только он знал, как ранят его слова, если бы она только знала, сколько разрушения она вносит в мою жизнь, они не сделали бы этого. Но он слеп, он не созрел, он хрупок; и я *принимаю его*, я понесу его или ее, как добрый пастырь несет погибшую овцу; потому что все мы — погибшие овцы стада Христова. Или же я понесу его, ее, их,

как Христос нес крест: до смерти включительно, до любви распятой, когда нам дана *вся* власть простить, потому что мы согласились простить *все*, что бы с нами ни сделали.

И вот вступим в Пост, как идут из густой тьмы в рассеивающийся полумрак, из полумрака в свет, с радостью и светом в сердце, отрясая прах земли с ног, сбрасывая все путы, держащие нас в плену: в плену у жадности, в плену у зависти, страха, ненависти, ревности, в плену взаимного непонимания, сосредоточенности на себе — потому что мы живем пленниками самих себя, тогда как мы призваны Богом быть свободными.

И тогда мы увидим, что шаг за шагом мы движемся как бы через необъятное море, прочь от берегов мглы и сумрака к Божественному свету. На пути мы встретим Распятие; и в конце пути придет день, и мы будем предстоять перед Божественной любовью в ее трагическом совершенстве, прежде чем она настигнет нас неизреченной славой и радостью. Сначала — Страсти, сначала — Крест, а потом чудо Воскресения. Мы должны войти и в то, и в другое: войти в страсти Христовы вместе с Ним, и вместе с Ним войти в великий покой и ослепительный свет Воскресения.

Себе я прошу у вас прощения за все, что я должен был сделать и не сделал, за то, как я нескладно делаю вещи, и за многие, многие вещи, которые следует сделать и которые остаются неделанными.

Но давайте поддерживать друг друга на этом пути взаимным прощением, любовью и помнить, что на трудном пути, в момент кризиса очень часто нам протягивает руку человек, от которого мы не ожидали ничего доброго, которого мы считали чужим или даже врагом: случается, что он увидит нашу нужду и отзовется на нее. Давайте поэтому раскроем свои сердца и глаза и будем готовы увидеть и отозваться.

Подойдем теперь сначала к иконе Христа, нашего Бога и нашего Спасителя, Который дорогой ценой заплатил за власть простить; и обратимся к Матери Божией, Которая отдала Своего Единородного Сына за наше спасение; если Она простит — *кто* нам откажет в прощении? А затем обратимся друг ко другу.

А пока мы подходим, мы будем слышать уже не покаянное пение, но как бы настигающую нас еще издали песнь Воскресения, которая станет громче на полпути, когда придет время поклонения Кресту, а потом заполнит весь этот храм — и весь мир! — в ночь, когда воскрес Христос, одержав победу. Аминь.

2. Великий Пост

О посте и причащении

30 ноября 1986 г.

В эти дни Рождественского Поста, которые приведут нас к торжеству Воплощения Господня, Церковь, словами Самого Христа, сурово и ясно нас предостерегает. В сегодняшней притче о безумном богаче Христос говорит о переполненных амбарах материальных благ; но мы все богаты очень по-разному, и не обязательно в первую очередь материально. Как мы твердо полагаемся на взаимоотношения наши с Богом, какую надежную опору находим в евангельских словах — словах Самого Христа, в учении Апостолов, в нашей православной вере! И чем дольше мы живем, тем больше накапливаем мыслей, знания, и сами сердца наши становятся богаче и богаче чувствами в ответ на красоту Божьего слова.

Но спасает нас не это: спасает нас сила Божия, благодать Божия, которая постепенно учит нас и может очистить и преобразить нас. Но, хотя Бог подает нам Свою благодать неограниченно, мы-то оказываемся способны принять дары Божии лишь в очень малой мере. Мы почти неспособны распахнуть благодати свое сердце; решимость воли изменяет нам; у нас не хватает смелости идти тем путем, который мы сами избрали потому, что он так прекрасен и животворен.

Апостол Павел дает нам образ: мы подобны чахнувшим веточкам, привитым, рана к ране, на животворящее древо, которое есть Христос. Да, мы привиты — но сколько живительных соков сможет проникнуть в сосуды веточки? Сколько жизни будет дано и

принято? Это зависит от того, насколько раскрыты сосуды веточки и сколько соков сможет течь в них свободно, — а это зависит от нас.

Сейчас наступает время поста и собранности, которое приведет нас и поставит лицом к лицу перед Богом, пришедшим во плоти, чтобы спасти нас. Но Его приход также и суд, потому что нельзя встретить Бога и не оказаться перед судом. И вот найдется ли в нас что-либо общее, роднящее нас с Сыном Божиим, Который по жертвенной, распинающейся любви отдает Себя в наши руки? Или придется нам встать перед Ним и сказать: Я получил Твои дары, но не принес плода — как человек из притчи, который получил талант и схоронил, закопав в землю? Будем ли мы, как приглашенные на брачный пир царского сына, которые отказались прийти: один — потому что купил поле; он хотел стать землевладельцем, но земля поработила его; или другой, у которого было дело на земле, и ему некогда было отвлечься от своих занятий ради Бога, ради того, чтобы побыть с Ним; или как тот, который нашел себе жену по сердцу, и в его сердце не оказалось места, чтобы разделить радость царственного жениха.

Притча эта будет читаться в конце Рождественского поста, перед самым приходом Спасителя, и как мы к ней подготовимся? Будем копить дальше и дальше, не принося плода?

Пост не означает, что нужно еще настойчивее, чем обычно, попрошайничать у Бога; пост не означает, что нужно приходить к Причастию чаще обычного. Пост — это время, когда мы должны *встать* перед лицом суда Божия, вслушаться в голос своей совести — и *воздержаться* от Причастия, если мы не можем приобщиться достойно. А приобщиться достойно означает, что перед каждым Причащением мы должны примириться с теми, с кем мы в раздоре; мы должны остановиться на помышлениях нашего ума и сердца, обличающих нас в измене Богу и в неверности людям — и сделать что-то в этом направлении; мы должны примириться с Богом Живым, дабы не оказалось, что Он умирал за нас напрасно. Поэтому задача наша сейчас состоит в том, чтобы глубоко задуматься о себе самих, подвергнуть себя беспощадному, строгому суду и подойти к Приобщению через исповедь, через покаяние, через тщательное испытание собственной жизни, так, чтобы не оказаться осужденными, приступив небрежно к Святой Трапезе.

А это предполагает несколько простых, но необходимых вещей: *нельзя* приступать к Причастию, если ты опоздал к началу литургии; *нельзя* приступать к Причастию, не приготовив себя в течение предшествующей недели молитвой, испытанием совести, Правилем перед Причащением. Если Правило слишком длинно, чтобы прочитать его в субботу вечером после всенощной, молитвы его можно распределить на всю неделю, присоединяя их к правилу вечерних и утренних молитв. Во всяком случае, дисциплина, которая требуется от нас *всегда*, должна быть в эти дни еще неукоснительнее. И Православная Церковь учит, что желающие приступать к Причастию должны присутствовать на всенощной в субботу вечером так, чтобы подготовиться к встрече с Господом в день Его Воскресения.

Все это — не просто формальные, дисциплинарные "правила"; это призывы, которые ведут нас за руку в глубины духовной жизни, к более достойной — или хотя бы менее недостойной — встрече Господа.

Вступим поэтому сейчас в Рождественский Пост и подготовим себя строгой дисциплиной ума, внимательно испытывая движения сердца: как мы относимся к другим, к себе, к Богу, как мы учимся у Церкви молитве, поклонению и послушанию Божиим заповедям?

И отнесемся также более внимательно, чем мы это делаем обычно, к соблюдению физических правил поста. Они рассчитаны на то, чтобы помочь нам стряхнуть расслабленность и потворство своим слабостям, пробудить в нас чуткость и бодрость, не дать нам закостенеть в нашей приземленности, которая мешает нам воспарить к Богу.

Соблюдайте эти правила, готовьтесь внимательно на протяжении всего Рождественского Поста, ожидая пришествия Господня, но не пассивно, а в том состоянии

собранного бодрствования, с которым часовой на страже ожидает прибытия своей Царицы или Царя. Будем помнить, что находиться в присутствии Божиим — величайшая честь, самое святое, что с нами может случиться; это не "право" наше, а величайшая честь, которую Бог нам оказывает, и будем держать себя соответственно! Аминь.

О причащении

20 марта 1988 г.

Когда Моисей сошел с Горы Синайской после видения — не Самого Бога, но славы Божией, — лицо его так сияло, что никто не мог вынести этого света, и он должен был положить на лицо свое покрывало, чтобы люди могли стоять перед ним и услышать весть, принесенную им от Бога.

Не так разительно, конечно, но это случается и с нами, когда большая радость переполняет наше сердце, когда нам дано предстоять чему-то, что захватило наш дух изумлением, несказанным ликованием, что заставило нас преклониться в трепетном благоговении. Это может произойти от встречи — когда кто-то открыл нам реальность любви, дал нам знать Бога так, как никогда раньше нам не было ведомо. Это может случиться от встречи с Богом в тишине, в безмолвии природы. Это может случиться самыми разными путями — но кто бы ни встретил нас после этого, всем ясно: мы увидели что-то глазами сердца, нас пронзил какой-то свет, и этот свет теперь можно увидеть в наших глазах, на нашем лице.

Каким же образом происходит, что раз за разом мы причащаемся — некоторые из нас дерзновенно из недели в неделю, другие с большим страхом Божиим, реже — и однако никто из окружающих нас не видит этого Божественного сияния на нашем лице, в наших глазах? Как происходит, что эта слава Божия не излучается из каждого нашего слова, из глубокого безмолвия души, не явлена красотой каждого нашего действия, когда каждое наше движение достойно Самого Бога?

И еще: каким это образом, причащаясь на протяжении стольких лет, мы едва ли отдаем себе отчет, что с нами совершается что-то неизъяснимо великое? Вспомните слова святого Симеона Нового Богослова, уже в старости его: в воскресенье он причастился Святых Таин и вернулся к себе в келью, в глиняную хижину, где ничего не было, кроме деревянной скамьи; и, сидя там, глядя на свои руки, на все свое тело, он воскликнул: Как таинственно-дивно это тело: оно вмещает Самого Живого Бога! Бог пришел в мир, чтобы излить в нашу человеческую природу Свое Божество, и, принимая Хлеб и Вино, я приобщаюсь и Его святому человечеству и Его Божеству. И теперь эти руки и это тело, старческие и дряхлые, — руки и тело Воплощенного Бога! И эта хижина, такая малая и такая убогая, — шире небес, потому что весь Бог пребывает в ней через мое присутствие!.

Случалось ли кому-нибудь из нас уловить нечто от этого, чтобы хоть *понять* это переживание? Пережить то, что он переживал, может оказаться слишком много для нас, — но хотя бы понять, о чем он говорит? Прикоснулись ли мы когда-либо хоть края этой тайны? И если нет, то почему, *почему*?

Не потому ли, что идти к Причастию можно по-разному? Одни идут "в порядке вещей": потому что сегодня праздник, потому что воскресенье; или считая, что слова, сказанные Апостолам: "Примите, ядите, пейте от нея вси", относятся без разбора ко всякому из нас, спокойно живущих в комфорте худосочного, обескровленного нами христианства...

Иные же причащаются, *изголодавшись* по Боге, переживая *безутешно* свою оторванность от Него, не в силах дотянуться, не в силах воспарить к Богу; и тогда, коленопреклоненные духом, в вещественных Дарах Хлеба и Вина, претворенных Им в Его воскресшее Тело, они принимают от Бога то, чего нам не достичь иначе: Бога, нисходящего к нам, изливающего Себя в нас в ответ на наш отчаянный голод, на крик нашей души и тела, на *вопл*ь всей нашей жизни, на наш осиротелый плач в мире, где не найти, не встретить Бога.

Еще иначе приступали к Причастию святые — с трепетом, со священным страхом: "Приобщение Телу и Крови огонь есть, — говорит одна из молитв перед причащением, — о, да не буду я сожжен!" Понятно ли нам это? Подходим ли мы, зная, что приступаем к Богу, Который есть Огонь опаляющий? Можем ли сказать вместе с пророком Исаией, а за ним — с Павлом, что "страшно есть впасть в руки Бога Живого"?

В чем же дело, почему мы приходим причащаться снова и снова — и *ничего* не знаем о переживании Симеона, ничего не знаем о неутолимом голоде и о дивной этой встрече?

По нашей тяжеловесности, по нашей слепоте, по нашей нечуткости происходит это. Вспоминаются слова русского святого, Пафнутия Боровского; он жил отшельником, и однажды его позвали совершить литургию, потому что не оказалось священника в монастыре; и после литургии он сказал братии: *Никогда* больше не зовите меня совершать литургию, даже в самой острой нужде! Видеть, что я видел, пережить, что я пережил, можно только раз; в другой раз я умру от этого!. Знаем ли мы, *что* это такое? Подозреваем ли мы, что это бывает, что такое может случиться? Нам надо внимательнее думать о том, что мы делаем! Бог *принимает* нас, но какой ценой для Себя? Святой Серафим Саровский говорил одному из своих близких: Когда ты молишься, когда ты приступаешь к Богу, то Бог во Христе выполняет твою молитву; но не проси о пустяках, помня, какой ценой Он подает тебе просимое: воплощение, жизнь земная, страсти, распятие, сошествие во ад — вот цена, какую Он заплатил, чтобы мы могли к Нему обращаться! Поэтому с каким трепетом, с каким благоговением и чувством ответственности мы должны бы приступать к Нему!

Но тогда как случается, что, прикасаясь к Огню, мы не сожжены в пепел? И вот еще одна мысль, которая всегда наполняет меня ужасом: тот же Симеон Новый Богослов говорит, что Бог не допускает, чтобы Его святое Тело и священная Кровь растлевались, осквернялись нами и из-за нас; и если мы приступаем беспечно, греховно, недостойно — Он отступает из частицы освященного Хлеба и капли святого Вина, которые мы принимаем, так, чтобы мы не были сожжены, не были уничтожены и не стали вместе с Его убийцами ответственны за излитую Им Кровь и распятое Тело. Но как страшно подумать, что по нашему недостойнству это может случиться!

Будем же помнить эти предостережения, которые мы слышим и от святых, и от обратившихся грешников, и ставить перед собой вопрос: *как я* приступаю к Причастию? В отчаянной ли нужде — или беспечной самоуверенности? С сердцем сокрушенным, потому что мне Бог нужен больше, чем нужна жизнь или что иное, — или "по-дешевому": потому что я числюсь членом Его Церкви, даже если и не являюсь живым членом Его Тела?

Задумаемся над этим и, как говорит Апостол Павел, станем судить себя, чтобы не быть судимыми — и осужденными! Аминь.

К причастию

18 сентября 1988 г.

Каждый раз, когда мы приступаем к Причастию, мы говорим Господу, что приходим к Нему как к Спасителю грешников, и говорим тоже, что считаем себя величайшими из всех грешников. Сколько правды в том, что мы говорим? И как вообще мы можем сказать это о себе? Правда ли это? Можем ли мы *действительно* сказать, что — да, мы на самом деле считаем себя самыми грешными из людей? Иоанн Кронштадтский говорит об этом нечто в своих "Записках", что мне кажется очень важным: он говорит, что, ставя перед собой этот самый вопрос, он может ответить на него со всей честностью; потому что, говорит он, если бы другому кому было дано столько любви, столько благодати, столько Божественного Откровения, сколько получил он, то они *принесли* бы плоды, которых он не оказался способным принести.

Таким же образом и мы можем испытывать себя, когда приступаем к Причастию и произносим эти слова: повторяем ли мы их просто потому, что они напечатаны в книжке?

Или же мы действительно сознаем — но что сознаем? Что мы грешники? Да, мы все более или менее чуем, переживаем, что мы грешны; но сознаем ли мы, *сколько* нам дано от Бога и *как мало* плодов мы принесли?

И вот только если мы со всей остротой и ясностью видим контраст между *всем*, что было возможно, — *всем*, что еще и *сейчас* возможно! — и тем, что есть, мы можем честно произнести такие слова.

Задумаемся над этими словами, потому что Богу в молитве мы не можем говорить вежливых слов, слов пустой благовоспитанности. То, что мы Ему говорим, должно быть правдой, и каждая наша молитва должна быть пробным камнем правдивости и нашей совести, и нашей жизни.

Будем жить с этими мыслями до следующего Причастия так, чтобы когда-нибудь, может быть, еще не при следующем Причащении, но после *долгой* жизни искания, молитвы, самоиспытания и самоосуждения мы со всей правдой сможем сказать: "Боже, о Боже! Сколько Ты дал мне, и как мало плода я принес, я принесла! Если кому-то другому было бы столько дано, то он, она были бы уже святыми Божьими!" Аминь.

Торжество Православия

1-е Воскресенье Великого Поста — 2 марта 1969 г.

Мы празднуем сегодня день Торжества Православия; о каком торжестве идет речь? Когда мы сейчас озираемся вокруг, когда смотрим в глубины родного нам, дорогого Православия, — сколько мы видим побежденности, удручения, как мало, казалось бы, причин торжествовать.

Но мы не торжествуем только, или, вернее, мы вовсе не торжествуем о видимой славе Православия; торжество Православия мы видим в двух вещах. Во-первых, в том, что православные люди, рассеянные по лицу земли или собранные в плотные народные общины, несмотря на гонения, несмотря на громадные трудности, сохранили в чистоте свою веру, сохранили благоговейно свое богослужение, сохранили путь духовный, который нам завещан Христом в Евангелии и Отцами Церкви в течение всех веков нашей церковной жизни. Мы можем ликовать об этом; мы можем благоговеть перед людьми, которые в течение всех тысячелетий устояли в вере чистого исповедания, в духовности подлинно евангельской, и сохранили нам наше драгоценное, глубокое, поучительное богослужение.

Но мы знаем, что как бы ни хотел человек быть верным, сколько бы ни напрягал он свои силы, он бывает легко побеждаем, если не Сам Господь даст ему силу, если не благодать Божия будет сражаться за него. И, в конечном итоге, торжество Православия, о котором ликует наше сердце, потому что оно и на будущее исполняет нас надежды, это победа Божия в немощи человеческой, над нами и в нас, среди нас, в течение уже прошедших тысячелетий. Торжество Православия — это день, когда мы ликуем, что Бог остался непобежденным человеческим грехом, грехом ума, холодностью и неустойчивостью сердца, колебаниями воли, грехами плоти. Бог остался непобедим в Церкви Христовой, Бог остался непобедим в отдельных, конкретных личностях — в этом великая наша радость.

Но Торжество Православия было учреждено по более частному случаю: после Седьмого Вселенского Собора, когда Православием была окончательно одержана победа над иконоборчеством, было установлено это празднество. О чем оно говорит?

О том, что Церковь отстояла право, отстояла и долг наш поклоняться иконам Христа, Божией Матери и святых. Она этим отстояла и истину Боговоплощения, истину, что Бог Себя являет, Себя открывает образно; может быть, несовершенно, но Он открывается нам в тех образах, которые мы о Нем составляем. Эти образы — не только иконы; это также словесные иконы, как говорит о них Андрей Критский, — в догматах Церкви, в учении Отцов, в наставлении, которое мы получаем. И, в конечном итоге, опять-таки образно, открывается нам Бог в людях, потому что каждый из нас носит в себе образ Живого Бога.

Литургия святого Василия Великого говорит о Христе, что Он — печать равнообразная, открывающая нам в Себе Отца. Он — образ совершенный, Он есть Истина, Он есть совершенный Бог, так же как и совершенный Человек. Но и в нас пребывает сияние и печать этого образа. И ликуя сегодня о Торжестве Православия, мы радуемся, что воплощением Сына Божия Бог открывается нам плотью во Христе; ликуем, что наш тварный мир таков, что полнота Божества может обитать среди нас телесно, что через это Бог может стать выразимым образно и что, вглядываясь в иконы, и прежде всего — в живые иконы, каковыми являются люди, если мы только умеем отстранить человеческую немощь, затемняющую наше зрение, зрячими глазами, как бы прозрачно, видеть через человеческую немощь пребывающий образ Божий, мы можем поклоняться Живому Богу среди людей, в людях. Не напрасно Отцы Церкви говорили: Кто видел брата своего, тот видел Бога Своего...

Будем поэтому хранить благоговейное отношение друг ко другу, потому что мы — явление, образ, икона; будем благоговейно хранить нашу веру в догмат о почитании святых икон, который выражает безусловную веру, что Бог стал Человеком. И будем ликовать о том, что из поколения в поколение Бог побеждает в нашей немощи, побеждает и покоряет нас Себе, и будем отдаваться Богу, чтобы эта победа была совершенна, чтобы Он победил до конца — не только в прошлые века, но ныне, в нас, и чтобы сияние Его славы было явлено миру, который лежит в скорби и искании. Аминь.

Святитель Григорий Палама

2-е Воскресенье Великого Поста — 1967 г.

В течение теперь уже истекших подготовительных недель к Великому Посту словами Христа, образами евангельскими Церковь призывала нас глубоко взглянуть в нашу собственную душу и в нашу жизнь: что нужно в ней изменить, в чем нужно покаяться.

Теперь наступила новая пора: время Великого Поста. В течение наступающих и сегодня уже наступившей недели мы будем слышать не о себе самих, а о том, что благодать Божия совершила над людьми, которые сумели покаяться, которые сумели обратиться всей мыслью, всей душой, всем порывом души к Богу, — *что* над ними совершил Господь! Один за другим будут проходить образы святых...

Но сегодня, почти на грани этих двух времен — подготовительных недель и Поста — стоит образ святителя Григория Паламы. И то, что он говорит нам, — такое важное, такое значительное, что на этом надо остановиться, потому что *только* из того, что он говорит нам, мы можем понять ту славу, то величие, ту действительно Божественную красоту, которую мы видим во святых.

Сердцевина учения святителя Григория Паламы заключается в том, что благодать не есть какой-то тварный дар, который Бог нам дает, вместе с тем оставаясь Сам *иным* по отношению к этому дару. На основании опыта всей Православной Церкви, ее святых, ее подвижников и, особенно, тех афонских святых и подвижников, среди которых он жил, он учил, что благодать — это Сам Бог, как бы приобщающий нас Своей Божественной природе, делая нас через это приобщение богами по приобщенности.

Думая, что благодать является только даром Божиим, но не Самим Богом, Который Себя нам отдает, западные богословы утверждали как бы *непроходимость* пропасти между Богом и человеком, творением и Творцом. Как бы ни были драгоценны Божественные дары, они остаются тварными, и они нас с Богом не могут соединить иначе как любовью и благодарностью. Но нет! Опыт *Церкви* нам говорит, что благодать — это Сам Бог, Себя нам отдающий, и что, принимая благодать, мы делаемся, по приобщению, участниками Божественной природы...

Когда будут теперь проходить перед нами образы святых, будем помнить, что они — не только люди, которые были озарены умом, очищены в сердце, а что это люди, которые приняли Бога в себя, как железо может быть пронизано огнем, и которые стали уже на земле видением того, к чему призвана вся тварь, когда Бог будет всем во всех.

Будем поэтому радоваться величию нашего призвания, будем радоваться о том, что мы призваны *поистине* приобщиться Богу, но будем также помнить, что случиться это может, если мы совершим подвиг веры, останемся Богу верными, станем подвижниками, по образу древних подвижников, которые сумели отдать кровь и принять Дух. Да даст нам Господь и вдохновение, и силы, и желание — и даст Он нам и плоды. Аминь.

Исцеление расслабленного

Евангелие 2-го Воскресенья Великого Поста — (Мк. 2:1-12) — 21 марта 1965 г.

Сегодняшний евангельский рассказ об исцелении расслабленного по вере его четырех друзей вызывает у многих недоумение: почему одни веруют, а другой исцеляется? Почему вера одних спасает другого, который во всем этом событии как будто бездейственен, пассивен?

Не одна только вера участвовала в этом деле исцеления и спасения человека. Да, эти люди обратились ко Христу, потому что они веровали; но *принесли* они этого человека ко Христу, потому что любили его и жалели: вот та связь, которая делает чудо возможным, та связь, которая делает веру одних достоянием другого.

Кто он был — мы не знаем, но мы знаем ясно, воочию видим, что его друзья любили его, что он был им дорог; а где любовь, где готовность со стороны одних людей принести какую-то жертву труда и усилия, заботы о другом, там уже начинается Царство Божие, там уже подымается заря не вечернего света...

И вот по любви к другу эти люди принесли его туда, где был Христос; их не остановила ни толпа, ни невозможность пробраться ко Христу: они подняли носилки на крышу, разобрали легкую восточную кровлю — навес, скорее, над внутренним двором — и опустили своего друга к ногам Спасителя.

В этом мы видим не только образ любви, но образ той веры, к которой мы все призваны. Часто мы друг ко другу обращаемся с просьбой: "Помолись обо мне", — и нам кажется иногда, что так легко помолиться: встал перед Господом и вспомнил чужую нужду и попросил Спасителя и Бога что-то сделать.

Здесь же мы видим что-то большее: эти люди своей убежденностью и верой стали заступниками за друга: но это заступление было не просто просьбой, это не были слова, это было дело. И мы должны помнить, что, когда человек просит молитвы, он просит, чтобы мы встали между Богом и ним, стали его печальниками и заступниками, и что это нас обязывает к гораздо большему, чем просто слово.

Есть в книге Иова, в 9-й главе, место, где Иов взывает: Где же тот, кто станет между мной и моим Судьей, чтобы положить руку свою на Его плечо и на мое плечо: ГДЕ тот?. Тогда Иов тягася с Богом Самим. Где тот, кто посмеет в этом борении встать между ними, готовый вместе с человеком понести ответственность за любовь свою, за свою солидарность с ним? Где тот, который перед лицом человека, пылающего недоумением и гневом против Бога, встанет и согласится быть, вместе с Богом, предметом этого гнева, этого недоумения? Где он?.

Иов не видел Его воочию. Он Его ждал сердцем и верой; но мы Его poznали: это *Христос*, Тот, Который есть Человек и есть Бог; Человек, Который взял на Себя всю тяготу человечества и вместе с ним предстал перед Богом, взяв на Свои плечи всю ответственность перед Ним за человеческое отпадение, за человеческое падение, за грех каждого. И это также — Бог, Который вошел в мир, бывший в недоумении, во гневе против Бога; Он вошел в этот мир и принял на Себя ненависть мира против своего Бога, и умер на кресте от этой ненависти.

Да — и Бог, и Человек: Бог — Он как равный кладет Свою руку на плечо Отчее и влечет Его к примирению. Человек — Он кладет Свою руку на плечо раба и приводит его в Отчий дом как брата.

Это — наше призвание; но это значит, что, когда мы заступаемся молитвенно за человека, мы должны быть готовы стать образом Христовым и понести то, что Христово

заступление повлекло за собой для него. Тогда наша вера будет соединяющей силой, потому что она будет покоиться на той любви, которая делает человека способным забыть себя до конца ради того, кто ему дорог.

Вот о чем говорит нам сегодняшний рассказ: полюбили и потрудились; уверовали — и открыли путь в Царство Божие. И это каждому из нас открыто и возможно. Больше того: если мы — Христовы, то каждый из нас обязан это делать, потому что мы, христиане, призваны быть через века и столетия, по лицу всея земли, живым и действенным присутствием Самого Христа Спасителя. Мы — Тело Его, мы — присутствие Его; не посрамям же своего имени, и не посрамям человечества своего и божественного своего призвания. Аминь.

Воскресенье Крестопоклонное

3-е Воскресенье Великого Поста — 28 марта 1976 г.

Тем, кто хочет за Ним следовать, Христос дает одну совершенно ясную заповедь в сегодняшнем Евангелии: Если кто хочет за Мной идти, пусть отвернется от себя, отвернется от себя, пройдет мимо себя, возьмет свой крест и следует за Мной...

Но отвратиться от себя, от себя отвернуться, отвлечь от себя самого внимание можно только, если приковать это внимание к чему-то или кому-то другому. *Просто* отвести глаза и не глядеть никуда, просто оторвать сердце и ни на что его не направить — нельзя. Как же исполнить эту заповедь Спасителя?

Мне кажется, что мы могли бы начать с чего-то очень простого и доступного каждому из нас. Что, если бы мы слышали Христов голос, говорящий нам — как Он говорит в евангельских рассказах много раз. Без Тебя — ничего не могу сделать: будь моими глазами, видящими ближнего; будь моим слухом, воспринимающим его зов, мольбу, крик; будь моими ногами, спешащими к нему на помощь; будь руками моими, дающими ему то, что нужно...

Если мы так услышали бы Христа, то мы знали бы, что делать; мы знали бы, что мы можем одновременно быть самими собой, в глубоком, осмысленном значении этого слова, и вместе с этим не сосредоточивать свое внимание на себе самих. Мы могли бы тогда вместе со Христом посмотреть вокруг себя и поставить себе вопрос: Кому нужен Христос? Кому нужна Его любовь? Кому нужна Его забота? Кому нужна Его чистота и правда? Кому нужен Его свет?.

Мы могли бы тогда прислушаться к жизни и попробовать услышать не тот громкий гомон земной, который нас глушит, а те голоса, которые поднимаются в мольбе, в тоске, в радости, и отозваться на них. Мы могли бы спешить к Богу и к людям одновременно; и тогда мы были бы и с Ним, нося Его Крест, — потому что Его Крест — это Его любовь, готовая всем пожертвовать ради нас, — и могли бы следовать за Ним и в то же время забыть о себе, будучи поглощенными заботой о других: заботой не только нашей, а Христовой...

Подумаем над этим и услышим Христа, говорящего нам: Будь Мной среди народа Моего, — и тогда легко будет, может быть, хоть на мгновение о себе забыть и вспомнить о ближнем вместе с Богом. Аминь.

Преподобный Иоанн Лествичник

Мы сегодня совершаем память святого Иоанна Лествичника: святой Иоанн Лествичник так назван потому, что он оставил духовное руководство — "Лествицу" восхождения от земли на Небо, из глубин греха до вершин любви Божией и соединения с Ним.

И вот на первой ступени этого восхождения святой Иоанн нам говорит: Не за то, братья, будем мы осуждены на вечном суде, что не совершали мы чудес, что не богословствовали, но за то будем осуждены, что не плакали о грехах своих...

Вот где начинается наше спасение или завязывается узел нашей гибели. Мы обо многом плачем: плачем об утратах своих, плачем об оскорблениях, которые нам наносят люди, плачем мы о болезни, плачем о различном, многообразном горе, которое встречается нам в течение жизни; и мы не видим, что болезнь, и горе, и страдание, и утрата — все они могут быть чисты и могут быть звеном, которое соединяет нас и с Богом, и с людьми.

Но одно мы забываем: забываем, что есть грех в нашей жизни, делаемся к нему нечуткими, забываем его легко, скорбим о нем мало. А вместе с тем, это — *единственное* несчастье человеческой жизни. Все остальное может быть чисто — грех темен; грех оскверняет, грех убивает человека, и не только его одного, даже не только его сообщников во грехе — убивает он человеческие и божеские отношения... Какой бы мы ни совершили грех, первое, чего мы ищем, чего мы хотим, это закрыться от Бога: Как бы Бог этого не знал! Как бы Он этого не приметил, как бы Он это забыл!

И когда мы говорим: "Как бы Он это простил", мы так часто говорим это не из глубины раздирающей душу скорби о том, что мы разорвали отношения любви и веры, и дружбы, а потому, что случилось что-то, от чего нам *страшно* делается, от чего холодеет душа, потому что, когда мы станем перед Богом, нам будет стыдно и боязно...

И грех нас отделяет от людей. О своем горе, об утрате, о несчастье можно сказать, можно поделиться ими с ближним, можно получить от ближнего поддержку, можно силу получить от взаимного доверия, от того, что мы делим друг со другом этот ужас земли. Но грех нас от человека отделяет; он отделяет нас от тех, перед которыми было бы стыдно; он отделяет нас от тех, которые были сообщниками наших грехов, потому что они нам — живое и мучительное напоминание; и потому что мы знаем, что мы не только за себя, но друг за друга ответим на неумолимом суде правды и любви Господней.

И вот грех убивает все в жизни — и меньше всего мы ощущаем его как смерть. Плачем мы обо всем, сетуем обо всем, горюем обо всем, кроме как о том, что заживо умираем, что постепенно вокруг нас образуется *непроходимое* кольцо отчужденности и от грешника, и от праведника, и от Бога, что это кольцо не может разомкнуться даже любовью других, потому что нам тем более стыдно и страшно, чем больше нас любят... Вот почему в самую основу нашего спасения, нашего покаяния Иоанн Лествичник ставит призыв к тому, чтобы мы плакали о своих грехах.

Почему плакали? Мы знаем из своего опыта, что только тогда мы можем *заплакать*, когда горе, или радость, или стыд, или ужас пронзят душу, как копье, что только когда доходит наше страдание до предела, вырываются из нас слезы... До этого бывает раскаяние — и с этого надо начать: ужаснуться о том, что мы могли так поступить, что мы могли такими быть; а затем придет и покаяние, то есть тот решительный, беспощадный к себе оборот души, который ставит нас лицом к лицу перед Богом, повергает нас к Его ногам, учит нас просить исцеления, очищения, милости, прощения — и не себе только, но и жертвам нашей греховности.

И потом, когда сознание наше доходит до такой остроты и глубины, что нам уже *невыносима* отчужденность от Бога, сознание совершенного нами духовного преступления убийства себя и другого — только тогда могут из наших глаз вырваться очищающие слезы. Пока мы не умеем плакать о своих грехах, мы можем с уверенностью сказать, что мы их еще не осознали, что мы еще нечутки, что мы еще холодны, что мы еще во грехе.

И вот грех убивает; он убивает нашу душу, делая ее нечуткой и черствой, он убивает отношения наши с Богом и с людьми; он убивает совесть нашу и жизнь в других, он убивает Христа на Кресте... На прошлой неделе мы поклонялись Кресту, через малое время мы будем созерцать страсти Господни — вот что делает грех: он убивает. И *всегда* невинного, всегда в жертву себе берет того, кто не заслужил этого страдания, этого унижения, этой боли...

Подумайте, каждый, о своей жизни, о *каждом* грехе, вдумайтесь строго и беспощадно; и принесите Богу сначала раскаяние, потом — истинное, все растущее покаяние, пока не *прорвется* из сердца поток слез и мы не сможем сказать: "Каюсь, Господи, *поистине!*" — и в этих слезах не омоемся от грехов своих. Аминь.

Преподобный Иоанн Лествичник

9 апреля 1989 г.

Пост — время покаяния, время, когда наши окаменевшие сердца должны силой Божией превратиться в сердца плотные, из бесчувственных стать чуткими, из холодных и жестких стать теплыми и открытыми для других и для Самого Бога.

Пост — это время обновления, когда, как весной, все опять становится новым; когда наша жизнь, постепенно сошедшая на нет, едва мерцающая, снова оживает с силой, которую Бог может дать нам, приобщая нас к Своему Святому Духу, делая нас в Святых Тайнах и в прямом даре Самого Себя участниками Божественной природы.

Это время примирения, а примирение — это радость Божия и наша радость; это — новое начало.

Сегодня совершается память святого Иоанна Лествичника, и я хочу прочесть вам несколько из его слов, особенно значительных для того периода церковного года, который мы сейчас переживаем: "Покаяние — это наше возвращение к Богу, обновление нашего крещения; это подвиг, чтобы обновить наш союз с Богом, наш обет изменить свою жизнь. Это время, когда мы можем научиться смирению, то есть миру: миру с Богом, миру с самими собой, миру со всей тварью. Покаяние рождается от надежды и решительного отказа от отчаяния. И кающийся — это тот, который заслуживает осуждения, но уходит с предстояния суду без стыда и позора, потому что покаяние — это наше примирение с Богом. И достигается это через достойную жизнь, через войну с грехами, которые мы совершали в прошлом. Покаяние — это очищение нашей совести. Покаяние — это готовность, без слова ропота и в преображении любовью, понести всякую печаль и всякую боль".

И если мы спросим себя, как, каким путем достичь этого, как мы можем отозваться Богу, Который принимает нас, как отец принял блудного сына, Богу, Который столько ждал нас, с тоской, когда мы отвергли Его, и никогда не отвернулся от нас — как мы можем отозваться такому Богу? — то вот еще короткий отрывок о молитве: "Не изощрайся в молитвенном красноречии; потому что нашего Небесного Отца часто радует и застенчивый, немудреный лепет детей. Не многословь, когда разговариваешь с Богом, потому что иначе, изыскивая слова, ты запутаешься в них. За одно только слово Бог помиловал мытаря; одно слово веры спасло разбойника на кресте. Многословие в молитве рассеивает ум и наполняет его обилием образов. Единое же слово, обращенное к Богу, собирает ум в Его присутствии. И если, когда молишься, какое слово ударило тебя в сердце, достигло самых твоих глубин, — держись этого слова, повторяй его, ибо в такие минуты сам Ангел-хранитель молится с тобой, потому что тогда мы правдивы и верны самим себе и Богу".

Станем же помнить, что говорит святой Иоанн Лествичник, даже если забудутся мои пояснения; станем помнить его слова, потому что он был человеком, который знал, что значит обратиться к Богу и остаться с Ним, быть радостью для Бога и радоваться о Нем. Память и личность святого Иоанна Лествичника предлагаются нам сейчас, когда мы восходим к страстным дням, в пример того, как благодать Божия может обыкновенного, простого человека претворить в светильник миру.

Научимся от него, станем следовать его примеру, станем радоваться о том, что Бог может Своей силой сделать с человеком; и с уверенностью, с надеждой, с ликующей и вместе с этим тихой, невозмутимой радостью последуем этому совету прислушаться к Богу, умоляющему нас найти путь жизни и говорящему нам, что с Ним, в Нем мы будем живы, потому что Он есть Истина, но также и Путь, и Жизнь вечная. Аминь.

На полпути Великого поста

16 марта 1980 г.

Одна за другой проходят недели Великого Поста; и начав с вдохновением, чувствуя в себе силы совершить этот путь, мы часто, приближаясь к концу — а порой задолго до конца, — чувствуем, что мы ничего не совершили из того, что надеялись совершить: надеялись поститься строго и честно, надеялись молиться, надеялись оторваться от того, что нас держит в течение всей жизни в плену: интересы, заботы; и вот приходит момент, когда уже виднеется конец пути, и вдруг мы сознаем, что ничего или так мало мы исполнили из того, о чем мечтали. И тут на нас может найти разрушительный, подрывающий последние силы дух уныния: Как же мне войти в Страстные дни? Как же мне встретиться со славой и торжеством Воскресения Христова?

И вот здесь нам надо проявить и мудрость христианскую, и наше доверие к Богу. Мы не тем спасены, что трудимся и достигаем каких-то результатов: мы спасаемся той тоской души, которая нас влечет к Живому Богу, той любовью, которая нас влечет ко Христу. И даже когда мы срываемся, так же, впрочем, как и в человеческих отношениях, мы не должны забывать, что, как Апостол Петр ответил после троекратной измены на троекратный вопрос Спасителя Христа, мы можем сказать: Господи! Ты все знаешь! Ты знаешь и немощь, и падение, и колебание, и неверность мою, но Ты тоже знаешь, что я Тебя люблю, что это — последнее, самое глубинное, что во мне есть...

И тогда мы можем идти дальше, как и Петр пошел за Христом, зная, что Бог верит в эту нашу любовь, что Бог нам верит и верит в нас; и что мы можем идти дальше, колеблющимся шагом, неуверенной поступью, со взлетами и падениями, но лишь бы только сердцем мы не отрывались от Бога и продолжали идти. Идти к тому, чтобы в какой-то день — через неделю-другую — оказаться лицом к лицу со Страстями Господними, то есть с явлением на деле той любви, которой Он нас любит: претерпеть то, что Он претерпел нас ради, можно только по неисчерпаемой, бездонной любви.

И вот если мы не можем соединиться со Христом более таинственно, приобщая себя через молитву, созерцание и подвиг к Его крестному пути, станем хоть на краю этой дороги, на краю пути крестного, и будем всем вниманием, всем трепетом ужаснувшейся, умиленной — а может быть, даже неспособной ни на ужас, ни на умиление — души взирать на то, что значит любить, как Бог нас умеет любить. И скажем Ему только, если ничего другого мы сказать не можем: *Спасибо* Тебе, Господи, что Ты меня — мертвого, окаменелого, бесчувственного, безжизненного — так любишь, что придет день, когда и мне прозвучит слово, сказанное Лазарю четверодневному: *Лазарь, изыди вон из гроба!* Каждый из нас в какой-то день это услышит — не в конце времен, не при воскресении всех, как думала Марфа, а вот теперь, в какой-то неожиданный для нас момент, когда глас Господень прозвучит и мы станем снова, в одно мгновение, *живыми*, живыми и во времени, и в вечной жизни...

И к Пасхе мы можем подойти в сознании, что ничего мы не совершили достойного этой встречи с торжеством Воскресения, ничего не совершили, что нам дало бы право на эту радость. Как Иоанн Златоустый говорит в своем пасхальном слове: постившиеся и не постившиеся, трудившиеся и ленивые — *все* придите, потому что всех Господь равно приемлет: одним Он отдает долг, другим Он дарит дар Своей любви... Долг Он нам, вероятно, платить не будет, потому что мы не трудились; но дар любви каждому из нас дается. И поэтому, в каком бы мы ни были настроении, как бы ленивы мы ни были, как бы мало мы ни трудились, пойдем эти недели, последние, шаг за шагом, к этому свету, чтобы и самим загореться славой, засиять светом Воскресения и стать подобными Неопалимой Купине, которая горела, не сгорая, в пламени Божественного бытия. Аминь.

Преподобная Мария Египетская

27 марта 1977 г.

В ряду торжествующих, полных надежды седмиц Великого Поста мы сегодня вспоминаем святую Марию Египетскую. Почему Церковь включила ее образ в эти недели? Не потому ли, что в ней мы видим торжество Божией силы и торжество воистину ответной человеческой любви? Или, может быть, мы видим торжество человеческого *отчаянного* зова о помощи и победу, которая дается Богом, Его любовью, Его силой и крепостью.

О святой Марии Египетской можно сказать кратко: она была жительница Александрии, женщина дурной жизни, позор своих сограждан, соблазн, гибель. В какой-то день ей захотелось поклониться живоносному Кресту Господню, частица которого находилась в одном из храмов. И не думая о своей греховности, не думая о том, что по ее жизни у нее ничего общего нет с тем Богом чистоты и любви, Которому она хотела поклониться, она дерзновенно захотела войти в храм. Но какая-то сила ее остановила; каждый раз, как она приближалась к воротам, она была отброшена. И она пришла в *ужас*, и она обратилась к Матери Божией за помощью и за милосердием — и была допущена в храм. Но из храма она не вернулась к прежней позорной жизни; она ушла в пустыню и там провела, в неопишемом подвиге, в совершенном одиночестве, всю свою остальную жизнь до смерти; жизнь, которая не была жизнью бесплотного существа, но была поистине жизнью воплощенного духа, *ожившего* покаянием и благодатью.

Чему мы можем научиться от этой жизни? Мария Египетская была блудница; но блуд не заключается только в телесном грехе, в презрении своей телесности и личности другого человека. Блуд заключается в том, что человек *заблуждается*; он заключается в том, что *цельность* человеческой любви раздробляется, мельчает и человек уже не способен *всей* душой, *всем* сердцем, *всей* мыслью, всем телом, всем существом своим любить одного человека и единого Бога... Блуд, в широком смысле, который ему придает Священное Писание, это идолопоклонническая привязанность к видимому миру. Мы ослеплены тем, что видим, мы не видим невидимого, потому что наше внимание, наш взор приложен только к тому, что видимо и осязаемо. Блуд заключается в том, чтобы отдать свое сердце не тому, что достойно любви; блуд заключается в том, что свою волю, вместо того, чтобы ее направить к единому на потребу, к чистой, святой любви к человеку, к людям, к Богу, мы распляем так, что она направлена анархично, во все стороны, так, что она служит всем идолам, всем желаниям, всем порывам. Разве не все мы заражены этой болезнью блуда? Разве мы цельны сердцем, не разделены умом? Разве воля наша не колеблется?.

И вот мы можем себе представить себя самих в образе этой женщины. Вся жизнь наша подобна ее жизни; и, как она, мы порой *хотим* поклониться Живому Богу, хотим пробиться до Его животворного присутствия — и как часто мы этого не можем сделать! Как часто мы хотели бы молиться — но молитвы нет; мы хотели бы любить — но сердце каменно; хотели бы собрать наши мысли — а мысли разбегаются, расплываются; хотели бы всей волей своей начать новую жизнь, но нет этой воли — она разложилась на какие-то составные части, желания, мечты, тоску — а крепости в ней нет... Как часто мы подобны морским волнам, которые ударяются об утесы, взлетают и опадают вновь в лоно морское, ничего не достигнув. Редко, редко мы останавливаемся, однако, вниманием на *этом*. Мгновениями мы тоскуем, мгновениями болит у нас сердце, мгновениями мы думаем: *Неужели* мне закрыт путь к Богу?. Но потом мы успокаиваемся, забываем, нас засасывает болото... Не так случилось с Марией Египетской: ее охватил ужас, и она бросилась за помощью, за милостью, за спасением...

Нам тоже надо научиться этому: никогда не утешаться тем, что не пробиться нам к Богу, не подойти к Нему. Нам надо научиться такой тоской о Нем тосковать, так к Нему пробиваться, чтобы, наконец, сила Божия и милость Божия ответили на наш зов и на наше отчаяние, полное непостижимой надежды... Но когда с нами это случается, мы только радуемся, мы уходим утешенные, мы не думаем, что нам дано было то, чего никакими силами мы не можем добиться сами. Мария Египетская это поняла, Мария Египетская всю

жизнь превратила в благодарение Богу. Она поняла, что, получив то, что ей было дано, уже нельзя жить, как она жила, можно жить только ликующей и скорбной благодарностью. От всего она ушла, что было ей соблазном, что держало ее в плену, и прожила какую дивную жизнь...

Нам не под силу поднять такой подвиг, но каждый из нас может сделать то, что ему под силу. И мы должны помнить, как Апостол Павел говорит, что все нам возможно в укрепляющем нас Господе Иисусе Христе, что сила Божия в *немощи* совершается. Но не той ленивой, бесплодной немощи, которой мы страдаем, которая нас замучивает и губит, а в другой немощи — богоприимной, в той гибкости и слабости, которая рождается в человеке от сознания, что ему не достичь того, о чем он мечтает, единственного, к чему он стремится, *своими* силами, но что силой Божией он этого *может* достичь. И тогда Господня сила нашу немошь наполняет, как ветер наполняет хрупкий, слабый парус, который, однако, может привести к пристани корабль... Это — богоприимная немошь, которая заключается в том, чтобы уже на себя не надеяться и отдать себя послушливо, кротко, в руку Божию, исполняя Его волю *только* Его силой, и тогда все делается возможным: сила Божия в немощи совершается...

В этом ряду евангельских чтений, победоносных недель надежды, которые нас влекут сейчас к страстным дням, когда уже будет время не веры, не надежды, но время *зрения* Божественной любви, — как должна нас укреплять святая Мария своим образом, своим примером! Аминь.

Суббота: Воскрешение Лазаря

23 апреля 1967 г.

Мы стоим на грани страстных дней, и на этой грани, в образе Лазаря и его воскресения, встает перед нами большая, радующая нас надежда: Господь крепче смерти, Господь победил ее — не только в том прямом смысле, в котором эта победа явлена телесным воскрешением Лазаря, но еще и в другом, который, может быть, еще непосредственнее относится к нам *изо дня в день*.

Бог создавал человека другом Себе; эта дружба, которая существует между нами и Им, еще углублена, сделана еще более тесной в Крещении нашем. Каждый из нас является другом Божиим, как назван был Лазарь; и в каждом из нас когда-то этот друг Божий *жил*: жил дружбой с Богом, жил надеждой, что эта дружба будет углубляться, расти, светлеть. Иногда это бывало в очень ранние дни нашего детства; иногда позже, в юношеские годы: в каждом из нас жил этот друг Христов.

А потом, в течение жизни, как цветок увядает, как истощается в нас жизнь, надежда, радость, чистота, — истощилась сила этого друга Господня. И часто-часто мы чувствуем, что в нас, словно во гробе, где-то лежит — нельзя сказать "покоится", а именно лежит, страшной смертью пораженный, — четверодневный друг Господень, тот, который умер, к гробу которого сестры боятся подойти, потому что он уже разлагается телом...

И над этим другом как часто сетует наша душа, как часто сетуют и Марфа и Мария: та сторона нашей души, которая по своему призванию, по своим силам и возможностям способна молчать у ног Господних, слушая каждое Его слово, делаясь живой и трепетной от каждого животворящего слова Господня, и та сторона нашей души, подобная Марфе, которая способна была бы в правде и чистоте, с вдохновением творить в жизни дела Божии, которая могла бы быть не встревоженной служанкой, не мятущейся Марфой, какой мы часто бываем по образу растерявшейся Марфы евангельской, а трудолюбивой, творческой, живой Марфой, способной превращать своими руками, своей любовью, своей заботой все самое обыкновенное вокруг нас в Царство Божие, в явление любви человеческой и любви Божией. Итак, эти две силы в нас, бесплодные, зашедшие в нас в тупик Марфа и Мария, сила созерцания и сила творчества, *сетуют* над тем, что умер друг Господень Лазарь.

И минутами близко-близко к нам подходит Господь, и мы готовы, как Марфа, воскликнуть: Господи, зачем Тебя не было здесь в момент, когда решалась борьба между жизнью и смертью, в момент, когда Лазарь еще был жив — только поражен насмерть, и мог бы быть удержан в этой жизни! Если бы Ты был здесь, он не умер бы... — И слышим Его слово: *Вершишь* ли ты, что он воскреснет? — И мы тоже, как Марфа, готовы сказать: Да, Господи, — в последний день...

Но когда говорила Марфа, она сказала это с такой надеждой: Я всегда веровала, что Ты — Господь, и я верую, что Лазарь воскреснет в последний день!. А мы говорим это печально, грустно: Да, в *последний день* воскреснет, когда уже, как говорит Великий канон, кончится жизни торжество, когда уже будет поздно на земле творить, когда будет поздно жить верой и надеждой и ликованием нарастающей любви...

Но Господь и нам говорит, как ей; говорит нашей безнадежности, как сказал ее *совершенной* надежде: Я — воскресение и жизнь! И если кто в Меня верует, если бы и мертв был — воскреснет...

И тут хочется вспомнить еще другое: Марфа не знала, что за три дня до этого Христос Своим ученикам говорил, что насмерть болен Его друг, не знала, что Он дал ему умереть, чтобы он воскрес, но уже богатый таким опытом, такой победой Божией, что уже ничто не могло его поколебать...

Пришел Господь и повелел Лазарю *встать* из мертвых: вот образ для нас. В каждом из нас он лежит — умерший, побежденный, окруженный нашим сетованием, часто безнадежным. А сегодняшнее Евангелие, на самой грани страстных дней, нам говорит: Не бойтесь! Я — воскрешение и жизнь! Тот друг Господень, который в вас жил, который в вас есть, который кажется *безнадежно* мертвым, от одного слова Моего может воскреснуть — и *поистине* воскреснет!

И вот войдем в страстные дни с этой надеждой, с уверенностью, что мы идем к Пасхе, к переходу от временного к вечному, от смерти к жизни, от нашей пораженности к победе Господней. Войдем в страстные дни с *трепетом* о том, как нас возлюбил Господь и какой ценой Он нам дает жизнь, войдем уже теперь с надеждой, со светом и с радостью грядущего воскресения. Аминь.

О трезвости: Перед Страстной

Я хочу сопоставить два слова из Священного Писания, которые друг друга раскрывают и объясняют. В сегодняшнем Послании мы слышали слова: Не упивайтесь вином, потому что в нем блуд, но поучайтесь в псалмах и пениях и песнях духовных... А в день Пятидесятницы, когда Святой Дух сошел на Апостолов, и они вышли в трепете и восторге этого вдохновения, истинного вдохновения, исполненные именно Духом жизни, Духом сыновства, Духом любви, Духом радости, то люди, которые их видели или слышали, в недоумении говорили: Не упились ли вином эти люди, что в них сейчас такой восторг, такой подъем?

И вот, в сопоставлении этих двух мест мы находим для себя путь духовной жизни. Когда Апостол Павел говорит "не упивайтесь вином, потому что в нем есть блуд", он не только говорит о том, что человек, упившись, может поступить грязно и нехорошо; он говорит о чем-то гораздо более основном и важном, о том, что одно вдохновение, один восторг, одно опьянение может подменить другое.

Мы призваны в этой жизни быть носителями Святого Духа; в нас должна бы ликовать вечная жизнь, переливаясь через край восторгом, любовью, творческим вдохновением, должна сиять жизнь Божия в нас. Но как часто мы ищем вдохновения, опьянения в чем-то другом, — в вещественном вине, которое дает человеку иллюзию, что ему хорошо, что он крепок, что он силен, что море по колено, что горе отошло, что он вошел в мир, где все ему доступно, где он — царь, где он властен. И еще чаще мы опьяняем всем тем, чем мы подменяем Бога, и тем, на что мы опираемся, чтобы жить: потому что чем-то надо жить. Нельзя жить без вдохновения, — и вот люди упиваются:

упиваются всем доступным, стараясь что-то поставить вместо истинного вдохновения, которое не приходит.

В молитве это часто бывает, когда человек, становясь на молитву, не ищет с тоской и надеждой Господа своего, а ищет в молитве какое-то удовлетворение, успокоение своего сердца, какую-то искру жизни. И так часто бывает, что, молясь, мы проходим мимо Бога, что имя Его, присутствие Его, приближение Живого Бога мы только стараемся использовать, чтобы на мгновение, хотя бы на мгновение, в нас дрогнуло что-то и нам показалось, что мы живы.

Мне помнится письмо, которое я получил много лет тому назад от одной из Елен, о которых мы молимся за литургией. Она заболела в ранней молодости неизлечимой болезнью, и, когда тело начало слабеть и плоть становится прозрачной, ей показалось, что *так* близок Господь. Тяжесть тела, тяжесть ума уже не мешали вырваться к Господу, и казалось, что вот-вот прорвется душа в эти дали. Но тело продолжало слабеть, и пришел момент, когда тело и душа оказались бессильны сделать это усилие, которое человека бросает вперед, дает ему раскрыть крылья духа. И тогда она мне написала слово, которое, мне кажется, так глубоко и сильно и так непосредственно относится к тому, о чем сейчас идет речь... "Молитесь, — писала она, — чтобы я никогда не постаралась себе в утешение поставить вместо Бога, Которого я не могу уже больше достичь, иллюзию о том, что Он тут"... Это ведь сводится к тому, чтобы сказать: Молите Бога, чтобы Он дал мне крепость остаться в предельной оставленности, в последнем неизбывном нищенстве, но только не принять лжи себе в утешение, не взять землю, когда я ищу Неба...

И вот в этом я вижу мудрое, и мужественное, и строгое слово, которое делает понятным сегодняшнее апостольское слово. Не упивайтесь, не давайте себе опьянеть ничем, потому что это подмена: опьянение опьянению рознь. Человек, который пьян вечностью, как Апостолы в Пятидесятницу, может показаться другим на мгновение будто упившимся вином; но это не так. И вот к чему нас призывает Апостол, и вот о чем он нас предупреждает: берегитесь, будьте трезвы до предела, будьте трезвы до конца, потому что опьянеть землей, когда ищешь Неба, — это измена, это блуд.

И вот сейчас мы почти на краю страстных дней. Одна неделя осталась для того, чтобы отрезвиться, для того, чтобы понять, что мы идем навстречу чему-то, что не является иносказанием, мечтой, а что является подлинным, трагедией жизни, что мы идем навстречу чему-то, что переживать для себя нельзя, к чему можно приобщиться, потому что это реально и так страшно, так значительно, но чего нельзя *употребить* для того, чтобы свою душу поколебать и разбудить.

Ведь если бы мы только знали — и сколько людей это знают в наши дни, по всей земле, при обстоятельствах общественности нашей — если бы мы знали, что вокруг кого-то, кого мы любим, замыкается кольцо ненависти, кольцо соглядатаев, что постепенно закрывается перед ним путь свободы, путь бегства, что вот-вот настигнет этого человека какая-то вражья сила и он уйдет в безнадежный плен, из которого путь только на расстрел, на смерть, на пытку, — как бы мы были трезвы, как бы мы восприняли все вокруг нас — все, что в ежечасной нашей жизни, и то, что в нашей церкви, — трезво, строго, реально, потому что перед нами стоял бы образ дорогого человека, который через мгновение будет взят, убит, заключен, умучен.

И вот к этому мы идем: немного дней осталось до момента, когда будет перед нами проходить не рассказ, а живой образ судьбы Человека Иисуса Христа, нашего брата по плоти и по человечеству, и нашего Бога, Творца. Вот где стоит слово апостольское: Берегись, берегись, не упивайся, не опьяней от мира и земли так, чтобы стать нечутким к тому, что будет происходить здесь — там, где среди земли мы видим события земные в их небесном освещении. Берегитесь, не упивайтесь тем, что вы будете видеть и слышать и переживать здесь, в храме. Это не дано, чтобы упились, а чтобы **отрезвились**, чтобы мы опомнились, чтобы реальность стала настолько острой, что она рассекла бы, как меч, по слову Апостола, между душой и духом, между телом и костями, чтобы отпало все

мертвое, все, что принадлежит царству тьмы и тления, и осталась только трепетно-трезвая душа перед своим спасением или погибелью. Аминь.

О воздержании: Перед Страстной

1969 г.

Я хочу две вещи сказать вам сегодня. Сегодня почти закончен Великий Пост, и мы — в преддверии страстных дней. В начале Поста, говоря о его смысле и значении, я говорил, что Пост должен быть для человека временем, когда он себя ограничивает во всем том, что не существенно нужно и необходимо, ограничивает себя так, чтобы *заставить* себя стать перед лицом единственных подлинных ценностей, своей собственной совести, правды человеческой и правды Божией; но что, кроме этого, наше ограничение себя во всем ненужном, во всем излишнем должно принести пользу и радость другим людям.

И вот сейчас время подвести этому итог. Ограничить мы себя могли, каждый, во многом излишнем; и вот пусть каждый перед своей совестью ответит: *в чем* он себя ограничил, и *насколько* он ограничил себя? Сколько он излишества себе позволил, и сколько он себя сдержал?

И затем поставим перед собой вопрос: *кому* это воздержание наше пошло на пользу, для кого это время нашего воздержания оказалось временем радости и помощи? Вот мы собирали здесь в храме деньги на нуждающихся; конечно, нельзя судить, чем кто пожертвовал, по тому, что осталось на тарелке этих жертвований; но за весь Пост двух фунтов не собралось на голодных у дверей этой церкви... Вот и вопрос, который ставится перед каждым из нас... Нас много здесь было; очень много народа прошло; а много ли людей от нашего воздержания получило хлеб? А ведь мы будем в *этом* судиться; не в том, что мы творили или не творили чудес, а в том, что мы были сыты, а другие были голодны; мы были одеты — а другие были нищими... И таких примеров можно представить очень много. Вот встаньте перед лицом своей совести и ответьте: воздержались ли вы ради спасения своей души, и принесло ли ваше воздержание кому-нибудь *хоть крупицу* радости и добра? А если нет — напрасен был пост; напрасно все эти дни, все эти недели мы вспоминали о том, как восходит Христос в Иерусалим умирать, страдать — потому что другие люди страдают и умирают, тогда как некоторые живут в излишке.

Теперь мы вступаем во дни страстей Господних. В течение первых трех дней мы должны собрать с Евангелия, которое будет читаться, все, что мы можем собрать, всю правду, которая когда-либо проникла в нашу душу. Но когда чтения дойдут до Великой среды, когда мы встанем перед лицом *действительных* событий Страстной, — забудем себя: *поздно* тогда вспоминать! и станем перед лицом того, что происходит. И пусть эти события нас бьют и судят, и выправляют, и куют, как молот кует железо. *Не защищайтесь от* того, что вы услышите и увидите, не защищайтесь красотой церковной и умиротворенностью вне церкви против того, *что* происходит в эти дни: как Человека загнали, замучили и убили — потому что мы все такие же, как те толпы, которые окружали Христа. Станем перед лицом и *этой* правды; произнесем над собой суд, и тогда, может быть, дрогнет в нас что-нибудь не на мгновение, а навсегда; и из этой Страстной, *может быть*, мы выйдем *сколько-то* более истинными людьми, обновленными по образу Того, Кто умер в эти дни. Аминь.

Вход Господень в Иерусалим

Вербное Воскресенье — 1974 г.

Праздники бывают разные. Сейчас мы встречаем праздник Входа Господня в Иерусалим; это один из самых трагических праздников церковного года. Казалось бы — все в нем торжество: Христос вступает в Святой Град; встречают Его ликующие толпы народа, готовые из Него сделать своего политического вождя, ожидающие от Него победы над врагом; разве здесь есть что-то трагичное?

Увы, есть! Потому что все это торжество, все это ликование, все эти надежды построены на недоразумении, на непонимании, и та же самая толпа, которая сегодня кричит: "Осанна Сыну Давидову!" то есть, "Красуйся, Сын Давидов, Царь Израилев", в несколько дней повернется к Нему враждебным, ненавидящим лицом и будет требовать Его распятия.

Что же случилось? Народ Израилев от Него ожидал, что, вступая в Иерусалим, Он возьмет в Свои руки *власть* земную; что Он станет ожидаемым Мессией, Который освободит Израильский народ от врагов, что кончена будет оккупация, что побеждены будут противники, отомщено будем всем.

А вместо этого Христос вступает в Священный Град тихо, восходя к Своей смерти... Народные вожди, которые надеялись на Него, поворачивают весь народ *против* Него; Он их во всем разочаровал: Он — не ожидаемый, Он *не тот*, на которого надеялись. И Христос идет к смерти...

Но что же остается одним, и что завещает нам Христос Своей смертью?

В течение именно этих дней, говоря народу о том, какова будет их судьба, когда они пройдут *мимо* Него, не узнав Его, не последовав за Ним, Спаситель Христос говорит: Се, оставляется *дом ваш пуст*; отныне пуст ваш *храм*; пуст ваш *народный* дом; опустела душа; опустели надежды; все превратилось в пустыню...

Потому что единственное, что может превратить человеческую пустыню в цветущий сад, единственное, что может дать жизнь тому, что иначе — пепел, единственное, что может сделать человеческое общество полноценным, единственное, что может помочь человеческой жизни стремиться полноводной рекой к своей цели, — это присутствие Живого Бога, дающего вечное содержание всему временному: Того Бога, Который настолько велик, что перед Ним нет ни великого, ни малого, а в каком-то смысле все так значительно — как перед любовью: самые мелкие, незаметные слова так дороги и значительны, а большие события иногда так ничтожны в таинстве любви.

Оставляется вам дом ваш пуст... Народ искал земной свободы, земной победы, земной власти; его вожди хотели именно властвовать и побеждать. И что осталось от этого поколения? Что осталось от Римской империи? Что вообще осталось от всех тех, которые имели в руках власть и думали, что *никогда* она не отнимется у них? — *Ничто*. Порой — могилы; чаще — *чистое поле*...

А Христос? Христос никакой силы, никакой власти не проявил. Перед лицом непонимающих Его Он так непонятен: Он все мог, Он мог эту толпу, которая Его так восторженно встречала, собрать воедино, из нее сделать силу, получить политическую власть. Он от этого отказался. Он остался бессильным, беспомощным, уязвимым, кончил, как будто побежденным, на кресте, после позорной смерти, среди насмешек тех, могилы которых теперь не сыскать, кости которых, пепел которых давно рассеяны ветром пустыни...

А *нам* завещал Христос жизнь; Он нас научил тому, что, кроме любви, кроме готовности в своем ближнем видеть самое драгоценное, что есть на земле, — нет ничего. Он нас научил тому, что человеческое достоинство так велико, что Бог может стать Человеком, не унизив Себя. Он нас научил тому, что нет ничтожных людей, тому, что страдание не может разбить человека, если *только* он умеет любить. Христос научил нас тому, что в ответ на опустошенность жизни можно ответить, отозвавшись только мольбой к Богу: Приди, Господи, и приди *скоро!*

Только Бог может Собой заполнить те глубины человеческие, которые зияют пустотой и которых ничем не наполнишь. Только Бог может создать гармонию в человеческом обществе; только Бог может превратить *страшную* пустыню жизни в цветущий сад.

И вот сегодня, вспоминая вход Господень в Иерусалим, как страшно видеть, что целый народ встречал *Живого Бога*, пришедшего *только* с вестью о любви до конца — и отвернулся от Него, потому что *не до любви* было, потому что не любви они искали,

потому что страшно было так любить, как заповедал Христос, — до готовности жить для любви и умереть за нее. Они предпочли, они хотели, жаждали земного. Осталась пустыня, пустота, ничто...

А те немногие, которые услышали голос Спасителя, которые выбрали любовь и *уничтоженность*, которые захотели любить ценой своей жизни и ценой своей смерти, те получили, по неложному обещанию Христа, *жизнь*, жизнь с избытком, победную, торжествующую жизнь... Это — праздник, который мы сейчас вспоминаем, который мы сейчас празднуем; это день страшнейшего недоразумения: одним оставляется дом их пуст, другие входят в дом Божий и становятся сами храмом Святого Духа, домом Жизни. Аминь.

Вход Господень в Иерусалим

Вербное Воскресенье

Мы вступаем сегодня в тяжелые дни: в дни, когда мы вспоминаем Страсти Христовы, в дни, когда и нам будет нелегко приходиться в храм выносить долгие службы, молиться. Многие поставят перед собой вопрос: А стоит ли ходить, когда тело так устало, когда мысли разлетаются, когда нет внутренней собранности и настоящего участия в том, что происходит?

Вспомните тогда то, что было в дни Страстей Господних: сколько было народа, и добрых и негодных людей, которые много бы дали, чтобы вырваться из ужаса и из томления этих дней. Те, которые были близки ко Христу, — как у них разрывалось сердце, как истощались последние силы, телесные и душевные, в течение этих немногих страшных дней... И как сотни, вероятно, народа хотели бы вырваться из этой недели, быть свободными от того, что происходило: от гнева, от страха, от ужаса...

И жизнь никуда не давала уйти; никуда не могла отойти от страстей Господних Пречистая Дева Богородица. Никуда не могли укрыться от своего ужаса ученики Христовы, даже в те минуты, когда страх побеждал и они старались спрятаться от гнева народного.

Никуда не могли уйти, забыть происходящее Никодим, Иосиф Аримафейский, тайные ученики Христовы, верные женщины-мироносицы,.. Уйти было *некуда*, потому что ужас обитал в их сердцах, потому что ужас охватывал их извне и изнутри. И так же *некуда* было уйти от этого тем, которые с ненавистью, упорно, злобно добивались Христова убийства.

И вот, когда вспоминаешь это, — разве не найдешь себе места в храме в течение этих страстных дней? И у них мешались мысли, и у них холодело сердце, и у них истощались силы; но они *жили* этим событием. И то, что будет происходить на этих днях, это не мертвое воспоминание о когда-то прошедшем; это событие, которое находится в сердце наших дней, на нем зиждется жизнь нашего мира и наша жизнь.

Поэтому, что бы вы ни переживали, как бы мало мы все ни переживали, будем ходить на эти службы, погружаться в то, что они нам предъявляют. Не будем стараться из себя насильственно выжать какие-то чувства: довольно посмотреть; довольно послушать; и самые события — потому что это *события*, а не воспоминание — пусть нас *ломают* телом и душой. И тогда, когда, не вспоминая себя, а думая о Христе, о том, что происходит на самом деле в эти дни, мы достигнем и той великой субботы, когда Христос упокоился во гробе, — и на нас найдет покой. И когда ночью мы услышим весть о Воскресении, тогда мы тоже сможем вдруг ожить от этого страшного оцепенения, от этой страшной смерти Христовой, умирания Христова, которому мы хоть *сколько-то* приобщимся в течение страстных дней. Аминь.

Страстной Понедельник

1965 г.

Тема о суде Божиим. Если вы прочтете евангельские отрывки, которые положены на сегодня, то увидите, что тема суда проходит через них красной нитью; и она ставит перед нами вопрос: каковы мы?. Чем мы кажемся, чем мы на самом деле не являемся? В чем наша лжеправедность, в чем наше ложное бытие перед лицом подлинного?

По-гречески суд называется "кризис": мы сейчас — и в течение всей истории — находимся в состоянии кризиса, то есть суда истории, то есть, в конечном итоге, суда Божиих путей над нами.

Каждая эпоха — время крушений и обновлений; и вот все кажущееся — погибнет, все ложное — погибнет. Устоит только целостное, устоит только *истинное*, устоит только то, что на самом деле есть, а не то, что будто бы существует.

Каждый из нас чем-то *кажется*: и в хорошем, и в плохом смысле; и все то, что кажется, рано или поздно будет смыто и *разнесено*: Божиим судом, человеческим судом, грядущей смертью, жизнью. И мы должны, если мы хотим вступить в эти дни страстных переживаний, раньше всего подумать: чем мы являемся на самом деле? — и только настоящими встав перед судом своей совести и Бога, вступить в последующие дни: иначе мы осуждены...

Страстная Среда — Таинство Елеопомазания

2 апреля 1980 г.

Сейчас мы будем совершать Таинство Елеопомазания больных.

Установлено это Таинство было еще в апостольские времена, но на Страстной неделе оно стало совершаться со времени Крымской войны, в осажденном Севастополе. Болезнь, насильственная смерть грозили каждому, и архиерей города повелел всем: *просил*, чтобы каждый приготовился к смерти и к тому, чтобы предстать перед Богом очищенным от всякой скверны. Каждый каялся в своих грехах перед лицом угрожавшей или даже верной смерти; и затем каждый помазывался во исцеление души и, следовательно, тела от болезни, от хрупкости, от голодной слабости.

Нам не угрожает, поскольку мы знаем, насильственная смерть; но все мы стоим перед лицом собственной смертности. Смерть придет на каждого из нас, болезнь поражает каждого из нас в его время. И есть болезнь тела, но есть также в постепенном умирании человека, нечто, что относится к его духу: злопамятность, ненависть, горечь, страх, зависть, ревность — все чувства, которые направлены против нашего ближнего. А также чувства — или бесчувствие, — которые отчуждают нас от Бога, разрушают нас в душе и в теле так же верно, как болезнь.

И вот сейчас, когда мы будем стоять перед Богом, слушая призыв Апостолов о том, чтобы нам покаяться, слушая Евангелие, провозглашающее о прощении и об исцеляющей силе Божией, будем, каждый из нас, помнить о нашей смертности, о нашей хрупкости, о том, что мы изо дня в день стоим перед судом нашей души и нашей совести и *так* мало слышим его; о том, что каждый из нас в какой-то день встанет перед Богом и увидит, что полжизни, а то и большую ее часть он потратил напрасно: потому что единственный плод жизни — это любовь, благодарность, поклонение Богу, стяжание Духа Святого.

Покаемся же, то есть обернемся от смерти к жизни, от самих себя к Богу, от потемок и мрака — к чистому свету Христову. И затем, со всей искренностью принеся Богу в течение этой службы сердце сокрушенное, дух кающийся, приняв решение не допустить, чтобы Христовы жизнь и смерть оказались для нас напрасными, примем помазание святым Елеем во исцеление души и тела, елеем радования, елеем, который восстанавливает силу, который приготавливает нас на борьбу со всяким злом, духовным и прочим, приготавливает нас стать воинами Христа.

Встанем же сейчас перед Богом в обнаженности правды, в обнаженности души, которая не ищет скрыться и защититься от своей совести, и получим исцеление. Исцеление души и, в той мере, в какой это полезно для нас, исцеление тела: потому что мы призваны быть сильными силой Господней, но мы также призваны, таинственным и

иногда пугающим нас образом, нести в нашем теле смерть Христову, нести в нашем теле раны Христовы, чтобы восполнить в наших телах недостающее страстям Христовым.

Станем же чистыми духом и душой, так, чтобы всякая душевная боль или страдание или всякое страдание тела были плодом не смерти в нас, но нашего единства со Христом, и блаженны мы, что будем в эти дни призваны разделить с ним Его страсти...

Страстная Среда и Таинство Елеопомазания

26 апреля 1989 г.

В сегодняшней службе мы с чувством ужаса, но также и трагического трепета вспоминаем предательство Иуды; и в этой же службе вспоминается событие, когда трое юношей были брошены в огненную печь царем вавилонским. Остановимся на мгновение на иудином предательстве.

Он был учеником; он был так же близок к Господу Иисусу Христу, как и каждый из других Его учеников. Каким-то образом, слишком таинственным, чтобы мы даже могли строить догадки, что-то с ним случилось: он избрал стяжательство, властолюбие, он избрал мир вместо нищеты, вместо предельного истощания Божия. Он был свободен: он сделал выбор. И одновременно само это его предательство раскрывает нам еще раз по-новому — что есть Божественная любовь: на фоне этой человеческой хрупкости и этой человеческой измены мы видим, как Христос говорит ему: Иди и делай, что собирался!. Ни слова осуждения; только обращенные к ученикам слова, пронизанные болью: Лучше было бы тому человеку не родиться, который предаст Сына Божия... И снова: когда Иуда приходит в Гефсиманский сад, принося смерть и предательство, Христос к нему обращается со словом такой *силы* любви, такой полноты любви: Друг! На какое дело ты пришел?. В момент, когда Иуда предаст Христа, чтобы Он был убит, Он зовет его: "Друг!" потому что Он не изменяет никому; Он остается верным... И вечная судьба Иуды тоже покрыта для нас тайной; мы можем только представить себе, что, когда Христос сошел во ад и победил ад, Иуда и Христос снова встретились лицом к лицу. К чему привела эта встреча, мы гадать не можем. Но мы можем ставить перед собой вопросы о нашей собственной верности или наших изменах. Предательство Иуды было вызвано его привязанностью к вещам земли, его политическими планами, его желанием обогатиться; в конечном итоге — его непониманием Христа и путей Божиих. Тут предостережение: он — как человек из притчи, который отказался прийти на брачный пир, потому что купил поле и думал, что владеет им, а на самом деле он оказался во власти того, что приобрел; который отказался прийти, потому что купил волов и ему надо было испытать их, у него было дело на земле и не было времени на брачный пир; который отказался прийти, потому что сам нашел себе жену и сердце его было полно собственной радостью, не было в нем места для радости и счастья другого... Не похоже ли это на нас самих в стольких отношениях? Но, сказав все это, можем ли мы забыть слово Христа: "Друг!" — верность Того, Кого Книга Откровения называет "Верным": Он верен навсегда.

Верность мы видим также во втором образе сегодняшнего богослужения; это образ Ветхого Завета: трое юношей, которые отказались поклониться ложным богам — жадности, властолюбию, ненависти, — которые все это отвергли и были за это приговорены царем вавилонским к сожжению в пылающей печи. И когда царь пришел посмотреть на зрелище их казни, он воскликнул: Не троих ли мужей мы бросили в огонь связанными? И вот я вижу четырех мужей, ходящих без цепей, и вид четвертого подобен Сыну Божию... — В самых страшных, самых жестоких испытаниях, в самых лютых искушениях, когда искушение пламенеет и горит страдание, Христос с нами. Не достаточно ли этого, чтобы напитать нашу надежду уверенностью и из нашей робкой, шаткой надежды сделать такую надежду, которая есть *уверенность*, что Бог с нами!

Но относится ли это только к тем, кто праведен? Трое юношей страдали ради Бога — как же грешники, преступники, злодеи? Вспомним небольшой холм вне стен града — Голгофу; три креста; на одном умирает Сын Божий, непорочный, но несущий на Себе

грех, зло всего мира. И два человека, которые были действительно злы. И поскольку один из них *признал*, что он зол, что творил зло, он обернулся ко Христу с воплем раскаяния, сожалея о том, чем он был, что он сделал, принимая последствия того, чем был и что сделал как справедливое возмездие за свои грехи. Вспомним его слова, обращенные к другому злодею, чтобы унять его богохульство: Мы справедливо осуждены, потому что мы преступники а Он умирает обреченный, осужденный несправедливо, потому что Он не сделал ничего плохого... И вот первый принял все последствия, всю боль, все страдание, весь ужас, который выпал ему, потому что увидел в этом справедливость: Божию правду и карающую справедливость людскую. И Христос обещал ему, что в тот самый день он будет с Ним в раю.

О чем это снова говорит нам? Это говорит, что все мы стоим перед Богом осужденными. Не творили ли мы зло? Не преступники ли мы, то есть не преступили ли мы грани из Земли Обетованной, земли Божией в землю, которая еще под властью врага? Не предали ли мы правду, отвернувшись от закона жизни и избрав закон смерти? И опять: когда мы оглядываемся на себя, не можем ли мы увидеть себя как изуродованную икону, образ Христов? И изуродованный не обстоятельствами, не другими людьми, а прежде всего нами самими? И тогда мы можем повернуться к Богу и сказать: Да! Я *признаю*, что я обманул Твое доверие! Я оказался недостойн Твоей веры в меня — и я принимаю все последствия своей неверности. Господи! Я распинаюсь болью и стыдом; Господи, прими меня в Твое Царство... И ответ: *Придите* ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я дам вам мир! *Придите* ко Мне!

И вот мы подходим сегодня к Таинству Елеопомазания с этим многогранным сознанием, которое предлагается нам сегодняшней службой. Мы идем в уверенности, что Бог с *нами* в нашем испытании и в нашем искушении, в опаляющем пожаре зла и в пламенеющем горниле очищения, если только мы примем последствия того, чем мы являемся. И если мы обратимся к Богу и скажем: Господи! Я *согрешил* против Неба и перед Тобой! Я больше недостойн называться Твоим сыном, Твоей дочерью — мы будем приняты Богом, как блудный сын был принят своим отцом: прощенные, принятые в объятия, получившие нашу первую одежду, одаренные Божиим доверием, названные нашим подлинным именем: сын Мой, дочь Моя...

Примем же это Таинство Помазания во исцеление души и тела просто потому, что мы пришли к Богу, просто потому, что говорим: Господи, *спаси* нас! — как Петр кричал, когда тонул. И мы *будем* очищены, исцелены, поставлены на путь спасения... Какое диво! Как дивно быть так любимыми и так *уверенными*, что мы любимы.

Будем поэтому идти с уверенностью, с надеждой, которая и есть надежда явленная, и принесем Богу столько любви, сколько можем: иногда благодарность может быть началом любви. Принесем Ему наше доверие, нашу благодарность и примем от Него прощение и обновление жизни. Аминь.

Служба "Двенадцати Евангелий" Страстного Четверга

1980 г.

Вечером или поздней ночью в Страстной четверг читается рассказ о последней встрече Господа Иисуса Христа со Своими учениками вокруг пасхального стола и о страшной ночи, одиноко проведенной Им в Гефсиманском саду в ожидании смерти, рассказ о Его распятии и о Его смерти...

Перед нами проходит картина того, что произошло со Спасителем по любви к нам; Он мог бы всего этого избежать, если бы только отступить, если бы только Себя захотеть спасти и не довершить того дела, ради которого Он пришел!. Разумеется, тогда Он не был бы Тем, Кем Он на самом деле был; Он не был бы воплощенной Божественной любовью, Он не был бы Спасителем нашим; но какой ценой обходится любовь!

Христос проводит одну страшную ночь лицом к лицу с приходящей смертью; и Он борется с этой смертью, которая идет на Него неумолимо, как борется человек перед

смертью. Но обыкновенно человек просто беззащитно умирает; здесь происходило нечто более трагичное.

Своим ученикам Христос до этого сказал: Никто жизни у Меня не берет — Я ее свободно отдаю... И вот Он свободно, но с каким ужасом отдавал ее... Первый раз Он молился Отцу: Отче! Если Меня может это миновать — *да минет!* и боролся. И второй раз Он молился: Отче! Если *не* может миновать Меня эта чаша — пусть будет... И только в третий раз, после новой борьбы, Он мог сказать: Да будет воля Твоя...

Мы должны в это вдуматься: нам всегда — или часто — кажется, что легко было Ему отдать Свою жизнь, будучи Богом, ставшим человеком: но умирает-то Он, Спаситель наш, Христос, как Человек: не Божеством Своим бессмертным, а человеческим Своим, живым, подлинно человеческим телом...

И потом мы видим распятие: как Его убивали медленной смертью и как Он, без одного слова упрека, отдался на муку. Единственные слова, обращенные Им к Отцу о мучителях, были: Отче, прости им — они не знают, *что* творят...

Вот чему мы должны научиться: перед лицом гонения, перед лицом унижения, перед лицом обид — перед тысячей вещей, которые далеко-далеко отстоят от самой *мысли* о смерти, мы должны посмотреть на человека, который нас обижает, унижает, хочет уничтожить, и повернуться душой к Богу и сказать: Отче, прости им: они не знают, что делают, они не понимают смысла вещей...

Благовещение и Страстная Пятница

7 апреля 1961 г.

Совпадение в этом году Великой Пятницы и праздника Благовещения Пресвятой Богородицы раскрывает перед нами часто от нас ускользающую трагическую истину и реальность Благовещения.

Мы часто думаем о Благовещении — и справедливо, как о дне когда Спаситель Господь явил Пречистой Деве Богородице, что Она станет Матерью Воплощенного Слова Божия. И мы думаем только о той чудесной радости, которая вошла в мир с обещанием о Спасителе. Но мы редко думаем о том, что дары Божии всегда трагичны в нашем мире, что ничего не случается великого кроме как ценой сердечной муки и крови человеческой.

И вот в сегодняшний день мы видим, как обещанное Пречистой Деве воплощение Сына Божия во спасение мира завершается трагично. Христос родился в наш мир для того, чтобы душу Свою положить за други Своя. Любовь Божественная, крестная, спасительная любовь привела Сына Божия в мир смерти, и обещание Ангела Пречистой Богородице о том, что родится Спаситель мира, значило для Нее в то же время, что рожденный от Нее Божественный Сын кровью Своей и мукой смертной и самой смертью, непостижимой, невозможной смертью воплощенного Слова, спасет мир.

В эти дни, в эти часы, которые нас отделяют от Пасхи, от торжества Воскресения Христова, вдумаясь в образ Пречистой Девы, Которая совершенной верой и совершенной чистотой, подвигом истинной святости стяжала Себе этот страшный дар — стать Матерью Господней; и Которая, будучи едина с Сыном Своим Божественным, едина духом, едина волей, едина сердцем, предстояла у Креста Его, пока многочасно умирал Спаситель.

И если мы вчитаемся в евангельские слова, мы не увидим в них картин рыдающей Матери; мы увидим в Пречистой Деве Ту, Которая приносит в дар, в кровавую жертву Своего Сына для того, чтобы мир нашел спасение.

Проходя эти часы, вслушаемся, после выноса Плащаницы, в слова канона "Плач Богородицы", постараемся вникнуть в тайну меча, пронзающего сердце Пречистой Девы. Она едина с Господом; Он умирает — Она *со-умирает* с Ним... Поклонимся долготерпению Христову, поклонимся страстям Его и будем помнить, что в Страсти Его, в долготерпении Его, в Кресте и любви Его Пречистая Дева участвует *до конца*, и что

право молиться за нас перед Богом о нашем спасении Она купила смертью крестной Сына Своего. Аминь.

Вынос Плащаницы

Страстная Пятница — 8 апреля 1966 г.

Как трудно связать то, что совершается теперь, и то, что было когда-то: эту славу выноса Плащаницы и тот ужас, человеческий ужас, охвативший всю тварь: погребение Христа в ту единственную, великую неповторимую Пятницу.

Сейчас смерть Христова говорит нам о Воскресении, сейчас мы стоим с возожженными пасхальными свечами, сейчас самый Крест сияет победой и озаряет нас надеждой — но тогда было не так. Тогда на жестком, грубом деревянном кресте, после многочасового страдания, умер плотью воплотившийся Сын Божий, умер плотью Сын Девы, Кого Она любила как никого на свете — Сына Благовещения, Сына, Который был пришедший Спаситель мира.

Тогда, с того креста, ученики Распятого, которые до того были тайными, а теперь, перед лицом случившегося, открылись без страха, Иосиф и Никодим сняли тело. Было слишком поздно для похорон: тело отнесли в ближнюю пещеру в Гефсиманском саду, положили на плиту, как полагалось тогда, обвив плащаницей, закрыв лицо платом, и вход в пещеру заградили камнем — и это было как будто все.

Но вокруг этой смерти было тьмы и ужаса больше, чем мы себе можем представить. Поколебалась земля, померкло солнце, потряслось все творение от смерти Создателя. А для учеников, для женщин, которые не побоялись стоять поодаль во время распятия и умирения Спасителя, для Богородицы этот день был мрачней и страшней самой смерти.

Когда мы сейчас думаем о Великой Пятнице, мы знаем, что грядет Суббота, когда Бог почил от трудов Своих, — Суббота победы! И мы знаем, что в светозарную ночь от Субботы на Воскресный день мы будем петь Воскресение Христова и ликовать об окончательной Его победе.

Но тогда пятница была последним днем. За этим днем не видно ничего, следующий день должен был быть таким, каким был предыдущий, и поэтому тьма и мрак и ужас *этой* Пятницы никогда никем не будут изведаны, никогда никем не будут постигнуты такими, какими они были для Девы Богородицы и для учеников Христовых.

Мы сейчас молитвенно будем слушать Плач Пресвятой Богородицы, плач Матери над телом жестокой смертью погибшего Сына. Станем слушать его. Тысячи, тысячи матерей могут узнать этот плач — и, я думаю, Ее плач страшнее всякого плача, потому что с Воскресения Христова мы знаем, что грядет победа всеобщего Воскресения, что ни один мертвый во гробе. А тогда Она хоронила не только Сына Своего, но всякую надежду на победу Божию, всякую надежду на вечную жизнь. Начиналось дление бесконечных дней, которые никогда уже больше, как тогда казалось, не могут ожить.

Вот перед чем мы стоим в образе Божией Матери, в образе учеников Христовых. Вот что значит смерть Христова. В остающееся короткое время вникнем душой в эту смерть, потому что весь этот ужас зиждется на одном: НА ГРЕХЕ, и каждый из нас, согрешающих, ответственен за эту страшную Великую Пятницу; каждый ответствен и ответит; она случилась только потому, что человек потерял любовь, оторвался от Бога. И каждый из нас, согрешающий против закона любви, ответственен за этот ужас смерти Богочеловека, сиротства Богородицы, за ужас учеников.

Поэтому, прикладываясь к священной Плащанице, будем это делать с трепетом. Он умер для тебя одного: пусть каждый это понимает! — и будем слушать этот Плач, плач всея земли, плач надежды надорванной, и благодарить Бога за спасение, которое нам дается так легко и мимо которого мы так безразлично проходим, тогда как оно далось такой страшной ценой и Спасителю-Богу, и Матери Божией, и ученикам. Аминь.

У Плащаницы

Страстная Пятница — 1967 г.

Мы, люди, всю нашу надежду после Бога возложили на заступление Богородицы. Мы эти слова повторяем часто, они нам стали привычны. А вместе с этим, перед лицом того, что совершалось вчера и сегодня, эти слова непостижимо страшны. Они должны являть или *удивительную* веру в Богородицу, или являют на самом деле, что мы *не глубоко* пережили в течение своей жизни этот призыв к помощи Божией Матери.

Перед нами гроб Господень. В этом гробе человеческой плотью предлежит нам многострадальный, истерзанный, измученный Сын Девы. Он умер; умер не только потому, что когда-то какие-то люди, исполненные злобы, Его погубили. Он умер из-за каждого из нас, ради каждого из нас. Каждый из нас несет на себе долю ответственности за то, что случилось, за то, что Бог, не терпя отпадения, сиротства, страдания человека, стал тоже Человеком, вошел в область смерти и страдания, за то, что Он не нашел той любви, той веры, того отклика, который спас бы мир и сделал невозможной и ненужной ту трагедию, которую мы называем Страстными днями, и смерть Христову на Голгофе.

Скажете: Разве мы за это ответственны — мы же тогда не жили? Да! Не жили! А если бы теперь на нашей земле явился Господь — неужели кто-нибудь из нас может подумать, что он оказался бы лучше тех, которые тогда Его не узнали. Его не полюбили, Его отвергли и, чтобы спасти себя от осуждения совести, от ужаса Его учения, вывели Его из человеческого стана и погубили крестной смертью? Нам часто кажется, что те люди, которые *тогда* это совершили, были такими страшными; а если мы взглянемся в их образ — что мы видим?

Мы видим, что они были действительно страшны, но *нашей* же посредственностью, *нашим* измельчением. Они такие же, как мы: их жизнь слишком узкая для того, чтобы в нее вселился Бог; жизнь их слишком мала и ничтожна для того, чтобы та любовь, о которой говорит Господь, могла найти в ней простор и творческую силу. Надо было или этой жизни разорваться по швам, вырасти в меру человеческого призвания, или Богу быть исключенным окончательно из этой жизни. И эти люди, подобно нам, это сделали.

Я говорю "подобно нам", потому что сколько раз в течение нашей жизни мы поступаем, как тот или другой из тех, которые участвовали в распятии Христа. Посмотрите на Пилата: чем он отличается от тех служителей государства, Церкви, общественности, которые больше всего боятся человеческого суда, беспорядка и ответственности и которые для того, чтобы себя застраховать, готовы погубить человека — часто в малом, а порой и в очень большом? Как часто, из боязни стать во весь рост нашей ответственности, мы даем на человека лезть подозрению в том, что он преступник, что он — лжец, обманщик, безнравственный и т.д. Ничего большего Пилат не сделал; он старался сохранить свое место, он старался не подпасть под осуждение своих начальников, старался не быть ненавидимым своими подчиненными, избежать мятежа. И хотя и *признал*, что Иисус ни в чем не повинен, а отдал Его на погибель...

И вокруг него столько таких же людей; воины — им было все равно, кого распинать, они "не ответственны" были; это было их дело: исполнять приказание... А сколько раз с нами случается то же? Получаем мы распоряжение, которое имеет *нравственное* измерение, распоряжение, ответственность за которое будет перед Богом, и отвечаем: Ответственность не на нас... Пилат вымыл руки и сказал иудеям, что они будут отвечать. А воины просто исполнили приказание и *погубили* человека, даже не задавая себе вопроса о том, кто Он: просто осужденный...

Но не только погубили, не только исполнили свой кажущийся долг. Пилат отдал им Иисуса на поругание; сколько раз — сколько раз! — каждый из нас мог подметить в себе злорадство, готовность надругаться над человеком, посмеяться его горю, прибавить к его горю лишний удар, лишнюю пощечину, лишнее унижение! А когда это с нами случалось и вдруг наш взор встречал взор человека, которого мы унизили, когда он уже был бит и осужден, тогда и мы, и не раз, наверное, по-своему, конечно, делали то, что сделали

воины, что сделали слуги Каиафы: они завязали глаза Страдальцу и били Его. А мы? Как часто, как часто нашей жизнью, нашими поступками мы будто закрываем глаза Богу, чтобы ударить спокойно и безнаказанно — человека или Самого Христа — в лицо!

А отдал Христа на распятие кто? Особенные ли злодеи? Нет — люди, которые боялись за политическую независимость своей страны, люди, которые не хотели рисковать ничем, для которых земное строительство оказалось важнее совести, правды, всего — только бы не поколебалось шаткое равновесие их рабского благополучия. А кто из нас этого не знает по своей жизни?

Можно было бы всех так перебрать, но разве не видно из этого, что люди, которые убили Христа, — такие же, как и мы? Что они были движимы теми же страхами, вожделениями, той же малостью, которой мы поработаны? И вот мы стоим перед этим гробом, сознавая — я сознаю! и как бы хотел, чтобы каждый из нас сознавал, — *блаженны* мы, что не были подвергнуты этому страшному испытанию встречи тогда со Христом — тогда, когда *возможно было* ошибиться и возненавидеть Его, и стать в толпу кричащих: Распни, распни Его!.

Мать стояла у Креста; Ее Сын, преданный, поруганный, изверженный, избитый, истерзанный, измученный, умирал на Кресте. И Она с Ним *со-умирала*... Многие, верно, глядели на Христа, многие, верно, постыдились и испугались и не посмотрели в лицо Матери. И вот к Ней мы обращаемся, говоря: Мать, я повинен — пусть среди других — в смерти Твоего Сына; я повинен — *Ты* заступись. *Ты* спаси Твоей молитвой, Твоей защитой, потому что если Ты простишь — *никто* нас не осудит и не погубит... Но если Ты не простишь, то *Твое* слово будет сильнее *всякого слова* в нашу защиту...

Вот с какой верой мы теперь стоим, с каким ужасом в душе должны бы мы стоять перед лицом *Матери*, Которую мы убийством обездолили... *Встаньте* перед Ее лицом, *встаньте* и посмотрите в очи Девы Богородицы!. Послушайте, когда будете подходить к Плащанице, Плач Богородицы, который будет читаться. Это не просто причитание, это горе — горе Матери, у Которой мы просим защиты, потому что мы убили Ее Сына, отвергли, изо дня в день отвергаем *даже* теперь, когда знаем, *Кто Он*: все знаем, и все равно отвергаем...

Вот, встанем перед судом нашей совести, пробужденной Ее горем, и принесем покаянное, сокрушенное сердце, принесем Христу молитву о том, чтобы Он дал нам силу очнуться, опомниться, ожить, стать людьми, сделать нашу жизнь глубокой, широкой, способной вместить любовь и присутствие Господне. И с этой любовью выйдем в жизнь, чтобы творить жизнь, творить и создавать мир, глубокий и просторный, который был бы, как одежда на присутствии Господнем, который сиял бы всем светом, всей радостью рая. Это наше призвание, это мы должны осуществить, преломив себя, отдав себя, умерев, если нужно — и *нужно!* — потому что любить — это значит умереть себе, это значит уже не ценить себя, а ценить другого, будь то Бога, будь то человека, жить для другого, отложив заботу о себе. Умрем, сколько можем, станем умирать изо всех сил для того, чтобы жить любовью и жить для Бога и для других. Аминь!

Служба Погребения в Страстную Пятницу

Пророчество, которое мы сейчас слышали (Иезекииль 37:1-14), — образ всего видимого. Вся земля лежит перед нами, и вся она покрыта костями мертвыми; из поколения в поколение легли эти кости в землю, из поколения в поколение как будто торжествует смерть.

И вот еще одно погребальное шествие совершено, и в эту землю легло бессмертное, нетленное, пречистое Тело Иисусово. И земля дрогнула, и *все* изменилось, до самых недр ее. Как зерно пшеничное, легло Тело Иисусово в эту землю, и, как огонь Божественный, сошла Его пречистая душа в глубины ада, и сотрясся ад. И теперь, когда мы предстоим перед Гробом, в глубинах той тайны отвержения, которую мы называем адом, совершилось последнее чудо: ад опустел, ада нет, потому что в самые его глубины вошел

Господь, соединяя с Собой все. Как зерно горчичное, было положено Тело Его в землю, и как зерно постепенно исчезает, как зерно постепенно перестает быть отличимо от той земли, в которую оно вложено, но собирает в себя всю силу жизни и восстает уже не едино, не одинокое зерно, а сначала росток, а затем малый куст и дерево, так теперь Иисус, погрузившись в тайну смерти, извлекает из нее *все*, что способно жить, всякую живую человеческую душу, и приготавливает воскресение всякой человеческой плоти.

Кости мертвые, кости сухие перед нами, и уже трепетна земля, уже мир полон дыханием бурным Воскресения, уже воскрес Господь, уже восстала Матерь Божия, уже победа над смертью одержана, уже мы можем петь Воскресение перед лицом гроба, где лежит многострадальное Тело Иисусово. Христос победил смерть, и мы эту победу сейчас будем воспевать ликующе, ожидая момента, когда и до нас дойдет эта весть, когда загремит в этом храме победная песнь о Воскресении Христовом. Аминь.

Литургия Великой Субботы

9 апреля 1977 г.

Бывает, что после долгой, мучительной болезни умирает человек; и гроб его стоит в церкви, и, взирая на него, мы проникаемся таким чувством покоя и радости: прошли *мучительные* дни, прошло страдание, прошел предсмертный ужас, прошло постепенное удаление от ближних, когда час за часом человек чувствует, что он уходит и что остаются за ним на земле любимые.

А в смерти Христовой прошло и еще *самое* страшное — то мгновение Богооставленности, которое заставило Его в ужасе воскликнуть: Боже Мой, Боже Мой, *зачем Ты Меня оставил?*

Бывает, стоим мы у постели только что умершего человека, и в комнате чувствуется, будто воцарился уже не земной мир — мир вечный, тот мир, о котором Христос сказал, что Он оставляет *Свой* мир, такой мир, какого земля не дает...

И так мы стоим у гроба Господня. Прошли страшные страстные дни и часы; плотью, которой страдал Христос, Он теперь почил; душою, сияющей славой Божества, Он сошел во ад и тьму его рассеял, и положил конец той страшной богооставленности, которую смерть представляла собой до Его сошествия в ее недра. Действительно, мы находимся в тишине преблагословенной субботы, когда Господь почил от трудов Своих.

И вся Вселенная в трепете: ад погиб; мертвый — ни один во гробе; отделенность, безнадежная отделенность от Бога побеждена тем, что Сам Бог пришел в место последнего отлучения. Ангелы поклоняются Богу, восторжествовавшему над *всем*, что земля создала страшного: над грехом, над злом, над смертью, над разлукой с Богом...

И вот мы трепетно будем ждать того мгновения, когда сегодня ночью и до нас дойдет эта победоносная весть, когда мы услышим на земле то, что в преисподней гремело, то, что в небеса пожаром поднялось, услышим это мы и увидим сияние Воскресшего Христа...

Вот почему так тиха литургия этой Великой Субботы и почему, еще до того как мы воспоем, в свою очередь, "Христос воскрес", мы читаем Евангелие о Воскресении Христовом. Он одержал Свою победу, все сделано: остается только нам лицезреть чудо и вместе со всей тварью войти в это торжество, в эту радость, в это преображение мира... Слава Богу!

Слава Богу за Крест; слава Богу за смерть Христа, за Богооставленность Его; слава Богу за то, что смерть уже не конец, а только сон, усение... Слава Богу за то, что нет больше преград ни между людьми, ни между нами и Богом! Его *Крестом*, Его любовью, Его смертью, сошествием во ад и Воскресением и Вознесением, которого мы будем ждать с *такой* надеждой и радостью, и даром Святого Духа, Который живет и дышит в Церкви, все совершено — остается нам *только* принять то, что дано, и *жить* тем, что нам от Бога даровано! Аминь.

3. Пасхальный период

Пасха

После Слова Огласительного — 25 апреля 1976 г.

Вы слышали убежденное, вдохновенное Воскресением Христовым слово святого Иоанна Златоустого: какой правдой и силой оно звучит! И, однако, поднимается перед нами вопрос — как же так: Христос поправил, победил, уничтожил смерть, а вокруг нас смерть косит и косит людей? Он победил ад — и кажется порой, что из глубины ада подымается все новая и новая, все более страшная мгла... как же верить этому свидетельству, где же правда?

Христос умер; и смертью Своей Он сошел в те глубины ада, где не было ни света, ни радости, ни надежды. Он стал Человеком и как человек умер — но не Своей, а нашей смертью. Грех убивает, безбожие, потеря Бога убивает. Христос был Сам Богом Живым. Он не мог умереть естественной нам смертью; но Он нас возлюбил, возлюбил так, что стал с нами един, и все, вся трагедия, весь ужас человеческого бытия легли на Него, включая эту *страшную* потерю Бога, от которой мы все увядаем и умираем. Не сказал ли Он страшного слова на кресте, *последнего* слова: Боже Мой, Боже Мой, *зачем Ты Меня оставил?* Он приобщился нашей богооставленности и, потеряв Бога, как мы, умер.

Но сошел Он во ад в славе, в *славе* Своего Божества. Широко раскрылся ад, чтобы, *наконец*, пленить, победить, удержать Того, Кто на земле рушил его царство. Ад, как говорит Иоанн Златоустый, приразился телу и был поражен Божеством; мрак засиял Божественным присутствием; смерть, которая там царила, побеждена; жизнь жительствоует... А смерть на земле теперь для нас не страшна; она — сон, она — усение, она — ожидание и нашего воскресения из мертвых... И *не страшен* нам ад, как бы он ни был жесток, беспощаден; как бы он на земле ни проявлялся жутко, бессердечно — он нам не страшен. Потому не боимся больше мы, христиане, верующие, *никого*, кто у нас может отнять земную жизнь, что нам во Христе и через Христа принадлежит жизнь вечная. Этому свидетели теперь миллионы мучеников древности и наших дней; они встретили смерть и *победили смерть* верой и любовью... И нам предстоит тот же, может быть, путь, и нас они зовут бесстрашно, любовно, торжествующе встретить ад лицом к лицу, *зная*, что свет во тьме светит и тьма, если и не принимает его, то победить его *не* может; врата адава не победят Церкви, не победят Царства Божия, Царства *жизни* и Царства любви. Аминь!

Христос Воскресе! Христос Воскресе! Христос Воскресе!

Пасха

После Слова Огласительного святителя Иоанна Златоуста — 6 апреля 1980 г.

Мы поем Христово Воскресение, и вот только что словами святого Иоанна Златоустого мы провозглашали победу жизни над смертью: Где, ад, твое жало, где, смерть, твоя победа? Воскрес Христос — и ни один мертвец не остался в гробе... А вместе с этим мы видим собственными очами, мы слышим страшные вести о том, что смерть все еще косит вокруг нас, что умирают ближние, умирают молодые, умирают дорогие — где же это благовестие о победе жизни?

Смерть бывает разная. Бывает телесная смерть, но бывает смерть еще более страшная: разлука, разлука окончательная, разлука вечная, непреодолимая разлука. И *эта* смерть, в течение тысячелетий до прихода Христова, была опытом всего человечества. Оторвавшись от Бога, потеряв Бога как источник своей жизни, человечество стало не только умирать телом, но стало уходить окончательно, навсегда от общения с Ним. Умерев *без* Него, люди оставались мертвыми *без* Него.

И вот Христос, Сын Божий, Бог Живой пришел на землю, Он жил человеческой жизнью. Будучи Богом Живым, самой Жизнью, Он приобщился всему, что составляло судьбу человека: Он жаждал, был голоден, уставал; но страшнее всего — в конечном итоге Он приобщился умирающему и смерти. Как Бог Он умереть не мог; но по любви к нам Он разделил с нами нашу судьбу. С Богом остался и был отвержен людьми; с людьми не

разлучился и на Кресте — о! на Кресте Он сказал самые страшные слова истории: Боже Мой, Боже Мой, зачем Ты Меня оставил?. И умер, умер: сама Жизнь умерла, потух свет, который Свет по существу...

И вот сошел Христос Своей душой в ту бездну богооставленности, где нет Бога. Когда Он вошел в эту страшную область, Он Собой, Своим Божеством, Жизнью вечной, Светом неумирающим заполнил все. И *эта* смерть *навсегда* упразднена; теперь смерть мы называем успением, временным сном. И когда умираем, мы уходим не в бездну отчаяния и Богооставленности, а к Богу, возлюбившему нас так, что Он Сына Своего Единородного, единственного, возлюбленного дал, чтобы мы поверили в Его любовь!

И можем ли мы в этой любви сомневаться, когда мы видим, *знаем*, чего эта любовь Богу стоила: жизнь Христа, смерть Христа, отверженность людьми, отверженность Богом, ужас Гефсиманского сада, когда Он ждал смерти, зная, что Его предал близкий ученик, зная, что через несколько часов Петр, другой Его ученик, от Него отречется и что все Его оставят умирать в одиночестве, умирать одному... И этим Он нам говорит: Смотрите: и это Я на Себя принял. Я умер, чтобы вы верили, что вы любимы Богом, и потому что вы Богом любимы, вы *спасены*... Потому что спасение наше не от нас зависит, а от этого *чуда любви*...

А мы — чем можем отозваться на эту любовь? Мы можем эту любовь принять благоговейно, трепетно в сердца наши, мы можем с изумлением предстоять перед этим чудом непобедимой Божественной любви. И если мы это поняли, тогда мы можем всю жизнь благодарить, превратить всю жизнь в благодарение: не по долгу поклоняться Богу, не по необходимости исполнять Его заповеди, а сказать: Господи! Если Ты нас так любишь, то должно Тебя почитать, любить, слушаться, потому что Твой путь — путь жизни...И всю жизнь, всю без остатка сделать не словом благодарности, не песнью благодарности, а *живой* благодарностью: так любить каждого человека, как его возлюбил Бог: любой ценой и до конца.

И если мы так научимся любить, то мир наш станет новым, другим миром; тогда придет к нам Царство Божие, Воскресение, новая жизнь. Но для этого каждый из нас должен умереть — не телесной смертью и не ужасной смертью разлуки, а отказом от всего себялюбия, от искания своего открыться Богу, открыться другим, жить для других. Потому что воскреснуть вечной жизнью может только то, что сбросило с плеч, как старую, ненужную одежду, все временное и тленное... ТАК будем жить и такой мир создавать, и тогда возрадуется о нас Господь, и мы с радостью взглянем Ему и каждому человеку в лицо...

Христос Воскресе!

Пасха

Хочу прибавить к словам святого Иоанна Златоустого и свое приветствие из далекой вам Англии, низкий поклон принести Святейшему Патриарху Пимену, всему епископату Русской Церкви, всем верным ее чадам и всем тем, кто еще не встретил Христа и кому дано будет, быть может, встретить Христа воскресшего, Христа победителя, если мы, христиане, будем явлением Его славы! Давным-давно Апостол Павел предупреждал верующих, что *из-за них* люди не могут верить в Бога и во Христа, потому что в них они не видят торжества жизни, в них они не видят людей, которые сияют вечностью. Станем же таковыми, чтобы каждый из окружающих нас, каждый человек, который нас встретит, остановился бы и воскликнул: *Что* сияет в глазах этих людей?! Это свет неземной, это свет, который струится откуда-то — мы не знаем, откуда, но нам *туда* надо, потому что нам *нужен этот свет*, не временный свет, а вечный, сияние Божие... Перед Своей смертью Христос Спаситель вызвал к жизни Лазаря, который четыре дня лежал во гробе; истлевшую плоть Он восстановил и послал его вестником воскресения, вестником любви Божией, вестником Божественной победы. Теперь все делается возможным, и на нашей Родине теперь верующие как бы из гроба восстают и могут быть свидетелями перед всем

народом русским о Боге, о Христе, о непобедимой любви, о том, что Церковь — это Тело Христово живое, войско неубывающее, войско победоносное: потому что его победа не в порабощении других, а в освобождении других! Потому что победа наша, христианская, в том, чтобы *жизнь* нашу и *смерть* нашу, если нужно, подарить для спасения гонящих нас, ненавидящих нас, не знающих Бога... Вот призвание наше: где темно — мы должны быть светом; где веры нет — мы должны принести *уверенность* веры; где надежды больше нет — мы должны сиять надеждой, когда, казалось бы, надеяться невозможно; где гаснет любовь — мы должны быть *непобедимой* любовью! Мы должны быть примером того, *что* представляет собой настоящий, живой человек, человек, который является живым образом Спасителя Христа, соединенный с Богом неразлучно и отдающий себя безвозвратно на служение другим людям!

Вступим — и мы здесь, и вы там, на возлюбленной далекой Родине нашей, в этот путь! Отдадим жизнь, чтобы воскресла Россия, отдадим жизнь, чтобы воскресла Церковь, отдадим жизнь, чтобы *Бог* победил — а победа Божия это не порабощение людей, это их царственная свобода.

Светлый Понедельник — Благовещение

7 апреля 1980 г.

Очень редко Воскресение Христово и Благовещение совпадают так, как в этом году. И это в каком-то смысле делает нашу радость еще более славной, еще более полной; потому что о Божией Матери, в течение всей жизни Христа, мы всегда думаем как об Уходящей в тень, дивной в Своем безмолвии, в Своем преклонении перед путями Божьими, в Своем принятии пути Христова, который приведет Его к Страстям.

Мы видим Ее у Креста, мы слышим обещание, данное Ей в каноне: поистине, "Не рыдай Мене, Мати, *восстану* бо..." И мы вспоминаем слова Симеона: Меч пронзит Твое сердце...

Сегодня круг как бы замкнулся: Благовещение было провозглашено, все совершилось, все случилось, и исполнение всего — Воскресение, и Воскресение как раз накануне Благовещения, как бы отирая всякую слезу, наполняя всякие потемки и тьму дивным светом вечной жизни.

И так мы можем радоваться, радоваться еще глубже, радоваться за НЕЕ, Ту, Которая дала нам Своего Сына, что сейчас Она, в день Своего Благовещения, *уже* в уверенности и славе Воскресения Сына Своего. Аминь.

Фомино Воскресенье

1-е Воскресенье по Пасхе — (Ин. 20:19-31) — 7 мая 1978 г.

Мы сегодня совершаем память святого Апостола Фомы; о нем все вспоминают как о том, который усомнился в воскресении Христовом, когда другие ученики рассказали, поведали ему о нем; и мы редко задаем себе вопрос о том, кто же он был, какой он был человек, почему он мог усомниться?

Кроме того места, где вспоминается о его избрании Спасителем на апостольство, мы читаем в Евангелии об Апостоле Фоме только два раза. И первое место такое значительное: когда Христос говорит Своим ученикам, что Ему надлежит вернуться в Иудею для того, чтобы воскресить Своего друга Лазаря, ученики стараются Его уговорить остаться вдали от убийственного, опасного Иерусалима; и только Фома говорит: Пойдем с Ним и умрем с Ним... Еще до Воскресения Христова, тогда, когда ученики видели во Христе только наставника, он был готов по любви и верности к Нему просто с Ним умереть — *только* умереть: не защитить Его, ни на что не надеяться, а только разделить с Ним Его судьбу...

И вот этот человек, который с такой верностью был готов разделить со Спасителем смерть, ставит вопрос другим ученикам: *Возможно* ли это?!. Они ему рассказывают, что видели воскресшего Христа, и он этому не может поверить. Почему?

Не потому ли, что до святой Пятидесятницы, до того, как Дух Святой сошел на Апостолов, они оставались теми же робкими, часто непонимающими, часто колеблющимися людьми? Как он мог поверить, что воскрес Христос, когда единственное свидетельство о Его воскресении было в том, что эти ученики ликуют, радуются — и, однако, остаются теми же самыми людьми, не изменившимися, ничем не отличными от того, чем они были раньше? Чтобы принять весть о воскресении, ему нужна была другая достоверность, чем просто ликующие слова Апостолов, поскольку он понимал, что *если* воскрес Христос, то *все* на свете изменилось, что последняя победа не за человеком, а за Богом, что любовь покорила, а не ненависть, что мы живем теперь в новом мире, потому что действительно Бог в этот мир вошел и его преобразил в мир вечной жизни, а не только тлеющей, порой долгой, но лишь временной жизни...

И когда Спаситель встал перед ним, он уверовал, потому что во Спасителе было сияние вечной жизни, и Он предстал перед Своими учениками уже не как тот Иисус из Назарета, который был их учителем, а как воскресший Господь, в силе и славе Своего воскресения — однако с руками и ногами и боком, прободенными гвоздями и копьем...

Воскресение Христово не снимает трагичного в жизни; Христос вошел в жизнь, чтобы понести *всю* ее трагедию и ее преобразовать в победу, но пока есть *один* грешник на земле, Христово тело остается телом распятого Христа. В вечности Он нам предстанет, верно, именно таким, потому что Его распятие говорит о бесконечной любви Божией... И увидав Его, распятого Христа, во славе Воскресения, Фома поклонился Ему и произнес последнее, торжествующее свидетельство, которое *мы* должны пронести через мир, через нашу жизнь и через жизнь мира: **Господь мой и Бог мой!**

Но те, кому мы скажем о Воскресении Христовом, те, кому мы объявим, что Он воскрес, что Он — Бог, что Он победил, — как могут они поверить, если мы будем подобны тем Апостолам, которые могут только ликовать о том, что пережили, но не могут *явить* ни силу, ни славу Воскресения?. И потому мы, верующие в Воскресение Христово, должны стать народом новым, обновленным, *другими* людьми: людьми, которые веруют в жизнь и в жизнь вечную, в которых торжествует победа над смертью уже теперь, потому что мы, приобщившись к смерти Христовой, живем — должны бы жить! — вечной жизнью воскресшего Христа, жизнью Божественной...

Тогда мы не боялись бы смерти, не боялись бы страдания, не боялись бы *ничего* на свете, потому что этой жизни не может отнять у нас никто. Мы шли бы тогда живыми, торжествующими и убедительными свидетелями того, что воскрес Христос, потому что другие видели бы в нас людей вечно живых, научившихся любить, даже если это стоит жизни временной, научившихся *верить* в человека, как только Бог в человека умеет верить, *на все* надеяться и все побеждать, отдавая себя безгранично в радости, любви и победе Господних. Аминь.

Воскресенье жен-мироносиц

2-е Воскресенье по Пасхе — (Мк. 15:43—16:8) — 15 мая 1974 г.

Не убеждения и даже не глубокая убежденность могут пересилить страх смерти, позора, а только любовь может сделать человека верным до конца, без предела, без оглядки. Мы сегодня празднуем торжественно, благоговейно память святых Никодима, Иосифа Аримафейского и жен-мироносиц.

Иосиф и Никодим были тайными учениками Христа. Пока Христос проповедовал в толпах народа и являлся предметом ненависти и возрастающей мстительности Своих противников, они робко ходили к Нему ночью, когда никто не мог приметить их прихода. Но, когда вдруг Христос оказался взят, когда Он был схвачен и приведен к смерти, распят и убит, эти два человека, которые в течение Его жизни были робкими, не решающими своей судьбы учениками, вдруг по преданности, по благодарности, по любви к Нему, по изумлению перед Ним оказались крепче Его ближайших учеников. Они забыли страх и открылись перед всеми, когда другие скрывались. Пришел Иосиф Аримафейский просить

тела Иисусова, пришел Никодим, который только ночью осмелился Его посетить, и вместе с Иосифом они погребли своего Учителя, от Которого они уже больше никогда не отказались.

И жены-мироносицы, о которых мы знаем так мало: одна из них была спасена Христом от вечной гибели, от демонской одержимости; другие следовали за Ним: мать Иакова и Иоанна и другие, слушая, принимая Его учение, становясь новыми людьми, участь единственной Христовой заповеди о любви, но о такой любви, которой они не знали в прошлой своей, праведной или греховной, жизни. И они тоже не побоялись стоять поодаль — пока умирал Христос на кресте и никого не было от Его учеников, кроме Иоанна. Не побоялись они прийти помазать тело Иисуса, отверженного людьми, преданного Своими, осужденного чужими преступника.

Позже два ученика, когда достигла их весть о воскресении Христовом, стремительно поспешили ко гробу; одним был Иоанн, который стоял у креста, тот, который стал Апостолом и проповедником любви Божественной и которого любил Иисус; и Петр, который трижды отрекся, о котором было сказано женам-мироносицам "возвестить Моим ученикам и Петру", — потому что другие скрылись от страха, а Петр трижды при всех отрекся от своего Учителя и не мог уже себя почитать учеником: И *ему* принесите весть о прощении...

И когда эта весть дошла до него — как он устремился к опустевшему гробу, чтобы удостовериться, что воскрес Господь и что все еще возможно, что не поздно покаяться, что не поздно вернуться к Нему, что не поздно снова стать верным Его учеником. И действительно, позже, когда он встретил Христа у моря Тивериадского, не о его измене спрашивал Христос, а только о том, любит ли он Его еще...

Любовь оказалась крепче страха и смерти, крепче угроз, крепче ужаса перед всякой опасностью, и там, где рассудок, убеждение не спасли учеников от страха, любовь преодолела все... Так в течение всей истории мира, и языческого, и христианского, любовь побеждает. Ветхий Завет нам говорит, что любовь, как смерть, крепка: единственно она может сразиться со смертью — и победить.

И поэтому, когда мы будем испытывать свою совесть по отношению ко Христу, по отношению к нашей Церкви, по отношению к самым близким или дальним людям, к родине, — будем ставить себе вопрос не об убеждениях наших, но о любви нашей. И у кого найдется сердце настолько любящее, настолько верное и непоколебимое в любви, как было у робкого Иосифа, у потаенного ученика Никодима, у тихих жен-мироносиц, у отрекшегося Петра, у юного Иоанна — у кого найдется такое сердце, тот устоит против пыток, против страха, против угроз, останется верным и своему Богу, и своей Церкви, и ближним, и дальним, и всем.

А в ком окажутся только крепкие убеждения, но сердце холодное, сердце, не загоревшееся такой любовью, которая может сжечь всякий страх, тот знай, что он еще хрупок, и проси у Бога этого дара слабой, хрупкой, но такой верной, такой непобедимой любви. Аминь.

Воскресенье о расслабленном

3-е Воскресенье по Пасхе — (Ин. 5:1-15)

Какая радость и какое вдохновенное ликование охватывает душу, когда читаешь в евангельских рассказах о чудесах Христовых, о той силе Божией и о той Божией любви, о той личной, сильной заботе Господней о всех нас. И вместе с этим из каждого рассказа можно чему-то научиться. И вот вдумаемся только в сегодняшний рассказ.

Человек болел долго; тридцать восемь лет своей жизни он пролежал больной в месте, где вокруг него лежало множество других больных. Евангелие их описывает тремя словами, которые, с одной стороны, указывают на их недуг, а с другой стороны так ясно и так резко описывают нашу духовную болезнь: слепые, хромые, сухие... Слепые — которые не видят того, что перед их глазами; глухие — которые не слышат слово жизни;

иссохшие — в которых уже нет жизни самой. И ждали они движения воды, ждали они чего-то, что извне их коснется.

Как часто и мы, в этом притворе небес, которым является земля, находимся, как эти люди, слепые, глухие, иссохшие. Мы ждем чего-то, ждем, чтобы сошел Ангел Господень и закипела вода, и мы чудесно, действием извне, стали бы снова людьми зрячими, чуткими, ожившими.

И это бывает: мы видим вокруг себя, как вдруг из купели Крещения выходит человек новый, обновленный; мы видим, как, приобщившись Таинств, тот или другой человек воссиявает новой жизнью; мы видим постоянно, как прикасается благодать, как вскипевшая вода в купели Силоамской или Вифезде оживляет людей. Но это относится не ко многим: к тем, которых почему-то, по неведомым для нас причинам, взывает сила Божия. А другие, все мы, продолжаем лежать слепые, иссохшие, ожидая чуда.

И слышим мы в сегодняшнем Евангелии ясное, четкое слово Христа. Подошел Христос к этому больному, увидел, что давно лежит он в своей болезни, и обратился к нему с вопросом: А хочешь ли ты исцелиться?. Это вопрос, который мы должны бы все ставить себе сами. Да, я прошу исцеления, да, я хотел бы, чтобы со мной случилось чудо, — но готов ли я для чуда, готов ли я чудо взискать и принять? Вспоминается тут исповедь блаженного Августина, который в книге о себе самом говорит, что, сознавая, что живет в грехе, что он гибнет, что он мерзок, долго молился Богу такими словами: Господи, дай мне целомудрие — но только не сейчас!. И разве мы, молящиеся Богу о том, чтобы стать нам людьми евангельскими, живыми, Божиими, не повторяем постоянно подобной молитвы: Сделай это, Господи, — но дай мне еще время пожить по моей воле против Твоей воли, по моим грехам, независимо от Твоего Креста и Воскресения...

И вот Христос ставит каждому из нас вопрос: А хочешь ли ты исцелиться?. Слепой, глухой, иссохший, — хочешь ли жизни?. И если мы можем ответить: Да, хочу! — Христос не говорит нам: Жди же теперь, чтобы закипели воды, чтобы сошла сила... Он нам говорит: В таком случае, встань и ходи! Встань и иди туда, куда тебя влечет благодать, встань сам, встань верой, встань убеждением, порывом, не жди, чтобы тебя подняли... Как часто бывает, что мы чувствуем: мы *могли бы* это сделать, сделать то, о чем молимся, — но не делаем этого: пусть за нас это сделает Бог... И Бог не делает этого, потому что Он дает нам любую силу, чтобы совершить свой путь земной, жизненный, но за нас Он жить не может: *за нас* Он только смог умереть.

И вот идет этот человек, который поверил слову Христову, что недостаточно молить, а надо самому ожить, и вокруг него толпа, которая упрекает его в том, что он непрошенный... И это бывает так часто, увы, в нашей церковной жизни: не тогда пришел, не так поступил... Мы не видим, что сила Божия человека воздвигла, мы видим только, что в неурочный час он поступает необычным образом.

Вдумаемся в некоторые черты этого рассказа и применим их к себе: будем молить Бога о силе, и о помощи, и о благодати, но будем помнить, что она дается, но *жить* должны мы сами. За нас Бог умер; теперь Его жизнью, жизнью воскресшего Христа, мы можем жить. Соберем же силы и станем жить во имя Господне, ибо, по слову Апостола, все нам возможно в укрепляющем нас Господе Иисусе Христе! Аминь.

Воскресенье о расслабленном

3-е Воскресенье по Пасхе — (Ин. 5:1-15) — 27 апреля 1980 г.

Вновь и вновь, из года в год те же самые евангельские отрывки читаются в церкви; и когда они возвращаются, всегда встает передо мной вопрос: А что ты сделал и течение целого года для того, чтобы этот отрывок Евангелия не был словом, сказанным тебе и не услышанным, не был словом, просто напрасно прозвучавшим?.

Сегодняшнее Евангелие говорит о парализованном человеке, который в течение многих лет не мог найти себе исцеление, потому что никто, *ни один* человек не нашелся за

все эти годы, чтобы помочь ему опуститься в исцеляющие воды купели. И вот передо мной, как перед каждым из вас, вероятно, стоят два вопроса, и первый из них: Кто я?

С одной стороны, я тот человек, лишенный силы, который неспособен, не может найти себе исцеление *своими* силами. Сколько оцепенения в душе, сколько бессилия в воле, сколько бесчувствия в сердце, сколько тусклости в разуме каждого из нас, во мне... И вот, из года в год, когда-нибудь, хоть сегодня, враз, встает вопрос: Ты *можешь* исцелиться? — и ответ: Нет, не могу; силы нет, не могу взлететь душой к Богу, не могу обратиться с силами — *не могу*; я парализован во всех отношениях...

И второй вопрос, уже двоякий: неужели нет никого около меня, кто помог бы мне ожить? Не опустив меня, конечно, в целительные воды, а, может быть, сказав животворное слово? Может быть, предложив, если я сам, один, не могу идти, меня поддержать, мне помочь хоть несколько шагов ступить — неужели нет никого?. И если спросить себя — сколько есть таких голосов, сколько дружбы, сколько бодрящих слов, сколько слов, обращенных ко мне лично и к каждому из нас, к тебе Самим Спасителем Христом, которые могли бы тронуть душу так, чтобы она вздрогнула и стала живой...

И обратная сторона этого второго вопроса: сколько вокруг меня людей, парализованных волей, сердцем, душой, которым я мог бы помочь ожить, встать, пойти, — а мне лень, мне некогда, я забываю... И когда я говорю "я" — то, по совести, я говорю о себе, но также, вероятно, о каждом из вас, кто слушает, кто слышит мое признание в ксности...

И что же нам делать? Неужели снова ждать в течение года, чтобы *те же* слова прозвучали, чтобы снова Христос нам сказал те же слова и мы снова подумали: А, прошел год — и все одно и то же повторяется в церкви... Повторяется, да! — как в нашей жизни; если бы только мы ожили от первого слова, нам не нужно было бы его слышать вновь и вновь, мы бы это слово воплотили в себе, мы бы его пронесли через всю жизнь, как факел, и загорелись бы души вокруг нас, и ожили бы люди вокруг нас, и они тоже понесли бы благую, животворящую весть...

Вот, в течение недели, которая сегодня началась этим чтением, поставим перед собой вопрос о том, в *чем* моя немощь? Чем я парализован? Какой частью души? Что внесло этот паралич, это оцепенение в мою душу? — и *отделаемся* от этого с помощью Христа, с помощью любящих нас людей, собрав все свои силы. И спросим себя: кто около меня нуждается в той помощи, о которой я мечтаю, без которой я жить не могу?. И не ожидая ничего, не ожидая, чтобы я сам стал живым, — попробую дать другому ту помощь, которая ему поможет ожить. Аминь.

Воскресенье о расслабленном

3-е Воскресенье по Пасхе — 28 апреля 1991 г.

Хочу обратить ваше внимание на три черты сегодняшнего Евангельского чтения. Первое — как страшно слышать, что человек тридцать восемь лет был в крайней нужде, разбитый телесной болезнью, сломанный, и что *никого* не нашлось, кто бы его пожалел, кто бы ему помог... И то, что случилось с этим человеком, в наше время случается с миллионами других людей: потому что *мы* холодны сердцем, потому что нам нет дела до того, что другие голодают, страдают болезнью, находятся в отчаянии душевном, ищут и не могут найти своего пути в жизни, в конечном итоге — Живого Бога, потому что *мы* так холодны, миллионы людей остаются во тьме и в холоде, в одиночестве и в ужасе.

Вторая черта этого Евангелия относится именно к этому: кто из нас может сказать, что когда он чего-то желал, о чем-то мечтал, чего-то добивался и стоял рядом с ним другой человек, который был в той же нужде — но дольше, в той же нужде — но больше; кто из нас пожертвовал собой, отступил в сторону и сказал: Ты пройди первым, ты будь первая — я подожду... В ответ на такой поступок Господь мог бы дать человеку — каждому из нас, если бы мы только сумели так поступить, — такую душевную тишину, такой свет, который сделал бы ненужным то, к чему мы так отчаянно стремимся.

И, наконец, Христос говорит этому человеку: Смотри, берегись, не согрешай больше, иначе хуже будет еще, чем-то, что ты пережил... Грех, конечно, выражается словами, мыслями, поступками, волеизъявлением; но в основе грех — это отрыв от Бога, потому что Бог является как бы ключом нашей цельности, нашей целостности. Если мы от Него отрываемся, то мы теряем самую возможность быть целыми. И отрываемся мы каждый раз, когда по отношению к другому человеку поступаем так, как не поступил бы Спаситель Христос. Он нам показал, *что* значит быть настоящим человеком: цельным, носящим в себе Божественную тишину и Божественную славу. Он нам показал путь; Он нас предупредил о том, что то, чего мы *не* сделали кому бы то ни было из наших ближних, мы не сделали Ему; и наоборот, если мы *что-либо* сделали для ближнего нашего, мы Ему это сделали, потому что когда что-нибудь доброе сделано для любимого человека, то любящий никогда этого не забудет.

Вдумаемся в то, что мы сейчас читали, в те намеки понимания, которые я попробовал довести до вашего сознания; доведите это до сознания, доведите до сердца, до воли, и пусть все это расцветет в живые, творческие поступки. Аминь.

Воскресенье о самарянке

4-е Воскресенье по Пасхе — (Ин. 4:5-42) — 19 мая 1968 г.

В сегодняшнем Евангелии есть слова, которые могут обрадовать всякого человека, если он найдет в себе правдивость и силы посмотреть на себя и на свою жизнь без лжи.

Христос, обращаясь к самарянке, ей говорит: Как хорошо ты сказала, что у тебя нет мужа — поистине ты правду сказала!. Разумеется, не хвалил ее Господь за прошлую жизнь, но за то, что она была способна правдиво и истинно на эту жизнь посмотреть и правдиво о ней сказать: Как хорошо, что ты так сказала, ты правду рекла...

Дальше разговор вдруг меняется: в то мгновение, когда она видит, что этот Человек может говорить не о земном, а о чем-то более глубоком, более основном, она уже не спрашивает Его о воде, о колодце, — она Ему говорит: Наши отцы поклонялись на этой горе, а вы говорите, что в Иерусалиме надо поклоняться Богу; где же правда?. Все забыто: и черпало забыто, и жажда, и далекий путь из Самарии, — остался один основной вопрос: где поклоняться Богу, *как* поклоняться так, чтобы Господь это поклонение принял? И потому что эта женщина имела правду в своем сердце и была способна без лжи на себя взглянуть, без лжи сказать о себе истину, Христос ей открыл, что Богу надо поклоняться в духе и истине.

Бог может спасти каждого из нас, но Он ничего не может сделать, если мы лжем перед собой и лжем перед Ним. Он может спасти того грешника, которым мы являемся, Он *не* может спасти того иллюзорного праведника, которого мы стараемся представить собой и которым мы не являемся. Если мы хотим поклониться Богу, то мы должны поклониться Ему в истине, в правде, в честности и в доброй совести, — тогда Бог делается нам доступен.

И еще: поклоняются Богу и не тут или там, поклоняются Богу в духе своем и в сердце своем, всей правдой, всей истиной, всем пламенем своей жизни. Поклонение Богу не заключается в том, чтобы в одном или ином месте приносить Ему молитвы, которые с кровью вырвались когда-то из чужих сердец; поклоняться Богу — это значит стоять во всей правде и неправде своей перед Богом, но истинно перед Ним стоять, видеть в Нем своего Господа и Бога и поклоняться перед Ним, видеть в Нем то, что Он представляет: святое, дивное, прекрасное.

Если мы так поклоняемся Богу, то это поклонение должно пойти далеко за пределы хвалебных песней церковных или даже покаянных наших слов; поклонение Богу должно стать *всем* в нашей жизни. Каждый раз, как мы творим правду и правду говорим, каждый раз, когда мы творим добро и проявляем любовь, каждый раз, когда мы достойны своего имени человека и имени Божия, мы поклоняемся Богу духом и истиной.

Вот станем этому учиться; но начать мы можем только с того, чтобы перед собой, перед Богом, перед людьми встать в правде нашей, *какие мы есть*, и поклониться всей жизнью нашей, и словом и делом. Аминь.

О самарянке

4-е Воскресенье по Пасхе — (Ин. 4:5-42) — 8 мая 1988 г.

Евангелие не сообщает нам имени женщины-самарянки, но Предание Церкви его сохранило, и мы называем ее по-гречески — Фотини, по-русски — Светланой, на кельтских языках — Фионой, на других западных языках — Клэр. И все эти имена говорят нам об одном: о свете. Повстречав Господа Иисуса Христа, она стала светом, в мире сияющим, светом, который просвещает тех, кто встречается с ней.

Каждый святой дается нам в образец и в пример. Мы не всегда можем конкретно повторить действия святого, мы не всегда можем подражательно следовать его путем от земли на Небо. Но от каждого святого мы можем научиться двум вещам. Одно, это что силой благодати мы можем достичь того, что по-человечески кажется невозможным: стать человеком по образу и подобию Божию, и в этом потемненном, трагическом мире, который во власти у лжи лежит, быть словом правды, знамением надежды, *уверенностью*, что Бог может победить, если только мы дадим Ему доступ в нашу душу и в нашу жизнь. Прежде всего в нашу душу, потому что, если Царство Божие не водворится в нас, если Бог не воцарится в нашем уме и сердце, как бы пожаром сжигая все, что недостойно и нас самих и Его, мы не можем сиять Божиим светом на окружающий нас мир.

И второе, чему могут научить нас святые, — это понять, *что* говорит нам их имя. Самарянка сегодня говорит нам о свете. Христос сказал, что Он — Свет миру, Свет, просвещающий каждого человека; и мы призваны дать в наших душах, в наших умах и сердцах, во всем нашем существе *приют* этому Свету, чтобы в нас и через нас могло исполниться и стать реальностью слово, сказанное Христом: "Так да просветится свет ваш перед людьми, чтобы, видя ваши добрые дела, они прославили Отца вашего, Который на небесах".

Только видя, как мы живем, только по нашим делам люди могут поверить, что свет — есть свет Божий; не по нашим словам — разве только что наши слова — слова такой же правды и силы, как слова Апостолов или даже Самого Христа. Поэтому задумаемся, каждый из нас, о значении нашего имени и о том, как стать тем, чем мы названы.

Самарянка пришла к колодцу не из духовных соображений: она просто пришла, как приходила каждый день, чтобы набрать воды, — и встретила Христа. Каждый из нас может встретить Христа на каждом шагу жизни, когда мы заняты самыми обыденными делами, если только сердце наше настроено правильно, если мы *готовы* к тому, чтобы принять благовестие, услышать — и ставить вопросы! Потому что самарянка *ставила* Христу вопросы; и то, что она услышала в ответ, настолько превосходило ее вопросы, что она узнала в Нем пророка, а потом и Христа, Спасителя мира.

Но свет нельзя прятать под спудом; обнаружив, что Свет пришел в мир, что слово Божественной правды звучит теперь *среди людей*, что Бог *среди* нас, она оставила все земные заботы и бросилась бегом разделить с другими радость, изумление о том, что она нашла. Сначала она рассказала им, почему она поверила, и когда, может быть, любопытство, а может быть, и убедительная сила ее слов и та перемена, которую они в ней самой могли видеть, привели их ко Христу, они убедились и сами и сказали ей: Теперь мы верим не потому, что ты нам рассказала, — теперь мы сами *видели*, сами слышали...

Вот чему самарянка учит всех нас: чтобы во всякое мгновение нашей жизни, за самыми незатейливыми занятиями, мы были так открыты, чтобы принять Божественное слово, быть очищенными его чистотой, быть просвещенными Божественным светом и принять его в глубины нашего сердца, принять его *всей* нашей жизнью, так чтобы люди, видя, чем мы стали, могли поверить, что Свет пришел в мир.

Будем же молиться самарянке, чтобы она научила нас, привела бы нас за руку ко Христу, как она сама пришла к Нему, и служить Ему, как она послужила Ему, став спасением для всех, кто был вокруг нее. Аминь!

Воскресенье о слепорожденном

5-е Воскресенье по Пасхе — (Ин. 9:1-38) — 22 мая 1967 г.

К недоуменным местам Нового Завета можно относиться двояко: либо на основании своего опыта, своих мыслей, своей неспособности видеть шире и глубже, чем мы видим, сказать: Этого не может быть, а если это есть, — Ты, Господи, докажи, а потом я поверю... Можно относиться и иначе: на основании опыта Бога, который, хоть малый, у каждого из нас есть, мы можем стать перед лицом своих суждений, своего опыта, своих убеждений и чувств и сказать: мне явилось что-то беспредельно большее, чем все то, что я разумел, все то, что мне представлялось истинным; это — явление мне от Самого Бога, и отныне я войду верой в этот опыт, который превосходит мой опыт, и рано или поздно, изнутри этого общения с Богом, я познаю, что Бог был прав...

Одно из самых недоуменных, трудных мест Нового Завета — это начало сегодняшнего евангельского чтения; не вопрос, который был поставлен учениками: Кто согрешил, что этот человек родился окутанным тьмой? — а другой вопрос, который рождается из ответа Христа: никто не согрешил, никто не виноват, это не возмездие, и даже не последствие, это случилось для того, чтобы явилась Божия слава...

В чем же Божия слава? Неужели в том, что человек прожил слепым, может быть, много лет, дожил до зрелости слепым, обездоленный таким страшным образом для того, чтобы над ним совершилось чудо, чтобы люди прославили силу Божию? Разве люди не могли бы эту Божию силу прославить, может быть, с большей радостью, с более живым чувством понимания, если они увидели бы человека, одаренного всем богатством человеческих возможностей?.

И на это приходится ответить тоже двояко. Нет, люди бы не прославили, это мы знаем из собственного опыта и из опыта всех вокруг. Люди не прославляют Бога за то, что все в их жизни хорошо; люди не прославляют Бога за то, что так дивно бывает жить — все дивное только "естественно": естественно быть здоровым, естественно быть защищенным, естественно быть свободным — все естественно, что дает радость человеку. И редко-редко кто умеет ценить это как дар, как подарок, как нечто не только не заслуженное, но такое, что является предметом постоянного изумления: *Как это может быть?. Как это чудно!*

Но, кроме того, есть и другой ответ, мне кажется, еще более значительным и важным: слава Божия не явилась в том только, что этот человек прозрел телесными очами: он прозрел самыми глубинами своей души. Глаза его открылись на милость Божию, на всемогущество Божие, открылось его сердце к тому, чтобы благодарностью и верой ответить на Божий дар телесного прозрения. Вот здесь воссияла слава Господня — не в том смысле, что люди Христа похвалили; Евангелие говорит нам, что уничтожили Господа, как грешника, за то, что Он не так, как люди ожидали, совершил Свое дело милосердия. Нет, не в этом смысле прославился Он, а тем, что в душе этого человека воссияла вечная жизнь: заискрилось, заблестало, засветилось то, что принадлежит Самому Богу и что вошло в мир в новом сиянии Божественного присутствия.

Часто, окруженные горем, видя трагедии земли, мы колеблемся душой и не видим, что через всякое обстоятельство, через всякий случай в жизни может войти опыт в человека, в его глубины может войти чудо встречи с Богом, и что это гораздо больше и значительнее, чем то, чего мы боимся.

Вдумаемся в это; пути Божии — пути строгие; Бог нам дает много, но Он никогда нам не даст погибнуть от нашего благополучия. Если мы в этом благополучии не сможем найти благодарность и вечную жизнь, то, милостив Бог, *не даст Он* нам погибнуть в нашем благополучии!

И это слово суровое, это слово, сказанное много веков тому назад, еще в первом поколении христиан, одним из учеников, Ермой: Милостив Бог, — говорит он, — Он не оставит тебя, доколе не сокрушит сердце твое или костей твоих... Милостив, потому что перед лицом окаменелости нашей, перед лицом ожесточения и слепоты наших должно войти в нашу жизнь просвещающее чудо; а поскольку мы недостаточно чутки, чтобы пережить тихое веяние благодати, оно часто *бурей* входит в нашу судьбу. Аминь.

Воскресенье о слепорожденном

5-е Воскресенье по Пасхе — (Ин. 9:1-38) — 11 мая 1980 г.

Я хотел бы обратить ваше внимание на две черты в сегодняшнем евангельском чтении. Первое — это что вновь и вновь Господь Иисус Христос совершает чудо в день субботний, вызывая негодование тех, которые соблюдали закон со всей его строгостью, хранили его с фанатизмом.

Но не для того, чтобы их *оскорбить*, Христос поступает так; Бог сотворил мир в шесть дней, и на седьмой день Он почил от трудов Своих, поручив, передав мир заботе человека. Вся история, от сотворения мира до Второго Пришествия, есть день человека, когда человек должен принести плоды творения, должен довести творение до его полноты, воссоединить тварь с ее Творцом.

Человек изменил своему призванию: мы были призваны довести мир до совершенства красоты и гармонии с Богом и с самим собой, а сделали его уродливым и чудовищным. Но пришел Христос, единственный подлинный Человек, единственный Человек в полной гармонии с Богом, единственный Человек, Который был способен выполнить ту задачу, которая была поручена человеку. И когда Он творит Свои чудеса в день субботний, это нам призыв относиться к Истории, к *нашему* дню, тому дню, в котором мы живем, как к дню, который Бог поручил нашей заботе, и сделать из него День Господень.

И другая черта, которая находится в прямой связи с первой: когда мы читаем в Евангелии о действиях Божиих, Его проповеди, Его чудотворениях, мы устремляемся к Нему с надеждой, чтобы Он сотворил чудо *для нас*. И мы забываем, что Христос сказал, что Он нам дал пример, которому мы должны последовать: то, что Он творил, — и нам надлежит сотворить, и что действительно, по Его собственному слову, верующий в Него сотворит дела большие, чем чудеса, которые Он творил...

Наше призвание в том, чтобы преобразить мир, преобразить его в самом корне его, но совсем не в том, чтобы самим беспрестанно быть объектом Божественной заботы. Мы, христиане, обескровили христианство, сделали его бессильным и слабым тем, что относимся к Истории не как ко дню человека, когда нам надлежит творить, а как ко времени, когда Бог будто бы должен непрестанно изливать на нас, маленькое Его стадо, и Свою благодать, и Свою помощь, и Свою милость. Он же, в вечер Своего воскресения, призвал нас идти в мир, как *Он* пришел, идти в мир вестниками любви, вестниками Бога Самого, и исполнить эту свою миссию, как *Он* ее исполнил, — ценой нашей жизни, изливая свою жизнь, чтобы другие жили, отдавая, если нужно, свою смерть для того, чтобы другие могли ожить.

Мы очень далеки от своего призвания; мы бежим к Богу за помощью в тот самый момент, когда Он повелевает нам самим прорываться вперед, *идти*, быть Его присутствием в мире. Апостол Павел знал это, когда говорил, что "я восполняю в теле моем, — то есть во всем существе его, душе и плоти, — недостающее страстям Христовым"...

И Христос зовет нас *забыть* себя, отвернуться от себя, потому что мы *сами себе* являемся камнем преткновения, не дающим нам выполнить наше призвание: страхом за наше тело, страхом нравственного, душевного страдания, страхом перед всеми теми вещами, которые мы призваны выполнить. Мы боимся смерти, хотя и провозглашаем, что Христос победил смерть; *где* же наша вера? Мы горюем, когда кто-либо умирает, хотя

знаем, что смерти нет больше, что есть только временное усупение, тогда как живая душа ликует лицом к лицу со своим Живым Господом...

Мы должны научиться отстранять самих себя, когда страх, жадность или что бы то ни было сосредоточивающее нас на себе самих не дает нам исполнить то, к чему мы призваны: быть вестниками Божией любви, Божьего сострадания, Божией правды. Тут мы должны сказать себе: Отойди от меня, сатана, противник, враг Божий, потому что ты думаешь не о вещах Божиих...

Если мы — действительно христиане, мы должны были бы повторять, вслед за Откровением Иоанна, слова Духа и слова Церкви: Ей, *гряди*, Господи Иисусе, и гряди скоро!. А мы, *многие* из нас, не тоскуем, не жаждем этого пришествия, *зная*, что Его пришествие означает смерть всех вещей земли и наше пробуждение лицом к лицу с Богом.

Мы посланы в мир быть тем, чем был Христос, и единственно, почему мы этим не являемся, это потому что мы не отказались, не отвергли себя самих для того, чтобы выполнить свое посланничество. Слепой человек встретил Христа лицом к лицу; Христос исцелил его. Сколько вокруг нас слепых — не физической слепотой, а слепотой более страшной: слепотой к смыслу жизни, слепотой к любви, слепотой к состраданию, слепотой ко всему, что могло бы превратить жизнь в поле брани и в победу...

Мы должны выйти, как Христос шел, забыв себя, взяв свой крест, следуя за Ним, ибо Он сказал, что если мы хотим куда бы то ни было прийти, то идти надо вслед за Ним. Это — вызов нам; то, что произошло в дни телесной жизни Христа, должно происходить *теперь*, когда мы — воплощенное Тело Христово. И если мы неспособны на это, то мы должны ставить себе прямые и жесткие вопросы и отвечать на них безжалостно, без самосожаления, и стать такими христианами, какими мы должны быть, какими мы призваны быть: христианами, в которых люди могли бы узнать Христа Самого. Аминь.

Память Отцов Первого Вселенского Собора

Воскресенье после Вознесения — 7 июня 1970 г.

Мы сегодня совершаем с благоговением и благодарностью память Отцов Первого Вселенского Собора, которые перед лицом лжи, поднявшейся на Христа, провозгласили церковную веру о том, что Он — поистине Сын Божий и Бог, равный Отцу и Духу.

Мы живем в век, когда вера кажется такой простой и очевидной; но она не всегда была таковой, и она не была таковой для многих. В это раннее время, когда человеческий ум в ужасе предстал перед непостижимостью Божественного Откровения, людям, искушенным земной мудростью, особенно трудно было принять Христа как Живого Бога, непостижимого, не ограниченного ни временем, ни пространством, но, однако, пришедшего плотью жить среди нас, ставшего человеком, во всем подобным нам, кроме греха.

То же самое искушение, из столетия в столетие, стоит перед лицом всех тех, кто погружен в мысли о земле и не готов встать перед тайной Божией и принять верой слово истины, Самим Богом сказанное.

С тем большим благоговением должны мы относиться к тем, кто в те дальние для нас времена, но времена близкие ко дням земной жизни Спасителя сохранил для нас и провозгласил во всей славе эту веру. Благодаря им мы поклоняемся во Христе Живому Богу; благодаря им мы знаем, что Бог непостижимый был Человеком и все человеческое принял на Себя, все освятил, все очистил, все сроднил с Богом таинственным и непостижимым.

С каким благоговением должны мы относиться к человеку и к тому миру, в котором это совершилось! Воплощение Христово, воплощение Слова Божия говорит нам о том, что человек настолько велик, что он не только может быть храмом Божиим, местом Его вселения, пребывания, но может сродниться с Ним так, как нам явлено в чуде Воплощения.

И еще эта тайна открывает перед нами величие всего созданного мира, потому что Сын Божий не только стал Сыном Человеческим, но Слово стало плотью; Бог не только стал Человеком, но и соединился с *созданным веществом* нашего мира. И мы видим, что тварь вся создана Богом так, что она может, опять-таки, быть не только храмом и местом Его пребывания, но *соединиться* с Самим Божеством.

Если бы только мы могли это помнить, если только мы могли бы смотреть друг на друга и прозревать эти дивные глубины человеческие, озираться вокруг и видеть, что тварь призвана к славе Божией, тогда мы строили бы иной мир, иные человеческие отношения, *иначе* обращались бы с веществом этого мира; жизнь стала бы тогда благочестием и благоговением!

Вдумайтесь в это. Апостол нам говорит, что мы должны не только в душах, но и в телесах наших прославить Бога; он возвещает, что придет время, когда Сын все покорит, и тогда, покорившись Отцу, Ему все предаст, и будет Бог "всяческая во всем". *Работаем* ли мы над тем, чтобы эта слава осенила, охватила, пронизала нас, каждого человека вокруг, всю тварь?. Вступим в этот путь созидания благоговейного, трепетного, но и ликующего о славе Божией и о славе твари и станем вместе с Богом строителями вечности. Аминь.

О Вознесении Господнем и Пятидесятнице

18 мая 1980 г.

Мы находимся сейчас между праздником Вознесения Господня и праздником Святой Троицы; и мне хочется сказать нечто, относящееся и к тому, и к другому.

Пророк Исаия в 53-й главе своего пророчества говорит: Он — Христос, тогда грядущий, — был изъязвлен за грехи наши, взял на Себя, на Свои плечи немощи наши и язвами Его, ранами Его мы исцелились... И когда мы думаем о Христе воскресшем, являющемся Своим ученикам, дающем им осязать Свои руки, призывающем Фому Апостола испытать реальность и глубину ран, которыми изъязвлены Его руки, ноги и бок, мы упускаем нечто из вида.

Мы забываем, что вознесшийся Христос вознесся с изъязвленной, раненной нашим грехом плотью Своей и что каким-то непостижимым образом не только воскресший, но и вознесшийся Христос, вступивший в славу Божию, сидящий одесную Бога и Отца, несет на Своей человеческой плоти раны, которые Ему нанесены человеческим грехом. Он все еще несет на Своих плечах человеческую немощь, и Воскресение Христово и страшная Страстная седмица сейчас как бы включены в тайну Троицы Святой, Непостижимой, Великой. Вся скорбь земли, вся боль, весь ужас легли на Христа, но Он не сбросил их *ни* Воскресением, *ни* Вознесением Своим во славе. Христос остается Агнцем Божиим, закланным до сотворения мира за спасение мира...

И когда в день Святой Пятидесятницы — тот день, который мы празднуем как день Троицы Святой — Он посылает Своего Духа на учеников, на Апостолов, на Церковь, в мир весь, Он посылает Его нам как бы двойко. С одной стороны, мы — Тело Христово, живое, трепетное: измученное и изъязвленное за тысячелетия Тело Христово, по слову Павла, носящее на себе раны Спасителя, восполняющее в себе то, чего недоставало земной скорби и телесному страданию Христа; из столетия в столетие Церковь призвана быть Телом Христовым, ломимым во спасение человечества. И мы, как Тело это, как бы ни были недостойны этого, *потому* только, что мы — Христовы, потому что мы — Церковь, мы приобщены этому дару Святого Духа.

Но Дух Святой сходит на нас не только потому, что мы уже, непостижимым образом, соединены со Христом, а и потому, что мы немощны, мы бессильны, мы греховны, и только сила Божия, совершающаяся в немощи человеческой, может нас спасти. Получаем мы Духа Святого не только как Тело Христово, но порознь и вместе как грешное общество и как грешники, *отчаянно* нуждающиеся в силе Божией для спасения нашего...

И поэтому к празднику, который грядет на нас в будущее Воскресение, мы должны готовиться особенным образом: мы должны прийти в немощи нашей, но со всей

открытостью, со всей тоской по Боге, со всем голодом и со всей жаждой нашей о том, чтобы пришел Господь, чтобы ожила душа наша, чтобы изменилась жизнь наша...

Проведем же эту неделю вдумчиво: проведем эту неделю в ожидании и в молитве, чтобы, когда мы вместе будем петь Духу Святому призывную молитву: "Приди и вселися в ны!" — это была бы не очередная молитва, а завершение всей нашей тоски по Богу, всей любви нашей к Богу, и чтобы немощь наша открылась Ему, как душа может открыться любви, радости.

И тогда, как бы ни были мы греховны и немощны, мы сможем воспринять вновь и по-новому большую меру благодати, которая нас делает более близкими и более своими Богу, Тому Богу, Который вошел во славу в плоти, изъязвленной грехом нашим, неисцеленной, потому что грех наш еще пребывает...

Как дивен наш Бог! С какой благодарностью мы можем о Нем думать! Мы, полуверы, мы, живущие так плохо, Им любимы. Он в нас верит, на все надеется и все силой Своей нам может дать, если только мы дадим Ему право, власть над нами, простор действовать свободно. Будем же готовиться благоговейно к приходу Духа Святого на нас Аминь.

4. Недели по Пятидесятнице

День Всех Святых

16 июня 1968 г.

Сегодня праздник всех святых. Сегодня каждый из нас поминает и своего святого и святых всех близких и родных, явленных святых и тех, кто не был явлен миру, кто покоится в тайне бытия. Каждый из нас при Крещении получает имя святого; этот святой делается молитвенником нашим, хранителем нашей жизни, защитником нашим против зла. Каждый из нас при Крещении делается как бы храмом именно в том смысле, как храм земной: земной храм делается местом вселения Живого Бога, и мы при Крещении делаемся частицей тела Христова, зданием крепким, очищенным, обновленным. И благодатью Троичной мы делаемся храмом Святого Духа: опять-таки при Крещении мы запечатлеваемся семью печатями, делаемся местом вселения Святого Духа. Но вместе с этим, как и всякий земной храм, мы получаем имя одного из людей, кто сумел быть тем, чем мы призваны быть: подлинными и истинными христианами, сумел сохранить цельность во Христе и богатство вселения Духа.

Вот почему так важно нам вспоминать того святого, во имя которого мы названы. Должны бы мы знать его жизнь, должны бы прибегать к нему в скорби и в радости, должны бы вдумываться в эту человеческую личность, с которой мы заботой родителей, заботой Церкви каким-то образом связаны. Сегодня мы все именинники, сегодня праздник всего Неба и всей земли: все Христовы дети вместе ликуют о том, что вместе со Христом они — одно тело, один дух, одна жизнь. Одни свой путь совершили, победили, увенчаны; другие — мы, на земле — продолжаем свой путь под их сенью, под заступничеством их молитв. Проживем же так, чтобы, когда мы станем перед лицом святых, во имя которых мы названы, перед лицом Живого Бога, Который овладел и телом и душой и всей судьбой нашей, нам не было стыдно, чтобы была радость у Господа и у тех, кому мы поручены, и у нас, что мы не посрамили ни святых наших заступников, ни Господа, Который нам доверил Свое имя и нам позволил быть здесь, на земле, образом Его присутствия. Аминь.

Воскресенье Всех Святых

Епархиальная Литургия — 25 июня 1989 г.

Матерь Божия и все святые, память которых мы сегодня празднуем, те, которые известны нам, потому что Бог открыл их нам и потому что они были поняты и узнаны или своими современниками, или, иногда, годы или столетия спустя, — все святые являются ответом земли на любовь Божию. И это не только их личный ответ за самих себя, но и от лица всей твари, и от нашего лица также: потому что каждый из нас имеет поистине честь

называться одним из их имен, нашим христианским именем, именем одного из этих святых. И эти святые, чьи имена перешли на нас, стоят перед Богом и молятся, чтобы не обесчестилось их имя в очах Божиих.

Святые Божии содержат и охватывают все творения в своей любви, в своем предстательстве, в своей молитве, в своем реальном, неотступном присутствии. Как дивно, что мы принадлежим к этой неисчислимой семье мужчин и женщин, детей, которые поняли, *что* замыслил Господь, когда Он пришел, жил, и учил, и умер за нас! Они откликнулись всем своим сердцем, они открылись всем своим умом, они поняли Его замысел и приняли Его весть со всей решимостью преодолеть в самих себе все, что было причиной Распятия; потому что если бы и один человек на земле отбился, отпал от Бога, Христос пришел бы спасти его ценой собственной жизни. Это Его собственное свидетельство; один подвижник ранних веков молился, чтобы Бог покарал грешников; и Христос явился ему и сказал: **Никогда** так не молись! Если бы и **один** человек на земле согрешил, Я пришел бы умереть за него...

Святые это люди, которые ответили любовью на любовь, люди, которые поняли, что если кто-то умирает за них, то единственный ответ благодарности — это стать такими, чтобы смерть его не была напрасной. Взять на себя свой крест означает именно это: отвернуться от всего, что убивает и распинает Христа, от всего, что окружало — и окружает! — Христа и ненавистью и непониманием. И нам это сделать легче, чем тем, которые жили в Его время. В те дни они могли в Нем ошибиться; но в наши дни, две тысячи лет спустя, когда мы читаем Евангелие и встает в этом рассказе вся мера роста Христова и Его личность, когда у нас есть миллионы свидетелей, которые говорят нам, что Он подлинно отдал Свою жизнь за нас и что единственное, чем мы можем отозваться, это отдать жизнь друг за друга ради Него, — как можно нам не отозваться!

Поэтому в сегодняшний день примем новое решение: слушать, как они слушали всем сердцем, всем умом, всей волей, всем существом, чтобы *видеть*, что случается, чтобы *слышать*, что Он говорит, — и ответить благодарностью и решимостью. И тогда, если мы принесем Богу это малое — нашу благодарность и нашу добрую волю, — сила, чтобы и нам тоже вырасти в меру роста, которую задумал, возмечтал для нас Бог, — сила будет от Бога. Как Он сказал: Сила Моя в немощи совершается, Моей благодати тебе достаточно... И Павел, который знал это, прибавляет в другом месте: Все возможно нам силой Божией, укрепляющей нас... Сомневаться не в чем: мы всё *можем*, если только дадим Богу спасти нас, понести нас от земли на Небо.

Давайте же начнем заново, так, чтобы святые, чьи имена мы носим, радовались о нас, чтобы Матерь Божия, Которая отдала Своего Сына на смерть, дабы мы *могли* отозваться, *могли* понять, *могли* спастись, радовалась о нас, и чтобы Христос видел, что не напрасно Он жил, учил и умирал. Будем Его славой, будем светом; это может быть малый огонек, как малая свеча, это может быть свет блистающий, подобно великим святым, — но будем светом, просвещающим мир и делающим его менее темным! Будем радостью так, чтобы и другие могли научиться радоваться о Господе! Аминь!

День Всех Святых земли Российской

2 июля 1967 г.

В бесконечном богатстве личности Всечеловека Христа каждый народ выделил черты святости, которые ближе его сердцу, которые более понятны, которые для него более осуществимы. Сегодня из всего дивного многообразия святости, всего богатства земных и небесных человеческих возможностей мы празднуем память всех святых, в земли Российской просиявших: людей, которые нам по крови близки, жизнь которых переплелась с самыми решающими событиями нашей истории, людей, которые являются славой нашей земли, богатым, прекрасным плодом сеяния Христова, как о них говорится в праздничном тропаре.

В этом сонме русских святых, мне кажется, можно выделить три черты как характерные свойства русской святости: не в том смысле, что они отсутствовали у других народов, а в том смысле, что эти именно свойства были восприняты и возлюблены в нашей родной земле.

Первая — бесконечное терпение Господне. Святой Апостол Петр говорит, что Бог не медлит Своим судом, а терпит; Он ждет, потому что Он любит, а любовь всему верит, на все надеется, всего ожидает и никогда не перестает. И вот это свойство Христовой терпеливой, бесконечно ожидающей любви, которое так дорого Ему обходится, — потому что терпение означает готовность продолжать выносить, пока не осуществлена воля Божия, ужас и безобразие и страшные картины земли, — это терпение Господне находит свое выражение и в наших святых: не только изумительной выносливостью и выдержкой в подвиге, но и такой открытостью сердца, которое никогда не отчаивается о судьбе грешника, такой открытостью сердца, которое *каждого* принимает, которое готово последствия этой терпеливой любви нести на себе не только подвигом, но и страданием, и гонением, не отворачиваясь от гонителя, не отрекаясь от него, не выбрасывая из своей любви, но с готовностью, как говорит Апостол Павел, погибнуть даже в вечности, только бы спаслись те, которым нужно спасение.

Другое свойство, которое поразило в Христе русский народ, это **величие Христовой униженности.** Все языческие народы искали в своих богах образ того, чем мечтали сами быть — лично, каждый человек, и вместе, весь данный народ: они выделяли славу, выделяли власть, могущество, доброту, справедливость. И даже те боги древности, которые погибали ради народа, погибали героической смертью и восставали немедленно в славе.

Но явление Божие во Христе — иное; выдумать Его было нельзя, невозможно, ибо таким никто Бога не мог бы себе представить: Бога, Который делается униженным, побежденным; Бога, Которого народ окружает насмешкой и презрением, прибив ко кресту, издеваясь над Ним... Таким Бог мог явить Себя Сам, но выдумать Его таким человек не только не мог, но и не захотел бы, особенно если помнить слова этого Бога о том, что Он дает пример, чтобы мы были таковыми, каков Он был.

И вот этот образ униженного Христа, этот образ Бога пораженного, Бога побежденного, Бога, Который так велик, что Он может вынести и последнее надругание, оставаясь во всей славе и величии Своего смирения, русский народ возлюбил, и теперь любит, и теперь осуществляет.

И третья черта, которую мне хочется отметить, которая мне кажется общей всем русским святым, это то, что на протяжении всей русской истории святость совпадает с явлением и **проявлением любви.**

Типы святости чередовались на нашей земле: были отшельники и были монахи, живущие в городах; были князья и были епископы; были миряне и подвижники всякого рода — не забывая и юродивых. Но все они появлялись не случайно, а в тот момент русской истории, когда в том или другом образе подвига можно было яснее явить любовь свою к Богу и любовь свою к людям. И это — одна из радостей нашей трагической и часто темной и страшной истории: что во все ее эпохи — были ли они светлые или мрачные — красной нитью, золотым узором бежала эта струя Божественной любви, и что где приумножался грех, там переизбыточествовала благодать, и где возрастала человеческая жестокость, там проявлялось новое свидетельство Божией любви, загоревшейся в человеческих сердцах, свидетельство жалости Божией, жалости человеческой.

Наши святые — нам родные и близкие; но если мы задумаемся над собою, то можем ли мы сказать, что эти черты являются вожделением, мечтой наших душ, жаждущих вечной жизни? Не ищем ли мы обеспеченности — а не уязвимости, силы — а не пораженности, славы — а не унижения? Является ли наша жизнь во всех или, хотя бы, в основных ее проявлениях любовью, воплощенной в человеке? Находим ли мы в себе это

бесконечное, ничем несокрушимое терпение, эту смиренную любовь к ближнему, эту отдачу себя, эту способность никого не отвергать, а, по слову Христову, благословлять всякого, любовью сиять на доброго и на злого, проявлять ту любовь, о которой Апостол Павел нам говорит?

А если не находим, то мы — вне потока русской святости, вне пути Христова в русской душе и в русской истории. Тогда мы осколок, отбросок. Как это страшно и жалко подумать! И если мы хотим, чтобы зазвенели все струны наших душ человеческих, чтобы зажило в нас и запело все, что может жить и петь песнь Господню, хотя бы и на земле чужой, то мы должны приобщиться именно этим свойствам русской святости, русской святой души, и тогда мы будем едины с теми подвижниками, которые ныне продолжают свой путь спасения земли Русской — кровью и не угасающей любовью. Аминь.

"Не заботьтесь..."

(Мф. 6:22-33) — 4 июля 1976 г.

При чтении слов Спасителя о том, что можно было бы жить так просто, так беззаботно, если бы душой не печься о пище и питье, а телом — о том, как одеться, два различных чувства борются в нас.

С одной стороны, кажется, что да: как бы это было просто, и почему бы так не жить? Почему не сбросить с себя ответственность, почему не сбросить с себя озабоченность, которая нас постоянно мучит?. А с другой стороны, другое чувство: Да это же невозможно!. И вот перед нами встает вопрос: неужели сказанное Христом *невозможно*? Разве то, что Он нам заповедует, не является *путем* жизни?.

Как разрешить эту раздвоенность нашей души? Мне кажется, обратив внимание на те *строгие* условия, которые перед нами ставит эта свобода. Если мы хотим так жить, как Христос нам говорит: заботиться о Царстве Божию и о правде его, в надежде, что все прочее приложится, то нам надо *совершенно* изменить все свое отношение к жизни и перестать жить так, как мы живем.

Правда Царства Божия заключается в том, чтобы любить Бога всем сердцем своим, всей мыслью, всеми силами, и ближнего своего, как самого себя. Эта правда требует от нас, чтобы в нашей жизни не оставалось **ничего**, что нельзя было бы назвать любовью к Богу и любовью к ближнему. Это значит, что вся наша мысль, все наши силы, все сердце должны нами быть отданы не себе самим, а другому: Богу и ближнему. Это значит, что все, что у меня есть, все, чем я себя утешаю и радую, — принадлежит Богу и моему ближнему; это значит, что все, чем я пользуюсь сверх необходимости, я отнимаю у Бога и у моего ближнего...

Если так думать о том, как мы живем, то *кто* устоит перед судом Божьего Царства, Царства жертвенной, крестной, радостной, спасительной любви? Все, что у меня есть, принадлежит не мне, все, чем я пользуюсь сверх нужды, — я у кого-то отнял и украл, все, что я не отдаю свободной волей, любовью своей, я изымаю, отрываю от чуда Божьего Царства любви... Если так настроиться, то легко было бы жить верой в Бога и милосердием ближнего; потому что это значило бы жить в духовной нищете и в телесной нестяжательности, нам еще даже непостижимой.

Вот что стоит за "легкими" словами Христа "Забудьте все — о вас позаботится Отец"... За этим стоит: Заботьтесь *только* о том, что является Божией заботой, *крестной* заботой Живого Бога нашего, распятого на Голгофе, и тогда вы войдете в то Царство, где ничего вам не нужно и где все вам даст Господь. Аминь.

Вера римского сотника

(Мф. 8:5-13) — 16 июля 1967 г.

В сегодняшнем Евангелии мы видим человека, который из сострадания к своему слуге приходит ко Христу, движимый любовью, движимый жалостью, и говорит Ему: Слуга мой лежит в моем доме расслабленный, исцели его!. Христос, в ответ на его веру,

на его любовь, говорит ему: Я приду, Я исцелю его... И тут следуют несколько слов, которые, вероятно, никто из нас никогда Богу не говорил: Я недостойн, чтобы Ты вошел под мой кров, но скажи только слово, и Твоего слова будет довольно, чтобы исцелил слуга мой...

Как часто мы становимся на молитву и именно зовем Бога: Приди, непременно приди, непременно войди под сень моей души, войди в мою жизнь явственно, ясно, ощутимо!. В евангельском рассказе сотник мог бы сказать это без эгоизма, без себялюбия: он не просил Господа прийти к нему для того, чтобы ему самому стало легче, а ради другого. Но его вера была крепкая, и он понимал, что приход Господень в дом — это уже рай, это уже — наставшая вечная жизнь и что этого он ожидать не может; он не был готов, и не был готов его раб. То, о чем он просил, это чтобы в тех обстоятельствах земной жизни, в которых проходило страдание, скорбь и страх, Господь сказал Свое державное слово и восстановил покой и тишину, и радость. *Какая* разница с нами: сотник понимал, что он все же еще находится как бы *вне* тайны Божьего Царства, вне этого чуда всеобъемлющей любви, уже покорившей его душу, уже все в нем победившей, уже покорившей его дом и превратившей его в рай, готовый принять Господа.

Нам нужно научиться от этого слова. Мы стоим перед Богом со своей нуждой, со своей тревогой, со своим страхом и болью: о чем мы должны молить? Можем ли мы молить о том, чтобы Господь снизошел к нам и дал нам опыт рая, когда у нас на душе рая нет, когда нет в нас условий райского жития, когда в нас разделенность, безверие, страх, отсутствие любви, неправда жизни? Сюда Бога призвать нужно только на помощь, но просить Бога, чтобы Своим приходом Он нас перенес в Небесное Царство такими, какие мы есть, — нельзя.

И поэтому мы так часто разочарованы в нашей молитве. Мы становимся перед Господом и просим Его: Каким я есть, без перемены, перенеси меня в рай, сделай, чтобы уже сейчас я пережил жизнь будущего века, свободную от всего того, чем греховно я живу!. И вот ответ Священного Писания: Ничто нечистое не войдет в Царство Божие...

Такими, какие мы есть, ворваться в Царство, проникнуть силой или обманом мы не можем. О другом мы можем просить: Господи, я нахожусь в болезни — то есть, в сущности, в грехе — смерть надо мною веет, смерть внутренняя, разложение внутреннее веет надо мной, на меня грядет, и мне страшно, — и, однако, я остаюсь рабом тления, и нет во мне даже мужества сбросить эти оковы с себя. Скажи же только слово, пока еще не приходи, я не могу Тебя принять, у меня не хватит устойчивости Тебя любить неразделенным сердцем, у меня не хватит верности, чтобы после Твоего прихода не пригласить в тот же дом Твоих врагов — только скажи слово, животворящее слово! Скажи такое слово, от которого дрогнула бы душа и стала цельной, поздоровела. А встреча с Тобой, Господи, придет, когда Ты захочешь, позже...

В этом — вера, вера сильная, вера глубокая, которая основана на сознании вещей, какие они есть. Мы не можем такими, какие мы есть, войти в рай, мы не можем даже просить Господа войти в нашу жизнь и остаться в ней, потому что *мы* Его оставим и покинем. Нам надо начать с чего-то меньшего и, однако, требующего сильной, мужественной, живой веры: Скажи слово, Господи, чтобы мне исцелиться! Когда я исцелюсь, когда я восстану с одра болезни и смерти, я потружусь Тебе служить верой и правдой, и придет время, когда Ты сможешь войти в мой дом хотя бы на мгновение, принести в него веяние рая вместо царящего сейчас там веяния смерти. Ты войдешь и будешь принят, как Друг верными друзьями, потому что к тому времени врагов Твоих не останется в этом доме: себялюбия, злобы, неспособности прощать, жадности... И тогда, после того, как Ты пройдешь и вознесешься обратно в Свою славу, тоской и мечтой я буду жить и молиться, чтобы мне созреть к блаженному часу смерти; не обязательно телесной, не обязательно к тому времени, когда я телом умру и душой вырвусь на свободу, а той смерти, которая тождественна с любовью, той смерти, которая значит, что во мне больше ничего нет, что могло бы умереть, и я вышел на свободу, и умерло во мне все, что не

может жить вечностью. И когда придет время той смерти на земле или на краю вечности и Неба, тогда дай мне, Господь, войти в чертог Твой!. Аминь.

Римский сотник

(Мф. 8:5-13) — 30 июня 1974 г.

Евангельский рассказ о сотнике говорит нам о человеке, вера которого, хотя он сам был язычник, превзошла веру израильского народа.

Был болен дорогой ему человек, и сотник приступил ко Христу, прося о чуде, прося о том, чтобы Господь помиловал больного; так поступаем мы все время, обращаемся к Богу, ожидая от Него чудодейственной помощи. И Христос ответил ему: Я приду и исцелю его... И вот здесь проявилась изумительная вера этого человека. Когда мы молимся, мы так часто, так настойчиво просим, чтобы Господь приблизился к нам, чтобы Он нам дал Себя почувствовать и нам стало бы ясно, что Он имеет власть. Этот же человек поступил с удивительной простотой: Нет, — говорит он Спасителю, — не утруждай Себя; я человек грешный, я недостойн того, чтобы Ты вошел под мой кров, но скажи одно слово — и исцелится слуга мой...

Одного слова Божия: не той радости встречи, о которой мы все мечтаем; вот о чем просил этот человек. Мы просим, чтобы Господь исполнил то, что нам нужно, но сверх того дал нам чудодейственную радость Своего присутствия. Этот человек понимал сердцем, как свят Господь, как Он велик, и был готов отказаться от этой радости, только бы исцелил его слуга, только бы выздоровел его друг.

Часто мы могли бы обратиться к Господу и сказать: Господи, помоги! Но мне не нужно знать, что случилось, ни почувствовать Твоего действия; только соверши безмолвно, издали, как будто неприметно для меня то, что Твоя воля... Если бы мы могли с такой верой, с таким сознанием святости Божией к Нему обращаться — как близок был бы нам Господь! Потому что Он приближается к нам всегда, Он всегда близок, но мы Его ощущаем только сердцем любящим и смиренным. Искорка любви у нас бывает — смирения очень мало. И вот если мы к Богу обращаемся и говорим: Господи, пусть будет то доброе, то святое, о чем мечтает моя душа для моих близких, но меня Ты можешь обойти, пройди мимо меня к ним... — какая радость была бы у Господа о такой любви, которая готова положить жизнь и радость свою ради других! Аминь.

Исцеление гергесинских бесноватых

(Мф. 8:28-9:1)

Сегодняшнее евангельское чтение часто вызывает недоумение. Что все это значит? Почему все это так сложно? И что обозначают различные события этого рассказа, который граничит с притчей — потому что, кроме его непосредственного значения как спасительного случая в жизни двух несчастных людей, он имеет еще отражение в сознании других людей *именно* через те свойства и черты, которые и вызывают недоумение.

Два человека представлены здесь: два человека с помраченным умом, два человека обезумевшего сердца, загнанные в свою собственную тьму, ушедшие от людей жить в гробах, в пещерах погребальных, в область такую же темную, как потухшие их сердца, в область мертвости, где жизни нет, где нет радости, где нет любви — два человека, вырывающиеся из этой области только для того, чтобы принести страх и боль проходящим мимо. И вокруг них — население, которое отозвалось на их внутреннюю трагедию и страшность их жизни отвержением. Старались сначала их схватить и сковать в цепи, но они оказались сильнее цепей. И тогда им дали уйти в эту область одиночества, оставленности, гробовой тишины и тьмы.

И вот мимо них проходит Христос; и эти люди, встречая Его, ставят Ему вопрос, который как будто оправдывает *всю* человеческую ненависть, все человеческое отчуждение, которое излилось на них; они, встречая Христа, говорят: *Что* нам и Тебе?

Что между Тобой и нами общего? Зачем ты пришел нас мучить до времени?. И слышавшие это могли, по *своей* справедливости, на это ответить: Вот видишь, Господи, это люди, которые в Тебе признают Бога и Господа — и отрицают, что между Тобой и ними есть что-либо общее, люди, которые от Тебя Самого как *Бога* отрекаются; разве мы не правы были изгнать, исключить их, стать им чужими — разве они не чужды всякому, кто не отрекается от Бога?

А дальше обнаружилось нечто другое. Не в сегодняшнем чтении, но в другом месте Евангелия нам приводятся слова Спасителя: Он не спутал человека с одержавшим его злом. Он сумел не только Божественной благодатью Своей, зрением Божиим увидеть это, но опытною и любовью человеческой Он сумел различить человека-жертву от человеконенавистника дьявола, который овладел им. Он задает вопрос: "Кое твое имя" — как имя твоему полчищу темному, помрачающему полку смерти, который сделал этих людей как будто заживо мертвыми для вечной жизни и, во всяком случае, для жизни временной?. И бесы отвечают: "Легион!" — и молят Его не возвращать их в страшную бездну, а дать им еще время. И Христос по их просьбе посылает их в свиное стадо.

Это первое, что нас приводит в недоумение: почему Христос не заковал их в бездне? Почему Он склонился к их просьбе? — Потому что, исполняя эту их просьбу, Он знал, что откроет нечто людям вокруг, которые будут способны что-то понять. Свиньи для еврейского народа значили скверну, евреи не прикасались к ним, они их не пасли; и вот, посылая бесов в стадо свиное, Христос воочию показал, к какой области принадлежит бес, к какой области принадлежит зло — к области того, что скверно, к чему *нельзя* прикоснуться, что надо держать вдали от себя: не человека, а *скверну*.

А второе, что случилось, также ясно показывает людям воочию, что бывает, когда охватит человека зло. Это стадо с крутизны поверглось в море. Море в Ветхом Завете и в Новом Завете — так ясно это видно в рассказе об Ионе — это бездна, это та глубина, из которой нет возврата, это погибель, и погибель безвозвратная. Люди, которые были вокруг, все это могли видеть, могли понять, что эти два человека, которых они отвергли и прокляли и удалили от себя, потому что они были бесами в их глазах, на самом деле были *жертвами* зла, несчастными, которых надо было любовью и Божественной силой освободить. Они воочию увидели, к какой области принадлежит зло и куда это зло ведет: в безвозвратную погибель, в бездну.

И что мы видим в этом рассказе и в другом, который дополняет его? Мы видим, что люди из всех сел пришли и удивлялись, как это бесноватые сидят тихие, с умом просветленным, с озаренным сердцем, с новой жизнью перед ними, как земной, так и небесной, у ног Христа, из благодарности за спасение и освобождение готовые последовать за Ним, куда бы Он ни пошел. И испугались люди...

Испугались, как так часто, и раньше и теперь, люди пугаются Бога: Если Он останется посреди нас — что будет? Погибнет все наше имущество? Вторгнется в нашу жизнь новый закон Божий, который не оставляет стоять ничто земное в скверном, темном, жестоком порядке нашей земли, каким *мы* его создаем?. А спасения этих двух людей почти не заметили перед лицом того, какой ценой для них эти люди спаслись; и обернулись ко Христу, и стали Его просить, чтобы Он *ушел* из их пределов.

Как нередко бывает, что в человеческом обществе, в семье, в *любой* обстановке нам невыносим этот Божественный закон, который прозревает зло — и не ненавидит человека; освобождает пленного от его уз — и любит несчастного до последней жертвы! Вдумаемся в этот случай жизни Христовой, который, словно притча, раскрывает нам одну глубину за другой, и не только постараемся понять мыслью, но пойдем сердцем, пойдем жизнью, и тогда, может быть, — не сегодня, а когда-нибудь позже — мы не скажем вошедшему в чью-то жизнь — а через него и в нашу — Христу: "Отойди, мне страшно!" Аминь.

Исцеление гергесинских бесноватых

(Мф. 8:28—9:1) — 19 июля 1981 г.

"*Уйди*, уйди от нас, уйди из наших пределов!" — говорил народ, который предпочел то, что ему было дорого: богатство, стада, спокойность жизни, — здравую, исцелению человека; *уйди* — Ты у нас отнимаешь то, что нам дороже человека... *Уйди* от нас, — говорил Великий Инквизитор, — Ты нам мешаешь строить земное добро, мешаешь обеспечить счастьем безмолвное, безответственное стадо; *уйди*! Ты им открываешь пути, по которым им слишком трудно будет идти... Уйди от нас! — говорили вожди еврейского народа перед лицом Пилата — а раз Ты Сам не уходишь, пусть сила земная, грубая сила нас от Тебя избавит... И к Пилату обращались со словами: Распни, *распни* Его, — чтобы не звучала больше на наших улицах эта страшная проповедь о безусловной, крестной любви, это безумие о кротости и смирении, самоотречении, любви, отдающей все; потому что ничего нет более ценного, нежели человек...

И через всю историю звучит этот крик: *Уйди!* Ты стоишь на нашем пути к благополучию, к беспечности, к забвению... Это говорит через всю историю человеческий род. А мы? Неужели мы единственные, с небольшой горсточкой учеников, этого страшного слова, прямо или косвенно, никогда не говорим и никогда не сказали? Вспомним притчу Христову об овцах и козлицах: разве не приходил к нам человек в нужде, и разве мы не говорили ему "Уйди!?" Человеку нечего было надеть, но мы ему отвечали: Поношенного у меня ничего не осталось, а нового, хорошего, я тебе, *конечно*, отдать не могу — уйди!. Не подходил ли к нам нищий на дороге, и не отвечали ли мы ему, держа в сумке купленную еду: Я истратился, не могу тебе дать ничего... Из сумки мы ничего не вынули, из кошелька ничего не дали; сказали: Уйди... Или просто, что, может быть, еще страшнее, нарочно его не увидели, прошли мимо, скользнули взором, так что он знал, что мы его видели, но что он для нас *не существует*; из бытия прогнали его в небытие... Бывает, что и вор, и преступник постучится в нашу дверь: я прямо из тюрьмы, мне нужно немножко денег, мне надо одеться, чтобы найти работу... И сколько раз такой человек слышал от мнимого верующего: С такими, как ты, я не общаюсь, — *уйди!*. Сколько раз бывало, что надо было в больнице посетить больного — но нет! — там можно заразиться, туда лучше не идти! Пусть он идет своим путем — а с моей дороги *уйдет!*.

Так было когда-то, когда в декабрьскую ночь пожилой мужчина, который вез с собой молодую беременную Мать, стучался во все двери Вифлеемские; ни одна дверь не открылась: у нас тихо, у нас тепло, мы собрались семьей — чужой нам не нужен; ищи другого пристанища, уйди в ту пещеру, в загон, где бедняки держат своего вола, осла: от нас *уйди!*.

Сколько раз бывало в жизни каждого — в моей и вашей, — что человек с горем приходил, когда у нас на душе была весна, и ему говорилось: Уйди, не отравляй нашу радость! В нашем доме брак, в нашем доме именины, в нашем доме ликование — не омрачай этой радости: так мало ее бывает!. А бывает, что человек придет в дом горя, и ему скажут: Уйди! У нас темно, и у нас горя вдоволь — не прибавляй, чаша полна, через край переливается — уходи от нас!

И так можно было бы образов, примеров дать без конца, не из чужой жизни — из своей, *из моей*, из вашей... И так поступили со Христом; а Спаситель не сказал ли нам: Что вы сделали одному из малых сих, вы сделали Мне?. Значит, мы Ему говорили: *Уйди!* Ты нас лишаешь того, что нам дороже Твоего присутствия и тех, кого Ты так возлюбил, что Ты за них отдал Свою жизнь, Свою страшную Гефсиманскую ночь, Свое телесное распятие, оставленность Богом на кресте; все это мне нипочем: Ты их так любишь — не я...

Мы не говорили: "Распни, распни Его", но разве, когда человек умирает от голода, когда человек истосковался в одиночестве, когда он брошен, когда ему места нет среди людей, как Христу не оказалось места даже умереть в граде Иерусалиме, — разве это не прикованность ко кресту, не распятость, не смерть оставленности, медленная, порой горькая смерть, когда раньше тела умрет вера в человека и вера в Бога, умрет и погаснет надежда, потускнеет и умрет любовь...

Вот о чем говорит эта такая привычная нам притча; весь этот рассказ ведет к тому, что сказано было Христу в момент, когда Он явил Свое сострадание, и милосердие, и любовь, и Божественную силу: Уйди, Ты у нас отнимаешь земное, а небесного нам *не нужно*... Вспомним слово Спасителя и опомнимся: Ищите прежде Царствия Божия — и все приложится; и *именно* приложится: не отнимется, но найдет свое место там, где небо на земле, и будет тогда полнота. Аминь.

О сострадании

Евангельское чтение об исцелении бесноватых — (Мф. 8:28, - 9:1) — 27 июля 1986 г.

Много раз мы читаем в Евангелии о том, как Господь сотворил чудо: исцелением ли души преобразив чью-то жизнь или исцелив, сделав целым тело и разум человека. И когда мы задаем себе вопрос: что побуждало Его на это, откуда Он черпал бесконечное терпение и силу на такие дела? — Евангелие отвечает нам всегда одним и тем же словом: сострадание.

Сострадание — не жалость: это способность сострадать, понести страдание *вместе* с другим человеком, разделить чью-то муку, разделить чью-то боль. Разумеется, мы не можем поставить себя на место другого человека и в полную меру пережить его или ее страдание. Но мы можем дать этой чужой боли пронзить наше сердце, чтобы страдание, которое происходит у нас на глазах, потрясло нас до самых глубин. Но для этого у нас должно быть открытое сердце, сердце, готовое быть уязвленным, раненным; мы должны сами быть готовы на страдание.

Поэтому нам с таким трудом дается пережить *подлинное* сострадание: сострадание не по выбору, когда мы отзываемся на боль одних, а других отвергаем; не такое сострадание, которое обращено только на тех, кого мы любим естественной любовью, а такое, которое способно охватить, обнять и тех, кто ненавидит нас, кто нам чужд совершенно и во всем.

Христос мог каждому, кто приходил к Нему, сказать: Ты весь во грехе, ты зол; ты не поступаешь по-Божьи и поэтому у Меня нет ничего общего с тобой. Я безраздельно с Богом, во Мне нет греха — какая может быть связь между тобой и Мной?. А связь Его с нами — именно эта милосердная, сострадательная любовь, ради которой Христос взял ответственность за человеческий грех и его последствия, как за Свои собственные; *поистине* Он принял на Себя все последствия человеческого греха — душевную муку, физическое страдание, ужас непонимания, отверженности, предательства, даже до предельного, последнего ужаса смерти от потери Бога: "Боже Мой, Боже Мой, зачем Ты Меня оставил?"

Мы неспособны на такое величие, но когда мы оказываемся перед лицом чужого страдания, готовы ли мы хотя бы принять на себя ту боль, которую оно может нам причинить, если мы только согласимся сострадать? Мы так часто замыкаемся перед лицом боли и муки даже самых близких, самых родных. Мы защищаемся внутренне — *только* бы не отозвалось сердце! — потому что не хотим, чтобы через сострадание чужая боль, беда, мука потрясли нас до изнеможения.

Но в то же время *нет* другого пути, если мы хотим строить человеческие взаимоотношения, которые были бы достойны нас самих и достойны Бога. Люди, окружавшие Христа, были не просто грешниками: они также были проблемой для всех окружающих, нарушая их душевное равновесие и мир. И с такой легкостью мы стараемся отстранить, исключить, отделаться от людей, которые вторгаются либо в наш материальный комфорт, либо в наш мир душевный — как бы мало у нас его ни было.

Христос так не поступал: Он *принимал*. И тогда страдание каждого становилось Его страданием, душевная мука каждого становилась Его личной мукой. И, приняв чужое страдание в самые Свои глубины, Он из этих глубин мог произнести *державные* слова, такие слова, которые исцеляли, которые преображали жизнь человека.

Задумаемся над сегодняшним евангельским рассказом об исцелении бесноватых и над столькими евангельскими рассказами об этом Христовом сострадании, об этой

распятой, жертвенной любви Христовой, и поставим перед собой вопрос: Христовы ли мы, относимся ли мы к миру по-Христовому, поступаем ли мы по-Христовому? Или хотя бы стремимся ли мы к этому искренно: если не всем сердцем, то хотя бы всей решимостью? И если нет, то поставим себе другой вопрос: как можем мы стоять перед Богом и перед людьми, лживо называя себя Христовыми учениками?

В каждом из нас есть свет; в каждом из нас есть сострадание, чуткость; каждый из нас способен отозваться на страдание близких и любимых. Откроем же глубже наши сердца тем, кого мы любим, и тогда мы сумеем, станем способными открыть наши сердца и тем, кто иначе был нам чужд, и обнаружим, что через сострадание они стали любимыми, близкими, родными нам в Боге. Аминь!

Расслабленный и четыре друга

(Мф. 9:1-8) — 25 августа 1965 г.

В одном из своих сочинений преподобный Ефрем Сирийский говорит: Не заключайте свою молитву в одни слова, пусть каждое ваше действие будет Богослужением...

Этим он говорит многое. Прежде всего, все, что мы делаем, имеет какое-то духовное значение. Всякий человек на земле в той или иной мере есть священник Бога Живого; он принадлежит двум стихиям — земной и небесной, духовной и вещественной, и призван все, что есть в нашем мироздании, сделать частью ликующего Божьего Царства. Нет ничего на земле и в поднебесье, что не могло бы войти в то Царство вечной славы, когда Бог будет всем во всем, за исключением человеческого греха.

И вот в сегодняшнем Евангелии мы видим, как действует это в четырех людях, принесших расслабленного своего друга к ногам Спасителя: это действие оказалось живой мольбой, мольбой без слов, но мольбой, свидетельствующей и об их вере в Господа, и о любви их к своему другу.

Такова должна быть и наша молитва предстояния и печалования друг за друга. Недостаточно стать перед Господом и Его просить, чтобы Он сделал для людей то, что мы, во имя Его, должны бы для них сделать, недостаточно взывать к Богу о помощи там, где Он вправе нам сказать: *Ты* иди и сотвори дело милосердия, дело правды, дело любви... Это мы должны помнить непрестанно.

Некоторые недоумевают, почему Господь взглянул с благоволением на этого человека и исцелил его по вере других: да потому, что эта вера других была не просто верой, а *делом* живой молитвы и живой любви. Этот человек стяжал себе любовь друзей, которые потрудились и взяли на себя риск принести к Спасителю больного друга.

Молитва должна заключать в себе все, вся жизнь наша должна быть предстоянием перед Богом и во имя Божие, стоянием среди людей и перед людьми. Если мы будем так жить, тогда не будут упрекать христиан, что они крепки только в слове, а когда доходит до дела — они бессильны, безразличны; тогда только можно будет сказать, что молитва — это дело, превращенное в созерцание, а дело есть молитва, ставшая поступком.

Вот над чем нам всем надо задуматься: вся жизнь должна стать мольбой и делом милосердия, и только тогда наша словесная молитва будет не пустым звуком, а тоже частью дела, свидетельствованием перед Богом о том, что нашего сердца тоже коснулось сострадание, тоже коснулось чужое горе и что, взывая к Нему, мы говорим: Господи, если Ты хочешь *меня* послать и сотворить через меня дело Твоего милосердия — пошли, вот, я раб Твой пред Тобой!. Аминь.

Расслабленный и четыре друга

(Мф. 9:1-8) — 14 июля 1985 г.

Парализованного человека принесли к Господу Иисусу Христу четверо его друзей; и, видя их веру, Христос сказал расслабленному, что исцеление возможно и чтобы он встал.

Есть две вещи в этом рассказе, над которыми я хотел бы, чтобы мы задумались. Прежде всего, человек этот был болен, он был в нужде; может быть, он не был в

состоянии сказать о своей нужде или выразить свою веру в возможность исцеления; но у его друзей вера была: вера во Христа, вера в Его силу исцелить, сделать человека целым. И они взяли расслабленного и принесли его к Господу.

Но одной их веры было бы недостаточно: много было парализованных, много было больных, у которых не было друзей, чтобы принести их к Целителю. И вот не только их вера во Христа, но также и их любовь к другу понудила их к действию. И именно потому, что этот человек, в годы, когда он еще был цел и здоров, сумел пробудить в их сердце любовь, дружбу, преданность, верность, — в час нужды они пришли к нему на помощь.

Тут нам двоякий урок: во-первых, что можно принести Богу нужды людей: физические, духовные и другие, — если у нас достаточно веры в Его исцеляющую силу, и эта наша вера может открыть двери спасения для тех, у которых, может, не хватает веры, которые, может, не могут даже сказать: "Верую, Господи, помоги моему неверию!" которые сомневаются, которые колеблются, которые даже не уверены, что мы можем принести их ко Христу. Но это становится возможным только если человек, который в нужде, родил, пробудил в нас любовь, любовь настолько личную, настолько верную, что мы становимся способными действовать. Или же, может быть, если наша жизнь в Боге имеет такую глубину, что Бог смог посеять в нас столько *Своего* сострадания, Своей собственной любви, чтобы мы могли повернуться к незнакомцу, к тому, о ком мы никогда не слыхали, побуждаемые *только* его или ее нуждой, и принести его или ее к Богу, во спасение, во исцеление.

Будем же помнить, что в равной мере мы должны становиться способными любить и способными пробуждать, вызывать любовь вокруг себя. Должны мы тоже учиться дерзновению в вере, чтобы когда видим нужду вокруг себя, принести ее к Богу, Который один только может нужду разрешить и исцелить, сделать целыми не только тело, и ум, и душу, но и сложные взаимоотношения между людьми.

Вот призвание наше, вот призыв нам; вслушаемся внимательно в то, что Бог говорит нам в этом евангельском рассказе, в этой благой вести о силе любви, Божественной и человеческой, и о силе веры, на которую Божия любовь и Божие милосердие *отзываются*. Аминь.

Два слепца и немой бесноватый

(Мф. 9:27-35) — 29 июля 1979 г.

Я хочу сегодня связать в одной мысли два совершенно различных события, соединить их как бы в одном узле жизни.

В Евангелии мы сегодня слышали, как Спаситель исцелил слепых, освободил от порабощения темной силой бесноватого. И когда они захотели за Ним идти, когда они захотели провозгласить Его чудодейственную силу всем людям, Он им велел молчать...

Не всем повелевал Спаситель хранить такое целомудренное, трепетное молчание о том, что для них сделал Господь, но некоторым Он повелевал это делать. И когда мы задумываемся, почему это может быть, всплывает в собственной душе столько воспоминаний о том, что бывало с каждым из нас. Как часто бывает, что приблизится к нам благодать, коснется наша рука края ризы Господней, войдет в нашу жизнь порой, когда мы не только не ожидаем этого, но даже, может быть, и не хотим, Сам Господь — и все меняется...

И вот иногда мы не умеем сохранить эту тайну Божию, пока она не созреет в нашей душе, пока она не принесет двух основных своих плодов: благодарности и смирения. Благодарности за то, что к нам приблизился Сам Бог, и смирения о том, что не будь Он так милостив, не будь Он так *чуден* — этого не могло бы с нами быть... Святые оттого делались смиренными, что близок к ним был Господь и они видели, как Он свят, как Он дивен, как Он велик и как они недостойны любви Его...

Но если мы раньше времени, пока не созреет в нас смирение, пока не вырастет в нас в полную меру чистая благодарность, начнем говорить о дарах Божиих, то вначале мы это

говорим с живым чувством, а люди слушают и благодарят; но скоро мы начинаем забывать благодарность и терять из вида смирение, и только думаем о том, что "со мной это случилось, тогда как со многими другими этого не бывает", — и постепенно тщеславие, гордыня отравляют нашу душу.

И этому способствуют и люди вокруг нас, которые, слыша повторный наш рассказ о том, *что* сделал для нас Господь, начинают в нас видеть не то, чем мы являемся; забывают, что *именно там*, где умножился грех, *именно там*, где больше всего нужна помощь, *именно там*, где человек не справится, действует с особенной силой непобедимая Божественная благодать... И люди и мы забываем, что Господь вступает в нашу жизнь потому, что мы *так* немощны, так бессильны, так неспособны осуществить задачу нашей жизни: вырастания в полную меру возраста, роста Христова...

* * *

И вот две недели тому назад мы здесь пели молебен, благодаря Бога о том, что Он в ответ на наши молитвы, в ответ на нашу *нужду*, в ответ на нашу посильную веру даровал нам возможность этот храм приобрести: сделать из этого храма не свою собственность, а собственность Божию, собственность Православной Церкви. Здесь теперь стоит храм, который принадлежит Церкви Русской, Церкви Православной, где проповедуется слово жизни. И так легко, — и это чувствуется вокруг все время, — так легко нам сказать: Теперь этот храм *наш*, — присвоить себе то, что на самом деле принадлежит Богу, хвалиться тем, что только Божие, думать, будто мы обладаем тем, что мы создали только ради Бога и ради людей, которым этот храм и Святое Православие нужны...

И нам надо опомниться; раньше чем вкоренится в нас чувство собственности, пока мы еще не сделали этот храм земным храмом, нам надо опомниться и открыть руки, которые постепенно его зажимают, и сказать: "Господи, прими от нас этот храм, пусть он будет Твой, а не наш!. Твоя от Твоих Тебе приносим; Ты нам его даровал — мы Тебе его возвращаем полностью; это место Твоего вселения, это — место Твоего присутствия: пусть будет он Твой *нераздельно!* А мы будем в него приходить, как входят в рай, как входят в Царство Божие, именно потому, что он не наш, а Твой!"... И звать будем мы других людей: "Придите в удел Господень: это не наш удел, это — Божий удел, мы — чада Его, как и вы — Его чада; придите, возрадуемся Господеви!"...

Будем осторожны, потому что иначе мы можем по нашей слабости, по нашей немощи, по слепоте отнять у Бога Его славу, не приобретя ее и сами, и только разрушить в себе смирение и благодарность, с которыми мы пели две недели тому назад: "*Кто* Бог велий, яко Бог наш! Ты еси Бог, творяй чудеса!"... Он сотворил чудо над нами, и мы должны стать служителями этого чуда, но никак не присвоить его себе: всю нашу жизнь, все силы отдать этому храму, жизни его, сохранить его от осквернения, соблюсти его, чтобы многие-многие вступили в него и нашли — не нас! — а Самого Спасителя Иисуса Христа. Аминь.

Чудо пяти хлебов и двух рыбок

(Мф. 14:14-22) — 20 июля 1980 г.

Мы читаем то и дело во святом Евангелии о чудесах Христовых и ставим перед собой вопрос: почему в те времена такое было возможно и так мало чудесного видим мы в наши дни?. И мне кажется, что на это можно ответить три вещи.

Первое — что мы не *видим* тех чудес, которые нас окружают; мы все принимаем как должное, как естественное. Все хорошее от руки Божией мы принимаем, как будто так и должно быть. И мы больше не видим, что жизнь — дивное, радостное чудо, что Бог *захотел* нас сотворить, что от небытия Он призвал нас к бытию, открыл перед нами все чудо существования. И Он этим не ограничился: Он нас призвал во веки веков быть Его друзьями, во веки веков жить вечной, божественной жизнью. А на земле Он не только дал нам существование и жизнь: Он нам открыл Себя; мы знаем, что Он есть, мы знаем Его во Христе как Бога такой любви, которая не останавливается и перед собственной смертью

для того, чтобы спасти любимого. А что сказать о тех чудесах, еще менее заметных нам, как здоровье, как мир, как дружба, как любовь? Это же все — сплошное чудо! Купить их — нельзя; принудить кого бы то ни было дать нам свое сердце — невозможно; а столько сердец друг другу открыты, и столько любви, столько дружбы вокруг нас! А наше телесное существование, которое мы принимаем так естественно, — разве оно не чудо? И вот это первое, на что мне хотелось обратить ваше внимание: что вся жизнь — чудо. О, я знаю, что в ней очень много боли, очень много страшного — *очень!* Но наряду с этим, в темноте, во тьме сияет такой тихий и вместе с этим не колеблющийся свет; если бы мы только, как Христос говорит, верили во свет, с тем чтобы быть чадами света, детьми света, носителями света!

И еще две вещи хочется мне сказать: сегодня мы читали о том, как люди были в нужде, эту нужду Апостолы заметили, обратили на нее внимание Господне, и Господь им сказал: *Вам надлежит встретить эту нужду, накормить этих голодных людей!* Чем? У нас же всего две рыбы, пять хлебов — разве хватит на такую толпу?. И Христос благословил эти хлебы и эту рыбу, и *хватило* на толпу. Вот что ожидается от нас, чтобы Бог мог свободно, Своей державной властью сотворить на земле небесные чудеса: чтобы мы заметили чужую нужду. Как часто мы мимо нее проходим, не раскрываем дверь перед Богом, чтобы Он вошел и сделал то, что для нас невозможно. Откроем же глаза, чтобы видеть нужду людей вокруг нас: материальную, душевную, духовную, тоску и одиночество, и столько других нужд.

И другое, к чему призывает Господь Своих учеников: *Дайте все*, что у вас есть, — и мы накормим всех... Ученики не оставили себе отдельного хлеба или отдельной рыбы: они все дали Господу. И потому что они все отдали, водворилось Царство любви, Царство, где Бог может действовать неограниченно, свободно, и все насытились. И к нам обращен этот призыв: когда мы увидим нужду — отдадим все, и все будет хорошо...

И последнее, из Евангелия прошлого воскресенья: видя веру окружающих, Господь совершил исцеление больного. Мы можем принести Богу ту веру, которой не хватает у окружающих нас людей, понести их на нашей вере, как на носилках. Но веры не достаточно; в этом событии исцеления расслабленного была не только вера, что Господь может исцелить больного: была к нему заботливая любовь. Если бы вокруг нас, среди нас была *такая* любовь, то начало Царствия Божия было бы уже водворено в нашей среде, и Бог мог бы действовать свободно.

Подумаем об этом, потому что каждое чудо Божие было предварено и как бы обусловлено соучастием человека: от *нас* зависит, чтобы на земле водворилось то Царство, о котором мы просим, мечтаем, но которое мы призваны строить с Богом и во имя Божие. Аминь.

Насыщение толпы пятью хлебами

(Мф. 14:14-22) — 13 августа 1989 г.

Из года в год и из поколения в поколение мы читаем Евангелие в новых контекстах и перед лицом новых обстоятельств — исторических или личных. И каждый раз тот или другой отрывок может ударить нас в душу по-новому.

Сегодня мы читали о насыщении толпы Христом. И чаще всего у отцов Церкви и у духовных писателей читаешь об их чувстве изумления о милосердии Божиим и о власти Бога, Который мог напитать столько народа столь малым. Который мог творить чудеса в мире, таком Ему чуждом, когда хоть искра веры, хоть трещинка в броне нашего неверия позволяла Ему действовать.

При чтении этого Евангельского отрывка меня по-новому поразили слова Христа; ученики обращаются к Нему, чтобы Он отослал толпу, потому что день на исходе, ближайшие селения далеко, люди ослабеют на пути от усталости в ночных сумерках, если останутся дольше: а ведь они не ели весь день, вслушиваясь в животворящее слово Христово.

И Христос говорит ученикам: Нет, им *не нужно* уходить — дайте вы им есть... Но как же они могут накормить такую толпу людей — мужчин, женщин и детей, а всего у них пять хлебов и две рыбки? И тут — вызов Христа ученикам, и вызов Христа нам. Да, — в каком-то смысле один только Бог может совершить это чудо; но только если мы *содействуем* этому чуду открытостью нашего сердца и открытостью наших рук, вложив в чудо всё, что у нас *есть*. Он не сказал ученикам: Отложите в сторону, берегите, что вам нужно самим, и отдайте остальное, отдайте другим то, что останется; Он сказал: Возьмите *всё*, что у вас есть, и отдайте *всё*... Не говорит ли это нам Господь *сейчас*, особенно подчеркнуто, когда мы так обеспечены, так богаты, так благополучны и когда день за днем мы слышим о голоде, и о нищенстве, и о голодной смерти тысяч и тысяч людей? И Господь нам говорит совсем просто: *Отдайте то, что у вас есть*, и предоставьте Мне действовать дальше: не просите Меня о чуде, когда вы можете *сделать то*, что нужно...

Апостолы могли сделать немного: они только могли разделить пять хлебов и две рыбы; но мы можем поделиться так многим! Если бы наши сердца были открыты и если бы каменные сердца мы дали Богу претворить в сердца плотяные, если бы мы научились великодушию и взаимной ответственности друг за друга, если бы мы научились хоть немного — о, хоть самую каплю! — деятельной любви к ближнему, то не было бы голода в мире.

Сегодняшнее Евангелие говорит нам: Оглянись вокруг! Оглянись на каждого человека, который голоден, каждого человека, который бездомен, каждого человека, который в нужде, и *помни*, что каждый из этих людей — твоя ответственность, что *весь* их голод, вся их бездомность, всё их нищенство, в конечном итоге, — результат твоего благополучия, твоего удобства, твоей обеспеченности и твоего отказа разделить, поделиться, дать. Дать не больше того, что есть, а просто дать.

Если бы мы только помнили, как сказал один святой, имени которого я сейчас не припомню, что когда он съедает кусок сверх своей необходимости, когда он приобретает или удерживает что-то сверх своей строгой нужды, он *украл* это у голодного, он *украл* это у бездомного, он *украл* это у замерзающего — он *вор*.

И вот не относится ли это к нам еще острее, чем к этому подвижнику?

Мы должны задуматься над этим, потому что мы ведем себя как плохие, нечестные управители; потому что есть такая вещь, как управление, ответственность за богатство — интеллектуальное, эмоциональное, нравственное, материальное. Вы, вероятно, помните рассказ о недостойном, неверном управителе, который мошенничал и обкрадывал своего хозяина, и когда хозяин обнаружил его нечестность и пришло ему время расчета, то управитель позвал тех, кто был должен его хозяину, и списал, уменьшил их долг. Вот нечто, чему мы можем научиться. Он обратился к людям и помог им, чем только мог; *мы этого не делаем*.

Задумаемся над этими словами Христа: Людям не нужно уходить из Моего присутствия, чтобы напиться; дайте им *вы* то, что нужно... И если бы мы оглянулись вокруг себя — не куда-то в заморские края, а просто вокруг себя — на нужды людей, которые голодны, которые бездомны, которые лишены прав, или же просто на соседа, на ближнего, который временами *так* одинок, нуждается в поддержке, нуждается в дружбе, в солидарности, мы начали бы выполнять этот завет Христа.

Но не станем обманываться; не добрым словом, не ласковым жестом мы его выполним; Христос сказал: Отдайте *всё*, что у вас есть... А нам, принимая, может быть, в учет малость нашей веры, узор и жесткость наших сердец, Он скажет: Дайте то, что в вашей жизни лишнее, ненужное — но вдумайтесь правдиво, что такое этот излишек, что вы тратите на себя, даже не получая от этого ни радости, ни удовольствия, ни выгоды — *отдайте это*, а потом предоставьте Богу восполнить ваш дар и сделать остальное.

Это — суд Божий надо мной; и это также призыв, с которым Бог обращается к каждому из вас. Аминь!

Буря

(Мф. 14:22-34)

Я хочу обратить ваше внимание на три вещи в сегодняшнем Евангелии.

Сегодняшнее чтение следует как раз за тем чтением, которое вы слышали на прошлой неделе, о том, как Христос пятью хлебами и двумя рыбами накормил пять тысяч человек. И вот первое, что бросается в глаза, что сначала может удивить, если только мы не вспомним о себе самих, о том, как мы воспринимаем и как соответствуем тому, что открывается нам в жизни: кажется таким странным, что Апостолы, которые только что пережили такое чудо, могут так легко колебаться верой.

И, однако, это должно нам напомнить о том, что мы окружены чудесами, что наша жизнь вся пронизана действиями Божьими, либо непосредственными: в таинствах, в молитве, в моментах глубокого, тихого озарения души, — или через посредство людей: любовью, которая иногда спасает нас от отчаяния, от смерти, от горя, приподымает завесу невыносимого в жизни. И тем не менее мы тоже, пережив сегодня, только что, чудо жизни, меньше чем через час, когда выйдем из двери храма и очутимся на улице — вдруг оказываемся чуждыми собственному опыту: забыли!. К жизни относимся так, как будто мы и не переживали ничего: все по-прежнему; вышли из области чуда и вошли в обыденность — и уже мы стали обыденными. Где-то в памяти мы можем найти случившееся; но жизнь наша от этого не изменилась, душа не изменилась глубоко, сознание не изменилось достаточно, чтобы этим жить. Это первое; и поэтому не станем и удивляться тому, что было с Апостолами; да, они пережили величайшее чудо и тут же выпали из этого сознания чудотворного, животворного Божьего присутствия.

Второе — Петр и другие Апостолы плывут, их охватила буря; их бьют и ветер, и море; смерть их окружила, смерть теснится в их челнок; и вот, как бы в сердцевине этой смерти, окруженный разъяренными ветрами, идет по разъяренным волнам Христос. И они Его принимают за призрак: это *не может* быть Христос; если бы Христос был тут, прошла бы опасность, минул бы ужас, отошла бы бесконечно далеко смерть. Христос ведь Спаситель, Он — Князь мира! Он Тот, Который дает тишину, покой, жизнь, — как же Он может быть в сердцевине этой смертоносной бури?

Это мы тоже говорим все время. Как только с нами случится горе — личное, семейное, общественное, всенародное — мы спрашиваем в себе: Где же Бог? Что Он делает? Неужели дремлет? Неужели Его присутствие, которое иногда вдруг мерещится посреди бури, ничто другое как призрак, то есть обман, ложь на Самого Бога? Нет! И в буре Господь, и в тишине Господь; потому что в сердцевине бури возвышается страшная Голгофа, потому что в сердце бури находится Гефсиманский сад. В Гефсиманском салу, на смертоносной Голгофе находился воплощенный Сын Божий...

И теперь, когда нас охватывает ужас, когда мы в тисках страха, смерти, болезни, гонения, ненависти, то среди этой бури — Сам Господь. И мы можем пройти через эту бурю, нам незачем из нее вырваться, нам достаточно покинуть этот хрупкий челнок, который защищал так ненадежно учеников, вступить в самую бурю беззащитно — и идти ко Христу. И мы пойдем по водам, и не унесет нас ветрами, *только бы мы шли ко Христу*, туда, где Он *есть*, а не думали о том, что с нами будет. Нас может потопить только сознание того: *что будет со мной?* Забудь это — и никакая буря уже не имеет власти ни жизни, ни смерти над нами. Петр усомнился; он вспомнил о себе, он начал тонуть, но и тут, когда он воскликнул: Господи, спаси! — Спаситель Господь простер руку, и вдруг затихла буря, и вдруг они оказались уже у того берега, к которому стремились, потеряв его из виду...

И третье: Петр усомнился, и самое его сомнение, его колебание явило другим ученикам *еще раз* Божественное величие Христа. *Они* в бурю не ушли; у них не оказалось даже этого порыва; но то, что случилось с Петром, даже его слабость, но и его спасение Богом, заставило их преклониться перед Христом и признать Его Сыном Божиим.

Так бывает и с нами; и поэтому вдумаясь в этот рассказ, он нам несет много уроков для жизни. Но вдумаясь так, чтобы эти уроки не только на мгновение пережить сейчас, но унести с собой и положить в основу не только мировоззрения, но и жизни. Аминь.

О словах Христовых. Евангелие о буре

(Мф. 14:22-34) — 5 августа 1976 г.

Мне хочется обратить ваше внимание на две вещи; каждый раз, когда мы читаем Евангелие, либо про себя, либо в церкви, отдаем ли мы себе отчет в том, что мы порой повторяем те самые слова, которые Христос произнес на земле?. Не на том языке, на котором Он говорил, не тем голосом, которым Он говорил; но это слова, которые произнес *Сам Бог* на земле человеческим голосом, на человеческом языке. И эти слова самую человеческую речь делают святой; эти слова Христос произносил, и они звучали голосом человеческим — а были словами Самого Живого Бога, ставшего человеком; и эти слова слышала Вселенная: негромкие, тихие, глубокие эти слова звучали во всем мире...

И когда мы читаем Евангелие вслух, так страшно думать, что вся Вселенная ему внимает с благоговением, в священном ужасе, изумляясь тому, что Бог невидимый, непостижимый, *Самый* Бог наш говорит на нашем тварном языке; и как грустно думать, что единственные, до кого эти слова часто не доходят — люди; люди, для которых они были сказаны, *на языке* которых они были произнесены, люди, *ради* которых Христос Бог стал человеком...

Как благоговейно мы должны бы слушать, просто слушать! Если даже мы не в силах понять глубины, если даже мы не в силах поднять весомости и ответить на порой страшный для нас призыв этих слов — как благоговейно мы должны бы слушать их, зная, что это — *собственные* слова Бога на человеческом языке, доходящие до нас, звучащие во всем мире!

Святой Иоанн Златоуст говорит, что, когда мы хотим прочесть евангельскую страницу, мы должны бы помолиться, чтобы Господь очистил наш ум, наше сердце, выправил нашу волю, — должны бы вымыть руки, которыми мы тронем эту священную книгу! — и *слушать* всем естеством своим... Преподобный Серафим говорил, что Евангелие надо на коленях читать, потому что *Бог* говорит. Если бы Живой Бог осязаемо, ощутимо говорил нам — мы не стояли бы даже, мы опустились бы на колени, мы закрыли бы глаза и открыли бы ум и сердце... А разве так мы слушаем Евангелие?

И вот сегодня мы читали о буре на море. Это не только рассказ о том, что когда-то, во время жизни Христовой на земле, случилась буря; это говорит о всякой буре, о *каждой* буре: о бурях истории, о семейных, разрушающих, пугающих нас бурях, и о той *буре*, которая часто идет в нашем сердце, в нашем уме, которая выражается резким словом, которая иногда уносит нас в водоворот...

И вот, когда случается такая буря, нам надо не пугаться ее, а знать, что в самом ее сердце, в самом страшном ее месте, там, где все силы зла встречаются для того, чтобы все разрушить, стоит Христос, и что все эти силы о Христа, как о скалу, разбиваются вдребезги...

Мы не видим Христа в буре, потому что не смотрим, мы не слышим Его голоса в ветрах и в шуме бури, потому что не слушаем... И когда ощущаем, что *где-то* в этой буре Он есть, мы не говорим, как Петр: Господи, дай мне покинуть хоть *малую* долю уверенности, защищенности, спокойствия, которая мне дана, дай мне выйти в эту бурю, дай мне пройти насквозь — и оказаться рядом с Тобой!

Мы могли бы тогда идти по разъяренным волнам, мы *могли* бы устоять против бьющих нас ветров. А если на полпути мы испугались бы, потеряли веру, потеряли Христа из виду, потеряли надежду на себя, мы всегда можем, как Петр, о котором сегодня говорится, закричать всем страхом своей души, всей потерянностью своей: Господи, помоги!. И Христос в этой буре возьмет нас за руку и приведет нас сначала в ладью, которая нам служила такой слабой зашитой, а затем и на твердый берег.

Христос и раньше, и теперь, и во веки веков *Тот же*, и что говорится о том, как Он жил на земле, относится и к тому, как мы живем со Христом, потому что Он с нами до скончания века. Аминь.

Буря

(Мф. 14:22-34) — 24 августа 1986 г.

Так же, как Петру и другим Апостолам, нам *трудно* поверить, что Бог мира, Бог гармонии может находиться в самой сердцевине бури, которая, казалось бы, готова разрушить нашу безопасность и лишить нас самой жизни.

В сегодняшнем Евангелии говорится, как ученики покинули берег, где Христос остался один, в уединенности совершенного молитвенного общения с Богом. Они отправились через море, рассчитывая на безопасное плавание; и на полпути их настигла буря, и они поняли, что им угрожает гибель. Они боролись изо всех своих человеческих способностей, опыта и сил, и, однако, смертная опасность нависла над ними: страх и ужас охватили их.

И внезапно среди бури они увидели Господа Иисуса Христа; Он шел по бушующим волнам, среди разъяренного ветра и вместе с этим в какой-то пугающей тишине. И ученики в тревоге закричали, потому что не могли поверить, что это Он, они подумали, что это призрак. А Иисус Христос из сердцевины этой клокающей бури сказал им: Не бойтесь! Это Я... Так же, как Он говорит нам в Евангелии от Луки: Когда услышите о войнах и о военных слухах, не ужасайтесь, подымите головы ваши, потому что приближается избавление ваше...

Нам трудно поверить, что Бог может находиться в сердце трагедии; и, однако, это так. Он находится в сердцевине трагедии в самом страшном смысле: предельная трагедия человечества и каждого из нас — наша отделенность от Бога, тот факт, что Бог для нас далек; как бы близко к нам Он ни был, мы не ощущаем Его с той непосредственной ясностью, которая дала бы нам чувство защищенности и породила бы ликование. Все Царство Божие внутри нас — и мы не чувствуем этого. И это — предельная трагедия каждого из нас в отдельности и всего мира, из поколения в поколение. И вот в *эту* трагедию Христос, Сын Божий, вступил, став Сыном Человеческим, вступил в сердцевину этой разделенности, этого ужаса, который порождает душевную муку, разрыв, смерть.

И мы — как эти ученики; нам не нужно представлять воображением, что с ними происходит: мы сами *находимся* в том же море, в той же буре, и Тот же самый Христос, с Креста или восставший из гроба, стоит посреди нее и говорит: *Не бойся*, это Я!

Петр захотел идти из лодки ко Христу, под защиту безопасности; не это же ли и мы делаем все время? Когда разразится буря, мы спешим к Богу изо всех сил, потому что думаем, что в Нем спасение от опасности. Но недостаточно того, что спасение в Боге; наш путь к Богу лежит через самозабвение, через героическое доверие Ему, и через веру. Если мы станем оглядываться на волны, и на вихри, и на нависающую угрозу смерти, мы, как Петр, начнем тонуть.

Но и тогда мы не должны терять надежды; нам дана уверенность, что, как ни мала наша вера в Бога, *Его* вера в нас непоколебима; как ни мала наша любовь к Нему, Его любовь к нам беспредельна и измеряется всей жизнью и всей смертью Сына Божия, ставшего Сыном Человеческим.

И в тот момент, когда мы чувствуем, что нет надежды, что мы погибаем, если в это последнее мгновение у нас достаточно веры, чтобы закричать, как Петр закричал: Господи! Я тону! Я погибаю, помоги мне! — Он протянет нам руку и поможет нам. И поразительно и таинственно Евангелие говорит нам, что в мгновение, когда Христос взял Петра за руку, все они оказались у берега.

Задумаемся над этими различными моментами сегодняшнего Евангелия и посмотрим, какое отношение они имеют к нам, в буре нашей жизни, во внутренней буре, которая иногда бушует в нашем сердце и уме, во внешних бурных и устрашающих

обстоятельствах жизни. Будем помнить, со всей уверенностью, которая дана нам в Божием собственном свидетельстве через Его учеников, что мы и среди бури — безопасны, и спасены Его любовью. Аминь.

Послание 1 Кор. 3:9-17;

Евангелие о буре, Мф. 14, 22—34. — 5 августа 1990 г.

Хочу сказать несколько слов о том Послании Апостола Павла, которое мы слышали перед чтением Евангелия. Сколько в нем строгого предупреждения и, вместе с этим, укрепляющей нас надежды! Апостол Павел говорит, что мы все строим на основании твердом, несокрушимом, неколеблющемся: все мы слышали Божие слово, слово, которое животворит, слово, которое созидает, слово, которое делает нас и всю тварь новой. И на основании этого Христова слова, вдохновленные им, мы начинаем строить жизнь.

Одни из нас строят свою жизнь из несокрушимого камня; другие строят из нержавеющей золота и серебра, которые навек останутся чистыми и совершенными. Другие же не находят в себе мужества быть строителями навсегда: на время строят, а потом не хватает духа. Кладут некоторое основание, а завершают свое дело постройкой из дерева, а порой и из соломы: то есть из того, что не устоит ни против землетрясения (а землетрясения мы можем себе представить в виде потрясений истории), ни против ржавчины, то есть всего зла, которое въедается в наши сердца, в наши умы, в нашу волю, в нашу плоть, в нашу жизнь.

Те, кто строят из дерева, строят, как будто, нечто надежное и верное; пока оно стоит — это здание; те, кто строят из соломы, тоже думают: хоть укрыться от непогоды!. Ведь они считают, что основание — Христос. Но приходит время суда, приходит волна морская, о которой сегодня говорится в Евангелии, буря, которая может всё потопить; приходит огонь — огненный суд Божий или страшный, пожирающий огонь человеческой злобы; и что тогда остается от того здания, которое мы строили не навсегда, не на вечность, а только чтобы укрыться на время: сгорает солома, горит и испепеляется дерево; что же с нами тогда будет?

Вот тут Апостол Павел нам говорит слово надежды: дело сгорит, но человек спасется! Сгорит то, что он делал непрочно, что не было сделано с такой крепостью, с которой строят Апостолы, пророки, святые, подвижники. Но, однако, если мы возопием Господу не только от *ужаса* того, что человек, что мы сами сотворили, а от ужаса о том, чего мы не сделали: Господи, спаси! — то и нас спасет Господь.

Тут слова Апостола Павла и события, описанные в Евангелии, так прямо относятся к делу: ученики в ладье, в деревянном, легком судне отправились через море; море казалось тихим, спокойным, а ночью разразилась буря, поднялись волны, ветер стал гнать воду в их ладью, и они почувствовали, что погибают.

И в *этот* момент перед ними, в сердцевине этой бури, стал Христос: не где-то на берегу, в верном месте, но *именно* в том месте, где сосредоточилась вся сила бури, встал Он, не подверженный бурям, *победитель* бури, если только Он захочет ей приказать; как в другом рассказе Евангелия Он сказал волнам и морю: Улягся, успокойся! — и буря перестала...

Но Апостолы не могли поверить, что Бог может быть в самой сердцевине той бури, которая их так испугала и которая может их разрушить, погубить навсегда, — то есть навсегда во времени, в истории. И они подумали, что это призрак, что это не может быть Он, что где Бог, там должен быть не только покой, но и для них самих безопасность... Но не на то нас послал в мир Господь.

Христос обратился к ним со словом: Это *Я!* Не бойтесь!. И Петр поверил звуку Его голоса и попросил, чтобы Христос ему велел *по волнам*, через бурю, ветры и волны прийти к Нему, и Христос сказал: Иди!. И пока Петр глядел *только* на Спасителя, Вседержителя Христа, он мог идти по волнам; он мог пройти через бурю, ту бурю, которую представляет собою и история, и жизнь каждого человека. Но вдруг он

загляделся на брью, потерял из виду Бога — и начал тонуть. И тогда он закричал: Господи! Спаси!. И Господь протянул руку и спас его, но прибавил: Маловажно! На мгновение ты поверил, а потом твоя вера была поглощена страхом *за себя*: забудь о себе и стань Моим учеником!.

Не можем ли мы чему-то от этого научиться, каждый из нас, из обстоятельств нашей жизни? Спросим себя: на неизблемом основании Христовом строим ли мы из камня, из золота и из серебра, или только из гибнущей материи? Спросим себя: хотим ли мы со Христом, с Богом, быть в сердцевине бури, без страха, потому что *там* то место, где Он находится — или же надеемся спастись в уютной лодочке, которая тонет?

Вот задумаемся над этим: и вступим снова в жизнь, с новой надеждой, новым чувством ответственности, но и с уверенностью, что *все* возможно силой Христовой, нас укрепляющей. Аминь.

Исцеление бесноватого отрока

(Мф. 17:14-23) — 22 августа 1976 г.

Евангельский отрывок, который мы читали и слышали сегодня, следует сразу же за повестью о Преображении Господнем. И не может нас не поразить болезненный, страшный контраст между этими двумя мирами.

На Горе Преображения явлен был Христос, Человек во всей славе своего человечества, не только сияющий первобытной благодатью творения, но сияющий той славой, которую мы все призваны разделить, когда благодать Божия охватит нас, и мы будем, как Неопалимая Купина, гореть и не сгорать, светить и сиять Божественным светом. На этой же горе ученики видели мир, творение Божие, каким оно могло бы быть, было и *станет*, когда победит Господь и когда мир будет сиять славой вечной жизни. Они видели то, что является таинством будущего века: преображенный мир, охваченный и сияющий славой Божией. Им было хорошо, и не хотелось им отрываться от этого видения и лишаться этого состояния. Но Христос им повелел оставить гору Преображения, *оставить* это видение, оставить это блаженное состояние и спуститься в долину.

И не одних Он их послал туда, а Сам с ними сошел, чтобы погрузиться во мрак земной греховной жизни и встретиться со всей тьмой, со всем *ужасом ада*: когда они сошли в долину, их встретил человек, сын которого был во власти злых, разрушающих, темных сил — сил смерти; и туда позвал Христос и Своих учеников.

Не то же ли состояние и мы испытываем порой, когда находимся в церкви и нам кажется, что все мучительное, злое, темное, разрушительное отошло куда-то далеко-далеко, когда стало светло на душе, покойно, когда радость нас охватывает, когда мир нисходит на нас? Нам здесь бывает хорошо; и порой бывает больно и страшно вернуться туда, где мы встретим хаос, горечь, страх, нелюбовь, жадность — все, что разрушает жизнь, разделяет людей, убивает души.

Но нам надо помнить, что Христос нам дает видение нетварной, *победоносной* красоты вечности для того, чтобы свидетельство об этом мы принесли в мир, который порой так горек и так труден. Мы должны бы сходиться с этой горы Преображения, как Моисей сошел с Синайской горы, с таким светом в глазах, с таким светом на лице, что люди глядели бы на нас и не могли вынести этого сияния, или, глядя на нас, видели тихий свет вечной жизни, рассеивающий всякую тьму, приносящий мир и радость, надежду и спасение.

Подумаем о своей ответственности: сколько нам дано, как дивно то, что нам дается, как мы богаты!. И когда мы будем покидать храм или отрываться от домашней молитвы, потому что Бог зовет нас на другое: на служение — будем вспоминать, *что* мы должны принести в мир, какой свет, какую радость, какую уверенность, какое свидетельство! Аминь.

После Преображения. Исцеление глухонемого отрока

(Мф. 17:14-23) — 31 августа 1986 г.

Год за годом по воскресеньям мы слышим те же отрывки из Евангелия. И иногда люди спрашивают: почему они повторяются и повторяются? Не в том ли ответ, что мы слышим, но не делаем того, что услышали? Не *приходится* ли Господу повторять нам те же заповеди, а Апостолам — те же события из жизни Христа в надежде, что рано или поздно они достигнут до наших сердец и *выкуют* нашу жизнь?

Один из отцов Церкви сказал, что можно понять Евангелие только в той мере, в какой мы становимся творцами того, что говорит Господь, и Его последователями, только когда мы делаем то, что услышали. И как редко мы можем сказать: да, я *услышал* — и это изменило мою жизнь...

В житиях святых мы читаем, как иногда фраза Евангелия повернула жизнь человека в совершенно новое измерение; кто из нас может сказать, что он услышал Господа, обращающегося со словом к нему лично, что все его существо: сердце, и ум, и воля, и тело — отозвалось, сказав: Аминь! Да, Господи! Это — истина, и я буду жить по этой истине...

И вот сегодняшнее Евангелие — один из таких отрывков; он читается нам каждый год. Господь сходит со Своими учениками с Горы Преображения, где все было славой и гармонией, Царство Божие явленное, слава Божия блистающая, все вокруг охваченное этой славой и отзывающееся на нее. Это был момент, когда любовь *горела* пожаром: тот момент, когда Христос беседовал с Моисеем и Илией о Своем распятии; момент, когда Он говорил им о Своей всеконечной жертве, то есть о совершенной полноте, предельной интенсивности Своей любви к человечеству и к Богу. В это мгновение *всё*, что было в Нем: Его Божество, Его человеческая душа, Его человеческая плоть, которые приносились в жертву, были самопожертвованием — все достигло вершины любви: и тогда случилось, что не только Христово лицо, или руки, или Его тело просияли, но сами одежды Его стали белы, как свет, потому что они были охвачены и включены в эту тайну *спасающей любви*. Мы видим здесь, что отзывается сама материальность мира, будучи изначально сродни Богу. И мы видим, как полыхание Божественной любви в ее *жертвенный* момент преобразило все, что составит эту жертву.

И вот после этого Христос с учениками оказываются в долине, поистине в низине тени и смерти, в долине слез, где они встречают человека в муке сердечной: сын его был болен. Он обращался к ученикам Христовым, и *ничего* не случилось. Христос оборачивается к ним и говорит: Ничего не случилось, потому что у вас нет веры... Но у самого человека была ли такая вера, которая может двигать горами? *Все*, что он смог собрать из глубин своего отчаяния, было доверие, доверие Христову состраданию, доверие Христовой любви и доверие, что Тот, Кто может так глубоко быть ранен нуждой другого человека, имеет и силу помочь... Если можешь поверить хоть *самую* малость, говорит ему Христос, исцелится твой ребенок... И ответ отца: Верую, Господи, *помоги* моему неверию!.

Какая же разница между этим человеком и учениками? Не в том ли, что между им и нами? Мы *робеем* поверить; мы не решаемся на доверие, мы *не* решаемся сказать из глубины душевиздающего сострадания, которое соединяет нас воедино со страдальцем, которое делает физическое или душевное страдание человека *невыносимым* для нас, — мы не способны сказать: **я могу** что-то сделать, и сделаю...

В этом, возможно, наша главная трагедия; мы боимся, что если мы скажем: "Помолимся Господу, и Он поможет", — то ничего не случится, и мы будем посрамлены, а из-за нас будет посрамлен и Господь, — тогда как надо сказать: любовь Божия такова, что Он отзывается и на самую недостойную молитву, если только молитва эта искренняя, родившаяся из *подлинного* сострадания, из всей меры любви, которую мы можем собрать, сколько ее ни мало.

Мы не можем достичь уровня тех знамений верующих, которые перечисляются в конце Евангелия от Марка; но мы можем сделать хотя бы одно — то, что Господь Иисус

Христос повелел сделать Своим ученикам: *Приведите его ко Мне!* Если вы ничего не можете сделать, если у вас нет веры, если у вас нет мужества, если у вас нет надежды, если у вас нет сострадания, если любовь ваша колеблется — *приведите его ко Мне!* И это мы могли бы сделать в отношении каждого, кто вокруг нас находится в нужде, в муке душевной или физическом страдании и в опасности для жизни. *Приведи его* ко Христу, чтобы он встал перед лицом Господним во всем своем страдании. И чем больше отчаяние, чем безнадежнее положение, тем больше будет его способность встретить Бога, если только мы сами прозрачны, как свет, если только мы — те предвестники Христа, каким был Иоанн Предтеча, или какими были Апостолы: те предвестники, которые открывают путь ко Христу, чтобы дать Богу действовать. Аминь.

Притча о прощении должника царем

(Мф. 18:23-35) — 29 августа 1976 г.

Часто приходит на ум вопрос: как человек может спастись? И вот в сегодняшнем Евангелии, как в целом ряде других чтений, мы находим такой простой, четкий ответ на это: Твое спасение в твоих руках; прости — и тебе будет прощено. И момент, когда будет прощено, значит, что тебе открыта вечная жизнь.

В сегодняшней притче Христос нам рассказывает о том, как человек был должен громадное количество денег своему господину; ему не из чего было отдать, и все было ему прощено, потому что над ним сжалился его Господь. А выходя от лица своего господина, он встретил человека, который был ему должен малую сумму денег. И он стал с него требовать безжалостно. И Господь ему сказал: Я тебе простил твой *громадный* долг; как же ты не простишь другому ничтожного его задолжания?

Так и мы ожидаем от Бога, что перед нами, за одно слово Его милости, откроются врата вечной жизни, и запираем эти же врата — нет, малые врата временной жизни — перед лицом другого человека. На *что* же нам надеяться? А в другом месте Евангелия сказано: Какой мерой вы будете мерить, такой и вам отмерено будет... Сказано в Заповедях Блаженства: Блаженны милостивые, они *будут* помилованы... И в Молитве Господней: Прости, как мы прощаем... Как все это кажется просто, а вместе с этим, как это нам оказывается трудно...

Просто было бы, если бы сердце отзывалось на горе, на нужду; трудно, потому что сердце наше молчит. А почему это так? Не потому ли, что, когда человек поступает плохо, мы всегда думаем: он — плохой человек, не понимая, что человек-то часто так бы *хотел* быть хорошим, так бы хотел, чтобы каждое его слово было чисто, чтобы чисты были его мысли, чисто сердце, чтобы его поступки были достойными; а сил не хватает, окутывает его старая привычка, давление и привычки среды, ложный стыд — столько, столько вещей. И человек продолжает поступать плохо.

Но мы можем его от этого высвободить; мы можем на него посмотреть, как Бог на него смотрит: с жалостью, как смотрят на больного, умирающего от болезни, которая могла бы быть исцелена, лишь бы только на него посмотрели с жалостью и сделали нужное. И каждый из нас это нужное для души другого человека *может* сделать. Посмотри на человека и *пожалей* его в том, что он зол, мстителен, плох в том или другом отношении. Пожалей, и повернись к нему светлой стороной своей души; скажи ему: Ты меня не обманешь своими поступками, как бы они ни были злы; *я знаю*, что ты — икона Божия; что эта икона осквернена, изуродована, а все-таки я это знаю и в тебе поклоняюсь Богу, а тебя люблю, как брата...

Это может очень дорого нам стоить; но если это сделать раз-другой, увидишь, как человек меняется от того, что ты в него поверил верой, что ты надежду Божию возложил на него: какой мир был бы вокруг нас, мир взаимного доверия... Правда, нам за это приходилось бы часто платить — кровью сердца, слезами, состраданием, болью души; но какая радость была бы не только у Ангелов Божиих на Небесах, когда они видели бы

спасение одного грешника, но и в нашей душе, когда мы вдруг увидели бы, что на наше сострадание и любовь человек отозвался и просиял вечной жизнью. Аминь.

Притча о прощении должника царем

(Мф. 18:23-35) — 30 августа 1981 г.

Притча, которую мы сегодня слышали, такая ясная, такая прозрачная и так четко выражает наше отношение друг ко другу — и часто к Богу. От Него мы всего ожидаем: прощения, милости, любви, даров земных, даров духовных; но, когда к нам люди обращаются с той же тоской о любви, о сострадании, о снисхождении, о терпении к их грехам, мы оказываемся такими строгими, такими негнуцимыми и немилосердными. И сегодняшняя притча нам говорит, что если мы хотим, чтобы Бог всегда, при всех обстоятельствах жизни относился к нам, как этот царь относится к своему должнику, то мы должны научиться подобно — только подобно! — относиться к тем людям, которые вокруг нас и кого мы считаем своими должниками.

А в притче указано нечто, побуждающее меня употребить слово "подобно"; потому что тот, кто был должен царю, был должен ему очень большим долгом; а его приятель, который был *ему* в долгу, был должен ему бесконечно меньшую долю. И однако первый *все* простил, другой — всего требовал.

И так и с нами; друг перед другом мы виноваты столь малым: оказали мало внимания, сказали резкое слово, прошли мимо, *не сумели* найти доброго, теплого слова или прикосновения руки. Но по отношению к Богу мы более тяжко грешим. Потому что друг ко другу мы, правда, относимся немилосердно, с раздражением, с холодностью; но мы все-таки друг со другом дружим, друг друга замечаем. А мимо Бога мы проходим все время...

Как часто я слышу, что мне говорят: Я ленив в молитве, я ленюсь читать Священное Писание, я ленюсь думать о Боге... Дело не в лени; нет, ты не ленив! Ты *просто* Его не любишь... Ты не ленив, потому что на столько других вещей у тебя хватает бесконечно много усердия, энергии и сил; на Бога — не хватает, потому что наше сердце занято другим. Если бы только наше сердце открылось Богу, если бы только Он для нас значил нечто подобное тому, что значит для нас отец, и мать, и сестра, и невеста, и жених, и ребенок, тогда ни о какой лени не было бы речи — ни о какой! Потому что, когда нужно любимому, мы забываем и усталость, и болезнь, и все, и берется откуда-то находчивость, и память, и усердие, и силы. Нет, дело не в лени; тем самым мы оказываемся должниками Богу гораздо больше, чем тем, что мы называем грехами: нетерпеливостью, раздражением; это все плоды, это поросль! А основной корень — это наше к Нему *безразличие*...

Но можно сказать, что порой, часто дело обстоит и хуже: разве мы Бога не упрекаем *постоянно* во всем, что нам не удается, что нам не по душе? Разве мы постоянно не считаем Его ответственным за бездолье, за болезнь, за все несчастья, которые с нами случаются? *Он* во всем виноват, *Он* не досмотрел, *Он* не позаботился: где же Его любовь или где же Его сила, когда то, к чему я стремлюсь, о чем я мечтаю, чего я хочу, мне не дается?.

И вот прежде чем дойти до того, о чем говорит эта притча — осознать себя должником по отношению к Богу, — нам надо осознать, что *мы* считаем *Его* нашим должником, что мы постоянно восстаем на Него с горьким упреком или, пожалв плечами, отходим от Него. Эта притча нам даже не по плечу; жутко сказать, но мы не ощущаем себя постоянно должниками Божьими, и как часто и постоянно мы видим в *Нем* своего неоплатного должника, Которого мы упрекаем в своем сердце и часто обличаем в лицо!.

Подумаем об этом; примиримся с Богом; но начнем это примирение там, где оно действительно реально: начнем это примирение, поставив перед собой вопрос: В *чем* я Его упрекаю?. И, как ни *дико* так выразиться, *простим* Ему, прежде чем просить у Него прощения. Иначе, прося прощения, пока у нас в душе еще какая-то горечь, какой-то упрек

Ему, наше примирение никогда не будет полным, не будет всеобъемлющим, не соединит нас с Богом и не откроет нам пути к примирению с ближним...

Да благословит нас Господь прийти в сознание, понять свое место, глубоко заглянуть в наше отношение к Богу, к себе, к ближнему, и создать *это* Царство, о котором говорит Господь: Царство, где каждый друг другу прощает, каждый отпускает другого на свободу, каждый дает другому все, что он может дать, и все, что Бог может дать другому через него. Аминь.

Притча о прощении должника царем

(Мф. 18:23-35) — 18 августа 1985 г.

Сегодняшняя притча такая ясная, такая простая, но я хотел бы обратить ваше внимание на одну или две вещи в ней. Из притчи ясно, что если мы не прощаем друг другу то малое, чем мы согрешаем друг перед другом, Бог не может простить нам то великое, чем мы должны Ему. И это верно; но я хочу задуматься над чем-то другим.

Мы должны друг перед другом столь малым: мы раним друг во друге самолюбие или гордость; мы разрушаем надежды друг друга, мы убиваем друг во друге радость; но также очень часто тем, как мы друг со другом обращаемся, мы омрачаем, порочим образ Божий в себе и в других людях. И вот, когда речь идет о человеческих взаимоотношениях, о боли, которую мы друг другу причиняем, наш долг может быть прощен, потому что жертва нашего греха, даже если она сама нас вызвала на грех, или если это жертва безвинная, получает в тот момент власть простить, подлинно Божественную власть упразднить зло, которое мы совершили, и словами Христа: "Прости им, Отче, они не знают, что творят", отпустить обидчика, перечеркнуть зло, выпустить на свободу того, кто связал себя узами ненависти, презрения и множеством других вещей.

Но есть в этой притче и другая сторона: в чем дело, почему Христос говорит, что мы должны друг другу сто монет, а Богу — десять тысяч монет: так много, так много? Значит ли это, что, когда мы грешим против Бога, грех как бы умножается тем, что Бог велик, и оскорбить Его намного преступнее, чем оскорбить ближнего? Я думаю, что такое представление о Боге было бы чудовищным; я думаю, это означает, что, когда мы поступаем дурно, не слушая Его призыва, не следуя Его слову и Его примеру, это помрачает Его образ в нас, разрушает ту красоту, которую Он в нас насадил, которую Он начертал в нас, которой Он нас запечатлел, как собственной печатью. И вот *это* непоправимо, если только Сам Бог не исправит, если только Сам Бог не обновит то, что одряхлело, не вернет утраченную нами красоту.

И в этом смысле мы должны быть очень бережны в наших отношениях с Богом. Проступки друг против друга исправить легко, потому что они малы, они поверхностны: одного слова прощения достаточно. Но того, что мы совершаем над своей душой, над самими собой, когда поступаем против Божией заповеди, Божьего зова, против надежды, которую Бог на нас возлагает, мы не можем исправить, просто сказав: "Я поступил плохо — прости!" Вся жизнь Христа, все Его страдание, Его смерть на кресте — вот цена, которой восстанавливается то, что мы разрушили и изуродовали вместо того, чтобы сделать прямым и прекрасным.

Задумаемся над этим, потому что сказать Богу: "Прости", означает гораздо больше, чем сказать: "Не вмени нам того зла, которое мы сделали, той неправды, которую мы совершили". Это значит: "Обнови то, что не может быть возрождено человеческими силами".

Так что действительно существует несоизмеримость, о которой Христос говорит в притче, между тем, когда мы поступаем неправо на путях Божиих и когда мы поступаем неправо в наших взаимоотношениях друг со другом. И поэтому давайте начнем с этих отношений друг ко другу: станем относиться к каждому человеку, как мы относились бы к святой иконе, поврежденной временем, небрежностью, насилием. Будем относиться друг

ко другу с благоговением, с любовью, с лаской и заботливостью; тогда, когда мы обратимся к Богу, и Он так же поступит и с нами.

Да благословит нас Бог вырасти в полноту той красоты, которую Он насадил в нас и к которой Он нас призывает, и да будет благословение Господа Иисуса Христа, и любовь Божия, и причастие Святого Духа с нами во веки! Аминь.

Богатый юноша

(Мф. 19:16-26) — 2 сентября 1979 г.

Читая из года в год рассказ о том, как юноша подошел ко Христу и спросил Его, каким образом может стать он совершенным, мы упускаем из внимания две черты. Первое — мы часто думаем: значит, он отошел от Христа и погиб? Значит, нет ему надежды, потому что он был богат и не мог сразу сбросить с себя бремя этого богатства?. Этому Евангелие не утверждает; Христос говорит: *Как* трудно богатому войти в Царство Божие... Почему?. Потому что Царство Божие — это Царство, где ничего нет, кроме любви; это Царство, которое определяется первой заповедью Блаженства: Блаженны нищие духом, ибо тех есть Царство Небесное... В чем же заключается эта бедность? В сознании, что нет у меня ничего своего, ничего, что я могу удержать, ничего, что родилось бы во мне и над чем я имел бы власть.

И на самом деле: мы призваны к бытию словом Божиим; мы живем Его милостью; мы Его знаем, потому что Он нам открылся, мы носим Его имя, потому что Он его нам дал. Тело, ум, сердце наше, дружбы наши, счастье и горе наши — вне нашей власти; и если мы так богаты бытием, и жизнью, и дружбой, и любовью, и крепостью, и немощью, то это потому, что мы Богом любимы, и потому, что мы людьми любимы... Нет у нас ничего, что мы могли бы по справедливости назвать своим; но *потому*, что ничто не наше, и однако мы так богаты, мы должны сознавать, что мы живем любовью Божией и любовью ближнего: и это и есть Царство Божие...

Как трудно нам дается это понять, как неохотно мы соглашаемся на то, чтобы быть *только* любимыми, и от любви, из любви быть такими богатыми. Богатому, тому, кто думает, что у него есть что-то свое, действительно трудно быть в Царстве, где вся радость в том, чтобы давать от всего сердца и иметь по любви Божией и по людской любви. Но и при этом мы не так легко погибаем потому именно, что мы Богом любимы. Как же нам отнестись к этому?

Часто — и это вторая ошибка, которую мы делаем, — мы думаем: Ведь не ко мне относится эта притча: чем я богат?. А чем мы только ни богаты! За что мы только ни держимся, что мы только ни рассматриваем как свою собственность: наш ум, и наше здоровье, и наша жизнь, и то, что мы имеем, и то, к чему мы стремимся, — как трудно нам сказать, что все это не мое!. Не так давно нам было дано приобрести этот храм, и кто-то мне сказал: Мы теперь его приобрели в *собственность*... Как это страшно: ведь церковь эта — Божия, собственная Его церковь, и вдруг кто-то говорит "моя собственная", присваивает... Видите, как легко даже милость Божию, даже дар Божий, даже то, что принадлежит Ему безраздельно, рассматривать как свое. Каждый из нас старается быть богатым чем-нибудь...

И вот мы только тогда можем войти в Царство торжествующей, ликующей любви, когда можем сказать: Ничто не мое — и как я любим Богом, и как меня берегут люди, и как я любим родными, и как все дивно, потому что я так одарен всем, хотя ничто мне не принадлежит... В начале этого евангельского рассказа юноша знает, что он богат: он выполнил все заповеди Божии, он чист перед законом, он праведен; а оказывается, что *поскольку* он себе это присвоит как добродетель, как уверенность на право быть спасенным, все это стоит преградой перед ним...

Как нам надо быть осторожными по отношению к нашей собственной правде, собственной праведности, к праведности и правде церковной: они могут нас преобразить — и они могут стать для нас идолом, собственностью и нас отделить от самой жизни, от

любви. *Станем* же учиться любить *так*, чтобы забыть, что у нас что-то есть, а только благодарить, радоваться о том, что нам столько дано, и тогда вся жизнь, как бы она ни была тяжела, как бы она ни была страшна, превратится в Царство Божие. Аминь.

Богатый юноша

(Мф. 19:16-26) — 30 августа 1987 г.

Не только боязно бывает, но иногда и опасно проповедовать слово Божие. Потому что Господь сказал: По словам твоим ты осудишься... Ты будешь судиться, потому что, если ты проповедуешь Божию правду, если ты ее провозглашаешь и остаешься праздным, не делая того, что заповедал Господь и о чем ты достаточно знаешь, чтобы возвещать это другим, — тогда как устоять перед судом Божиим? И это относится не только к священнику, но ко всякому христианину, который призван быть свидетелем, Апостолом, нести Божие слово, Божию правду тем, которые во тьме или в потемках, которым нужен Божий свет, нужна Божия правда и Божия жизнь.

И вот сегодняшнее Евангелие встает перед нами так требовательно. Оно начинается словами, которые можно понять по-разному: "Учитель благий — что сделать, чтобы наследовать жизнь вечную?" И Господь отвечает: Почему ты называешь Меня благим? Благ один только Бог... Он не говорит: "Ты ошибаешься". Он не отрекается от Своего права называться благим, как Бог благ; и поэтому для тех, у кого есть уши, чтобы слышать, тех, у кого есть сердце, способное уловить благодать Господа Иисуса, превосходящую всякую человеческую благодать, всякую человеческую красоту и правду, это есть свидетельство: Да, ты обращаешься к своему Богу, и на твой вопрос будет отвечать Бог твой...

И затем Христос дает нам два указания. Одно — если хочешь получить вечную жизнь, то соблюдай заповеди. Заповеди Божии — не только правила поведения, хотя тоже и это; но заповеди Божии, как говорится в одном из псалмов, должны корениться в самом нашем сердце. Мы должны были бы из самых глубин сердца выполнять заповеди: не потому, что они как бы заданы нам извне, а потому, что они достигли нас со всем звучанием правды; не потому, что Бог сказал, а потому, что всем нашим существом мы ответили: *Аминь!* Это правда, это жизнь, это путь в вечную жизнь!

И когда мы слышим Христа, говорящего о "заповедях", — где мы по отношению к ним находимся? Кто из нас может сказать, что он, она были верны каждому слову этого короткого перечня заповедей, без которых нам не построить жизни? Где мы стоим? Я, говорящий, и вы, слушающие, потому что такая же ответственность на слушающем, как и на говорящем!. Как часто мы думаем, как и этот молодой человек, — но с каким малым основанием! — что мы стремимся к совершенству; мы хотим совершенства, не пройдя прежде даже путем заповедей.

Но Христос говорит ясно: Если хочешь совершенства — отдай все, что имеешь... Мы можем отдать не только вещественное имущество; у всех нас есть сокровища, накопленные в уме, и в сердце, и в душе, вещи, которые нам более дороги, чем что-либо материальное и что составляет наше богатство. Каждый из нас должен заглянуть внутрь себя и спросить: Что есть такого, что составляет мое собственное сокровище? Что есть такого, что я не отдам, даже ради вечной жизни, ради Бога?

Мы не выражаемся так грубо, но крепко прижимаем к себе то, чем дорожим, и надеемся, что вступим в Царство Божие, достигнем совершенства и во всей полноте станем тем, к чему призваны, такими людьми, какими нас возмечтал Бог, когда создавал нас, — и это не так.

В Книге Откровения есть место, где говорится: Одно Я имею против тебя — что ты забыл свою первую любовь... И эта первая любовь для каждого из нас — Живой Бог, Которого мы называем столькими именами: мы называем Его "Жизнь", мы называем Его "Полнота", мы называем Его "Радость", мы называем Его всеми именами, которые указывают, как нам достичь полноты бытия. Иногда мы знаем, что только в Боге это

возможно, иногда воображаем, что можем перерасти самих себя — так или иначе, это наша первая любовь: вырасти в то величие, какое Бог для нас возмечтал, в тех людей, какими Он хочет, чтобы мы были. И мы не следуем заповедям, потому что думаем, что можем достичь этого более простым путем; и не отдаем всего того, что имеем, то есть единственного, с чем мы не готовы расстаться, ожидая, что Бог примет *и* нас, *и* нашу обузу.

Задумаемся над этим рассказом; это даже не притча, это реально случилось с одним молодым человеком. Это же случается и с каждым из нас, когда Бог говорит: Был ли ты верен тому образу жизни, который Я наметил для тебя словами заповедей, как отмечают путь дорожными указателями? Хочешь достигнуть полноты — вот тебе отправная точка... И если вы *были* верными в этом, то поставьте перед собой другой вопрос: с каким сокровищем я *не* расстанусь *даже* и для вечной жизни?

Юноша услышал слова Христа и отошел печальным. У него были владения земные, а у нас столько имущества не материального, но которое для нас как обуза, как цепи, нас сковывающие.

Но есть в этом рассказе одна черта, которая может дать нам столько надежды: Христос не осудил этого юношу, Христос отпустил его без слова упрека; то, что Он сказал, было как зерно, посеянное в ум и сердце этого юноши. Он дал ему отойти раненым в сердце, озадаченным в уме, с призывом приступить к действию героическим усилием воли и самоотречения — как Христос сказал: Отвергнись себя и следуй за Мной... Куда? По путям человеческой жизни — с одной стороны, а с другой стороны — в полноту вечной жизни.

Когда Христос говорит нам: "Следуй за Мной", Он не зовет нас идти по пугающим потемкам одинокого пути; Он говорит: Я прошел весь этот путь, Я изведаль каждую его западню — ты можешь идти без страха! Я как добрый пастырь, идущий впереди своих овец и сам встречающий опасность, так, чтобы овцы были целы...

Все мы сейчас пойдем домой, как этот молодой человек, может быть, опечаленные, что ни один из нас не смог соблюсти заповеди и отказаться от самого драгоценного своего обладания. Но помните: мы не уйдем осужденными; в сегодняшнем чтении нам предложен конечный выбор, и до тех пор, пока мы боремся на земле, есть еще время. Но не будем обманываться временем: время бежит, время летит — пусть же не окажется слишком поздно, — повернемся к жизни, станем *всем*, чем мы способны быть. И ответ сегодняшнего Евангелия так прост: "Но кто же может тогда спастись?" — и ответ: Человеку это невозможно его собственными силами, но Богу все возможно... Это наша надежда: с нами Бог, и ничто не невозможно нам. Аминь!

Притча о винограднике и виноградарях

(Мф. 21:33-42) — 23 августа 1980 г.

В течение всего Великого Поста и недель, которые следуют за Пасхой и за Пятидесятницей, мы читаем евангельские отрывки о том, как Господь проявил Свою милость, и Свою любовь, и Свою спасающую силу в человеческом роде; читаем о древнем и читаем о евангельском.

И вот сегодня, как бы прерывая этот ряд торжественных, радостных чтений, встает перед нами очень страшное евангельское чтение: рассказ о виноградарях, которые оказались предателями.

Эта притча отображает нам всю историю человеческого рода; но в контексте всего, что было раньше прочитано, она нам еще говорит о той страшной, в самом сильном смысле этого слова, *страшной* неблагодарности, которую не только человечество, но все мы проявляем по отношению к Богу: перед лицом всей Его любви, перед лицом всех Его чудес, всего того, что Он совершил, мы остаемся бесчувственными и себялюбивыми, думаем о себе, не думаем о ближнем, еще меньше думаем о Боге: неблагодарность,

сосредоточенность на себе, на том, что каждому из нас хочется, и любо, и кажется нужным.

Сегодняшнее евангельское чтение говорит нам, что создал Господь целый мир — прекрасный, дивный, оградил его Своей крепостью и Своим провидением, все приготовил в нем, чтобы он был местом Царства Божия, то есть Царства взаимной любви, Царства радости. И мы знаем, что мы, люди, сделали из этого мира: место, где страшно жить, где льется кровь, где совершаются бесчеловечные, жестокие поступки — и не только в широком, мировом масштабе, но в масштабе семьи, в масштабе прихода, в масштабе круга близких друзей.

И Господь из поколения в поколение посылал Своих вестников: патриархов, пророков, Ангелов, посылал Апостолов и проповедников, Предтечу, *Сам* пришел напомнить нам, что мир создан для любви. И так же, как в притче, виноградари взяли, вывели из виноградника и убили *сына*, так и человечество отнеслось к воплощенному Сыну Божию. И когда я говорю "человечество", я говорю не о других, а о нас самих, потому что нам жизнь вручена, чтобы из нее сделать торжество любви, братства, гармонии, веры, радости, и мы этого *не делаем*, потому что думаем только о себе самих... В ответ на все, что сделал для нас Бог: сотворил нас, открыл Себя нам, излил на нас всю Свою любовь, отдал нам Сына Своего на жизнь и на смерть — мы не отзываемся почти *ничем*, кроме как мгновенным "Спасибо!" — и таким же мгновенным забвением.

Вот о чем нам говорит сегодняшнее Евангелие: оглянитесь на все, что вы слышали в течение всего Поста, что вы видели в ночь Воскресения Христова, что было сказано вам в последующие недели всеми святыми, святыми земли Русской, святыми земли сей, Евангелием о любви и о человечности! Взгляните на все это и поставьте перед собой вопрос: Не виноградарь ли я, не тот ли я, который *каждый раз*, когда Христос вступает в жизнь, *каждый раз* Его отстраняю: Отойди, *уйди* с моего пути, *выйди* из моей жизни — я хочу быть богом, хозяином, я хочу править всем...

Так говорит *каждый* из нас: не так дерзко, не так богохульно, но поступками, но словом гнилым... Нам надо опомниться; я много раз говорил, что мы спасены, потому что Богом любимы — но не только любовью Божией, а и нашим *ответом* на эту любовь! Если мы хотим только пожать плоды Креста, распятия страстных дней, и ничего Богу не отдать и ничего не отдать ближнему, за которого Бог умер, кроме мгновенного воспоминания, то мы чужды тому, что Господь для нас совершил...

Станем же перед судом сегодняшнего Евангелия, предупреждения, напоминания и поставим себе вопрос: Где моя благодарность? Воплощаю ли я ее, не только в слова, которые тоже так редки, но в поступки?. Произнесем над собою суд и начнем новую жизнь. А благодарность Богу заключается в том, чтобы быть Ему радостью и ближнему нашему укреплением, спасением и радостью... Начнем *сегодня* приносить плоды того, что мы сегодня от Бога, Христом, услышали. Аминь.

Притча о званых на брачный пир

(Мф. 22:1-14) — 20 сентября 1970 г.

Я хочу обратить ваше внимание на две стороны очень богатого содержания сегодняшнего Евангелия. Во-первых, Господь призвал на брак — то есть на самую глубочайшую, совершенную радость — самых близких Ему людей, тех, которые всегда в минуты радости около Него были, тех, которые умели делить все светлое, что происходило в Его жизни. Но вот, когда дошло до последней радости, до радости Господней, до брака Сына Его, когда радость оказалась такая, что надо было *приобщиться* Его радости, а не только *разделить* с Ним радость — тогда все начали от этого брачного пира отказываться. Кто купил землю и надо было ее обзреть, кто купил волов и надо было их испробовать, кто сам женился, и не до радости другого брака ему было...

Не так ли бывает часто с нами и по отношению к Богу и по отношению друг ко другу? Когда чужую радость — будь то Божию, будь то человеческую — мы можем разделить, чтобы она стала *нашей* радостью, не только приобщиться чужой радости, но присвоить себе хоть какую-то долю ее — мы с готовностью идем. Но когда нам надо *только* радоваться чужому счастью, когда, в конечном итоге, радость окажется не нашей, а его — Божией или человеческой, — нам *некогда*, мы заняты землей, у нас своя радость, свой брак; у нас своя земля, своя работа, нам некогда пойти только ликовать, потому что кто-то другой ликует...

Делить горе мы иногда — не всегда — кое-как умеем; а разделить радость бывает очень трудно. Нужно очень много отрешенной, великодушной любви, чтобы уметь радоваться той радости, которая, в конечном итоге, останется собственностью другого, не моей. А вместе с этим если мы не можем радоваться так, то, значит, любви к человеку — или к Богу — у нас очень, очень мало; и оказывается, что мы умеем радоваться только тогда, когда рассчитываем, что радость будет наша, что мы сможем ее присвоить.

И об этом говорит вторая черта сегодняшнего Евангелия. Когда все близкие, приближенные отказались, Господь повелел собрать незваных нищих, бродяг, людей, которые никогда к Нему раньше близко не подходили: Пусть Мой пир наполнится... И вот собралась люда; все приходили недостойными этого пира и этой радости; приходили нищие, в нищенском рубище, и всех принимал Господь, и каждого Он принимал с щедростью и гостеприимством, которое из них делало не нищих на Его пиру, но гостей, равных Ему; их принимали и одевали, и мыли, и вводили в чертоги царские так, чтобы они не чувствовали себя не на месте, нищими и обездоленными, которым только на мгновение перепадает какая-то доля торжества...

Но среди них оказался такой, который пришел не разделить радость, а насытиться трапезой Господней; он, видно, прошел мимо тех, которые хотели его умыть, и одеть, и приготовить к пиру: Не для того я пришел, чтобы прихорашиваться, я пришел поесть, насытиться... — и прошел прямо в пир.

И когда вошел хозяин, то увидел, что были нищие с теплым, ласковым, благодарным сердцем, которые захотели быть такими гостями, чтобы хозяин на них глядел и не стыдился, чтобы он мог радоваться, что они *широко* приобщены этой радости: не только насыщены, но одеты, утешены, обрадованы... А среди них он увидел такого, который только от жадности пришел — и того Он Своим гостем не признал; *этот* человек пришел не для того, чтобы с ним разделить радость, пришел не возрадоваться радостью Господней, а только насытиться Его щедрот. И такому на пиру не оказалось места.

Не так ли мы часто идем на пир Господень, не этого ли мы часто ожидаем от Церкви, от Бога, от Царства Божия? Пир уготован. Агнец заклан; но этот Агнец — Христос, Сын Божий... Радость Господня в том, что, когда мы приобщимся тайне Христа, мы станем детьми Его собственного дома; но приходим ли мы с готовностью разделить со Христом все то, что Он Собой представляет? Приходим ли мы с готовностью так приобщиться Христу, чтобы не только вечная Его слава, но и временный Его подвиг, страдание, крест стали нашим достоянием? *Готовы* ли мы пройти через всю тайну Христа, или же довольно нам того, что Христос *умер* за нас, а мы хотим жить Его жизнью, не умирая ни миру, ни себе? Не подобны ли мы тогда тому единственному гостю, который вошел, чтобы *только* получить, только насытиться, который только о себе думал, но не захотел приобщиться самой тайне пира, самой крестной радости Воскресения?

Подумаем об этом — часто ли мы отзываемся, когда нас зовет Господь: "*Придите ко Мне*"? Не отвечаем ли мы: Земля меня держит, заботы мои меня поработили; радость моя достаточна и без Тебя... А когда мы приходим — потому что мы не только призванные, но и трудящиеся, и обремененные — идем ли мы, чтобы стать одной жизнью с Тем Богом, Который нас так любит, что Он Своего Сына Единородного дал, чтобы мы были *спасены*, чтобы жизнь Его стала жизнью нашей? Хотим ли мы приобщиться *всей* Его радости и

любви, или только Его славе, только покою, только миру, только победе — которые Он нам может дать ценой креста и смерти Единородного Сына?

Подумаем об этом, потому что слово Господне — не только призыв к вечной жизни, но и суд. Аминь.

Притча о званых на брачный пир

(Мф. 22:1-14) — 1972 г.

Вдумаемся несколько минут в притчу, которую мы слышали сегодня. Некий человек пригласил самых своих, видимо, близких людей на пир, то есть разделить с ним его радость, вместе с ним побыть в радости его. И эти приглашенные один за другим отказались. У каждого была своя причина: один купил клочок земли, крепко осел на этой земле, овладел ею, стал хозяином, и не было у него времени и охоты разделить чужую радость — у него была своя. Другой человек купил пять пар волов, ему надо было работать, у него была задача в жизни, ему некогда было погружаться в радость другого человека, быть бездельным в чужой радости, когда у него было дело земное, свое творчество. Третий женился; он нашел свою радость, и потому не до чужой радости ему было. Все отвернулись от своего друга потому, что они нашли нечто, занимавшее их больше дружбы, больше любви, больше верности.

Не такова ли наша судьба? Зовет нас Господь разделить с Ним жизнь, Его жизнь, разделить с Ним вечную, небесную жизнь и, значит, и вечную радость. И мы говорим: Да, Господи, придем, но придем тогда, когда нечего нам будет делать на земле, а пока есть клочок земли, к которому можно прилипнуть сердцем, пока есть дело, которым можно увлечься и опьянеть, пока есть своя радость, пусть маленькая, но своя, — до Твоей, Господи, радости дела нет. Придет время, когда отойдут от нас эти радости, может быть, тогда вспомним о том, что Ты нас приглашал к Себе; может быть, когда своего не будет, поживимся чужим, Твоим...

Разве не так мы живем? Каждый к чему-то сердцем прилип, каждый чем-то увлекся до опьянения, каждый ищет свой радости — а жизнь течет, и Господь пришел на эту землю и открыл нам Свою радость. Он пришел на эту землю и всю ее так полюбил, что если мы с Ним были бы, она вся была бы наша. Но не собственнически, не так, как хозяин переживает обладание землей, а как художник видит красоту и, свободный от обладания, ликует об этой красоте.

Господь вошел в жизнь, и творит дело, и зовет нас стать участниками этого дела, дела преображения жизни, преображения мира, превращения земли в Царство Небесное; но это требует большого сердца и широко раскрытой любви; это требует, чтобы не только свое, но и чужое дело считать своим, чтобы так открылась наша душа, что дело Божие стало бы нашим делом и чтобы мы могли забыть свои поделки для большого дела Божия.

И у каждого из нас сердце раскрывается любовью к кому-нибудь, а Господь нам говорит: Твое сердце слишком узко, слишком узко сердце твое, открой его шире, полюби любимых и нелюбимых, полюби своих, но также и чужих, полюби жертвенной любовью, способной себя забыть... Но этого-то ни мы, ни люди, описанные в притче, не умеем сделать: именно себя забыть не умеем, и ждем, чтобы нас забыла земная радость для того, чтобы вспомнить о радости небесной. И проходит жизнь, и проходим мы мимо жизни — потому что мы могли бы и теперь этой жизнью жить. Господь нам говорит: Ищите прежде всего Царство Небесное — но Он не прибавляет: А другое все будет у вас отнято; наоборот, Он говорит: Все остальное приложится к тому...

Неужели мы не можем понять, что Господь пришел на землю, чтобы дать нам *жизнь*, и жизнь с избытком, чтобы *вся* земля стала нам родная, а не только какой-то малый клочок ее, чтобы все дело, все творчество, весь путь земли стал бы нашим, а не только малое-малое, что мы можем сделать за короткое время земной жизни. И о том говорит Он, что любовь наша, которая охватывает столь немногих, может их удержать полностью,

только если она забудет об обладании и вспомнит о бесконечном просторе любви Божией. Аминь.

Разговор с книжником

1-я часть разговора — (Мф. 22:35-46) — 1981 г.

Апостол Иоанн говорит: Кто утверждает, что он любит Бога, тогда как презирает своего ближнего, — лжец; как, — говорит Иоанн, — ты можешь сказать, что любишь Бога, Которого не видишь, когда не проявляешь никакой любви к человеку, который тебе видим?

Эти слова Иоанна основаны на сегодняшнем чтении: на вопрос законоучителя, какая большая заповедь, Христос указывает, что первая заповедь — заповедь о любви к Богу, но вторая подобна ей, и что в этих двух заповедях содержится весь закон и все учение пророков.

Без любви к Богу любовь к ближнему не может быть полной, совершенной, потому что *только* познавая Бога и Его любовь к нам, мы можем узнать, что такое *поистине* любить; и только научившись от Бога этой любви, можем мы возлюбить и ближнего своего, как Бог нам велит, всем сердцем, всей душой, всей жизнью.

Эти слова Спаситель прилагает к нашей любви к Богу; но наша любовь к человеку должна быть подобна ей. Что же значит "возлюбить Бога всем сердцем", всей душой, всей мыслью" — а в другом Евангелии еще сказано "всей крепостью своей"? Сердцем возлюбить Бога — это не значит возлюбить Его сентиментально, переходить от переживания к переживанию: это значит отдать Ему свое сердце, то есть узнать в Нем Того, Кто представляет в жизни — твоей, личной — самую высокую, самую святую ценность; и, узнав это своим нутром, всеми глубинами своими, сердцевинной своего бытия, сделать служение Ему и исполнение Его воли центральной целью жизни.

И Христос говорит: Кто Меня любит, тот сохранит Мои заповеди... Он не говорит, что кто Его любит, будет переходить от чувства к чувству, от умиления к умилению; Он говорит о чем-то гораздо более строгом, гораздо более трезвом: Если Я для тебя значу самое драгоценное, если Мое значение для тебя так велико — тогда Моя воля, то, чем Я живу, то, ради чего Я человеком стал, то, ради чего Я умер, должно быть для тебя самым важным — и не только на поверхности жизни, но в самых глубинах твоих... Всей душой призваны мы возлюбить Бога: слово "душа" и тут и в других местах значит "жизнь": всей жизненной силой своей и всем творчеством жизни своей должны мы любить Бога. Именно как Христос сказал: Кто Меня любит, тот Мои заповеди сохранит... А для этого нужно не только чувством, но всем умом, всей мыслью, всем напряжением творческой жизни любить Бога.

Но как можно любить Бога? Большей частью — в ближнем своем: любить Бога тем, чтобы быть на земле, среди людей, Его взором, Его лаской, Его милосердием, Его состраданием, той радостью, и светом, и вдохновением, которые Он может принести людям. Поэтому обе заповеди неразрывно друг со другом связаны: Возлюби ближнего, как сам себя.

И тут встает вопрос: что же значит "Как сам себя"? В каждом из нас есть разные слои бытия: есть поверхностный слой, себялюбивый, эгоистичный, тот слой, который способен на жадность, на ненависть, на трусость, на все неприглядное в нас — так же, конечно, как и на поверхностную любовь, ту, которую можно выразить словами: *Я люблю...* — где слово "я" в центре всего; это та любовь, которая ищет в своем предмете радость наслаждения, но которая неспособна идти на жертву, даже просто на уступку.

А есть в нас другой, глубинный слой, который подымается в нас тогда, когда перед нами встает что-то большое, трагическое: будь то радость, слишком большая, чтобы вместиться в душе, или горе, слишком глубокое, чтобы найти слова или слезы для своего выражения. На этой глубине живет мое настоящее "я", то "я", о котором один писатель говорил, что мы должны помнить, что наша настоящая природа не в нас, а выше нас, и мы

как бы больше себя самих; что если мы ставим вопрос о том, что же я? — то мы должны ответить: Образ Божий, икона...

И вот нам надо постоянно выбирать: кого же мы любим в себе? То мелкое, жадное, трусливое, ничтожное "я", или, наоборот, того, кто живет в моих глубинах и способен на самый великий подвиг, на самую изумительную красоту жизни? И, конечно, выбор должен быть сделан в пользу нашего величия, а не нашего ничтожества...

И вот, любить ближнего, как самого себя, — это призыв научиться видеть в каждом ближнем не ничтожество его, а возможное его величие, и этому величию *служить*, чтобы вырос человек в полную меру своего величия и красоты. И тогда исполнится заповедь, и тогда сольются обе заповеди, потому что служа *этому* глубинному человеку, которого Апостол Петр называет "сокровенный человек сердца" — то есть, глубин — мы одновременно служим Богу, мы Ему поклоняемся в Его образе, и помогаем этому живому образу стать тем, что задумал Господь, чтобы из мечты Божией выросла полная, торжествующая и дивная реальность. Аминь.

2-я часть разговора — (Мф. 22:35-46) — 1981 г.

В Евангелии есть целый ряд мест, где Христос открыто заявляет, что Он — Сын Божий в каком-то совершенно особенном, исключительном смысле; что Он — Единственный, Единородный Сын Божий. В Евангелии от Иоанна, на вопрос, Ему поставленный, Он отвечает: Я — Сущий, Я — Тот, Кто есть... Эти слова в Ветхом Завете употреблены Самим Богом в ответ на вопрос Моисея: Кто Ты? — Я Тот, Кто есть: Мне нет определения, *Я есть, Я единственный, Кто есть...* И в других местах Христос заявляет, что Он действительно Бог, пришедший плотью на землю.

И в этом коротком отрывке Евангелия от Матфея мы видим, как Христос ставит Своих слушателей, которые хотят уловить Его на слове, перед непостижимым парадоксом, что Он одновременно — Сын Божий и Сын Человеческий. Непостижимым парадоксом, потому что умом этого не объяснить; по человеческим законам это невозможно; ожидать этого ветхозаветный еврей не мог, по своему представлению о непостижимости Божией. И вместе с этим в Ветхом Завете есть целый ряд мест, между прочим и то, что сейчас цитировалось, которые ставят читающего перед недоуменным вопросом: Как же это может быть? Как может быть, что Христос — сын Давида, и вместе с этим Давид называет Его своим Господом?

Как я только что сказал, умственного ответа на это нет; на это отвечает исторический факт: исторический факт рождения от Девы Сына Божия. И в этих нескольких фразах, поставленных перед ветхозаветным человеком — так же, впрочем, как перед любым неверующим или ищущим человеком — и вопрос, и недоумение, и ответ. Один из западных святых сказал дерзновенно и, как мне кажется, прекрасно: Я так же велик, как Бог, Бог так же мал, как я... Христос — Бог, Христос — Человек; это непостижимо, и это исторический факт.

И вместе с тем это говорит нам о том, к чему мы призваны: так быть едиными со Христом, чтобы вырасти в сверхчеловеческую меру, приобщиться к природе Божией, стать по приобщению Божественными, оставаясь тем, что мы есть: человеком. Только принятие исторического факта Воплощения может разрешить этот вопрос, который Христос ставит фарисеям; и только встреча со Христом как с Богом могла убедить сначала небольшую горсточку учеников, а потом все большее и большее число людей, верующих евреев и ищущих язычников, в том, что эти пророческие слова осуществились в жизни. Павел видел во Христе только Человека и поэтому считал Его лжепророком и обманщиком; встретив Его на пути в Дамаск во славе Его воскресения, он нашел ответ. И так его находят, из поколения в поколение, миллионы людей, которые веруют всем умом, всем сердцем, всей душой, всем подвигом жизни, что Сын Божий стал Сыном Человеческим, что Христос — их Бог, и что Он для нас — пример, путь, истина и жизнь. Аминь.

Притча о талантах

(Мф. 25:14-30)

Прочитанная сегодня притча о талантах — одно из целого ряда пророческих предупреждений и притчевых сказаний Христа о грядущем Суде. Если прочесть 24-ю и 25-ю главы Евангелия от Матфея, откуда и взята сегодняшняя притча, то мы видим, что Спаситель предупреждает нас о трех основных опасностях, которые могут привести нас к суду неготовыми. Первая опасность — это беспечность, вторая — малодушие, а третья — жизнь, недостойная человека нечуткостью и бесчеловечностью.

Беспечность описана Христом в трех притчах: первая — это беспечность благодушная, веселая, беспечность, которую мы считаем естественной. Христос говорит: Бдите, потому что суд, день Господень придет внезапно, как он пришел в дни Ноевы... Тогда люди и пили, и ели, и замуж выходили, и ни о чем не думали больше, чем земля, больше, чем каждодневная их радость жизни, а суд Господень нарастал и в какой-то день разразился гневом и потопом. Будет и позже так: две женщины будут работать у жернова — одна возьмется, другая останется; два человека будут в поле — один возьмется, другой останется. Эта беспечность — такая нам обычная, привычная, родная, благодушная, веселая, радующаяся жизни и забывающая, что жизнь не такая плоская, а что она глубокая, бездонная, что она уходит в вечность.

Другая беспечность — злая беспечность, которая пользуется тем, что Бог как будто не спешит прийти на расправу: Апостол же Петр говорит, что Бог медлит, потому что *долготерпит* о нас. В этой притче Господней, в 24-й главе говорится о слуге, который был поставлен надзирателем над другими. Ему было поручено следить за ними, чтобы работы шли, чтобы все было сделано, но было также поручено следить, чтобы им было хорошо жить в доме их господина, даже когда его нет, когда он сам не может видеть их жизнь и позаботиться о их нуждах. А раб этот подумал: "Не скоро еще придет господин, я буду пить, есть, веселиться, а рабов буду гнать и бить, я — господин", — воображая, будто в его власти и в отсутствие господне его достоинство — господское. А господин вернулся, когда не ждали его, и застиг неверного раба в его неправде, и изгнал. Это — вторая беспечность, греховная, злая, которая нам тоже обычна. Мы тоже не спешим меняться на добро, потому что Господь за горами, а суд далек. Мы не спешим творить добро, потому что еще есть время; когда-нибудь, когда мы устанем от зла, то успеем еще к добру вернуться, — а День Господень идет и идет на нас, и в какой-то день, в какой-то час — суд перед нами, и мы перед судом.

Есть и еще одна беспечность, которую Господь описывает в притче о десяти девах, из которых пять умные, а пять — безумные. Это беспечность сонливая, беспечность, которая не делает ничего, а надеется, что еще успеется: жить еще успеется, любить еще успеется, исправиться еще успеется. Не придет же Бог во время ночной стражи — можно еще подремать, помечтать и когда-нибудь опомниться, когда придут какие-то предвестники суда... А суд приходит в ночи, потому что спящему всякий час — ночь, и застигает врасплох.

Вот беспечность веселая, добродушная, как будто и не злая; беспечность безответственная, злонамеренная, жадная, злая; и беспечность опять-таки страшно нам обычная: завтра все успеется, а сегодня помечтаем... Это первая группа предупреждений Господних.

А дальше — притча о талантах. Господь дает каждому дарование в меру его сил и призывает принести плод такой же богатый, как богаты сами дарования. И часто мы ничего с этими дарованиями не делаем: нам дается ум — но этот ум мы не обогащаем ничем; нам дается чуткое сердце — но это сердце остается только как возможность чуткости, а на деле дремлет в себялюбии, коснеет; дается нам воля, порой сильная, которая остается бесплодно-бесцельной. Много нам дается, что мы храним в том виде, как Бог дал, а плода — никакого. Почему?

Не всегда по беспечности, а порой потому, что нами овладело малодушие, трусливость. Нам кажется, что — и так оно и есть — чтобы чего-то достичь, надо всем рискнуть: покоем, обеспеченностью, отношениями, жизнью — всем или хотя бы чем-нибудь; и мы думаем: нет, верну я Господу то, что Он мне дал, но рискнуть потерять себя и ответить перед Богом — *нет*... А когда суд приходит, оказывается, что когда-то нам данное нашим никогда не было, а все время оставалось Господним. И Господь часто вернет это Себе и отдаст тому, кто был готов riskовать жизнью, и покоем, обеспеченностью, и всем телом и душой, чтобы принести плод, чтобы не быть заживо мертвым, но быть живым и животворящим. Вот — малодушие.

И, наконец, притча, которую мы читаем перед самым Постом, об овцах и козлищах, о последнем суде. О чем этот суд? Не о том, что мы не имели каких-то великих откровений, а о том, что мы не были просто добрыми людьми, не могли сердцем человеческим, плотным, живым, отозваться на нужды, на горе, на боль, на опасность другого человека. Кто не может быть человеком на земле, тот не может быть человеком и на Небе; кто в малом не может быть человеком, тот никогда не вырастет в меру Человека Иисуса Христа.

В этом предупреждение Господне о суде: суд не в том, что он придет и это страшно будет, а в том, что он придет и будет так жалко и так больно, что мы прожили всю жизнь, так и не став человеком: по трусости, сонливости, себялюбивой злобе или просто забывчивой беспечности. Суд в том, что мы иногда проживем всю жизнь, не заметив, что она глубока, просторна, что жизнь ключом бьет из глубин Божиих и уносит нас в эти глубины.

Вдумаемся в эти разные образы, опомнимся и станем жить не узкой, бедной жизнью, которая вся заключена в тебе самом, а той просторной, глубокой, мощной жизнью, которая покоится на Боге, которая из Него получает источник безграничной силы и которая нас уносит в вечность, где все имеет свое место, где все получает величие, потому что человек может себя перерастить и стать Богочеловеком по подобию Иисуса Христа, благодатью Святого Духа, любовью Господней. Аминь.

Исцеление дочери хананеянки

(Мф. 15:21-28) — 11 октября 1981 г.

Хананеянка, которая приступила ко Христу, моля Его исцелить ее беснующую дочь, — язычница; и в то время евреи, единственные, кто верил в Единого Бога, не общались с язычниками, сторонились, чуждались их. И вот эта женщина подходит ко Христу; это уже говорит о том, что она в Нем увидела нечто, чего она не видела в других, что она почувствовала нечто в Нем: чутьем, сердцем уловила что-то, что внушило ей доверие и сняло с нее страх, что она будет прогнана.

И она обратилась к Нему со словами; которые мы находим также в Евангелии от Марка на устах слепого Вартимея: Иисус, сын Давида!. Это уже — исповедание веры; конечно, не во Христа как в Сына Божия, но во Христа как рожденного от царственной ветви Давида, из которой должен родиться Спаситель мира: Иисус, сын Давида, *помилуй* мою дочь! Она беснуется...

А Христос идет Своим путем, молча, не отзываясь на ее крик. И ученики обращаются к Нему: Отпусти ее — она же за нами идет, как бы преследуя нас этим криком надежды и отчаяния... "Отпусти ее" не значит "прогони"; это значит: неужели Ты не пожалеешь? Она же тоже человек — или нет? Или нам чуждаться таких? Разве человеческое горе в язычниках не так же страшно, мучительно, как и в нас? Отпусти ее как бы с миром...

И Христос говорит: Я не послан ко всем; Я послан к погибшим овцам израильского дома... Хананеянка же отвечает: Господи! Помогите... Она не отвечает на Его замечание, что Он не к ней послан; она просто верит, что Он ее пожалеет; она не спорит; она не утверждает: Как же так — я тоже человек! — нет, она просто *верит*... И Христос испытывает ее веру еще раз; Он эту веру, конечно, знал; и хананеянка, верно, знала Его прозрение; но ученикам, вероятно, надо было измерить глубину веры, на которую

способен язычник. Он ей говорит: Нехорошо отнять хлеб от детей и отдать псам... Эти слова кажутся такими жестокими, беспощадными; мне кажется, что их можно понять, если представить себе Спасителя, опустившего Свой взор — внимательный, вдумчивый, сострадательный взор — к поднятым глазам этой женщины; она слышала эти слова — как она слышала и другие жесткие слова, — но она слышала их и одновременно *видела* лик Божественной Любви, обращенный к ней. И она отвечает как бы с улыбкой: Да нет, Господи! Ведь и собаки питаются от крупы, которые падают со стола их хозяев... Это можно сказать только из глубины веры и из сознания, что жесткие слова не исходят из черствого сердца.

И Спаситель тут, как в других случаях, на веру отзывается любовью и Своей властью целить, миловать и спасать: *О, женщина! Велика вера твоя; да будет тебе, по желанию твоему. И исцелилась дочь ее в тот час.* Здесь мы видим еще и еще раз, что нет предела, нет границ Божию состраданию, что Он не делит людей на верующих и неверующих, на своих и чужих; для Него чужих нет — **все свои**; но вместе с этим Он и ожидает и требует от нас не легковерия, а истинной веры, подвига веры, готовности довериться Богу, но готовности *пробиться* к Богу, криком, мольбой, верой. И этому мы должны научиться от хананеянки. Аминь.

Женщина-хананеянка; слепой Вартимей

(Мф. 15:21-28) — 6 февраля 1989 г.

Как нам привычен и как близок рассказ о женщине-хананеянке, которую Христос услышал, когда она настойчиво просила об исцелении своего ребенка; и как многому мы можем научиться из него!

Эта женщина пришла в душевной муке, с истерзанным сердцем, потому что дочь ее была больна: и она молила об исцелении, о милосердии Божиим. И Христос как будто ее не слышит. И когда она еще настойчивее просит о помощи, снова и снова, Он говорит: Я пришел для того, чтобы принести милость и исцеление детям Израильским... И женщина посмотрела на Него, и не было суровости в Его лице, не было бессердечного безразличия; увидела она, вероятно, улыбку, улыбку бесконечно ласковой любви, которая сказала ей: *Проси! Стой на своем! Продолжай — потому что ты права...* И она просила снова: Да, за столом едят хозяева, но собачки-то питаются их крошками!. И этот разговор — такой теплый, такой человеческий, являет нам еще раз по-новому *человечность* Божию, Его подлинную человечность, Его способность всегда услышать, всегда отозваться сердцем, всегда обернуться к нам с улыбкой, говоря: Ты действительно просишь со всем убеждением, — ты *уверен*?. И когда мы скажем: Да, Господи, уверен! Из всей глубины моей нужды, из всей глубины убеждения я обращаюсь к Тебе, ни к кому другому, но к Тебе, Господи и Боже, — то Христос отвечает.

Но Он не только отзывается на *ее* мольбу; Он исполняет *больше*, чем ее мольбу; Он учит Своих учеников, а за ними и всех нас, чему-то такому важному. Из столетия в столетие мы слышали этот рассказ, и если подумать о себе, и подумать в тех категориях, в которых столько писателей древности говорили о человеке, его душе, о человеке в целом, — не можем ли мы научиться чему-то очень конкретному и практическому? Мы обращаемся к Богу с нуждой, мы обращаемся к Богу о помощи, о том, чтобы бремя было снято с наших плеч — да. Но не случается ли, что после короткого времени мы отступаемся, пожимаем плечами и говорим: К чему обращаться к Богу? К чему молиться? Он безучастен, Он не отзывается; ответа нет, никакого отзвука нет; я кричу в пустое небо — где Он? стоит ли молиться вообще?. И тут хананеянка скажет нам: Да, *стоит* молиться, потому что Он не испытывает тебя по жестокости, Он только спрашивает тебя Своим молчанием: Ты действительно уверен? Ты действительно хочешь исцеления? Ты действительно пришел ко Мне? Пришел ли ты ко Мне, как к последней надежде? Готов ли ты принять то, что просишь — смиренно, не как должное, не по праву, а просто как дар милосердия, милости, ласковой Божией заботы?.

Сейчас мы подходим к подготовительным неделям Великого Поста; обычно в это воскресенье читается Евангелие о Вартимее. Марк и Лука передают нам этот рассказ об увечном человеке, который все испытал, чтобы исцелиться — и собственное разумение, и мудрость других людей, их способности, — и все зря; и вдруг оказалось, что Христос идет мимо. Христос шел не к нему: Он просто проходил по дороге, где слепой сидел и просил милостыню, потому что это все, что ему оставалось; он не ожидал больше ни исцеления, ни чего бы то ни было — только бы перебиться, прокормиться. И вдруг вспыхнула в нем надежда: кто-то идет мимо, и толпа звучит как-то необычно; это не караван, это не просто прохожие; толпа собранная, в толпе какая-то сосредоточенность, что-то необычное в толпе. И слепой, встрепенувшись, спросил — кто идет? И когда услышал, Кто — он стал кричать о помощи. И Христос *дал* ему помощь: Он вернул ему зрение, Он исцелил его слепоту.

И вглядываясь в два этих рассказа, разве мы не можем научиться чему-то очень важному? Душа наша больна, жизнь увядает — я говорю о вечной жизни, даже не о жизни нашего тела; что-то умирает в нас, и мы должны научиться у хананеянки и у Вартимея *кричать* из глубины, из глубин отчаяния, из глубин разуверившегося сердца, из глубин безысходного горя, из глубин греха — из глубин всего, что разрушает нас, кричать, кричать с плачем, и говорить: *Я верю* Тебе, Господи, я доверяю Твоему молчанию, как я поверил бы Твоему слову... И тогда, если только мы положимся на такое доверие, мы *услышим* Господа говорящего: Прозри! Иди домой, не бойся больше, а "дом" — это самые недра твоего существа, то место, где ты жив, потому что ребенок твой жив, душа твоя жива, жизнь вернулась!

Вступим же в эти недели подготовки к Посту с этим дивным воодушевлением от Самого Господа, с этой надеждой, поистине — с этой *уверенностью*, которую Он нам дает; начнем этот путь, и будем готовы, когда придет Пост, перейти от слепоты к зрению. Аминь.

"Выйди от меня, я человек грешный..."

(Лк. 5:1-11) — 6 октября 1968 г.

Слыша сегодняшней евангельский рассказ об улове рыб и об ужасе Апостола Петра, когда он вдруг узнал и пережил, *Кто* находится рядом с ним в его утлой лодке, мы испытываем или, вернее, должны испытывать страх за ту легкость, с которой мы приближаемся к Богу, ожидая от Него встречи лицом к лицу.

К Богу мы должны приближаться и идти к Нему всегда, но идти с духом сокрушенным, сердцем смиренным, идти, сознавая, что никакого права мы не имеем на эту встречу и что если она случится, то только по безграничной, непонятной Божией милости.

Но обычно мы не так идем к Богу. Мы становимся на молитву — и тут же ожидаем глубоких религиозных переживаний; мы приходим в храм — и как бы требуем от Бога, чтобы Он нам дал молитвенное настроение. Мы живем, изо дня в день забывая Его присутствие, но в те моменты, когда мы вдруг об этом присутствии вспоминаем, мы как бы требуем от Бога, чтобы Он сразу же отозвался на нашу мольбу, на наш крик, на наше желание.

Часто Бог не приближается к нам потому, что если мы в таком духе к Нему обращаемся, то встреча с Ним была бы для нас судом, перед которым мы не могли бы устоять. Он встал бы перед нами и сказал: Ты звал Меня — с чем ты передо Мною стоишь?. И мы остались бы безмолвны, трепетны и осуждены. Поэтому, когда мы молим Бога, чтобы Он скорее ощутимо отозвался на наш вопль или просто на наше желание встречи, мы делаем ошибку: мы должны искать Бога, но ждать трепетно того момента, когда Он захочет явиться нам.

Но и тогда, как бы мы были богаты духом, если бы мы были способны пережить эту встречу, как пережил ее Петр, который осознал, *Кто* с ним, пал к Его ногам и сказал:

Выйди от меня, Господи, я человек грешный!. Мы часто молимся, воображая, что мы уже находимся в Царстве Божием, что мы уже принадлежим Божией семье, что мы уже среди тех, которые могут ликовать в Его присутствии. Как часто должны бы мы отдавать себе отчет, что всей своей жизнью мы вышли из этого Царства, что в нашей жизни Бог не Царь, Он не Господь, Он не Хозяин, Он даже не Друг, который в любую минуту может постучаться и ради которого мы способны все забыть.

Если бы мы так стояли вне и стучали в дверь, если бы сознавали, как мы еще чужды всего того, что обозначает Царство Божие, тогда мы не порывались бы, как мы это часто делаем, иметь какие-то ощутимые религиозные переживания или непосредственное Божие откровение Его присутствия и Его приобщения. Мы стояли бы кротко, тихо, смиренно, зная, что нам по праву места нет там, где Он находится, но зная также, что Его любовь простирается до пределов земли, до пределов бездны.

Будем вспоминать почаще эти дивные слова Петровы: Выйди от меня, Господи, я человек грешный! — и когда будем приступать к молитве, будем в этом духе приступать, кротко стоя у двери, стуча трепетной рукой — не откроет ли Господь?. Но если не откроет, пусть будет для нас достаточной радостью то, что мы Его знаем, любим, что мы к Нему стремимся, и покажем Ему правду нашей любви, истинность нашей веры, честность, добротность наших стремлений такой жизнью, которая сделала бы для нас возможным встретиться с Господом лицом к лицу и услышать от Него радостный глас, а не скорбный. Аминь.

Скудное и щедрое сеяние

(2 Кор. 9:6-11)

Сегодняшнее апостольское Послание говорит нам, что сеющий скудостью — скудостью и пожнет, а сеющий богато — соберет богатую жатву. И вот нам кажется иногда: что же мне сеять, когда я так убог? Как я могу сеять, когда у меня нет ничего, что я мог бы посеять в жизнь вечную, — не временное, а вечное?

И тогда мы должны помнить, что и сеятель земной, который сеет семя в поле, не свое сеет: не он создавал семя, не ему оно принадлежит. Господь создал семя, Господь дал силу. Господь раскрыл поле перед ним, и это семя — Господне семя; оно принесет плод не потому, что сеятель богат, не потому, что он умеет сеять, а потому, что он щедро расточает по всему полю то, что Господь ему дает из часа в час. Он не может присвоить себе этого семени, он не может даже почувствовать, что богат, а только что из его рук льется это семя по лицу земли, и верить, что принесет это семя плод.

И в некоторые мгновения жизни бывает, что сеешь, сеешь от сердца, сеешь с любовью — и, однако, со стесненным сердцем, что ты так убог, что нечего и дать-то никому. И вдруг вспомнишь, что Господь — Великий Сеятель, что Он семя создал и сеет, и дает плод этому семени, и возгревает его солнцем, и возвращает его.

Христос вошел в лодку Петра и повелел ему отчалить от земли; и говорил Он, словно семя лилось и ложилось в души человеческие. Петр тогда не замечал, что творит Господь, но когда Спаситель ему сказал: "Ввергни невод в море" и он собрал столько рыбы, что не мог ее внести в лодку, вдруг перед ним встал образ Того, Кто сеял это семя.

Здесь как будто притча: Христос сеял слово, и никто не замечал, какое это богатство; но когда Петр извлек множество рыб, вдруг он обнаружил богатство, которое дает Господь, что, словно семя, процвело, и ему стало страшно: "Отойди от меня, Господи, я — человек грешный, и мне страшно стоять с Тем, Кто такое может сотворить..." Но Христос его успокоил: Не бойся, ты будешь отныне не рыбу ловить, а собирать в невод Господень живые человеческие души, приносить их, извлекать их из бури для того, чтобы они вошли в покой... И Петр оставил все и вместе со своими товарищами пошел за Христом.

Какой нам богатый урок, и как это просто: идти за Христом для нас не значит куда-то уходить, а остаться при Нем, и так же сеять, как Он сеял, и так же собирать в Царство Небесное, как Он собирал. Сеять, не задумываясь над тем, богат я или беден: была бы

любовь — семя даст Господь. И когда вдруг обнаружишь, как страшно наше дело, потому что это — дело Самого Бога, услышим Божие слово: Не бойся, сей, сей открытым, любящим сердцем, соберешь ты богатую жатву, но и семя было не твое, и жатва будет Господня... Какая радость! Действительно, придет время, когда, как в Священном Писании говорится, вместе возрадуются и сеющий и собирающий жатву. Аминь.

Евангелие от Луки 6:31-36

29 октября 1978 г.

Сегодняшний отрывок из шестой главы Евангелия от Луки дает нам такую четкую картину, чем должен быть христианин, что нам следовало бы постоянно останавливаться на ней.

Если мы хотим быть сыновьями, дочерьми Бога Живого, Того, Кого мы называем Отцом, если мы хотим быть подлинно Его детьми, мы должны от Него научиться самому, может быть, трудному, что есть для человека: давать... Давать, не ожидая ничего в ответ, давать только от полноты сердца и от полноты любви.

Характерная черта всех святых и всех подлинных христиан в том, что они способны оторвать свое внимание от себя самих, сказать себе самим: *Отойди с моего пути, ты мне закрываешь мир Божий, ты мне закрываешь Бога Самого и ближнего моего...* Мы должны научиться не только минутами забывать себя, но быть такими людьми, которые всецело отвращены от себя и обращены к Богу, к миру, к людям и которые способны давать так, как дает Бог: давать только потому, что в сердце нашем властвует и ликует любовь, давать, не вспомнив о себе ни в минуту, когда даешь, ни потом, после того, как мы совершили добро, не обращаясь к тому, кому мы дали, в ожидании ответной улыбки или ответного дара... Если мы не научились хоть в какой-то мере так относиться к жизни, к Богу, к людям, то мы не начали еще быть христианами.

И действительно: кто из нас может похвастаться, что он обращается к Богу только с любовью, а не лишь тогда, когда ему что-либо нужно или когда Его надо умолить после того, как стало *стыдно* своей жизни? Кто из нас может сказать, что он постоянно, *каждому*, открытым сердцем, радуясь, дает, в надежде, что тот, кто получает, не будет нашим даром унижен, не будет нашим даром ранен, не почувствует, что он — бедняк, который, рано или поздно, должен *отдать* то, что ему дали.

Надо научиться давать так, чтобы тот, кто получает, ликовал, что через полученный дар — доброе ли слово, материальную ли помощь — открылась новая глубина отношений и новая глубина любви между людьми...

Давайте задумаемся над этим; я с болью думал и вчерашний, и сегодняшний день о том, что я и не начал становиться христианином... Может быть, кто-нибудь из нас и опомнится? Я или кто из вас, слушающих? Вспомним: Бог дает без меры, Бог дает не завист-ливо, Бог дает даром. Он дает, не ожидая *ничего* Себе в ответ; но *неужели* в нас не найдется благодарности, чтобы Ему *ответить* той любовью, из которой рождаются Его дары, и эту любовь распространить на всех, кто Богу любим? Аминь.

Воскрешение сына вдовы наинской

(Лк. 7:11-16) — 1958 г.

Сегодняшнее Евангелие, в котором так много утешения и надежды, ставит нас, однако, перед лицом того, как Господь требует, чтобы мы открывались воздействию Его благодати.

Христос подходит к городу Наину; во вратах города Его встречает похоронное шествие; и Христос, всегда такой отзывчивый на человеческое горе, отзывается и на это горе. Евангелие нам говорит "сжалился" — Его сердце исполнилось жалости, любви, и Он подходит ко гробу и к женщине, которая за гробом следует. Эта женщина — вдова, идет она за гробом своего единственного сына. Она потеряла теперь все — и Христос не обращается к ней со словами утешения. Он останавливает ее плач; Его слова, которые

являются словами милосердия, являются вместе с тем необходимым условием для этого милосердия: Не плачь — не потому, что смерть твоего сына недостойна слез, но, как бы предваряя слова, сказанные позже Апостолом Павлом к Солуньянам, Он ей безмолвно говорит: Не сетуй, как язычники, не имеющие упования, — не плачь!. И только когда эта женщина отозвалась верой, послушанием на требование Божественной любви, Христос творит чудо и возвращает ее сына в жизнь.

Часто так бывает и с нами: нас постигает горе, нашу душу раздирает оно, и перед нами стоит наша вера, стоит Господь — невидимо, но так же реально, как и тогда, и мы к Нему бросаемся молитвой, кидаемся горем своим, обращаемся своей верой, колеблющейся своей надеждой, посильной своей любовью, и говорим: Господи, утешь!. Чего мы хотели бы, это чтобы Господь положил руку на наше сердце и в ответ только на наше горе внес в сердце наше покой и в жизнь нашу такую новизну, такую глубину, которая разверзла бы нам время и вечность, которая сделала бы из нашей, часто многоскорбной, земли уже достигнутую блаженную вечность.

И Господь этого не творит; Он нас не вырывает из скорби земли, из той жизни, которая чередуется радостью и горем, для того чтобы наше сердце стало глубоко, чтобы сгорело все, что не есть любовь, верная, неколеблющаяся любовь, чтобы не осталось в нашей душе и в нашей жизни, кроме любви, *ничего*. И нам тоже говорит Господь: Не плачь! — не в том смысле, что Он требует от нас горе свое забыть, а в том смысле, чтобы мы верой в Него, уверенностью в вещах невидимых могли перерасти себя, перерасти время, перерасти горе и вырасти в меру подлинного, истинного человека, который способен жить любовью к усопшим и любовью к земным, равной любовью, любовью ничем не различающейся, потому что и на земле она вечна, и после смерти она остается неколебима.

С этим словом к нам постоянно обращается Господь: Не плачь!. Он не говорит нам: Удерживай свои слезы; Он не говорит нам: Показывай мужество, которого у тебя нет; Он говорит: Разве ты не видишь Меня, не видишь вечности, разве ты не видишь, что усопший не умер, а уснул? Разве ты не знаешь теперь, что любовь поистине, как смерть, крепка? Разве ты еще не понял, что эта любовь соединяет Небо и землю и что уже нет той непроходимой грани, которая была до того, как Божественная Любовь обитала среди нас?. Господь ставит перед нами неумолимое требование веры: брось себя жалеть, брось думать только о себе, брось сосредоточиваться на своем горе, жизнь жительствоует, жизнь бездонна, жизнь победоносна, жизнь и теперь не прекратилась ни для нас на земле, идущих к своей смерти, — и могли бы идти к ней с такой светлой надеждой, с таким радостным трепетом ожидания, — ни для тех, которые, наконец, дверью смерти вошли в великий покой Господень.

Поэтому вслушаемся в эти слова евангельские, вспомним, что случилось это, может быть, в присутствии Самой Девы Богородицы, и перед Ней образно прошло то, что Ей надлежало в свое время пережить. И Она, одинокая женщина, когда-то шла за трагическим смертным шествием Своего Божественного Сына, и Она слышала в глубине души Своей, в глубинах веры Своей, слово Христово: Не рыдай Мене, Мати, зрящи во гробе... Мы эту песнь слышим на Страстной, и умиляемся, и нам кажется так естественно, что эти слова услышала в недрах души Своей Дева Мать. Но они обращены и к нам: Не рыдай Мене, зрящи во гробе: восстану бо, воскресну тогда, когда все будет исполнено, всякая правда земли, когда всякое горе земное дойдет до предела, и изольется на нас Господне милосердие, когда придет конец всему, когда и нам будет дано встать лицом к лицу со славой Господней! Аминь.

Воскрешение сына вдовы наинской

(Лк. 7:11-16) — 16 октября 1977 г.

Сегодняшнее Евангелие представляет нам два образа предельного человеческого горя: вдовства и лишения единственного сына. Женщина, которую встретил Христос во

вратах города, потеряла человека, которого в юные годы она так полюбила, что оставила отца, и мать, и все, чтобы быть с ним; и от их любви родился сын, в которого они вложили, вероятно, всю свою надежду, всю свою ласку, который, как им думалось, успокоит их последние дни, поддержит их старость, утешит их во всяком горе...

И вот умер муж, первая любовь этой женщины, и теперь она хоронит своего сына. Во вратах города встречается ей Христос; и Он пронзен жалостью и состраданием, и обращается Он к ней со словами, которые как бы сразу уже говорят о том, что пришел конец горю: Не плачь!. Он не говорит: "Утешься, твой сын воскреснет в последний день"; Он не говорит ей о том, что это — общая судьба людей и что ей выпала особенно горькая доля, но Господь не оставит ее. Он говорит: Не плачь! — и она останавливается вместе с шествием, и Христос Своим державным словом возвращает к жизни последнюю ее надежду, все, что у нее оставалось, и не только на земле, а то, что ее соединяет с вечностью, ибо любовь срывает преграды и смерти, и расстояния, и времени и переносит нас в вечность.

Многим за последние десятилетия пришлось пережить горе, подобное горю этой матери. Сколько, сколько погибло мужей на поле брани, в болезни, сколько детей погибло преждевременно и сколько слез материнских пролито. И каждой матери говорит Господь: Не плачь, поверь! Не ищи своего сына, своего мужа, свою любовь где-то в прошлом: в прошлом только прошедшее; но любовь не умирает, любовь крепче смерти, любовь уже соединяет нас и на земле, и в вечности...

Но те, кто не пострадал таким образом: не претерпел вдовства, не схоронил сына, ребенка своего, — и те порой оказываются перед крушением всей жизни. Бывает, что человек жил надеждой, жил близостью Бога, жил чувством, что жизнь победоносно, ликующе несется, — и вдруг эта жизнь, эта надежда, эта радость пришли к концу. Бывает, что человек в течение целой жизни носил в своем сердце, как мать под сердцем, мечту, любовь, надежду, — и приходит время, когда *вдруг* каким-то непонятным образом все сокрушается, все умирает, и человек остается, как эта вдова наинская, как эта мать, хоронящая своего сына: *все* прошло, все умерло, ничего не осталось...

И говорит и нам тогда Христос, в Своем великом сострадании: не плачь, остановись, *Я тут!*. И державным словом может Он восстановить в наших сердцах, в наших душах и жизни *все*, что пропало как будто бесследно...

Поэтому научимся и мы от Христа, с каким состраданием относиться к горю человеческому, с *какой* любовью Он сказал эти слова: "Не плачь!" — чтобы эта женщина не была оскорблена, унижена, возмущена такими словами. Нам надо научиться *так* говорить, чтобы слова наши о надежде, о вере, о жизни, о Боге были не оскорблением, не унижением, не причиной *гнева*, а утешением и радостью; и через нас должно часто, часто приходиться человеку и утешение в горе земном, и возрождение вечной надежды и силы жить...

Дай нам Господь такое сострадание, *такую* любовь, чтобы те, кому мы скажем слово веры, надежды и утешения, ожили бы, *ожили* вечной надеждой, всепобеждающей верой и уверились бы, что *все*, до конца, побеждает любовь — и Божия, и человеческая. Аминь.

Понедельник. Учение Павла не от людей, а от Бога

(Гал. 1:11-19)

Послание Апостола Павла, которое мы сегодня слышали, содержит его свидетельство о том, что учение, которое он проповедовал: что Бог стал человеком, что умер этот Человек на кресте, что воскрес Он от силы Божественной и новая жизнь открылась, та жизнь, о которой он говорит: "Не я живу, а во мне живет Христос", что это учение не от человека он получил, а от Бога — какое это может иметь к нам отношение? Разве не получил он все знание, которое у него было, от людей? Он ведь не был среди учеников Христа; разве то, что он говорит о Христе, то учение, которое он повторяет, которым он покоряет мир, — разве не от людей он его получил?

С одной стороны, конечно, от людей: сначала, когда он был еще врагом Христа, дошла до Павла молва о Нем; затем был он в Иерусалиме, когда свершилось дивное событие нашего спасения; он видел, он слышал, и однако все это его не убедило, все это оказалось как будто напрасным и только возбудило в нем желание стоять за то, что он считал верой отцов, истиной, открытой свидетельством Самого Бога Живого. И вот, поскольку всей душой, всей силой, всем убеждением своей души, ради Бога и Его чести, ради Бога и Его славы, он готов был вынести все, понести любой труд, — открылся ему Господь на пути в Дамаск, открылся страшным образом.

Павел шел истреблять христиан, и вдруг перед ним предстал Сам Христос; не такой, каким мы Его видим в Евангелии, не кроткий, не тихий, а сияющий грозной, страшной славой; и не тем сиянием Преображения, которое осияло радостью учеников и заставило Петра говорить: Господи, нам здесь хорошо! — а другим сиянием, которым сияет Бог, когда человек перед Ним встанет как враг: сиянием грозной славы. И в этом сиянии Павел увидел воскресшего Господа и познал, что Тот, Кто еще так недавно был распят в Иерусалиме, — действительно воскрес, а значит, Он действительно Тот, Кем Себя возглашал, Кого знали Его ученики, и Кого изо дня в день открывали люди.

Но Павел ослеп: это сияние закрыло ему видение всего земного, и запечатлелся у него в памяти только этот страшный блеск, это присутствие Господа. В течение долгих дней и ночей он не видел ничего, кроме своего видения, не переживал ничего, кроме страшного переворота для него всех ценностей, всей правды, всей истины, всех убеждений, всех верований и всех путей его.

И Господь послал человека, который Его именем вернул Павлу зрение окружающего мира, дал видеть то, что вокруг. И до конца пережив то, что было внутри, в глубинах, в тайне этого опыта и встречи, он не вернулся ни к кому из Апостолов просить рассказать ему что-то о Христе; он вышел говорить о том, что ему было явлено, что он *знает* и о чем может говорить достоверно.

В этом тайна силы жизни не только Павла, но и других Апостолов и тех, которые от них познали веру, но познали ее глубиной души, пережив уже не как рассказ, а как опыт. В этом сила слова всякого христианина, говорящего о своем Господе, о своем Боге, своей вере: если мы только повторяем то, о чем мы слышали, — это бессильно; но если мы говорим о том, что родилось опытом в нашей душе, к чему привело нас свидетельство других, но стало глубже чужого свидетельства, обратившись в живой опыт души, — тогда действительно наше слово — как огонь, наше слово — сила и свет.

И вот чего мы должны искать: не убедительного слова, а опыта, из которого рождается слово со властью, слово горящее, слово, бьющее ключом живой воды.

Вот почему в нынешнем мире недостаточно, чтобы мы понаслышке говорили о вере и о Боге; недостаточно, чтобы мы жили той обстановкой, которую создали отцы; недостаточно, чтобы мы так веровали, так действовали, как другие, по рассказам, веровали и действовали. Мы должны дознаться опытом ума, опытом сердца, опытом духа, опытом всего естества нашего, включая и тело наше, должны дознаться этой проповеди, этой реальности, этого опыта, а для этого жить тем, что Господь зовет Евангелием; потому что это Евангелие как школа, как русло реки, полное той воды, которая представляет нашу жизнь, — и только тогда познаем мы опытом и будем знать не от людей, а от Бога, и принесем свидетельство наше людям, принесем Божий глас, *Божие* свидетельство и сияние *Его славы*. Аминь.

Притча о сеятеле

(Лк. 8:5-15)

Есть в Евангелии место, где Христос нам говорит: Блюдите, како слышите — то есть: Обратите внимание на то, как вы слышите слово, которое до вас доходит...

Нам всегда кажется, что мы слушаем, понимаем; но вот сегодня нам вновь, в который раз читалась притча о сеятеле — и что? Она такая ясная, такая привычная; казалось бы,

нам даже и не нужно ее вновь слышать, мы могли бы ее повторить, рассказать, объяснить. Но кто из нас может сказать, что он ею сколько-то живет? И вот тут слова Христовы: Будьте осторожны, как вы слышите слово Божие, — не напрасны. Мы слышим и помним; слышим слухом и помним головной памятью; но доходит ли это слово до нашего сердца? А вместе с этим, если не коснется нашего сердца живое слово, оно только прозвучит в нашей мысли и никакого плода не принесет.

Задумаемся над этим; есть бесконечное количество евангельских отрывков, которые мы так любим, которые так прекрасны, которые мы так хорошо знаем, которые мы могли бы всякому рассказать и всякому объяснить; но не встанут ли они перед нами в какой-нибудь день, в день судный, упреком — не потому, что мы не понимали, а потому именно, что понимали и все-таки этим не жили нисколько?

Сегодняшняя притча об этом именно и говорит. Есть люди, у которых сердце глубокое, которое было *вспахано* глубоко — страданием и состраданием, любовью, горем, до которого дошло сознание страшного одиночества человека, когда нет Бога в его жизни. И в *такое* сердце Божие слово падает, как семя, и принимается, как доброй землей: глубоко оно заходит, пускает корни, оживает всем опытом жизни этого человека, и страданием, и радостью — всем питается, и прорастает, и приносит плод. Но как мало таких слов принесло плод в жизни каждого из нас, в *моей* жизни, и вероятно, несомненно, в вашей жизни!

Сколько раз мы слышали живое слово Божие, которое нас всколыхнуло, взволновало; а через мгновение, еще до выхода из церкви, нас унесло потоком пустых мыслей, сплетен, болтовни — мы опустошены; ничего не осталось. От этого ростка, который мог бы подняться и принести плод, не осталось ничего, потому что самое семя унесено ветром, как бурей унесено чужим пустым словом и нашим пустословием.

А иногда удержалось это слово, как будто упало в расселину того *камня*, который мы несем в себе, который мы называем своим сердцем, своим сознанием. И оно удержалось, и начинает всходить; но и тут недолго ему прожить, потому что корня ему не пустить в каменное, жесткое, холодное сердце. И умирает это слово. Поднялось как будто, и была надежда, что плод принесет — и *ничего* не осталось...

А бывает и сердце глубокое, которое может это принять; и у *каждого* из нас *есть* такое глубокое сердце — только мы даем ему зачерстветь, охладеть. Это сердце приходится — жизни, людям, Богу — как бы молотом дробить, чтобы хоть трещина образовалась, чтобы под корой мерзлоты, окаменелости проглянула земля, та плодотворная земля, которая может принести плод.

Подумайте о словах Христовых: "Слушайте!" — и задумайтесь над тем, *как мы* слышим: напрасно? Себе в суд и во осуждение? Или нет — в жизнь вечную?. И как милосерд Господь. Он нам говорит, что некоторым дано понять; другим непонятое ими разъясняют, чтобы они поняли; а иным *не надо* разъяснять, потому что если они поймут головой и отвергнут сердцем — какая же будет их ответственность! Иисус Христос говорит: Для таких говорится притчами, чтобы они слушали и не слышали: как бы от этого холодного, мертвого понимания ума, от такой мертвой головной веры человек не был осужден. Притча раскрывается перед нами в меру нашей открытости и понятливости. А понятливость в сердце, не в голове; опытом жизни, кровью добывается понимание слов Божиих.

Вот в течение всей этой недели станем думать о том, *кто* мы в этой притче? Куда падает зерно? Куда падает слово Христово? В терние, которое его заглушит, убьет, удушит? На камень, где оно возрастет и умрет от зноя и от сухости? Или при дороге, откуда унесет его ветер и где оно будет разграблено всеми хищниками жизни? Или в сердце доброе?. А если наше сердце не таково, то поставим перед собой вопрос: Как же этот камень раздробить, как же к жизни вернуть охладевшее сердце? Аминь.

Притча о богатом и Лазаре

(Лк. 16:19-31) — 2 ноября 1969 г.

В чем грех богатого, в чем правда бедняка? Из сегодняшней притчи может показаться, что суд Божий определил горькую участь богатому только потому, что он богат и весел был на земле, и что только как бы в утешение за скорбь на земле дал бедному Лазарю радость и покой в лоне Авраамовом.

Но это не так просто; не был виноват человек, что он богат, и не заслуга человека, что он беден. В Евангелии немало людей состоятельных — в истории Церкви еще больше, — которые из избытка своего были радостью и благословением для других, потому что они были милосердны, жалостливы, милостивы. И много-много знаем мы людей, которые в своем убожестве делаются горькими, жесткими, немилосердными даже к тем, кто, подобно им, находится в нужде; *не в этом* дело. Не спасет нас бедность, и не погубит нас богатство как таковые.

Но если посмотреть на эти образы богатого и бедного, которые Христос нам представляет в таких немногих словах, мы видим человека, который был богат, у которого было все, и с излишком было, и жизнь его проходила в пирах и в веселье, а у дверей его лежал нищий. И вот в этих пирах, в этом веселье никогда, по-видимому, его сердце не смягчалось. Он пользовался всем, что дала ему жизнь, но не пожалел тех, которые были лишены этого. Радости в нем не было, а было веселье — потому что радость делится, как тепло и свет, а веселье остается достоянием человека — его одного и его товарищей по веселью. Он прожил, не вспомнив ни о том, для чего он живет, ни о том, как другие живут, а у двери его голодал и скорбел человек.

А этот человек не тем был духовно богат, что скорбел, а тем, что лежал он, и *вся жизнь* его была криком о помощи, о жалости, о милости. И тогда как богатство застигло в сознании домохозяина самый вопрос о том, для чего он живет, как он будет умирать и что будет потом, нищий всю жизнь прожил перед лицом этого вопроса: Зачем? Чего ради? Ради чего эта скорбь, для чего эти страдания? И что еще будет впереди?

Один прошел мимо жизни, а другой углубился в существо ее. Один умер незаметно, и Ангелы Божии унесли его душу в место упокоения; другой умер, и его торжественно похоронили, положили в гроб, а душа его пустая, уже не могущая смеяться, не имеющая, чем питаться, потому что питалась она только от земли, сошла в то место, где такая же пустота... Не только за то, что он веселился, и не только за то, что он был богат, но за то, что при всем этом он допустил этот ужас нищего у дверей своих, сошел он в место страданий, место, где перед судом Божественной любви человек отходит во тьму.

Мало среди нас богатых и бедных в такой мере, в какой был беден Лазарь и богат владелец дома, у порога которого Лазарь голодал всю жизнь; но мы все богаты и бедны одновременно, и от нас зависит, какими мы встанем перед Божиим лицом. Обеспеченность, спокойствие, тишина, нарушаемые только мелкими бурями, закроют ли наши глаза на то, что у нашей двери Лазарь умирает с голода — умирает физически и умирает от голода по милости? Закроет ли наше благополучие нам глаза на то, что жизнь имеет глубину, и смысл, и цель, и что мы устремлены к встрече с Богом, и что эта встреча будет последним и поистине страшным судом, если в нас не найдется любви — но чистой, подлинной любви?. Не можем ли мы научиться, когда мы постоянно на все жалуемся, от того Лазаря, который и голодал и холодал у двери богача?. Он нашел себя; его внутрь себя загнали голод и холод, одиночество и нужда, и в этой глубине он встал перед Богом. Неужели нам надо так дострадаться до Бога, как Лазарь? Неужели нужно, чтобы на нас нашла предельная скорбь, для того чтобы войти в себя и стать перед лицом человеческой большой, значительной судьбы?.

Всмотримся в эти два образа. Мы никуда не уйдем от этого суда, потому что мы слишком много знаем: знаем слишком много о воле Божией, знаем слишком много о любви Божией, перед нами расстилается все Евангелие, как путь или как суд. Кто мы — Лазарь или богач? И если мы чувствуем в себе богача, уже тлеющего со страстями

своими, — опомнимся теперь, пока еще живы, пока есть еще какая-то сила в душе, какая-то сила в теле — опомнимся теперь и оживем! Аминь.

Исцеление гадаринского бесноватого

(Лк. 8:26-39) — 6 ноября 1977 г.

Рассказы об одержимости, о которой мы читаем в Евангелии, многим кажутся такими далекими от нашей повседневной, реальной жизни, а на самом деле они могли бы быть так близки, и столько уверенности и надежды мы могли бы приобрести от их слушания.

Человек, о котором сегодня говорится, был охвачен и в уме, и в сердце, и в своей плоти разрушительной силой: никакие человеческие усилия или ухищрения не могли его связать; он рвал все оковы, он освобождался от всех ограничений, которые старались наложить на него, и убегал в пустыню, вдаль от всех; в пустыню, где ничего нет человеческого, где жжет солнце, где палит жажда, — и жил в гробах, там, где ничего не остается от человека, кроме мертвых костей и воспоминания о смерти...

Но разве мы не одержимы так же, не окованы, не связаны, не движимы мрачными, темными движениями души и тела? Разве кто-нибудь из нас может сказать, что его никогда не охватывает гнев и ярость? что он не делается враждебным и злым? что не проникает в его сердце, в его ум, в плоть помраченность, и злоба, и зло? И сколько стараний иногда прилагают те, которые вокруг нас, к тому, чтобы нас образумить, умирить, утишить — и порой и утешить! — от того, что нас охватило... Но мы рвем все оковы, мы уходим вдаль, отворачиваемся от самых близких и уходим постепенно в те глубины, где ничего не остается от человека — только смерть и разрушение...

И вот в сегодняшнем рассказе мы видим, как Христос пришел, как лицом к лицу с Ним встал одержимый человек, на которого мы так порой похожи, и поставил Ему, Человеку по преимуществу, *единственному* подлинному Человеку, вопрос: *Что* общего между Тобой и мной, зачем Ты пришел ко мне? *Зачем* Ты хочешь меня мучить?. И Христос повелел этой злой, разрушительной силе *отойти* от человека. И у человека прояснился ум, стало мирное сердце, он стал *человеком* и у ног Христа стал слушать слово жизни...

Мы все можем так подойти ко Христу; мы можем к Нему подойти в молитве, мы можем к Нему подойти в Таинствах, в этих мощных, непобедимых действиях Божиих, и стать свободными: свободными от всех сил разрушения в нас — только бы нам остаться со *Христом*, только бы получить исцеление, не вернуться к тому, что нас отравляет и разрушает, только бы выйти в мир свидетелями о том, что для нас сделал Господь.

Поэтому не будем читать этот рассказ, будто он *никакого* отношения к нам не имеет: он относится к нам самым непосредственным образом; но взглядемся в себя самих: *что* в нас есть такого, что помрачает ум, делает темным наше сердце, нашу волю направляет на зло, наши слова делает гнилыми, колкими, страшными, мертвящими, наши действия такими разрушительными?. И как бесноватый, пойдем ко Христу, в исповеди, в Причащении, в помазании святым елеем, в молитве, в умолении ближних наших о том, чтобы и они о нас помолились — и исцелеем. Аминь.

Исцеление гадаринского бесноватого

(Лк. 8:26-39) — 15 ноября 1987 г.

Сегодняшний рассказ об исцелении человека, одержимого легионом бесов, раскрывает перед нами одну из самых волнующих и дивных картин того, *как* Бог дорожит и высоко ценит каждого человека.

Смотрите: один-*единственный* человек из всего мира тут стоит; и сражаются не только за его вечную судьбу, но также и за его земное существование, его душевную и физическую цельность на земле — воплощенный Бог и враг, сатана: за одну-единственную человеческую личность, потому что каждый из нас имеет в глазах Божиих

Бесконечную, высшую ценность. Не сказал ли Он Сам, что добрый пастырь оставляет девяносто девять овец, не нуждающихся в Его заботе, чтобы спасти единственную потерявшуюся овцу? И вот мы видим Его, и лицом к лицу перед Ним — причину и источник всякого зла, князя тьмы, сатану, борющихся: физическая, душевная болезнь этого человека является частью ужасности мира, искаженного человеческим грехом, то есть тем, что человек отвернулся от Бога.

И мы видим Бога, пришедшего спасти этого человека не только как духовное существо, но и в его обыденной, простой человечности. Сатана в Священном Писании назван "врагом", тем, кто ведет вражду со всем добрым, что Бог предлагает человеку. И борется он против добра, опять же словами Священного Писания, тем, что он лжец и убийца. Ложь — это попытка ввергнуть или завлечь кого-либо в мир нереальности, в мир, где нельзя жить; ложь — это извращение правды, цель которого сделать жизнь невозможной, и это ведет к гибели.

Христос есть Истина. Не дивно ли подумать, что Христос есть истина не только о Боге, но тоже и истина о человеке? И когда мы поворачиваемся ко Христу и обращаемся к Нему, то восстанавливается и наша вечная судьба и наша человеческая цельность. Это мы видим в сегодняшнем рассказе: безумие, сплетенное лжецом и убийцей, побеждено Тем, Кто есть высшая совершенная реальность — и Божественная, и человеческая.

И затем, в этом рассказе есть еще одна черта, которую я хотел бы подчеркнуть. Человек исцелился; его единственное желание — остаться с Тем, Который вернул ему цельность, Который распахнул перед ним новую жизнь: вечную жизнь уже на земле, человеческую жизнь в ее полноте. И Христос не велит ему этого; Он говорит ему: Иди домой и скажи другим, что произошло с тобой...

Это Он говорит всем нам. В то или другое мгновение, а иногда, может быть, в течение целых периодов, мы чувствуем, что мы прикоснулись края ризы Христовой, и новизна, жизнь, красота, и правда пришли к нам. И мы хотим прилепиться, хотим остаться там, где с нами это случилось. Это может быть в среде людей, которые дали нам это чувство новизны; это может быть в молитвенной обстановке церкви. Где бы это ни было, когда мы получили обильно то, что Бог предлагал и *дал* нам, мы должны услышать Его голос, говорящий: Ты получил исцеление, ты теперь — новый человек, *иди* же к своим, иди к друзьям, иди ко всем тем, которые *не* получили еще этой новизны, и расскажи им, что случается, когда мы встречаем Христа, воплощенного Бога! *Расскажи* им, так, чтобы и они тоже могли стать новыми, чтобы они могли уже сейчас на земле, уже во времени войти в вечную жизнь!

И это обращено не только к человеку, исцелившемуся столько столетий назад; это обращено к каждому из нас. То, что нам дано, мы должны провозглашать, и делиться этим, делиться щедро, потому что миллионы людей изголодались по полноте жизни, которую Один только Бог может дать.

И вот услышим эту весть: весть о том, что каждая отдельная человеческая личность так дорога Богу, что Бог может забыть *всех* остальных, чтобы окружить заботой того, кто в нужде. И потому-то сатана так старательно плетет сети погибели каждому из нас: потому что вырвать из рук Божиих хоть единого из нас значит лишить Бога кого-то, кого Он любит всей Своей жизнью и всей Своей смертью. И если мы — народ Божий, то мы должны слышать, что было сказано этому человеку, и, ликуя о том, что мы получили, идти, делиться и принести другим ту цельность, ту новизну жизни, которую мы переживаем если не все время, то в благословенные минуты нашей жизни. Аминь!

Воскрешение дочери Иаира

(Лк. 8:41-56) — 17 ноября 1968 г.

Как мы похожи на тех людей, которые окружали умершую дочь Иаирову! Сам Бог пришел, Сам Господь, Он Сам говорит: Не плачьте, она не умерла, она уснула... И с какой уверенностью люди, как сказано в Евангелии, "знали", что она умерла. Хотя Сам Бог

говорит, Сам Господь, Которого они призвали сотворить чудо, говорит это, но теперь они над Ним смеются. Пока она была больна — можно было надеяться на чудо; теперь она умерла — и смешно говорить о том, что есть надежда...

И так бывает и с нами. Господь жил, умер, воскрес, и Господь нам говорит Сам, что временная смерть подобна сну, что за ней стоит жизнь, которой уже живут души человеческие, жизнь, которая охватит также и тела в день славного Воскресения. И мы все продолжаем говорить: "Он умер, она умерла". А когда слышим слова Апостола: Я не хочу, чтобы вы были без надежды, как прочие, которые верят в смерть... — мы эти слова слушаем, и мы все равно "знаем", что перед нами лежит человек, который умер, и *хотим* быть безутешными. Мы не верим и слову воскресшего Господа, что мы воскреснем, и слову Господа, Который воскрешал людей при жизни Своей на земле — дочь Иаинову, Лазаря, — что есть воскресение. Мы *знаем*, что есть смерть, и не верим, что есть жизнь. Как странно и как ужасно, что эта очевидность смерти нам закрывает реальность жизни! Вот поставьте перед собой вопрос, каждый из вас: сколько раз нам Бог говорил о жизни, и сколько раз мы отвечали: Да я же знаю, что победила, побеждает смерть!

И это относится не только к телесной смерти. Если только мы верили бы в жизнь, мы верили бы, что когда кто-либо родной, близкий умирает, это не конец: наши отношения с ним, наша жизнь по отношению к нему продолжают. Чтобы найти живого человека, мы не должны говорить "вчера", "когда-то", "в прошлом", не должны смотреть назад, а *теперь* должны жить этим живым человеком и этой живой жизнью, и ждать большего, а не меньшего.

Это же относится и к душевным и к духовным явлениям. Как легко мы говорим, что человек умер, что умерла дружба, умерла любовь, умерло то, что было самое драгоценное между людьми. И когда Господь нам говорит, что оно только уснуло, только таится, но живет (потому что все, что есть: любовь, дружба, ласка — живет; умирает только то, что уже на земле несет на себе печать смерти и тления), мы все-таки говорим: Нет, Господи, я же знаю — это вымерло до корня...

А Христос, притчей о сухом дереве, которое три года обхаживали, пока оно не ожило, нам напоминает, что пусть и до корня умрет, но жизнь-то от Него; все может воскреснуть, все — но в новой славе, не в тленном прошлом, а в совершенно новом сиянии не временной жизни, а вечной. Каждый год мы слушаем пророчество Иезекииля о костях: "Рцы, сын человеческий, оживут ли кости сия?" — и отвечаем: Нет, это уже область смерти... Пророк был мудрей, он сказал: Ты веси, Господи, Ты знаешь, я не знаю...

И вот, будь то в наших личных отношениях, будь то в суждении о судьбе человеческой души, обо всем — это ко всему относится. Научимся от этого рассказа: это не притча, это был о том, как воскресла дочь Иаинова, когда все знали, что она умерла. И Христос это знал, только для Него смерти нет: есть жизнь, и есть сон. Всмотримся в нашу жизнь, в наши отношения к тем, кто почил, то есть кто теперь уснул и отдыхает. Подумаем о тех людях, которые вокруг нас, которых мы осудили и над которыми мы произнесли окончательный суд: "Этот мертв, не утруждай Учителя, и Богу незачем сюда приходить — не восстанет". Подумаем о наших умерших дружбах и отношениях — умерли они или на время потускнели, почил? Вчитайтесь в эту притчу: это притча жизни против смерти, притча надежды против очевидности, притча веры безусловной против нашего глубокого, убивающего неверия... Аминь.

Исцеление кровоточивой женщины и воскрешение дочери Иаира

(Лк. 8:41-56) — 16 ноября 1980 г.

Мы сегодня вновь слышали рассказ о двух дивных чудесах Христовых: об исцелении женщины и о возвращении к жизни умершей девочки. И каждый раз, когда мы слышим эти рассказы, я думаю, что у всех нас сердце наполняется такой благодарностью, такой радостью, что когда-то, когда наш Живой Бог, великий, небесный Бог простым человеком

ходил по земле, Божии любовь и милосердие так ласково и так действенно взыскивали всякую человеческую нужду: и голод, и болезнь, и смерть, и грех. И нам часто кажется, что эти времена прошли, что теперь этого не бывает; и в этом мы ошибаемся двояко.

С одной стороны, действительно, по всей земле именем Христовым бывают исцелены телесно люди страждущие, болящие. Сколько раз приходится видеть, что неизлечимая болезнь как-то сметена с лица земли, и человек снова здоров, жив, полон крепости. Часто бывает, что этим исцелением, как и тут, в рассказах о кровоточивой женщине и о дочери Иаировой, кроме телесной болезни, еще снимается с глаз людей какая-то пелена, и они видят то, чего раньше видеть не могли: Лик бесконечной, безмерной Божией любви и достигающую до них силу Божию.

А с другой стороны, эти рассказы нам говорят еще о том, что все это могло бы продолжаться и среди нас: не всегда телесно, но душевно, то есть в самом значительном, самом важном, что есть в человеке, если бы только мы поверили в ту ответственность, которую Спаситель нам дал о всем мире и по отношению ко всему. Посмотрим на эти два рассказа коротко.

Иаир был не только в тревоге, но в душевной боли, в ужасе о том, что умирает его маленькая дочь; Христос мгновенно отозвался на его душевное страдание и на его нужду; Он оставил все, чем был занят, чтобы пойти к нему... В одном месте Евангелия Спаситель говорит нам: Я вам дал пример, как жить, чтобы вы следовали этому примеру... Вот это первое: встретил нужду, услышал крик душевной боли, узнал о ней — *иди*, оставив все, чем ты занят ради себя: разговор, чтение, отдых, самое как будто нужное, потому что ты *нужен* кому-то — *иди*...

И Христос пошел; Он пришел в дом Иаири, и там лежала уже умершая девочка; и все знали, что она умерла, и говорили: Зачем Ты пришел? Мы же знаем, что Ты ничего сделать не можешь!. Это бывает так часто; встречается — не где-то, а в нашей собственной среде — человек в душевной нужде; и кто-то о нем хочет позаботиться; и сколько он слышит голосов: *Зачем? Разве ты не видишь, что ничего сделать нельзя, что ничем этого человека не исправишь? Сколько же лет ты будешь над этим трудиться, пока не поймешь, что это и не нужно и бессмысленно? Так говорили Христу: Зачем Ты пришел? Чего же Ты от Себя ожидаешь? Умерла же эта девочка! Мы это знаем достоверно, наверное знаем!. И Христос сказал дивные слова: Она не умерла, она только спит, душа ее заснула...*

Это можно было бы сказать о бесчисленном количестве людей, которых мы встречаем и о которых мы думаем, что умерло в них все: чуткость, человечность, все, чем человек прекрасен, и остается только этому трупу среди нас пребывать. Вспомним тогда слова Спасителя: Этот человек не умер — задремал; уснула, окоченела его душа; но скажи только Бог живое слово — она проснется!.

И это слово *мы* призваны сказать, а не кто-то другой. Пока человек возьмет в свои руки Евангелие и услышит говорящего Самого Спасителя, может пройти много времени, потому что это все написано, напечатано и не живо для человека, который еще не встретил лицом к лицу Живого Христа. Но, когда те же слова, обращенные к нему, другой живой человек, подобный ему, один из нас, скажет из глубины встревоженной души, кровоточащего сердца, сострадания живого, когда он его уверит своим состраданием, что Бог есть любовь, тогда такой человек тоже может ожить... Не станем слушать никого говорящего: Зачем ты тревожишь Бога, Учителя — ведь она умерла! — *Неправда!*

Еще хочу одно сказать: часто среди нуждающихся в душевной помощи есть люди, которые не привыкли к церкви, не привыкли к тому, как в ней себя ведут, как в ней живут, которые пробиваются к Богу непривычными, может быть, не принятыми путями; как эта кровоточивая женщина, которая в толпе коснулась Спасителя, совершив поступок по тому времени недопустимый, как бы осквернив Его своим прикосновением. И Спаситель ей сказал: Дерзай! Вера твоя спасла тебя!. Как нам надо беречься, чтобы, подобно фарисеям, книжникам, людям мертвой буквы, не сказать человеку: Твоя нужда пусть останется с

тобой, если ты не можешь подойти к Богу, к нам так, как положено; как ты смеешь к Богу пробиваться таким оскорбляющим наши привычки образом?.

Вот что встает перед моими глазами из этих двух рассказов: благодарная радость Богу, ликование сердца о Нем и строгое предупреждение, что не напрасно Христос нам дал пример, что мы должны ему следовать, должны от него научиться, как встречать тех, кого мудрые, опытные называют уже мертвыми; и как надо относиться к тем, которые от отчаяния своего *кидаются* к Богу непривычными для нас путями... Научимся — и тогда действительно в нашей среде будет дух Христов. Аминь.

О Священном Писании. Притча о милосердном самарянине

(Лк. 10:25-37) — 28 ноября 1976 г.

Год за годом повторяется по воскресеньям чтение одних и тех же отрывков из Священного Писания. И так часто слышится: Почему снова такое понятное, так хорошо известное место читается, зачем — разве мы этого не знаем?.

И, видимо — нет, не знаем! Потому что узнать по слуху тот или иной отрывок, вспомнить все, что там сказано, это еще не значит "знать". Мы знаем Священное Писание, мы знаем тот или другой его малюсенький отрывок только тогда, когда он для нас стал жизнью, то есть когда мы живем так, как там говорится. И кто из нас может сказать, что, слышав столько раз этот рассказ о самарянине, мы что-то сделали в этом направлении?

Христос ставит перед нами вопрос о совершенно новом отношении к жизни и к миру; законник, человек, который, вероятно, жил справедливо, хорошо, задает Ему вопрос: Кто мой ближний, о котором мне надо заботиться?. Законник думает о себе как о центре жизни и, оглядываясь вокруг, задумывается: Кто самый мне близкий? Кто мне дорог? О ком мне надо позаботиться?.

А Христос отвечает ему, как часто Он делает, переворачивая мир вверх дном: ближний это не тот, который тебе близок, не тот, который тебе дорог, не тот, кого ты, оглядываясь, заметишь и приблизишь к себе, — это тот, который в тебе нуждается, *всякий*, кто бы он ни был, встречный, поперечный, знакомый и незнакомый...

И Он дает пример доброго самарянина, именно чтобы нам показать, что праведные, добродетельные люди проходили мимо человеческой нужды; а человек, считавший себя грешным, который не ставил себя в центр жизни, потому что себя нельзя было таким поставить в центр, сумел посмотреть, увидеть и пожалеть...

И вот снова перед нами эта притча, снова этот мир вверх дном, и снова ставится перед нами вопрос: Да, — читали! Да, — слышали! — а что дальше? *Кто* из нас сумел посмотреть вокруг себя, забыв, что он в центре жизни, и в центр жизни поставить того человека, которому сейчас нужно помочь — и материально, и душевно, — которому нужен ближний? И этот ближний — я, это — каждый из нас. Аминь.

Притча о милосердном самарянине

(Лк. 10:25-37) — 29 ноября 1987 г.

Я хочу обратить ваше внимание на две или три черты сегодняшнего Евангелия. Нам говорится, что человек шел из Иерусалима в Иерихон. В Ветхом Завете Иерусалим был местом, где жил Бог; это было место поклонения Богу, место молитвы. И теперь человек шел обратно, в долину: с горы созерцания туда, где течет человеческая жизнь.

И на пути на него напали разбойники, сорвали с него одежды, изранили и бросили при дороге. И три человека прошли, один после другого, следуя тем же путем. Все трое возвращались оттуда, где живет Бог, где они Ему молились, Ему поклонялись, предстояли в Его Присутствии. И двое из них прошли мимо. Текст Евангелия так ярко говорит, что священник просто прошел мимо; даже не сказано, что он взглянул на него. Он был "духовенством", человеческие нужды его не касались — по крайней мере, он так думал; он ничему не научился от молитвы Богу, Который есть Сама Любовь. И другой человек пришел, левит, человек начитанный, умудренный в знании Священного Писания — но не

в знании Бога. Левит подошел, постоял над человеком израненным и умирающим — и пошел дальше своим путем. Его ум парил в материях более выпретенных, чем человеческая жизнь, чем человеческое страдание, — так, по крайней мере, он думал.

А потом пришел человек, который в глазах иудеев был презренным просто из-за того, чем он был; не за его личные или нравственные недостатки, а потому что он был самарянин: отверженный иудеями, то, что индусы называют пария. Он склонился над раненым, ибо знал, *что* значит быть брошенным, он знал, каково быть нежеланным, когда другие обходят тебя с презрением, а то и с ненавистью. И он склонился над раненым, он сделал все, что мог, чтобы облегчить и исцелить его раны, он привел его в место покоя. И все это он сделал ценой ущерба для себя: он не только заплатил хозяину гостиницы за заботу о раненом, но он отдал свое время, он отдал все свое внимание, он отдал свое сердце. Он заплатил полную цену, которую мы можем дать ради внимания к окружающим нас людям.

И вот сейчас мы провели все утро в Божием собственном присутствии, в месте, где Он живет; мы слышали Его голос, говорящий нам о любви; мы провозглашали свою собственную веру в *этого* Бога, Который есть Сама Любовь, в Бога, Который отдал Своего Единородного Сына, чтобы каждый из нас — не просто все мы коллективно, но каждый из нас лично был спасен. И теперь мы пойдем из церкви; в течение недели, или до того момента, когда мы снова придем в церковь, мы встретим не только одного, а многих людей. Будем ли мы, как священник или как левит, размышлять о том, что мы узнали здесь, хранить в сердце изумление и радость — и проходить мимо других, потому что забота о вещах мелких может нарушить наш мир душевный, отвлечь ум и сердце от этого чувства дивности встречи с Богом, пребывания в Его присутствии? Если так, то мы мало — если вообще что-либо — поняли о Евангелии, о Христе, о Боге. И если мы спросим, как юноша или как законник: Но *кто* наш ближний? Кто тот, ради которого я должен отвлечься от глубочайших переживаний сердца, от высших интересов ума, от всего лучшего, что я переживаю? — то ответ Христов прямой и простой: *Всякий!* Всякий, кто в нужде, на любом уровне; на самом простом уровне пищи и крова, нежности и сердечности, внимания и дружбы.

И если когда-то — этого может никогда не случиться, но *может* и случиться в любое мгновение — от нас потребуется большее, тогда мы должны быть готовы любить нашего ближнего так, как Христос научил нас: с готовностью положить нашу жизнь за него. Речь не о том, чтобы так отдать жизнь, чтобы быть убитыми; речь о том, чтобы *изо дня в день* отдавать всю нашу заботу всем, которые нуждаются в ней: те, кто в горе, нуждаются в утешении; те, кто потерял почву под ногами, нуждаются в укреплении и в поддержке; которые голодны, нуждаются в пище; те, кто в материальной нужде, могут нуждаться в одежде; и те, кто находится в духовной растерянности, могут нуждаться в слове, которое ключом бьет из той самой веры, которую мы получаем здесь и которая есть наша жизнь.

Пойдем поэтому сейчас из храма, помня об этой притче не как об одном из самых прекрасных слов, сказанных Христом, но как о конкретном пути, конкретном примере того, как Он нас зовет жить, действовать и относиться друг ко другу; и будем смотреть вокруг себя зорким, внимательным взглядом, помня, что иногда малая капля сердечности, одно теплое слово, один внимательный жест могут преобразить жизнь человека, который иначе должен был — или должна была — справляться со своей жизнью в одиночку. Да поможет нам Бог быть подобными милосердному самарянину на всех уровнях жизни и с каждым человеком. Аминь!

Притча о безумном богаче

(Лк. 12:16-21)

Обращаясь к человеку, который задумал свое богатство хранить, словно оно неотъемлемо от него, Христос говорит: Безумный, в эту ночь твою жизнь потребуют от

тебя обратно — и что тогда?. За плечами каждого из нас стоит смерть, и об этом напоминает нам Евангелие на каждом шагу. Но напоминает нам не для того, чтобы испугать смертью, а чтобы придать жизни новую, иначе совершенно недостижимую глубину. Мы живем поверхностно, мы живем бесконечным количеством вещей, которые слишком мелки даже для нашего человеческого сердца, даже для человеческого ума. Сколько у человека за один день его жизни проходит мыслей пустых, бессмысленных, бесплодных; сколько чувств чередуется друг за другом в душе, не оставляя никакого глубокого следа, просто так, проходят напрасно, как тучи по летнему небу. Это все слишком мелко для человека, то есть для каждого из нас, и Господь нам постоянно напоминает и в Своем Евангелии, и жизнью, что смерть так удивительно близка, и только она может поставить вещи на место.

Мне вспоминается время, когда умирала моя мать; мы оба знали об этой смерти, которая приближалась, она жила с нами три года, и за эти три года стало ясно: именно потому, что смерть близка, жизнь так драгоценна. Не в том смысле, что надо за нее бороться, чтобы не умереть, а в том смысле, что все ее содержание может стать таким глубоким, каким только смерть может его сделать. Каждое сказанное слово может быть последним словом, — неужели оно будет словом пустым, ничтожным или, еще хуже, — раздраженным, горьким, злым, разрушающим словом? Каждый поступок может быть последним — неужели каждый поступок не может стать как бы выражением, осуществлением самого глубокого, самого дивного, что есть в отношениях между людьми? Мы это забываем, потому что нам кажется, что впереди еще столько времени, чтобы исправить ошибки, чтобы излечить душевные раны, чтобы утешить человека. А может оказаться поздно, один или другой могут умереть...

Тогда тоже поздно не бывает, тогда можно обратиться к Богу, Который наш примиритель; но для некоторых вещей — да, поздно. Поздно утешить, поздно приласкать, поздно обрадовать, поздно дать на земле последнее счастье человеку... В этом смысле смерть — нам напоминание о том, что жизнь, которую мы делаем такой мелкой, может быть такой глубокой. Смерть нам поставлена перед глазами — Евангелием, Христом, жизнью самой — не для того, чтобы нас устрашать, а только чтобы мы жили глубоко, жили в меру всего глубокого, чуткого человеческого сердца, большого, понятливого человеческого ума.

Не будем поэтому собирать в сокровищнице сердца, ума, в сокровищнице жизни ничего такого, что слишком мелко и от чего мы мельчаем; а поставим себе вопрос при каждой встрече, во всех наших человеческих обстоятельствах, по отношению к каждому человеку и ко всему в жизни: Как бы я поступил, если бы это было его последнее мгновение или последнее мое мгновение? Какое слово я бы сказал, какое действие совершил, кем я был бы по отношению к нему, к ней, к ним? И если только мы это осознаем, — Боже, как глубока и значительна будет жизнь, как каждый человек станет значителен и сколько будет поступков в нашей жизни, *достойных* нашей человеческой жизни, нашего человеческого величия и величия Бога нашего! Аминь.

Притча о безумном богаче

(Лк. 12:16-21)

Вы слышали сегодняшнее Евангелие: человек был богат; и в тот год особенно благословил его Бог, и его поля принесли богатую жатву. И он, оглядываясь на свое богатство, подумал: Не хватает у меня места, чтобы все сохранить; сломаю свои житницы, соберу свое достояние в новые, и тогда я могу упокоиться, тогда хватит у меня богатства на весь остаток моей жизни; тогда я могу сказать себе: пей, ешь, веселись... И в нем прозвучал голос Божий: Безумный ты человек! Разве ты не понимаешь, что в эту самую ночь, когда ты ляжешь отдыхать в сознании своей полной обеспеченности, когда ты ляжешь отдохнуть в ожидании нового, тихого, богатого, обеспеченного дня, с тебя потребуются твоя жизнь! Может быть, придет тихий час смерти; а может быть, и грозный

час разбоя, — но жизнь твоя тебе не принадлежит; в одно мгновение ты можешь ее лишиться; и тогда — что будет со всем тем, что тебе послал Бог и ты собрал своими трудами? И кому это останется?

Казалось бы, ответ простой: жене, детям, родственникам, близким... Но не об этом речь идет; да — это все останется *позади*, это все останется другим людям, которые над этим не трудились и которые выронят из своих нетрудовых рук все это богатство; а тебе что останется от него?.

Какой же ответ мы можем на это дать? Христос говорит: Так бывает со всяким, кто для себя богатеет, а не делается Богом богат... Так действительно бывает с каждым из нас; *все*, что у нас есть: самая жизнь, здоровье, молодость, достойная старость, крепкие средние годы, работа, призвание, ум, чуткость — все это может в одно мгновение уйти от нас; и тогда — что? С чем мы войдем в вечность?

В вечность может войти только то, что принесло плод любви. Если человек богат умом, сердцем, материальным достоянием, если все, что у него есть: весь ум, все сердце, всю крепость тела и души, все свое достояние он употребит на то, чтобы одних просветить, других утешить, третьих накормить — каждому всеять в душу хоть зернышко радости, надежды, благодарности, любви, тепла, то, когда он умрет, за ним пойдет в вечность богатая жатва: не та хлебная жатва, которую он собрал в житницы и запер от всех, а та жатва, которая приносит плод в вечности; и *богатый* плод, какой богатый! Сколько есть рассказов в жизни святых, как и за одно доброе слово, за одно доброе дело человек был помилован...

Вот так и мы живем; жизнь нам удастся, как этому богатому человеку; и богатеем ли мы от этого вечным богатством? Сколько нам удалось за жизнь — иногда очень долгую — посеять в чужих сердцах радости, света, благодарности, надежды — то есть именно того, что пойдет с нами в вечность? И сколько мы принесли плода от того, что мы, в свою очередь, еще до этого получили от Самого Бога и от людей?

Нам ведь тоже люди давали ласку, внимание; нам тоже делали добро: что от этого добра, от ласки, от внимания, от милости, от сострадания осталось в нашей душе? Осталось ли что-нибудь, что может войти в вечность? Являемся ли мы богатым полем, которое приносит тем, кто был к нам добр, хорош, благодарность и ответную любовь и готовность *все* сделать, чтобы им показать, что не напрасно нас любили? И так ли мы чувствуем себя по отношению к Богу? Или все дары — и человеческой любви, и Божеской — в общем, напрасны? Складываем дары, складываем, складываем их, запираем, пользуемся — и другим ничего: ни слова, ни взгляда, ни дела, ни сердечной искры благодарения и ласки...

Подумаем над этим; мы можем всю жизнь так прожить напрасно: богатея, получая от Бога и от людей и все запирая в новые и новые, все большие житницы. А может быть, мы живем так — или, вернее, можем так зажить, — чтобы все это приносило плод, плод в чужой любви и нашей благодарности? И тогда, когда придет Господь и скажет: Ты разрешаешься теперь от земных уз, ты отпускаешься на свободу, из времени в вечность, из ограниченности в полноту жизни — тогда будет с чем туда войти; тогда мы войдем, и за нами войдут дела, за нами войдут молитвы, и перед нами будет шествовать любовь, которую мы родили на земле. Дай Бог, чтобы это случилось с каждым из нас! Аминь.

О делах тьмы

(Еф. 5:9-19)

В сегодняшнем чтении Послания Апостол Павел призывает нас не приобщаться бесплодным делам тьмы, но скорей их обличать; и дальше он говорит о том, как это обличение должно совершаться: Пролейте свет на дела тьмы; все, что приходит во свет, приобщается свету...

Когда мы слышим эти слова Апостола, нам думается, что мы призваны, с одной стороны, действительно отойти от всего темного, от всего, что не приносит плода

вечности: об этом и сегодняшнее Евангелие говорит так ярко и так страшно; можно богатеть земным богатством — не только материальным, но и душевным, и умом, и переживаниями, и дружбами, и всей глубиной человеческих отношений; и все-таки, если все это не имеет в себе особого качества вечности, бездонной Божией глубины — все это, как прах, распадется с нашим телесным прахом, когда слово Божие положит конец нашей жизни. Поэтому многие дела наши могут рассматриваться как бесплодные, как такие, которые не имеют той глубины, которая их сделает составной, необходимой частью вечности...

Но есть еще и другие темные, бесплодные дела; все, о чем говорит Апостол Павел, перечисляя дела плоти: злоба, ненависть, раздражение, вражда, недружелюбие — одним словом, все то, что не несет в себе хоть какой-то искры любви и вечности.

И вот он нас зовет эти дела обличать, и нам кажется, с другой стороны, что мы призваны каждый раз, как перед нами предстанет зло, открыть его перед глазами других, обличить человека, чтобы все знали, что он сотворил зло, сказал неправду, согрешил тем или иным образом против Бога и против ближнего. И в этом мы ошибаемся, потому что мы не призваны выставить на позор, на унижение нашего ближнего. Мы призваны сделать так, чтобы то зло, которое он сотворил или даже которым он продолжает жить, которое, может быть, им овладело, открылось для него как зло, чтобы он от этого зла был спасен. Конечно, попутно мы должны и других защитить от проявлений этого зла, но первая наша забота должна быть о том, чтобы человек спасся сам от того зла, которое его влечет в бездну вечной смерти, в бесплодность, что не принесет плода ни во времени, ни в вечности. И Апостол Павел нас учит, как это делать.

Христос в Евангелии говорит, что если брат наш против нас согрешит, мы должны к нему пойти и с глазу на глаз, без посторонних свидетелей, сказать ему об этом. И если мы сумеем его убедить, если сумеем раскрыть его глаза и сердце, то мы приобрели брата; тот, кто был нам врагом, стал родным; Каин стал Авелем. Если же нашего убеждения недостаточно, Христос зовет, чтобы с двумя-тремя близкими людьми мы пошли и поговорили с братом, чтобы вырвать его из этого зла. А если это не удастся — сказать Церкви; не церковной организации, а тому братству любви, которое способно взять на себя молитву и человека порой нести, как несешь крест: изнемогая под ним, со стоном, с плачем, с болью, с чувством, что этот человек — смерть наша, но что, может быть, нашей смертью этот человек оживет.

И Апостол Павел, говоря об обличении, имеет в виду не упреки человеку, не унижение его, а чтобы мы пролили свет, дабы его дела, его самого погрузить в свет, пронизать светом и он весь стал бы светлым. Но откуда нам взять этот свет? Как его мало в нас! Когда мы друг ко другу обращаемся, друг со другом общаемся — как редко мы можем излучить свет на другого человека! Как неглубоко этот свет проникает в жизнь нашу и через нашу жизнь — в жизнь других! А Христос нас именно к этому зовет, когда говорит: Пусть свет ваш так сияет перед людьми, чтобы, видя ваши добрые дела, они воздали славу Отцу вашему, Который на небесах... Тот свет, о котором Он говорит, это свет жизни, это свет любви, это вечный, божественный, нетварный свет приобщенности Христу Духом Святым; и этот свет, сияющий через нас так, чтобы мы не набрасывали нашей тени на него, должен богато проливаться на других людей, и они, пронизанные светом, просвещенные до глубин, обернулись бы к Тому, Кто есть источник того тихого Света, о Котором мы поем в вечерне и Который есть Христос.

Вот о каком обличении должны думать мы, христиане; но прежде, чем это сделать, мы должны задать себе вопрос о том, каков наш свет? Не является ли то, что мы называем в себе светом, своеобразной тьмой? И тогда неудивительно, что мы не можем другому человеку принести свет, радость, жизнь и спасение...

Вдумаемся в эти слова Христа и Апостола Павла; возлюбим свет, чтобы стать детьми света; но для этого извергнем из *своей* жизни всякую тьму, всякую бесплодность земную, которая не расцветает в вечную жизнь. И тогда, если мы подойдем к человеку темному,

омраченному, мы сможем излить на него свет Божий, или, вернее, Сам Господь светом прольется в него через нас, ставших прозрачными, нашим чистым сердцем и нашей чистой мыслью. Аминь.

Исцеление согбенной женщины

(Лк. 13:10-17) — 13 декабря 1981 г.

Исцеление Спасителем Христом в субботний день женщины, которая 18 лет была согнута болезнью, — один из многих примеров подобных исцелений именно в день субботний, то есть в день, когда по израильскому закону человеку не полагалось совершать никаких дел: полагалось отдыхать. Этот отдых был установлен как бы символом того, что в седьмой день Господь почил от дел Своих, когда сотворил мир. Этот день субботний, этот седьмой день был днем, когда человек должен был отдохнуть: то есть не только отвернуться от тех трудов, которые приносили ему наживу или были всецело обращены к земле, но собрать в себе новые силы жизни. Такое же установление было и о земле: седьмой год был годом отдыха земли; поле, которое пахали шесть лет, на седьмой год не пахали, давали ему отдохнуть, и только на восьмой год, то есть в первый год новой седмицы, его вновь вспахивали. И опять: центр тяжести этого закона в том, чтобы собрались новые жизненные силы в этот год и могли бы расцвести.

И те исключения, относящиеся к отдыху седьмого дня, которые мы находим в Ветхом Завете, именно те, которые упоминает Спаситель, направлены к тому же: в день субботний разрешалось отвязать своего осла, своего вола, вести свой скот на водопой, потому что это был день, когда *жизнь* должна была восторжествовать над трудом: не праздный отдых, а собирание жизненных сил. И Христос так часто совершает чудо в этот седьмой день, как бы подчеркивая, что в седьмой день должна вернуться жизнь, должна вернуться сила всем, кто ее утратил, всем, в ком она начинала погасать.

Но есть еще и другое значение, как мне кажется, этому чудотворению Христову в седьмой день. Когда Бог почил от дел Своих, Он не оставил сотворенную Им землю, сотворенный Им космос на произвол судьбы: Он продолжал окружать его заботой и любовью. Но конкретную заботу о земле Он вручил человеку, который принадлежит как бы двум мирам. С одной стороны, он от земли, он принадлежит всему ряду живых существ, которые Бог сотворил. А с другой стороны, человек принадлежит миру духовному; он не только создан по образу и подобию Божию, но в нем живет дух, который делает его своим и родным Самому Богу. И призвание человека было в том, как говорит святой Максим Исповедник, чтобы, будучи одновременно гражданином Царства Духа и гражданином земли, соединить землю и Небо так, чтобы земля была пронизана Божественным присутствием, пронизана была духом жизни. Седьмой день — это вся история, во главе которой должен был стоять человек, как бы путеводя весь мир в Царство Божие.

Но человек своего призвания не исполнил; он изменил и Богу, и земле, и своему ближнему; он предал землю под власть темных сил, он совершил предательство. И земля, и исторические судьбы ее, и личная судьба человека уже под властью сил зла. И когда родился Христос, единственный безгрешный, единственный подлинный, истинный Человек, Он стал средоточием истории, Он стал главой сотворенного мира, Он стал его путеводителем. И поэтому столько чудес совершается Им именно в субботний день, тот день, который есть символ всей человеческой истории. Этими чудесами Он говорит о том, что порядок подлинной истории в Нем восстановлен и Им восстанавливается везде, где человек отвернется от зла, перестанет быть предателем и войдет в труд Божий о претворении земного мира в мир небесный. Аминь.

Притча о званых на пир

(Лк. 14:16-24) — 30 декабря 1973 г.

Кончается сегодняшнее евангельское чтение очень страшными словами: Много призванных, а мало избранных... Господь, Который сотворил мир для того, чтобы поделиться с ним вечной, Божественной радостью, встречается, однако, в этом мире с холодным отказом. Он призывает всех — но избрание зависит от нас; Он всех сотворил любовью для радости и вечной жизни — но мы должны ответить любовью на любовь и войти в ту радость, которую нам предлагает Господь. И картина, которая нам дается в сегодняшнем Евангелии, такая простая и так точно описывает все состояния нашей души, все причины, по которым нам на Бога нет времени, к вечности нет интереса...

Приготовил Господь пир веры, пир вечности, пир любви, и посылает Он к тем, которых Он давно предупредил о том, что будет такой пир и чтобы они были готовы к нему. Один отвечает: Я купил клочок земли, надо мне его обозреть, надо мне им овладеть, ведь земля — моя родина; на земле я родился, на земле живу, в землю же лягу костьми — как же мне не позаботиться о том, чтобы хоть какой клочок этой земли был мой? Небо — Божие, а земля пусть будет моя... Разве и мы так не поступаем, разве мы не стараемся укорениться на земле так, чтобы уже ничто нас не поколебало, так обеспечить себя землей и на земле? И думаем, что вот-вот обеспечим себя, и придет время, когда все земное будет сделано, и тогда будет время подумать о Боге...

Но тут мы слышим и второй пример, который нам дает Господь; к другим званым гостям послал Он Своих слуг, а те ответили: Пять пар волов мы купили, надо нам их испытать — у нас есть задание на земле, у нас есть работа, мы не можем оставаться без дела: мало принадлежать земле — надо принести плод, надо за собой оставить след. Нам некогда пировать в Царстве Божием, оно слишком рано приходит со своим призывом к вечной жизни, к созерцанию Бога, к радости взаимной любви — надо на земле что-то еще закончить. Когда все будет сделано, когда останутся для Бога только жалкие остатки человеческого ума, тела, сил, способностей, тогда пусть то, что останется от земли, Он Себе берет; но сейчас дело идет о земле, родной, своей, которая плод приносит, на которой надо оставить вечный след: как будто что-нибудь останется от нас через одно-другое десятилетие после нашей смерти!

И к третьим посылает Господь, и эти Ему отвечают: В нашу жизнь вошла земная любовь; я женился — неужели мне отрываться от этой любви, чтобы вступить в царство другой любви? Да, небесная любовь просторней, глубже охватывает всех; но я не хочу этой всеобъемлющей любви, я хочу личной ласки, я хочу одного человека любить так, чтобы никто и ничто на земле не значило бы столько, сколько значит для меня это человек. Мне недосуг теперь вступать в вечные чертоги; там любовь безбрежная, всеобъемлющая, вечная, Божия — а здесь любовь по масштабу моего человеческого сердца: оставь меня, Господи, насладиться моей земной любовью, и когда ничего больше не останется, тогда прими меня в чертоги Твоей любви...

И мы так поступаем; мы себе на земле находим труд такой неотложный, что для Божьего дела, для жизни с Богом времени нет. И мы такую любовь находим себе на земле, что до Божией любви нет дела... "Вот придет смерть — тогда успеем": это все тот же самый ответ на Божию любовь. Он говорит: Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; все дам — любовь дам: встретитесь вы, люди Божии, встретитесь лицом к лицу — и не так, как на земле, туманно друг друга видя, не понимая друг друга, недоумевая, рая один другого. Встанете в Царстве Божием — и все будет прозрачно: и понимание ума, и ведение сердца, и стремление воли, и любовь; все будет, как хрусталь, ясно... А мы отвечаем: Нет, Господи, на это будет свое время; дай исчерпать землю, на которой мы живем... И черпаем, и живем, и кончается тем, что, по слову Божию в Ветхом Завете, дав нам все, что она только могла дать, земля обратно берет все, что она сама дала и что Господь дал: Ты земля, и в землю отыдешь... И тогда купленное поле делается могильным полем, тогда труд, который нас оторвал от Бога, от живых отношений с людьми, от живого отношения с Богом, рассеивается даже и в памяти людей; когда мы станем в вечности, тогда земная любовь, которая казалась так велика,

представляется нам узкой тюремной кельей... Но ради всего этого мы сказали Богу: Нет! Не Тебя, Господи, — землю, труд, любовь земную хотим мы пережить до конца!

Мало избранных не потому, что Бог строго выбирает, не потому, что Он мало кого находит достойным Себя, а потому, что мало кто находит *Бога* достойным того, чтобы поступиться клочком земли, часом труда, мгновением ласки... Много призванных — все мы призваны: кто же из нас отзовется? Достаточно на любовь ответить любовью, чтобы войти в пир веры, в пир вечности, в жизнь. Неужели мы не ответим на Божию любовь одним словом: *Люблю Тебя, Господи!*. Аминь.

Десять прокаженных

(Лк. 17:12-19) — 15 декабря 1968 г.

Я хочу обратить ваше внимание на три черты сегодняшнего евангельского чтения. Первая — это то, как прокаженные подошли ко Христу; они стали, как говорит Евангелие, вдали; они знали, что они оскверненные, они знали, что прикосновение к ним опасно, и даже ради того, чтобы получить исцеление, они не дерзнули других подвергнуть опасности осквернения и заразы.

В области молитвы очень редко мы *так* сознаем свое духовное состояние, что согласны остановиться в каком-то отдалении от Господа. Мы знаем, что в Царство Небесное ничто нечистое не войдет, и однако, как только в нас рождается нужда, тоска, сознание нашей неизбывной нужды в Боге, мы сразу дерзаем подойти и думаем, что имеем право на вход, право подойти к Богу, право быть пропущенными всеми другими, потому что нам что-то нужно. А на самом деле это показывает, насколько мало мы сознаем, как страшно подойти к совершенной чистоте, будучи самому в нечистоте... *Как* страшно и трепетно должны бы мы приближаться! Как часто, когда Господь делает шаг к нам, мы должны бы, подобно Петру, Ему сказать: Не подходи, Господи, я человек нечистый... Подумаем об этом.

Второе: прокаженные потому могли подойти ко Христу, что они верили не только в Его мощь, в Его власть, но и в Его любовь. Они верили, что Он *захочет* им помочь и что только Он может это сделать... И это вопрос, который перед каждым из нас стоит, когда мы становимся на молитву: верим ли мы на самом деле, всерьез, что Бог нам хочет добра? Верим ли мы в любовь Божию или же подходим к Нему, зная, что Он может, и думая: А может быть, Он не захочет?. И в этом сказывается наше глубинное к Нему недоверие, потому что во все внешнее мы верим, а в любовь не верим — ни в человеческую, ни в Божию. И поэтому то, что кажется нам верой, когда мы к Богу бросаемся, расталкивая иногда других, в надежде: вот, я к Нему прикоснусь, вот, я у Него вытребую — эта вера разбивается о более глубинное недоверие, которое не дает нам ни встать поодаль, ни быть уверенным в том, что любви у Бога и на нас хватит...

И последнее — благодарность. Десять прокаженных были очищены — только один вернулся ко Христу, благодаря Бога. Девять других, очистившись, вмешались в человеческую толпу, а ко Христу не вернулись. Вернулся только один, притом самарянин, то есть человек чужой, внешний, даже с религиозной точки зрения, ибо между ним и Богом, между ним и Христом не было ничего общего. Он знал, что по своему положению прокаженного, по своему отчуждению от веры, которую исповедует Сам Христос, он ни на что не имеет права, и поэтому, получив исцеление, он вернулся к Нему: потому что никакие права, никакой общественный строй не соединял его с Господом и не отделял его от Него. И Христос подчеркивает, что он поступил правильно.

Действительно, мы часто думаем, что плод молитвы в том, чтобы получить просимое; это не так: просимое, то, что мы получаем, нам нужно только в момент, когда мы получаем, но через час мы уже исчерпали свою нужду, и нам нужно уже что-то иное. На основании, которое было положено Божией милостью, мы можем начать строить другое. Получение просимого — это мгновение; а единственное, что пребывает, что составляет между нами и Богом, Который к нам милостив, или людьми, которые к нам

добры, единственное, что составляет нечто окончательное, окончательно пребывающую связь — это благодарность. Когда получение добра, милости, любви воплотилось в нас благодарностью, то между нами и тем, кто дал, навсегда остается связь. Мы уже от него неотделимы. И это — самый богатый плод молитвы, чтобы между тем, кто дал, и тем, кто получил, на веки веков осталась связь любви, благодарности и взаимной радости.

Вот, поучимся в этом коротком евангельском чтении всему, что оно может дать, ибо то, что оно нам может дать — насущно для нашей внутренней жизни. Аминь.

Богатый законник

(Лк. 18:18-27) — 14 декабря 1969 г.

Прочитанный сегодня отрывок из Евангелия приобретает особенную ясность и выпуклость, если вспомнить, что разговор между законником или юношей, спрашивающим о вечной жизни, и Христом последовал сразу же за тем, как Христос сказал, кто именно войдет в Царство Небесное, кто унаследует вечную жизнь.

Только что подходили ко Христу дети, толпясь вокруг Него, и ученики их отгоняли, и Христос, обращаясь к ученикам, сказал: Не мешайте им подходить ко Мне, потому что таких есть Царство Небесное, и если не станете как дети, не войдете в него... И тут же кто-то возвысил голос и спросил: Что мне сделать, чтобы наследовать жизнь вечную?. Казалось бы, все сказано Христом, и вот в этом-то первый грех этого человека. Только что он слышал ответ, но уже ищет повода, случая или способа обойти ту заповедь, которая сейчас была дана Христом.

Не так ли и мы поступаем постоянно? Мы слышим, но тут же спрашиваем, в надежде, что нам будет сказано что-нибудь другое, более подходящее к нашему желанию. А слова Христовы, сказанные ученикам, действительно являются как бы опровержением разговора с вопрошающим Его: вопрошающий хочет узнать, как войти в вечную жизнь. Христос еще раз, лишней раз отсылает его к Ветхому Завету: Выполни заповеди. "Все я исполнил, — говорит законник, — во всем перед Богом прав, во всем прав перед людьми". Ни в чем его не упрекает совесть. О чем же он тогда спрашивает? Он спрашивает, потому что совесть-то его все же знает, что он оправдывается только законом, но что за законом стоит гораздо более глубокая правда, чем простое исполнение его. Надо войти в его дух, а дух закона — любовь, которая расцветает в Евангелии.

И еще Христос ему говорит: Если ты все это исполнил, тебе одного недостает: отдай все свое богатство и иди за Мною... Этот законник богат материально, но еще более он богат сознанием своей добродетели. Он исполнил все, что нужно перед Богом, выполнил все, что его оправдывает перед людьми и делает достойным уважения и чести: он этим богат. И вот если он от этого богатства не отойдет, не войдет он в Царство Небесное.

И тут встает образ детей, о которых перед тем говорилось; какая разница между детьми и вопрошающим человеком? Разница в том, что ребенок не ссылается на свое богатство, не кичится своей добродетелью, не знает, что он имеет право и заслуживает Царство Божие. Ребенок беспомощен, ребенок бессилен, он ни на что не рассчитывает по своему крайнему бессилию и беззащитности своей, кроме как на милость, на любовь, на жалость и на ласку.

Да, таких есть Царство Божие, потому что Царство Божие — это царство взаимной любви. Те, которые ни на что не могут рассчитывать, кроме любви, перед теми действительно открывается Божие Царство. Но тем, которые думают войти в него по каким-то правам, оно закрыто, потому что это не царство прав, не царство закона, а Царство даром: Царство милости, даруемой по любви. Богатому не войти в Царство Божие; тому, кто думает, что он с собой несет свое оправдание и свои права, нет пути в него. Но тот, кто придет, зная, что он ничего не заслужил, что он ни на что не имеет права, и ожидает быть встреченным по любви, верит в любовь, рассчитывает на нее как на единственное свое спасение, тот уже опытом своим в Царстве Божиим.

Вот этому нам надо научиться: забыть про права, забыть про богатство, обнищать духом до конца, чтобы быть до конца беспомощным, до конца беззащитным, до конца зависимым от любви, которую мы и даем и получаем. И тогда Царство Божие действительно вселится в наши души и распространится вокруг нас.

5. Праздники Господские

Воскресенье святых праотцев

(24 декабря 1978 г.)

Среди святых, память которых мы совершаем за две недели до Рождества Христова, мне хочется обратить ваше внимание на имена святого пророка Даниила и тех трех отроков, которые были брошены в печь огненную за их отказ поклониться идолам.

О пророке Данииле хочу сказать только одно: он был брошен на растерзание диким зверям за то, что отказался хоть один день остаться без молитвы; он отказался спасти свою жизнь ценой того, что столько людей и так легко делают изо дня в день: не поклониться Богу, не восхвалить Его имя, не выразить Ему свою преданность, не вознести заступническую молитву печальника о людях перед Престолом Божиим он счел невозможным даже ради того, чтобы спасти свою жизнь. Над этим нам стоит задуматься...

Об отроках, которые были брошены в печь огненную, я хочу сказать две вещи: первое — они тоже оказались готовы скорее быть сожженными заживо, чем поклониться идолу, статуе царя, образу земной власти, и по приказу отступить от Бога для того, чтобы служить другим ценностям — земным. Разве не именно это делаем мы изо дня в день, подчиняясь всякому повелению, служа всем земным ценностям, предпочитая безопасную жизнь опасности быть Божиим человеком?

А второе: каждому откровению о святости людской, о величии человеческого духа, о безграничной преданности Богу людей, подобных нам, всегда сопутствует некое откровение о Самом Боге. И вот эти три отрока отказались поклониться идолу и были брошены в печь огненную, так страшно разожженную, что она издали обжигала подходящих к ней; и царь-мучитель решил посмотреть, как они страдают; и он подошел как можно ближе к этой печи; и обратился он к своим советникам: Не трех ли людей в цепях бросили мы в эту печь? Каким же это образом я вижу там четырех, движущихся свободно, и один из них — Сын Божий?. В ответ на верность этих трех отроков Христос Спаситель сошел к ним еще до Воплощения, в сиянии Своего Божества, и в образе человеческом освободил их от уз, спас от смерти и прославил их перед лицом царя-мучителя и его клеветов.

Вот что нам говорит о Боге это событие: там, где горит страдание, там, где пламенеет искушение, там, где *ужас* смерти охватывает людей — Бог в их среде, не чужой, не призывающий их, как бы извне, к терпению, которого Он Сам не проявил бы, не спасающий извне, без участия в их страдании. Наш Бог сошел в нашу среду, Он приобщился всему, что составляет человеческую судьбу; огненное искушение и испытание Он пережил и устоял; и среди огненного испытания Он дает свободу тем, которые остаются с Ним. В самые глубины человеческого ада Он сошел, и там возвестил свободу и победу Божию, и новую жизнь людям.

Разве пред таким Богом можно не поклониться? Разве можно Ему отказаться служить? Разве можно предпочесть какие-либо другие ценности, чем ценности Божии, Христовы на земле, и отдаться другой власти, чем власти Христовой?

Подумаем и об этом: идет на нас день Рождества Христова — как мы Его примем? В этот день Он сходит на землю, вступает в ограничение твари, вступает в уродство падшего мира, углубляется в ад греха, оставаясь безгрешным, — и все по любви к нам...

Найдется ли в нас великодушие ответить любовью на любовь, найдется ли в нас мужество, как у Даниила и отроков еврейских и несметного числа святых, ответить на Его призыв стать *Божьими* людьми? Когда мы вглядываемся в списки святых, как поражают такие слова: святой такой-то — с женой и двумя детьми; такой-то — с братом и таким-то

числом друзей... И эти друзья, и эти братья, и эти жены насчитываются тысячами и тысячами; они были, как мы, хрупки, они тоже боялись боли, они тоже хотели жить. Но они предпочли верность любви предательству — предательству в малом, и поэтому оказались способными быть верными во многом.

Начнем и мы с малого: будем верны Богу во всем том, что доступно нашим малым силам, и вырастем мы в меру тех людей, которые во многом оказались верны и вошли в радость, в славу Господа своего. Аминь.

Воскресенье святых праотцев (Мф. 1:1-25)

(6 января 1974 г.)

В преддверии Рождества Христова, когда мы ожидаем увидеть воочию воплощение Сына Божия, как трогательно и как вдумчиво Церковь вспоминает всех тех, которые свою плоть, свою жизнь дали, чтобы родился Спаситель.

Сегодня праздник предков Господних. Каждый из нас несет в своем теле, в своей душе все прошлое человеческого рода: и Христос, приобщившийся человечеству, не явился новым человеком, которого бы заново сотворил Бог. Он воспринял Свою человечность от тысячелетней, может быть, многомиллионной годами истории человеческого рода. В Его теле, в Его человечестве жили все те, которые жили когда-то на земле до Него.

Таким же образом в нашем теле, в нашей душе живет все прошлое человечества. И Христос соединился с человеческим родом, не избрав в нем праведников или только святых, достойных встречи с Богом, — для которой слов нет, так она изумительна, так она превосходит всякое воображение; в Нем живет человечество и праведное, и грешное.

В ряду имен, которые мы сегодня слышали и из которых некоторые памятливы нам своей святостью, есть имена, памятливы Ветхому Завету грехом. Но это все были люди, которые пробивались через грех, пробивались через человеческую немощь, через потемнение сердца, через восстание плоти, через бушевание истории и жизни вокруг них, пробивались к Богу, искали света, искали правды, искали святости, даже если не хватало сил осуществить свою мечту.

И с ними поистине был Бог, Который ни от какого грешника не отходит, Которого не пугает никакая неправда, Который может казаться нам далеким, только когда мы холодностью, безразличием не хотим Его знать... Но и тогда Он не отходит. Он остается таким же близким, хотя и скорбно, крестно близким к нам.

И вот, вспоминая сегодня все прошлое человечества, всех этих людей, которые из тысячелетия в тысячелетие соткали плоть и человечество Христа, вспомним их благоговейной, благодарной мыслью; и вспомним всех тех, которые были нашими предками, знакомых нами и неизвестных, тех, о которых радуется сердце, или тех, которых, может быть, стыдится наша гордыня, — вспомним всех.

Своей человеческой святостью Христос оправдал всех тех, кто был плотью и кровью Его, — и каждый из нас призван подвигом жизни, творением и борьбой, через победы и поражения, идя к Богоотданности, идя к святости, то есть посвященности всего себя Богу, не только себя спасти, оправдать не только свое временное существование на земле, но оправдать жизнь тысячелетий, живущих в нашей плоти и в нашей душе.

И всякий, кто пробивается к святости, всякий, кто делается храмом Святого Духа, кто действительно так соединяется со Христом, что становится частицей Его святейшего, пречистого Тела, всякий, кто делается сыном или дочерью Живого Бога, спасает, оправдывает, прославляет, осмысливает жизнь и судьбу всех тех, чьим наследником он является в своем человечестве.

Поэтому вдумаясь в это родословие Христа, взглянемся в эти имена: это все были живые люди, люди плоти и крови, трепетные перед жизнью, порой измученные, а порой — ликующие и торжествующие, и все они живут в чуде Христовой человечности и Христова человечества.

И в нас живет прошлое. Христос все прошлое этой родословной так освятил, что все без остатка стали своими, родными Богу, родными в самом сильном смысле слова. И мы можем своей жизнью, трудом, подвигом, устремленностью к Богу, тоской по Нему, борьбой за Него, за Его победу в нас, осмыслить и оправдать все прошлое нашего рода и его принести Богу как дар, и став сами Ему родными, сделать Ему родными также и тех, которые порой Его не знали, а порой, зная, от Него отступали грехом, неверностью сердца и жизни.

Как это дивно, какое это может дать нам вдохновение к жизни! Не для себя мы живем, даже не только для ближнего, для любимых, даже не для врагов, а для всего человечества, а за ним — для всей судьбы вселенной. Слава Богу, что Он так нам верит и такую великую и дивную судьбу вверяет нам! Аминь.

Родословная Иисуса Христа. Воскресенье перед Рождеством (Мф. 1:1-25)

(3 января 1988 г.)

Каждый год в воскресенье перед Рождеством Христовым на литургии читается "Книга родства" Иисуса Христа. И годами я задавал себе вопрос: зачем? Почему надо вычитывать все эти имена, которые так мало значат для нас или вообще ничего нам не говорят? А потом, постепенно мне стало яснее, зачем нужно это чтение.

Прежде всего, эти люди — семья Господа Иисуса Христа, которой Он принадлежит по Своему человечеству; все они — Его родственники. И этого уже достаточно, чтобы эти имена были для нас значительны: Христос одной с ними крови, Христос — член этой семьи. О Божией Матери каждый из этих людей может сказать: Она рождена в этой семье, Она дочь нашего рода; и о Христе: Он тоже рожден в нашей семье, хотя Он Бог наш, наш Спаситель, присутствие Самого Божества среди нас.

Кроме того, некоторые имена выделяются в этом ряду: имена святых, подвижников духа, и имена грешников.

Святые могли бы научить нас тому, что означает вера: не просто умственное убеждение, мировоззрение, которое совпадает, в какой-то доступной нам мере, с тем, как Бог видит вещи, но такая вера, которая есть всецелое доверие Богу, беспредельная верность Ему, и ради того, что мы знаем о Боге, готовность жизнь отдать за то, что Ему дорого, за то, что Он есть, что Он Собой представляет.

Вспомните Авраама, вера которого подверглась предельному испытанию. Как нам *трудно* бывает отрешиться ради Бога от чего-то "своего"; а ведь Аврааму было предъявлено требование принести в кровавую жертву собственного ребенка, и он не усомнился в Боге. А Исаак? Он подчинился без сопротивления, в совершенном, доверчивом послушании отцу, а через него — Богу.

Мы можем тоже вспомнить борьбу Иакова с Ангелом, во тьме, подобно тому, как мы подчас боремся в ночной тьме, или во мраке сомнений, во мраке, который иногда охватывает нас со всех сторон, и мы боремся за то, чтобы сохранить нашу веру, за то, чтобы не потерять своей цельности, чтобы не нарушить верности.

Но мы можем тоже научиться чему-то и от тех, которые вошли в историю и известны нам из Священного Писания как грешники. Они были хрупкими, хрупкость одолевала их; у них не хватало сил противостоять влечениям тела и души, всему переплетению человеческих страстей. И одновременно они верили в Бога всем порывом своей страстности. Один из таких грешников — царь Давид, и он с такой силой выразил это в одном из своих псалмов: *Из глубины воззвах к Тебе, Господи!* Из глубины отчаяния, из глубины стыда, из глубины отчуждения от Бога, из самых темных глубин своей души он все же к Богу обращается со своим воплем. Он не прячется от Бога, он не бежит *от* Него, но бежит *к* Нему с отчаянным криком отчаявшегося человека... С такой же конкретной реальностью выступают в Библии и другие мужчины и женщины: Раав-блудница, и столько, столько других.

И вот, когда *мы* проходим через самые мрачные низины своей жизни, когда мы окутаны всем мраком, который клубится внутри нас — обращаемся ли *мы* к Богу из глубин этого мрака, чтобы сказать Ему: *К Тебе*, Господи, воззвах! К Тебе рвется мой крик души... Да, я во мраке; но Ты — мой Бог. Ты Бог, создавший и свет, и тьму, и Ты пребываешь и в этом мраке, как пребываешь и в ослепительном свете: Ты и в смерти, Ты и в жизни, Ты во аде еси, Ты и на Престоле. И где бы я ни находился, я могу взывать к Тебе...

И затем еще последнее, над чем нам надо задуматься. Для нас это только имена; о некоторых мы немного знаем из Священного Писания, о других не знаем ничего. Но все они — конкретные люди, мужчины и женщины, подобные нам во всей нашей хрупкости и со всей нашей надеждой, нашей колеблющейся волей и их колебаниями, со всей зачаточной любовью, так часто потемненной, но которая, хоть в зачатке, — огонь и свет. Это люди конкретные, реальные; мы можем читать их имена с чувством, что — да, я не знаю тебя, но ты одна, ты один из тех людей, которые составляют человеческую семью Христа, конкретную, реальную; и несмотря на все превратности жизни, внутренние и внешние, ты принадлежишь Богу... И в конкретных обстоятельствах нашей жизни, хрупки мы или крепки в данную минуту, мы можем пытаться научиться быть Божьими собственными людьми.

Поэтому задумаемся над этой родословной, и в следующий раз, когда прозвучит этот перечень имен, услышим его с искрой радости, с теплым сердечным чувством. Но мы сумеем отозваться на него сердечным теплом только в ту меру, в какую Христос будет становиться для нас все более и более реальным, и в Нем, через Него мы обнаружим, что все они — реальные, живые люди, родные нам и родные Богу. Аминь.

Рождество Христово

(1970 г.)

Рождество Христово, которое мы сегодня празднуем с такой легкостью сердца, с такой благодарностью и радостью, заслуживает внимания не только нас, людей, но и всей твари, потому что это Рождество Христово, воплощение Слова Божия, принесло нам *небывалую*, непостижимую, новую весть как о Боге, так и о человеке и обо всей твари.

Бог, во Христе, явился нам *небывалым* и непостижимым образом. Языческие народы могли себе представить Бога великого, Бога небесного, как бы воплощающего все великое, величественное, дивное, о чем человек может мечтать на земле. Но *только* Бог мог открыться человеку, каким Он открылся в воплощении Христовом: Бог стал одним из нас. Но не в славе, а в немощи; беспомощным и обездоленным; уязвимым и как будто побежденным; презренным для всех, кто верит только в силу и в земное величие. В эту первую ночь, когда Бог стал человеком, когда *Самый Живой Бог* обитал плотью среди нас на земле, Он приобщился к самой тяжелой человеческой обездоленности. *Никто* не принял Его Мать под кров свой; *все* сочли Его чужим, все отослали Его на далекий, бесконечный путь, который простирался перед странниками без крова и без привета. И они пошли — и в эту первую ночь Христос приобщился всем тем, которые из века в век проходят через жизнь и телесно, и духовно отброшенными, презренными, нежеланными, исключенными из человеческого общества. А таких людей в истории человечества — *несметное* количество. И по сей день — увы! — в больших городах и на просторах земных сколько таких людей, которым *некуда* пойти, которых никто не ждет, о которых *никто* не вздыхает, которым *никто* не готов открыть свой дом, потому что они чужие или потому что страшно приобщиться судьбе людей, обездоленных не только несчастьем, но человеческой *злостью*: ставших чужими, потому что *люди*, другие люди из своего сердца и из своей судьбы их исключили. Одиночество — страшное, жгучее, убийственное одиночество, которое сдает сердца стольких людей, было долей Пречистой Девы Богородицы, Иосифа Обручника и только что родившегося Христа. Он был чужой, никем не желанный, исключенный и выброшенный. Это — начало пути Его; и на этом пути Он

приобщился, как я сказал, *всем*, кто *так* живет и в *наше* время, чужим среди людей, которые должны быть для них братьями; презренны они, побеждены — подлостью, трусостью и злобой человеческой. Уязвимы они по хрупкости своей, по беззащитности своей. *Наше* дело, христиан, увидеть в них образ Того Бога, Которого мы благоговейно сегодня чтим, и *таких* принять, как мы приняли бы теперь Христа, если бы Он явился перед нами обездоленным, уязвимым, беспомощным, презренным, ненавидимым, гонимым...

Вот каким явился перед нами Бог, потому что Он захотел стать одним из *нас*, чтобы ни один человек на земле не стыдился своего Бога: будто Бог так велик, так далек, что к Нему приступа нет. Он стал *одним из нас* в нашем унижении и в обездоленности нашей; и Он не постыдился нас, "стал как мы все", не только по материальной, земной, физической обездоленности, не только по душевной оставленности любовью людской, но потому, что Он сроднился — через Свою любовь, через Свое понимание, через Свое прощение и милосердие, — Он сроднился и с теми, которых другие от себя отталкивали, потому что те были *грешниками*. Он пришел не праведных, Он пришел грешников возлюбить и взискать. Он пришел для того, чтобы ни один человек, который потерял к себе самому уважение, не мог подумать, что Бог потерял уважение к нему, что больше Бог в нем не видит кого-то достойного Своей любви. Христос стал Человеком для того, чтобы все мы, *все без остатка*, включая тех, которые в *себя* потеряли всякую веру, знали, что Бог верит в нас, верит в нас в нашем падении, верит в нас, когда мы изверились друг во друге и в себе, верит так, что не боится стать одним из нас. Бог в нас верит, Бог стоит стражем нашего человеческого достоинства. Бог — *хранитель нашей чести*, и ради того, чтобы мы могли в это поверить, это увидеть воочию, наш Бог становится обездоленным, беспомощным Человеком. Только те, которые верят в силу и ни во что иное, только те, которые верят в свою праведность, не найдут пути к Нему, пока не покаются, пока не увидят, что смирение, любовь, жалость, милосердие — закон жизни.

Но во Христе не только явился нам Бог с Его любовью, верой в нас, как страж нашего достоинства, как блюститель нашей правды — Он явил нам величие человека. Если Бог мог сущностно стать Человеком, неужели мы не понимаем, как *велик* человек? Неужели не понимаем: человек *так* велик, что Бог может стать Человеком и человек остается собой? И что так велика тварь, которую Бог призвал к бытию, что человек может вместить в себя Бога? И что вещество, наша *плоть*, наша *кровь*, *кость* наша, всё вещество наше способно быть Богоносным, соединиться с Божеством и остаться собой? И явиться нам в славе, величии, которого мы не видим, но которое видит Бог, ради которого Он нас сотворил и все сотворил?

Всмотримся в этот образ Воплощения: Христос нам явил смирение и любовь Божию, веру Божию во всю тварь, в нас, грешников, падших, и нам явил одновременно, *как* мы можем быть велики и как глубока, *бездонно* глубока тварь Господня. Вот с этой верой мы можем жить, можем становиться людьми во всю меру Христова воплощения, и рассматривать мир, в котором мы живем, не только как мертвый материал, а как то, что призвано стать в конце концов как бы видимым одеянием Божества, когда Бог станет всем во всем.

Какая слава, какая радость и надежда! Воспоем с благоговением, любовью и трепетом Воплощение Христово; оно для нас жизнь вечная уже на земле, и оно — слава всего тварного в вечности на небеси. Аминь!

Рождество Христово

(1974 г.)

Христос в Евангелии Своим, говоря о самом великом, что может сделать человек, о самой высокой мере, до которой он может вырасти, дал нам заповедь любви: Никто большей любви не имеет, как тот, который душу свою положит за друзей своих... И вот, в

эту таинственную рождественскую ночь, Сам Господь и Бог наш воплощением Своим исполнил этот закон победоносной жизни и любви.

Мы рождаемся во временную, преходящую жизнь, из ничего возникаем державным творческим словом Живого Бога, и через это временное пребывание становимся причастниками вечности и входим в жизнь вечную. Господь же и Бог наш, воплощением Своим, из полноты бытия, из торжествующей полноты жизни входит в область смерти; из полноты нетварного бытия Он заключается в узкие, подлинно тюремные рамки падшего мира; будучи вечным, рождается во времени, чтобы в этом мире, узком, тесном, оторванном от Бога, жить, показывая нам пример того, как изо дня в день можно отдавать жизнь за своих друзей, и умирает, показывая нам, что и смертью можно явить торжество жизни.

Одна из древних греческих икон представляет нам ясли Вифлеемские не в виде трогательных яслей, а в виде жертвенника, сложенного из камней, на которых лежит ребенок, предназначенный к смерти; но не к случайной, бессмысленной, бесцельной смерти, а к смерти жертвы, которая осмысленно, свободно приносится Богу во очищение грехов, ради победы над самой смертью, для соединения Неба и земли, для соединения отпавшей твари и Живого, любящего Бога.

Сегодня вечный Бог рождается во время. Бесплотный облекается плотью. Тот, Кто за пределами смерти, входит в область смерти; сегодня начинается крестный путь Господень; сегодня является нам жертвенная, крестная божественная Любовь. Сегодня ясли Вифлеемские предзнаменуют нам ту пещеру, куда будет положен Господь наш Иисус Христос, снятый со креста после мучительной смерти... И весь путь жизни Господней является ничем иным, как исполнением этой заповеди о любви, которая не знает ни границ, ни предела, о той любви, которая свою жизнь отдает за друзей своих.

Но за друзей ли одних? Кто был другом Господним, когда Он родился, кто дал приют Матери, ожидающей Ребенка, и сопровождающему их Иосифу? Выкинутые из человеческого селения, они нашли себе обиталище только среди зверей; и так в течение всей жизни Христовой; когда в завершение Его пути израильский народ, человечество, исключит Его из града людей, останется Ему только умереть одинокой смертью на Голгофской горе. Путь, начатый Господом "ради друзей своих", есть путь любви — но *кто такие* эти друзья? Враги — это не те, кто нас ненавидит; это те, которых мы, по безумию, по слепоте сердца и потемнению ума, называем врагами; Христос врагов не знал. Все люди, которых державное творческое слово Божие призвало к бытию, были Его братья и сестры, были возлюбленные Божии дети, которые потеряли свой путь и которых Он пришел взыскать.

Он Сам дал нам образ, когда сказал, что добрый пастырь оставляет девяносто девять овец, чтобы идти на розыски одной заблудившейся, потерянной овцы. Так и по отношению к нам: тех людей, которые называют себя врагами Христа, *Христос* признаёт за Своих братьев и сестер, за детей Живого Бога, Чьим Сыном Он является. Он врагов не знает, для Него нет врагов; и поэтому за всех и ради всех Он становится человеком, за всех и *ради* всех Он живет изо дня в день, отдавая все силы тела и души; и, наконец, за всех и ради всех, после Страстной седмицы, после страшной Гефсиманской ночи, после издевательств, поруганий, после того, как Он был предан близким учеником, оставлен другими, Христос умирает на кресте *за* всех и *ради* всех... И если мы — Христовы, то мы должны научиться в сегодняшнюю торжественную ночь этому Христову пути; *сегодня* можем мы покаянием, то есть переменной мысли и сердца, войти в путь Христов, можем новыми глазами осмотреться и с изумлением увидеть, что нет у нас врагов, а есть только дети Божии заблудшие, к которым нас посылает Господь жить и, если нужно, умирать, чтобы они ожили во веки веков.

Вот о чем говорят нам жизнь и смерть Христовы, вот о чем нам говорит сегодня Рождество — то есть рождение Живого Бога человеческой плотью. Оно такое таинственное: казалось бы, мы видим своего Бога, мы можем держать Его благоговейно и

трепетно в своих объятиях. Но в этом Воплощении нам открывается Бог *более* таинственный, чем Бог небесный, непостижимый человеческому уму, а только чаемый человеческим сердцем, потому что в этом Младенце таится вся полнота невидимого, непостижимого Бога. Прикасаясь Ребенку, рожденному в Вифлееме, мы с ужасом познаём, что Он — Живой Бог, ставший живым Человеком нас ради; мера любви Божией к каждому из нас, к последнему грешнику и к самому святому праведнику — это жизнь и смерть Сына Божия, ставшего Сыном Человеческим...

Разве мы не обернемся к *каждому*, кто вокруг нас, с подобной любовью, разве мы *можем* перед лицом Воплощения Христова иначе отнестись к людям, чем Сам Бог, ставший Человеком? Заповедь новую Он нам дает, новую тем, что не только Он нас призывает любить, но призывает любить и друзей и врагов, призывает любить *всех, и такой* мерой любви, которая называется "положить жизнь свою за друзей своих"; признать друзьями тех, кто тебя другом не признаёт, жить для них изо дня в день, а если нужно — ради них умереть, с последней молитвой на устах: Господи, прости им — они не знают, что творят! Аминь.

Рождество Христово

(1979 г.)

Около двух тысяч лет назад, в такую же ночь, как сегодняшняя, Божественная любовь вошла в мир в образе новорожденного Ребенка, со всей его хрупкостью, беззащитностью, которая *поистине* является образом любви, себя отдающей, никогда себя не защищающей, все дающей, на все надеющейся...

Один из современных наших духовников, отец Софроний, пишет: "Откровение о Боге говорит: Бог есть любовь, Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы; и как трудно людям согласиться с этим..." Трудно, потому что и наша личная жизнь, и окружающая нас жизнь всего мира свидетельствуют, скорее, об обратном. На самом деле: где же тот свет Любви Отчей, если все мы, подходя к концу своей жизни, вместе с Иовом, в горечи сердца сознаем: Лучшие думы мои, достояние сердца моего — разбиты, дни мои прошли, преисподняя станет домом моим — где же, после этого, надежда моя? И то, что от юности тайно, но сильно искало сердце мое — *кто* увидит?. И вот жадно ищет душа встречи с Богом, чтобы сказать Ему: Зачем Ты дал мне жизнь? Я пресыщен страданиями, тьма вокруг меня; зачем Ты скрываешься от меня? Я знаю, что Ты благ, но почему, почему Ты так безразличен к страданию моему? Я не могу Тебя понять...

Разве не подымается этот крик со всей земли нашей, холодной, осиротелой, полной страха, и горечи, и боли? И какой же ответ дает Бог на это вопрошание, на эту тоску?. Вот пример того, что говорит и как говорит Господь, из той же книги отца Софрония о Старце Силуане: "Жил на земле человек, муж гигантской силы духа; он долго молился с неудержимым плачем: Помилуй мя!. Но не слушал его Бог. Прошло много месяцев такой молитвы, и силы души его истощились; он дошел до отчаяния и воскликнул: *Ты неумолим!*. И когда с этими словами в его изнемогшей от отчаяния душе еще что-то надорвалось, он вдруг, на мгновение увидел живого Христа. Огонь исполнил сердце его и все тело с такой силой, что, если бы видение продолжалось еще мгновение, он умер бы. После этого он уже *никогда* не мог забыть невыразимо кроткий, беспредельно любящий, радостный, непостижимого мира исполненный взгляд Христа, и последующие долгие годы своей жизни неустанно свидетельствовал, что Бог есть любовь, любовь безмерная, непостижимая..."

И эта любовь — не чувство, не доброе отношение Божие к нам: это Сам Бог, пришедший в мир плотью новорожденного Христа. Он создал мир по любви; Он создал мир, чтобы разделить с ним ту ликующую, торжествующую жизнь, которая называется любовью и которая доходит до такого напряжения, до такой полноты, что она уже за пределом всякого ограничения, всякого умаления. Она отдает себя, забывая все, кроме

любимого, дает, как будто, в незащитности, в хрупкости, подобной этой плоти Ребенка, родившегося в Вифлееме. И вызывает к нам Господь: *Отзовитесь!*

Но чем мы отзовемся? В евангельском рассказе говорится о том, как волхвы пришли с востока со своими дарами; но куда нам прийти, и откуда? Они пришли издали, из того места, где не было Христа; и мы можем сейчас устремиться ко Христу, вездесущему, воскресшему, все победившему, из ночи, из тьмы собственной души. Сколько нас, кому темно, сколько нас, кто в потемках; вот из этих потемок пойдем к свету. А свет — это любовь. Из мрака злобы — пойдем к любви! Из греха — пойдем к любви, всепрощающей, исцеляющей! Из холода жизни — пойдем к любви, которая может согреть душу и все изменить в жизни! Из серой скудости житейской — пойдем к любви, потому что где есть любовь, там свет и радость, там нет великого и мелкого, но *все* велико, потому что все может стать знаком любви!

И Господь зовет нас верить в себя. Вспомните дары этих волхвов. Принесли они золото: в темных недрах заключена его сверкающая слава, звонкая полноточность, нержавеющая чистота. И в *каждом* из нас есть эта слава, которая рвется к свету, и нержавеющая чистота души, которая способна на великое — только дали бы ей свободу любить без страха, любить от всей силы мощной души! Золото, о котором здесь говорится, это преображенная земля; откроем темные недра наши, в которых таится сияние света, и пойдем к свету!

Ладан принесли волхвы, который возносится и благоухает: принесем любовь, которая не только светом, не только нержавеющей своей чистотой сияет, славой блестит, но которая по всей земле распространится, как благоухание, лаской, любовью, теплотой...

Но и смиру принесли волхвы, как приносят мертвецу; Христос, бессмертный Бог, родился не для того, чтобы жить, подобно нам, а для того, чтобы умереть, подобно нам; жить *нашей* смертной жизнью для того, чтобы мы могли войти в Его бессмертную, торжествующую, ликующую вечность...

Кто хочет идти по Мне, да отвержется себя, да забудет о себе, да вспомнит только о том, что тысячи вокруг нуждаются в любви. Никто большей любви не имеет, как тот, кто свою жизнь отдаст; а отдать жизнь — это не обязательно умереть, это каждое мгновение жизни посвятить любви, творческой, зрячей, умной, смелой любви; любви, которая дает; любви, которая не защищает своего; любви, которая *себя* не защищает, не замыкается... Сила Божия в немощи совершается: нам не надо бояться любить — отдадим себя до конца, и тогда весть о родившемся сегодня Христе станет реальностью не только в нашей жизни, но в жизни миллионов людей — светом, теплом, радостью, обновлением всей жизни! Аминь.

После Рождества

(13 января 1985 г.)

Воображением мы сейчас представляем себя две тысячи лет назад, и какое дивное чувство должно наполнять нас: уже неделя, что мир стал иным! Мир, который тысячелетиями был как потерянная овца, стал теперь как овца обретенная, поднятая на плечи Сыном Божиим, ставшим Сыном Человеческим. Непроходимая бездна, которую грех разверз между Богом и человеком, теперь, хотя бы зачаточно, преодолена: Бог вошел в историю. Сам Бог стал Человеком, Бог облекся в плоть, и все видимое, то, что по нашей слепоте представляется нам мертвой, инертной материей, может узнать себя прославленным в Его собственном теле. Случилось нечто небывалое, и мир уже не тот, что прежде.

Но в Воплощении есть и другая сторона. Бог стал Человеком, и Бог во Христе говорил слова решающей правды, такой правды, которая, как дрожжи, брошенные в тесто, постепенно изменили мир. Бог открыл нам величие человека. Христос, вочеловечившись, был доказательством, остается и навсегда останется доказательством, что человек так велик, так глубок, так таинственно глубок, что он может не только вместить в себя

Божественное присутствие, как храм, но может соединиться с Богом, стать причастником Божественной природы, как говорит Апостол Петр в своем послании.

И человек настолько велик, что как бы далеко мы ни отпали от нашего призвания, как бы недостойны его мы ни были, Бог *никогда* не установит с нами таких отношений, которые были бы меньше, чем Его отцовство и наше родство с Ним как сыновей и дочерей Всевышнего. Блудный сын просил отца, чтобы тот принял его в наемники, поскольку он недостойн называться сыном; но отец не пошел на это. Когда сын начал свою исповедь, отец остановил его прежде, чем он мог *произнести* эти слова, потому что Бог не соглашается на наше унижение; мы не рабы и не наемники. Не сказал ли Христос Своим ученикам: Я больше не называю вас слугами, потому что слуга не знает воли господина, Я же сказал вам все.

И еще: во Христе нам открыто и Им провозглашено, что каждый отдельный человек есть предельная, высшая ценность, что Он живет и умирает за каждого из нас, что важны не коллективы, а каждый из нас. Каждый из нас, говорится в Книге Откровения, имеет у Бога имя, и это имя будет открыто нам в конце времен, но его никто не знает, кроме Бога и получающего его, потому что имя это — наше отношение с Богом, единственное и неповторимое; *каждый* из нас для Него единственный. Какое диво! Древний мир знал народы и расы, он знал рабов и господ, он знал категории людей, так же как и современный мир, который постепенно не только обмирщается, но возвращается в язычество, различает людей по категориям, типам и группам; один только Бог знает живые личности, мужчин и женщин.

Христос также принес, или, скорее, провозгласил новую справедливость, новую правду: не распределяющую или карающую справедливость закона, но правду иного рода. Когда Христос говорит нам: Пусть правда ваша будет больше правды книжников и фарисеев, — Он говорит о том, как Бог относится к каждому из нас. Он принимает каждого из нас, какие мы есть: Он принимает доброго и злого. Он радуется доброму и умирает из-за злого и ради его спасения.

И Бог призывает нас помнить это, и призывает нас такими быть не только в нашей христианской среде, но и среди всего окружающего мира: относиться к каждому человеку с *такой* справедливостью, не судящей и осуждающей, а видящей в *каждом* человеке всю красоту, которой Бог наделил его и которую мы называем образом Божиим в человеке, преклоняться перед этой красотой, помогать этой красоте воссиять во всей ее славе, рассеивая все злое и темное и, признавая ее в каждом, дать путь этой красоте стать реальностью и победить, восторжествовать.

Он открыл нам также такую любовь, какой прежний мир не знал, а современный мир, так же как и древний мир, так боится: любовь, которая согласна быть уязвимой, беспомощной, изливающейся, истощающей себя, щедрой, жертвенной; любовь, которая дает без меры; любовь, которая дает не только то, что имеет, но самое себя. Вот что Евангелие, вот что Воплощение принесли в мир, и это в мире пребывает. Христос сказал, что свет во тьме светит, и тьма не может объять его, но не может и погасить. И свет этот светит и будет светить, но победит он только, если мы станем его провозвестниками и делателями заповедей о правде и о любви, если *мы* примем Божие видение о мире и принесем его всему миру — нашу веру, то есть нашу уверенность и надежду, единственную силу, которая может помочь другим начать жить по-новому. Но для того, чтобы начать жить заново, они должны увидеть новизну в нас. Мир зачаточно стал новым через соединение Бога с человеком, когда Слово стало плотью; *мы* теперь должны стать откровением этой новизны, славой и сиянием Божьими во тьме или сумерках этого мира.

Да даст нам Господь смелость и любовь, великодушие быть Его провозвестниками и свидетелями, и да будет благословение Господне на вас. Того благодатью и человеколюбием, всегда, ныне и присно и во веки веков! Аминь.

Крещение Господне

(19 января 1973 г.)

Какие бывают животворящие и какие бывают страшные воды... В начале Книги Бытия мы читаем о том, как над водами носилось дыхание Божие и как из этих вод возникали все живые существа. В течение жизни всего человечества — но так ярко в Ветхом Завете — мы видим воды как образ жизни: они сохраняют жизнь жаждущего в пустыне, они оживотворяют поле и лес, они являются знаком жизни и милости Божией, и в священных книгах Ветхого и Нового Завета воды представляют собой образ очищения, омовения, обновления.

Но какие бывают страшные воды: воды Потопа, в которых погибли все, кто уже не мог устоять перед судом Божиим; и воды, которые мы видим в течение всей нашей жизни, страшные, губительные, темные воды наводнений...

И вот Христос пришел на Иорданские воды; в эти воды уже не безгрешной земли, а *нашей* земли, до самых недр своих оскверненной человеческим грехом и предательством. В эти воды приходили омываться люди, кающиеся по проповеди Иоанна Предтечи; как тяжелы были эти воды грехом людей, которые ими омывались! Если бы мы только могли видеть, как омывающие эти воды постепенно тяжелели и становились страшными этим грехом! И в эти воды пришел Христос окунуться в начале Своего подвига проповеди и постепенного восхождения на Крест, погрузиться в эти воды, носящие всю тяжесть человеческого греха — Он, безгрешный.

Этот момент Крещения Господня — один из самых страшных и трагических моментов Его жизни. Рождество — это мгновение, когда Бог, по Своей любви к человеку желающий спасти нас от вечной гибели, облачается в человеческую плоть, когда плоть человеческая пронизывается Божеством, когда обновляется она, делается вечной, чистой, светозарной, той плотью, которая путем Креста, Воскресения, Вознесения сядет одесную Бога и Отца. Но в день Крещения Господня завершается этот подготовительный путь: теперь, созревший уже в Своем человечестве Господь, достигший полной меры Своей зрелости Человек Иисус Христос, соединившийся совершенной любовью и совершенным послушанием с волей Отца, идет вольной волей, свободно исполнить то, что Предвечный Совет предначертал. Теперь Человек Иисус Христос эту плоть приносит в жертву и в дар не только Богу, но всему человечеству, берет на Свои плечи весь ужас человеческого греха, человеческого падения, и окунается в эти воды, которые являются теперь водами смерти, образом гибели, несут в себе все зло, весь яд и всю смерть греховную.

Крещение Господне, в дальнейшем развитии событий, ближе всего походит на ужас Гефсиманского сада, на отлученность крестной смерти и на сошествие во ад. Тут тоже Христос так соединяется с судьбой человеческой, что весь ее ужас ложится на Него, и сошествие во ад является последней мерой Его единства с нами, потерей всего — и победой над злом.

Вот почему так трагичен этот величественный праздник, и вот почему воды иорданские, носящие всю тяжесть и весь ужас греха, прикосновением к телу Христову, телу безгрешному, всечистому, бессмертному, пронизанному и сияющему Божеством, телу Богочеловека, очищаются до глубин и вновь делаются первичными, первобытными водами жизни, способными очищать и омыwać грех, обновлять человека, возвращать ему нетление, приобщать его Кресту, делать его чадом уже не плоти, а вечной жизни, Царства Божия.

Как трепетен этот праздник! Вот почему, когда мы освящаем воды в этот день, мы с таким изумлением и благоговением на них глядим: эти воды сошествием Святого Духа делаются водами Иорданскими, не только первобытными водами жизни, но водами, способными дать жизнь не временную только, но и вечную; вот почему мы приобщаемся этим водам благоговейно, трепетно; вот почему Церковь называет их великой святыней и призывает нас иметь их в домах на случай болезни, на случай душевной скорби, на случай греха, для очищения и обновления, для приобщения к новизне очищенной жизни. Будем

вкушать эти воды, будем прикасаться к ним благоговейно. Началось через эти воды обновление природы, освящение твари, преображение мира. Так же как в Святых Дарах, и тут мы видим начало будущего века, победу Божию и начало вечной жизни, вечной славы — не только человека, но всей природы, когда Бог станет всем во всем.

Слава Богу за Его бесконечную милость, за Его Божественное снисхождение, за подвиг Сына Божия, ставшего Сыном человеческим! Слава Богу, что Он обновляет и человека и судьбы наши, и мир, в котором мы живем, и что жить-то мы все-таки можем надеждой уже одержанной победы и ликованием о том, что мы ждем дня Господня, великого, дивного, страшного, когда воссияет весь мир благодатью *принятого*, а не только данного Духа Святого! Аминь.

Крещение Господне

(19 января 1979 г.)

С каким чувством благоговения ко Христу и благодарности к родным, которые нас приводят к вере, мы вспоминаем о своем Крещении: как дивно думать, что поскольку наши родители или близкие нам люди открыли веру во Христа, поручились за нас перед Церковью и перед Богом, мы, Таинством Крещения, стали Христовы, мы названы Его именем. Мы это имя носим с таким же благоговением и изумлением, как юная невеста несет имя человека, которого она полюбила на жизнь и на смерть и который дал ей свое имя; как это человеческое имя мы бережем! Как оно нам дорого, как оно нам *свято*, как нам страшно было бы поступком, образом своим его отдать на хулу недоброжелателям... И именно так соединяемся мы со Христом, Спаситель Христос, Бог наш, ставший Человеком, нам дает носить Свое имя. И как на земле по нашим поступкам судят о всем роде, который носит то же имя, так и тут по нашим поступкам, по нашей жизни судят о Христе.

Какая же это ответственность! Апостол Павел почти две тысячи лет тому назад предупреждал молодую христианскую Церковь, что ради тех из них, которые живут недостойно своего призвания, хулится имя Христово. Разве не так теперь? Разве во всем мире сейчас миллионы людей, которые хотели бы найти смысл жизни, радость, глубину в Боге, не отстраняются от Него, глядя на нас, видя, что мы *не* являемся, увы, живым образом евангельской жизни — ни лично, ни как общество?

И вот в день Крещения Господня хочется перед Богом сказать от себя и призвать *всех* сказать, кому было дано креститься во имя Христа: вспомните, что вы стали теперь носителями этого святого и божественного имени, что по вас будут судить Бога, Спасителя вашего, Спасителя всех, что если ваша жизнь — моя жизнь! — будет достойна этого дара Божия, то тысячи вокруг спасутся, а если будет недостойна — пропадут: без веры, без надежды, без радости и без смысла. Христос пришел на Иордан безгрешным, погрузился в эти страшные иорданские воды, которые как бы отяжелели, омывая грех человеческий, образно стали как бы мертвыми водами — Он в них погрузился и приобщился нашей смертности и всем последствиям человеческого падения, греха, унижения для того, чтобы *нас* сделать способными жить достойно человеческого нашего призвания, достойно Самого Бога, Который нас призвал быть родными Ему, детьми, быть Ему родными и своими...

Отзовемся же на это дело Божие, на этот Божий призыв! Поймем, как высоко, как величественно наше достоинство, как велика наша ответственность, и вступим в теперь уже начавшийся год так, чтобы быть славой Божией и спасением каждого человека, который прикоснется нашей жизни! Аминь.

Преображение Господне

(19 августа 1973 г.)

Праздник Преображения раскрывает перед нами славу Богом созданной твари. Не только Христос явился в славе Отчей, в славе Своей Божественной в этот день перед

Своими учениками: Евангелие нам говорит, что Божественный свет струился из Его физического тела и из той одежды, которая его покрывала, изливался на все, что окружало Христа.

Здесь мы видим нечто, что прикровенно уже раскрывалось нам в Воплощении Христовом. Мы не можем без недоумения думать о Воплощении: как оказалось возможно, что человеческая плоть, материя этого мира, собранная в теле Христовом, могла не только быть местом вселения Живого Бога — как бывает, например, храм — но соединиться с Божеством *так*, что и *тело* это пронизано Божественностью и восседает теперь одесную Бога и Отца в вечной славе? Здесь прикровенно открывается перед нами все величие, вся значительность не только человека, но самого материального мира и неопикуемых его возможностей — не только земных и временных, но и вечных, Божественных.

И в день Преображения Господня мы *видим*, каким светом призван воссиять этот наш материальный мир, какой славой он призван сиять в Царстве Божиим, в вечности Господней... И если мы внимательно, всерьез принимаем то, что нам здесь открыто, мы должны изменить самым глубоким образом наше отношение ко всему *видимому*, ко всему *осязаемому*; не только к человечеству, не только к человеку, но к самому телу его; и не только к человеческому телу, но ко всему, что телесно вокруг нас ощутимо, осязуемо, видимо... Все призвано стать местом вселения благодати Господней; все призвано когда-то, в конце времен, быть вобрано в эту славу и воссиять этой славой.

И нам, людям, дано это знать; нам, людям, дано не только знать это, но и быть со-трудниками Божьими в освящении той твари, которую Господь сотворил... Мы совершаем освящение плодов, освящение вод, освящение хлебов, мы совершаем освящение хлеба и вина в Тело и Кровь Господни; внутри пределов Церкви это начало чуда Преображения и Богоявления; верой человеческой отделяется вещество этого мира, которое предано человеческим безверием и предательством тлению, смерти и разрушению. Верой нашей отделяется оно от этого тления и смерти, отдается в собственность Богу, и Богом приемлется, и в Боге уже теперь, зачаточно, поистине делается новой тварью.

Но это должно распространиться далеко за пределы храма: *все* без остатка, что подвластно человеку, может быть им освящено; все, над чем мы работаем, к чему мы прикасаемся, все предметы жизни — *все* может стать частью Царства Божия, если это Царство Божие будет внутри нас и будет, как сияние Христово, распространяться на все, к чему мы прикасаемся...

Подумаем об этом; мы не призваны поработить природу, мы призваны ее освободить от плена тления и смерти и греха, освободить ее и вернуть в гармонию с Царством Божиим. И поэтому станем вдумчиво, благоговейно относиться ко всему этому тварному, видимому нами миру, и послужим в нем соработниками Христовыми, чтобы мир достиг своей славы и чтобы нами *все* тварное вошло в радость Господню. Аминь.

О Преображении Господнем

(23 августа 1981 г.)

Бывают в духовной жизни, но даже и в самых простых моментах человеческой жизни, мгновения, которые так прекрасны, так дивны, что хотелось бы, чтобы время, жизнь, вечность на них остановились и никогда ничего другого не случилось бы.

Это произошло с Апостолами, которых Христос взял с Собой на гору Преображения, и это выразил Петр, когда сказал: Господи! Нам здесь хорошо! Построим три кущи — Тебе одну, Моисею одну, одну Илии, и останемся здесь, осиянные этим невещественным, Божественным светом, окутанные этим дивным покоем... Ни Петр, ни другие Апостолы не заметили того, что потом они сами поведали другим: что Христос преобразился — то есть явился в сиянии вечной славы — в момент, когда Моисей и Илия говорили с Ним о грядущем Его восходе в Иерусалим и распятии.

Здесь, как и в стольких местах Нового Завета, мы видим, что, как и мы, Апостолы способны уловить светлое, дивное — и так часто пройти мимо того, чего Христу это

стоит. Святой Серафим Саровский, говоря с одним из своих посетителей, сказал ему: Проси у Бога именем Христа то, что тебе нужно, но помни: *какой* ценой Христос получил власть тебе это даровать... Этим он хотел сказать: Не проси ни о чем, что *недостойно* Божией крестной любви, смерти, распятия Спасителя Христа...

Как и Апостолам, в моменты самые светлые нам хотелось бы, чтобы время остановилось и чтобы нам пребыть навсегда — в чем? — в забытьи! Чтобы нам навсегда забыть, что в нашей жизни и в жизни других людей порой происходит страшное: что бывает одиночество, бывает болезнь, бывает страх, бывают ужасы всякого рода; хотелось бы войти в этот дивный покой преображенного мира, которого мы все ожидаем, но который еще не явлен, еще не стал действительностью. В него мы должны верить, его мы порой имеем возможность пережить с большой, *преображающей* нас глубиной. Но мы должны помнить, что это переживание нам дано для того, чтобы принести в темный, скорбный, холодный мир сияние Преображения.

Когда Моисей на Синайской горе стоял перед Богом, озаренный Божией славой, он так приобщился к ней, что, когда спустился с горы, люди не могли вынести сияние его лица. Вот какими *мы* должны бы быть, когда переживем земное или небесное чудо, чудо преображения. И то, что случилось с Апостолами, то, что случилось с Моисеем, должно случиться и с нами: ни Моисей не остался на горе Синайской в видении Божиим, говоря с Богом, как друг говорит с другом; ни Апостолам не было дано остаться на дивной горе Преображения; Христос сказал им: Пойдем отсюда...

И пришли они в долину, на равнину палестинскую, и застали там то, о чем мы слышали сегодня: неизбывное горе отца, родителей, друзей от того, что неизлечимая болезнь поразила ребенка, и еще, может быть, более скорбный ужас о том, что и ученики Христовы, к которым обращался отец, ничем не смогли помочь — помог только Христос. Помог Он тем, что исцелил ребенка; но когда ученики Его спросили — Почему *мы* не смогли этого сделать? — Он им сказал: Этот род изгоняется только молитвой и постом.

И вот нам дается, по временам, это переживание преображенного мира, переживание чего-то дивного, божественного — вошедшего в жизнь. И, пережив это, мы должны это сохранить как самое драгоценное и войти в мир для того, чтобы этим поделиться. Поделиться же этим мы сможем, только если возьмем на себя подвиг поста и молитвы: не только вещественного, физического поста, но воздержания от всего, что центром своим имеет нас самих, от всякого себялюбия, всякого эгоизма, всякой жадности душевной или духовной, а не только телесной, от желания всякого обладания... И это мы можем осуществить, только если мы будем молиться; и опять: не только произносить молитвенные слова, не только как бы заставлять себя войти в мысль и дух святых, но всеми силами стремиться к тому, чтобы в тусклом, темном, осиротелом мире оставаться в общении с Живым Богом, Который есть и свет, и радость, и жизнь...

Подумаем о Преображении; подумаем о нашем *опыте* преображенного мира, о тех мгновениях или периодах, когда все внутри и вокруг нас было озарено действительно Божественным светом; и с этим светом пойдем к каждому человеку, во все обстоятельства жизни, и принесем туда свет Христов. Аминь.

Преображение Господне

(19 августа 1990 г.)

Бывает, что человек, которого мы знали близко, который казался знаком нам, знаем нам до самых глубин, вдруг предстанет перед нами, каким мы никогда его не видели, никогда не чуяли. Это бывает, когда коснется нас до самых глубин откровение любви, когда мы новыми глазами видим человека, видим его, как видит Бог: во славе, то есть сияющий из его глубин образ Божий, который обычно от нас как бы утаен, закрыт: и нашей слепотой и несовершенством человека.

Но бывает, что мы человека увидим по-новому, когда *его* самого коснется такая глубина радости или такое горе, что из самых недр его воссияет свет. Бывает, что радость

человека преображает, но бывает, что предельный ужас боли, горя пробивается до самых недр человека и сияет обратно светом, когда это горе, эта боль не соединяются ни с горечью, ни с мстительностью, а остаются в чистоте *распятием* человека, *ужасом*, который его обдал.

Из этих образов мы можем понять, что случилось на Фаворской горе, когда Христос стоял между Моисеем и Илией — один представлял Закон, другой — всех пророков — и беседовал с ними о том, чему надлежит быть, о том, что идет Он теперь на смерть, на распятие по любви Божественной и по Своей человеческой отдаче для спасения мира. В этот момент пробился Божественный свет, охватил все Его естество, и ответно воссияла Его человеческая природа, отдавшаяся до конца Живому Богу на смерть.

И Его ученики тогда увидели, Кто Он есть: Агнец Божий, распятый для спасения мира еще до того, как создан был мир. Для того чтобы войти в это видение, им надо было самим приобщиться в какой-то мере тому, что совершалось. Церковное предание говорит, что эти три ученика представляли собой: один — веру, другой — любовь, третий — праведность. И вот из глубин своего естества они уловили *нечто* о совершающемся, увидели свет, который лился от Христа на все окружающее, который делал Его одежды белоснежными, который падал на все окружающее, вызывая во всем ответную жизнь и отклик. И они вошли во славу Божию, в то же облако, которое осеняло Синайскую гору, когда Бог говорил с Моисеем, как с другом Своим; и было *так* хорошо, другого ничего не нужно было, кроме как быть перед лицом славы Господней.

Но ученики не уловили причину, они не уловили, что только потому им *так* была открыта слава Божия, что их Учитель, Господь, Друг шел на смерть; им хотелось остаться в этой радости, *никогда* не отлучаться от преображенного Христа: но именно для этой разлуки и пришли Моисей и Илия беседовать о ней со Спасителем. И когда ученики захотели остаться, Христос им ответил: *Нет!* — и повел их в долину, с высот Фаворской славы в ужас земной нужды, земной трагедии. Они там встретили отца, который отчаялся в спасении своего ребенка; они застали там других учеников Спасителя, которые *ничего* не смогли сделать для отца с ребенком.

Фавор, слава неразлучно связаны с возвращением во тьму и с распятием, со смертью, со схождением Христа во ад. И только после этого, когда все будет совершено, воскреснет Господь в славе уже неотъемлемой.

Поймем же, что, когда *нам* дано человека или Живого Бога нашего воспринять в этой славе, — это говорит о том, что пришло и нам время, взглядевшись в Фаворскую тайну, войти в мир, в трагический мир, во тьму мирскую, чтобы принести тот свет, который и во тьме светит и которому тьма бессильна воспрепятствовать. Это наше призвание, как это было призванием учеников и как это было делом Христовым. Аминь.

Воздвижение Креста Господня

(27 сентября 1981 г.)

С трепетом и с глубоким сознанием священного ужаса мы поклоняемся сегодня перед Крестом Господним. И вместе с этим мы празднуем победу Божию над грехом, над злом, надо всем, что разделяет человека и мир от Него...

Художественные изображения Креста часто заслоняют в нашем сознании тот крест, каким Спаситель нес его на Голгофу, крест, на котором умирал Господь. В те далекие времена крест значил смерть преступника; смерть такого преступника, перед которым содрогалось ужасом человеческое сознание; преступника, который людьми, народом, градом был извержен вон, которому места не было среди людей, и путь его, через жестокую смерть, лежал во дно ада. Таким видели Спасителя предавшие Его на смерть, осудившие Его на распятие, пригвоздившие Его ко кресту, глумившиеся над Ним в часы Его умирания; Он был для них преступником, который заслуживал последнего извержения из среды людей и смерти, то есть исключения из среды живых.

Православные иконы и распятия являют нам покой смерти Христовой; западные распятия нам показывают мучительную смерть человека, но реальность сочетает и то и другое, являясь чем-то еще большим, нежели просто смерть человека, который сумел всей жизнью и всей смертью своей любить, до победы Божией. Христос перед Своим распятием говорил Своим ученикам: *Никто* не отнимает у Меня жизни — Я ее Сам отдаю... И в молитве перед освящением Святых Даров мы говорим, что Христос был предан — нет, *не* предан! Он Сам Себя отдал на крестную смерть нашего ради спасения...

Распятие Христово — это действие свободной Божественной любви, это действие свободной воли Спасителя Христа, отдающего Себя на смерть, чтобы другие могли жить — жить вечной жизнью, жить с Богом. Иуда Его предал; Петр от Него отрекся, трое из учеников спали в Гефсиманском саду: все бежали. Ирод цинично над Ним насмехался; Пилат от страха перед людьми предал Его на смерть; первосвященники, по слепой вере и зависти, требовали Его распятия — но в *конечном* итоге Христос стал человеком, жил, страдал и умер, потому что *я*, и *ты*, и каждый из нас в отдельности и все вместе мы потеряли Бога грехом, забывчивостью, себялюбием — *каждый* из нас. Потому что для каждого из нас, как Спаситель сказал в одном видении, Он претерпел бы весь ужас Гефсиманской ночи и весь ужас крестного умирания и смерти... Он свободно отдал Свою жизнь для тебя и для меня — не коллективно для нас, а ради каждого из нас, потому что каждый из нас Ему так дорог, так Им возлюблен, что цена ему — вся жизнь, и весь ужас, и все страдание, и вся смерть Христова.

И этому всему знаком является крест, потому что, в конечном итоге, любовь, верность, преданность испытываются не словами, даже не жизнью, а отдачей своей жизни; не только смертью, а отречением от себя таким полным, таким совершенным, что от человека остается только любовь: крестная, жертвенная, отдающая себя любовь, умирание и смерть самому себе для того, чтобы жил другой.

И вот мы поклоняемся Кресту, который для нас означает все это, и победу Божию; и как благоговейно должны мы совершать крестное знамение, относиться к тому, *что* оно значит для нас. Когда мы кладем на себя крест, мы кладем на себя знак, перед которым дрожат все темные силы, раз сразившиеся с Богом — *крестом* и побежденные этим крестом. Мы этого не умеем ощутить, но темные силы трепещут и отходят от креста Господня.

Но вместе с тем, когда мы совершаем крестное знамение, мы как бы на себя берем крест Христов; мы решаемся следовать за Ним, а путь Христос нам указал: Отвергнись себя, *возьми* крест и иди за Мной; чтобы никто у тебя не отнимал жизни, отдавай ее каждый день, каждый час, пока не придет время отдать ее раз и навсегда в руки Божии. И пусть вся твоя жизнь будет несением этого креста — знамения победы и готовности твоей *так* жить и *так* умирать, как умирал Господь.

И как благоговейно должны мы совершать крест, зная, помня, что крестом мы исповедуем всю веру свою, складывая три пальца вместе, чем свидетельствуем нашу веру во Святую Троицу, и сгибая остальные два пальца, чем напоминаем самим себе, темным силам и каждому, что мы верим во Христа — и Бога, и Человека, сошедшего на землю и отдавшего Свою жизнь за нас.

Поэтому, когда будете подходить ко кресту сегодня на прощание, — поклонитесь ему благоговейно, любовно, трепетно, но, приложившись к нему, отдавая ему поцелуй веры и поцелуй любви, примите заповедь Господню: Отвергнись себя! Возьми свой крест и последуй за Мной — куда бы Я ни пошел... Аминь.

Воздвижение Креста Господня

(1989 г.)

Сегодня мы празднуем обретение Животворящего Креста Господня. Для нас Крест — знак Божией любви к нам. Мы знаем, что на кресте был распят Господь. Мы знаем, что на нем Он умирал долгой, страдальческой, человеческой смертью. Но чувство реальности

смерти Богочеловека редко пронизывает нас тем ужасом и трепетом, которые должны бы всегда жить в наших душах.

Крест — это образ; однако было время, когда этот крест был мучительной реальностью умирания Человека Иисуса из Назарета. Для нас крест связан только с Ним и с тайной нашего спасения, но в то время крест был "просто", как ни страшно употребить такое слово, орудием пытки и смерти. На крест пригвождались преступники, чтобы мучительной смертью заплатить за зло, принесенное людям, и чтобы их страшная смерть вселяла страх в жителей окрестных городов и деревень.

Крест был наказанием для преступников; и среди распинаемых оказался Тот, Которого мы называем своим Господом, — Иисус Христос. Суд Синедриона и римского прокуратора признали Его достойным смерти за преступления. В чем же преступления Христа, за которые Он принял муки?

Во-первых, образ Спасителя-Мессии, явленный людям Иисусом Христом, оказался несовместимым с тем образом, который они выработали для себя сами. Истинный, живой Богочеловек разбился об идола, созданного людьми из их представлений о том, каким Он должен быть. Фальшивый образ Мессии как будто восторжествовал над Богом, пришедшим во плоти.

Другим Его преступлением было Его учение о любви. Оно вносило страх и ужас в каждую душу, не готовую погибнуть ради благовестия, ибо Евангелие содержало страшную весть о том, что Царство Божие не допускает в себя никакого себялюбия, что человек должен отказаться от себя, чтобы жить только любовью к Богу, к людям. Ни тогда, ни теперь люди не могут этого принять легко, потому что это значит убить в себе все себялюбивое и низменное.

Господь "преступил" против людей еще тем, что разочаровал их. Они ожидали политического вождя, им нужна была только земная победа над поработившей их Римской Империей, над чужой, ненавистной властью, а Он предлагал им Евангелие: смирение и кротость. Он призывал их любить врагов, подобному тому, как Отец Небесный любит всякого человека, и теперь, после Креста Господня, можем сказать: любит крестной любовью, любит до пролития Своей Крови, до смерти Своего Сына.

В то отдаленное от нас время, когда был найден Крест Господень, все это было еще близкой реальностью, его можно было коснуться, тронуть рукой. Его дерево было еще конкретно, реально и жестко, как суд и смерть. Тогда он был принят с трепетом, ужасом и любовью и был воздвигнут — поднят на высоту — Патриархом Иерусалимским, чтобы все могли видеть древо крестное, на котором, как преступник, по злой воле людей умер Царь мира и Спаситель всех, Тот, Кого Бог послал не судить, а спасти мир.

Вспомним и мы эту страшную, конкретную реальность креста и распятия, и поклоняясь сегодня образу того Креста, перенесемся духом в те страшные дни, когда Бог смертью Единородного Своего Сына одержал победу над тьмой и спас нас от власти смерти, греха, диавола. Ответим любовью на любовь — мало поклониться Древу, если мы останемся чуждыми тому, ради чего принесена эта жертва.

Поклонимся Кресту. Осознаем, что Христос умер, потому что преступники *мы*. Апостол Павел говорит, что и за друга своего мало кто согласится отдать жизнь, разве что за благодетеля (Рим. 5:7), а Христос умер за ненавидящих Его, за людей, которые способны, как и мы, пройти мимо Его жертвы и не дрогнуть душой, не преломиться волей, не перемениться до конца.

Обратим наш взор на Крест. Сказано в Писании: *Воззрят на Него, Его же прободоша* (Ин. 19:37), взглянут на Него те, которые пробили Его ноги, руки, ребро. Таковы мы, и если только Крест нас не обновит, то рано или поздно мы станем перед Ним в ужасе, потому что нам придется ответить перед своей совестью за то, что мы прошли мимо Крестной Божественной Любви. Аминь.

Неделя по Воздвижению: Ветхозаветный закон и заповеди Христовы

(Гал. 2:16-20) — 28 октября 1990 г.

О чем говорит Апостол Павел в сегодняшнем апостольском чтении? Он говорит, что, исполняя дела Закона, предписанные в Ветхом Завете, мы не можем достичь спасения, то есть того состояния, когда мы делаемся родными Самому Богу, разделяем ум Божий, общаемся с Ним любовью, входим в то состояние, при котором жизнь Божия бьет ключом в нас самих и из нашего сердца потоком бьет и орошает собою все.

Закон Ветхого Завета Апостол Павел называет воспитателем; а мы знаем, что такое воспитатель: воспитатель — это тот, кто в течение всего нашего детства и юности подготавливает нас к жизни; и его роль кончается в тот момент, когда мы созрели, стали взрослыми и вступаем в жизнь в полном, ответственном смысле этого слова. И вот жизнь не может до конца определяться законностью: делать то, что предписано, еще не значит стать взрослым, зрелым человеком. И не напрасно Ветхий Завет нам говорит о том, что всякий исполняющий заповеди древности может назвать себя праведником — он ничем не погрешает против того, что ему приказано; но жизнь через это он еще не может получить.

О заповедях, которые Он Сам дал нам, Христос говорит: Когда вы все это исполните, признавайте, что вы все-таки негодные, — то есть несовершенные, — рабы, потому что не в заповедях дело, а в том, чтобы через них приобщиться и уму, и сердцу, и воле Божией.

И когда Апостол Павел нам говорит, что мы должны жить верой в Господа Иисуса Христа, Который как бы упразднил собою закон ветхий, он подчеркивает, что это не призыв к беззаконию, что это не делает Христа учителем беззакония — это нас ставит на новую почву, так же как окончание нашего воспитания вводит нас в новую жизнь.

И какова же эта новая жизнь? Апостол Павел опять-таки ясно об этом говорит: новая жизнь заключается в том, чтобы *жить* всем тем, что представляет собой Господь наш Иисус Христос, а не только исполнять то, что Он нам предписал или посоветовал. Речь не о том, чтобы *делать*, а о том, чтобы с Ним *жить*; дело не в том, чтобы эти заповеди исполнить и быть в состоянии сказать: Господи — чего Ты от меня еще хочешь? Разве я не исполнил то, что Ты сказал?. Дело в том, чтобы так сродниться со Христом, чтобы те заповеди, которые Он нам дал, уже перестали быть заповедями, как бы приказами извне, а стали бы нашей подлинной, обожествленной природой, чтобы эти заповеди были для нас как бы образом, картиной того, *что* представляет собой настоящий человек, когда он иначе и *поступить* не может, когда он так сроднился со Христом, что всякая Его заповедь, всякий совет, всякое указание, всякий пример и самая Его личность стали для нас тем, чем мы только мечтаем быть и чего мы стараемся достичь трудом, подвигом. Потому что Царство Божие берется силой: не насилием над другими, а насилием над собой, над своей падшей природой, над своей косностью, над своей ленью, над своими страхами, над своим безбожием.

И вот Апостол Павел нам говорит, что он это познал, и теперь для него вся жизнь — Христос. Что это опять-таки значит? Это значит, что он так принял Христа, так Ему поверил до конца, так предал Ему свою жизнь, что ничего у него в жизни не осталось, кроме того, что сродни Спасителю Христу. Всё стало для Павла чуждым, что было причиной вхождения Сына Божия в область смерти и привело Его к распятию; все это стало для него чуждым, предметом ужаса и отвращения, и теперь он живет новой жизнью. Прошлая жизнь, заключавшаяся для него в том, что он исполнял те или другие правила, прошла; теперь пришло для него время свободы, когда Христос его освободил от подчинения Закону и открыл ему новый закон — закон вечной жизни, приобщения к Богу, общей с Ним жизни.

И это произошло не только с Апостолом Павлом. Мы знаем из нашего опыта: когда мы кого-нибудь глубоко любим, когда мы кого-нибудь уважаем, мы стараемся стать достойными его; то, что является его мыслями, его идеалом, его чувством, его

отношением к жизни, делается нашим: мы стремимся быть подобными ему. И в этом смысле мы можем понять, что значит отношение Апостола Павла ко Христу.

И мы знаем также: случается, что человек доходит до грани смерти, болезнью или опасностью смертной; и вдруг что-то его спасает: он исцеляется от болезни, он спасается от предельной опасности. И вдруг он понимает, что в тот момент его прошлая жизнь пришла к концу, что если только все было бы "естественно", как положено по человечеству, он должен был бы умереть. Если он жив — то только чудом; а раз чудом, то его жизнь больше ему не принадлежит, она принадлежит Тому, Кто ему дал новую жизнь, она теперь стала Божией.

Мы говорим постоянно в наших службах: "Сами себя и друг друга и весь живот наш Христу Богу предадим" — вот что это значит. Я когда-то знал человека, который был присужден к жизни, и к умиранию, и к смерти в концентрационном лагере; и ему выпало освобождение. И он мне говорил, что вся его прошлая жизнь *вымерла* в этом плену, в этом рабстве, и что выпущенный на свободу, он как бы вновь родился, и теперь его жизнь не ему принадлежит, а Тому Живому Богу, Который дал ему свободу.

Подумаем об этом: каково наше положение по отношению ко Христу? Не относимся ли мы к Его заповедям так, будто это заповеди Ветхого Завета? Я, мол, исполнил все, что Он сказал, и Он с меня больше как бы ничего спрашивать не может. Мы выполняем заповеди из страха наказания — адских мук или мелких наказаний, которые нам могут выпасть на долю в течение жизни; мы выполняем их по расчетливости, как наемники, которые ожидают себе как бы награду, плату за то, как они живут... Мы же должны научиться так жить, как сыновья и дочери. А сыновья и дочери — это значит *Божии* чада, по образу Единородного Сына Божия. И тогда, действительно, путеводитель, воспитатель, которым для нас в начале является Закон, те правила, которые нам даются, нас теперь доведут до грани, когда мы вступаем в область царственной свободы чад Божиих, о которых говорит Священное Писание. И эта царственная свобода заключается в том, чтобы так сродниться с Богом, так уподобиться Христу, чтобы, как говорит святой Ириней Лионский, силой Святого Духа в Единородном Сыне Божиим, Который живет в нас и в Котором мы живем, стать *единородными сынами Божьими*, детьми Живого Бога. Аминь!

5. Праздники Богородичные

Рождество Божией Матери

(21 сентября 1981 г.)

В Своем Евангелии Господь и Бог наш говорит: Когда наступает время младенцу родиться, то бывает скорбь: когда же родится — пребывает одна радость, ибо новая жизнь вошла в мир... И когда рождается ребенок, окружающие дивятся: какова будет судьба этого младенца? Рождение младенца — только первый день его; какова будет долгая череда дней, составляющих человеческую жизнь? И каков будет последний день, который подведет итог всему, что было жизнью этого человека?

Сегодня мы празднуем рождение Божией Матери, и наша мысль обращена к Ней. Она родилась — снова, как говорит Евангелие, — не от хотения плоти и не от хотения мужа; Она родилась от Бога. Она родилась как последнее, заключительное звено длинной цепи людей, мужчин и женщин, которые на протяжении всей человеческой истории боролись: они боролись за чистоту, боролись за веру и полноту, боролись за цельность, боролись, дабы на первом месте в их жизни был Бог, и они поклонились бы Ему в истине и послужили Ему со всей верностью. В этом длинном ряду людей были и грешники, в жизни которых, может быть, была только одна черта, искупающая их существование; были в нем и святые, в чьей жизни едва сыщется какой недостаток. Но всем им приходилось бороться, и у всех них одна черта была общей: они боролись во имя Божие — против самих себя, не против других — для того, чтобы восторжествовал Бог. И постепенно, из столетия в столетие, они подготовили Наследницу своего рода, Которая

должна была родиться, как и всякий младенец, в ряду добра и зла, греха и святости, но была бы таким ребенком, который изберет добро с самого начала и будет жить в чистоте и во всецелой верности своему человеческому величию...

Сегодня родилась Божия Матерь; сегодня начинается преодоление того разделения, которое существовало между Богом и человеком с момента падения; родилась Та, Которая станет Мостом между Небом и землей; Та, Которая станет Дверью Воплощения, дверью, раскрывающейся на Небо. Будем радоваться сегодня, ибо начало спасения пришло; станем думать о Ней с лаской, дивиться на Нее и просить Ее научить нас — может быть, не уподобиться Ей, потому что большинство из нас не может на это надеяться, но — любить Ее с благоговением, поклоняться Ей так, чтобы стать достойными быть одного с Ней рода: рода человеческого, от которого родился Бог, потому что Она явила такую совершенную верность. Аминь.

Введение Божией Матери во храм

(4 декабря 1981 г.)

Есть праздники, сила которых заключается в воспоминаемом событии; важно, значительно в них, решающе для судеб человеческих то, что случилось; таков праздник Рождества Христова или праздник Воскресения; решающее значение имеет то, что действительно в тот день Бог стал человеком и родился на земле, что именно в *тот день* воскрес Господь, умерший крестной смертью ради нашего спасения.

И есть праздники, так же как и иконы, которые говорят нам о каком-то внутреннем событии, даже если историческая их обстановка не ясна. Таков праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы. Чтобы исторически в древнем Иерусалиме действительно случилось то событие, которое описывается в богослужебной песни, — едва ли возможно; но оно сообщает нам что-то более значительное, более важное о Божией Матери, нежели физическое Ее вступление во Свята Святых, которое было запрещено и Первосвященнику. Это день, когда Пресвятая Дева, достигшая той ранней зрелости, которая делает ребенка способным лично переживать, лично воспринимать и отзываться на таинственное прикосновение благодати, когда, достигши этого возраста, Она вступила *действительно* во Свята Святых — не вещественное Свята Святых храма, а в ту глубину Богообщения, которую исторически Храм собой изображал.

И с каким трепетом мы должны читать в богослужебной книге слова, которые приписываются с такой нежностью, с такой глубиной Иоакиму и Анне: Чадо, иди! И будь Тому, Который все тебе дал, возношением и сладким благоуханием! Вступи в ту область, куда нет двери; научись тайнам и готовься стать местом вселения Самого Бога... Как дивно подумать, что мать, отец могут обратиться к ребенку с *такими* словами: Войди в ту глубину, вступи в ту тайну, куда не ведет никакая вещественная дверь, и приготовь себя быть возношением Богу, сладким благоуханием, местом вселения...

Так некоторые отцы Церкви и святитель Феофан толкуют значение этого вступления Божией Матери в храм, во Свята Святых. Не тронутая грехом, не оскверненная ничем, но уже способная чистым сердцем, не оскверненной плотью, не затуманенным умом отозваться на святыню, на славу, на дивность Божию, трехлетняя Отроковица посылается в эти глубины молитвенного, созерцательного общения.

И в другом месте того же богослужения мы читаем, как Ей *тихо* говорит Архангел Гавриил, чтобы Она открылась Богу и приготовилась стать местом вселения грядущего Спасителя.

Вот о чем говорит нам праздник: о том, как с первых Своих шагов, напутствуемая матерью и отцом, наставляемая Ангелом, Она вступает в те глубины молитвы, безмолвия, благоговения, любви, созерцания, чистоты, которые составляют подлинное Святое Святых. И разве удивительно после этого, что мы этот день празднуем как начало спасения: первая из всех тварей Пресвятая Дева вступает в эти непроходимые, неприступные глубины, вступает в то общение с Богом, которое будет расти и расти,

незапятнанно, незатемненно, неоскверненно в течение всей Ее жизни, до момента, когда, как пишет один из западных писателей, Она сможет, в ответ на Божий призыв, произнести *Божие имя* всем умом, всем сердцем, всей волей, всей плотью Своей и, вместе с Духом Святым, родить во-площенное Божие Слово.

Да, в день этого праздника действительно совершается для нас явление этого дивного события, начало этого возрастания, но также дается нам и образ того, к чему мы призваны, куда нас зовет Господь: во Святое Святых. Да — мы осквернены; да — наши умы отуманены; да — наши сердца нечисты; да — наша жизнь порочна, недостойна Бога. Но всем доступно покаяние, которое может очистить нас и в уме, и в плоти, и в сердце, выправить нашу волю, всю жизнь нашу сделать правой, так чтобы и мы могли войти во Святая Святых.

И в этом празднике, в словах, которые я прочел в начале, произнесенных как бы Иоакимом и Анной, разве нет призыва к каждой матери и к каждому отцу, чтобы с ранних лет — с мгновения, когда ребенок может что-то уже если не умом понять, то чутя сердцем, воспринимать чуткостью, принять благодать — сказать и нашим детям: вступи благоговейно, трепетно в ту область, куда никакая дверь — ни церковная, ни умственная, ни иная не вводит, а только безмолвное, трепетное пред стояние пред Богом, — то Святое Святых — с тем, чтобы вырасти в полную меру роста Христова, уподобиться Матери Божией и стать храмом, местом вселения и Святого Духа, и Господа в Таинствах, и стать детьми нашего Небесного Отца. Аминь!

Благовещение Пресвятой Богородицы

(7 апреля 1981 г.)

Благовещение — это день благой вести о том, что нашлась во всем мире людском Дева, так верующая Богу, так глубоко способная к *послушанию* и к *доверию*, что от Нее может родиться Сын Божий. Воплощение Сына Божия, с одной стороны, дело Божией любви — крестной, ласковой, спасающей — и Божией силы; но вместе с этим воплощение Сына Божия есть дело человеческой свободы. Св. Григорий Па-лама говорит, что Воплощение было бы так же невозможно без свободного человеческого согласия Божией Матери, как оно было бы невозможно без творческой воли Божией. И в этот день Благовещения мы в Божией Матери созерцаем Деву, Которая всем сердцем, всем умом, всей душой, всей Своей крепостью сумела довериться Богу до конца.

А благая весть была поистине *страшная*: явление Ангела, это приветствие: *Благословенна Ты в женах, и благословен плод чрева Твоего*, не могли не вызвать не только изумления, не только трепета, но и страха в душе девы, не знавшей мужа, — как это могло быть?

И тут мы улавливаем разницу между колеблющейся — хотя и глубокой — верой Захарии, отца Предтечи, и верой Божией Матери. Захарии тоже возвещено, что у его жены родится сын — естественным образом, несмотря на ее преклонный возраст; и его ответ на эту весть Божию: Как же это может быть? Этого не может случиться! Чем Ты можешь это доказать? Какое заверение Ты мне можешь дать?. Божия Мать ставит вопрос только так: Как это может случиться со мной — я же дева?. И на ответ Ангела, что это *будет*, Она отвечает только словами полной отдачи Себя в руки Божии; Ее слова: *Се, Раба Господня; буди Мне по глаголу твоему...*

Слово "раба" в теперешнем нашем словоупотреблении говорит о порабощенности; в славянском языке рабом называл себя человек, который свою жизнь, свою волю отдал другому. И Она действительно отдала Богу Свою жизнь, Свою волю, Свою судьбу, приняв верой — то есть *непостижимым* доверием — весть о том, что Она будет Матерью воплощенного Сына Божия. О Ней праведная Елизавета говорит: Блаженна веровавшая, ибо будет Ей реченное Ей от Господа...

В Божией Матери мы находим изумительную способность довериться Богу до конца; но способность эта не природная, не естественная: такую веру можно в себе выковать

подвигом чистоты сердца, подвигом любви к Богу. Подвигом, ибо отцы говорят: Пролей кровь, и примешь Дух... Один из западных писателей говорит, что Воплощение стало возможным, когда нашлась Дева израильская, Которая всей мыслью, всем сердцем, всей жизнью Своей смогла произнести Имя Божие так, что Оно стало плотью в Ней.

Вот благовестие, которое мы сейчас слышали в Евангелии: род человеческий *родил*, принес Богу в дар Деву, Которая была способна в Своей царственной человеческой свободе стать Матерью Сына Божия, свободно отдавшего Себя для спасения мира. Аминь.

Сретение, воскресенье о мытаре и фарисее

(15 февраля 1976 г.)

Праздник, который мы сегодня соблюдаем, это одновременно праздник дивной встречи и первой разлуки. Дивной встречи, потому что в храм, в удел Божий Единородный Божий Сын, ставший Сыном Девы, приносится, чтобы быть поставленным перед лицом Живого, вечного Бога, Отца Его прежде, чем мир не стал.

Встреча, также, между святыми душами и ожидаемым ими Спасителем. Долгую, сложную, благодатную жизнь прожили и Симеон и Анна; тому и другой было обещано, что они не умрут, раньше чем не увидят лицом к лицу Спасителя своего. И вот этот день настал, и лицом к лицу ожидавшие Его праведники встретили Бога, ставшего Человеком... Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыка, по глаголу Твоему с миром, — сказал Симеон, — ибо видели очи мои спасение Твое... Теперь он может отойти в вечность, теперь он может сойти в область усопших и принести туда первую весть, что он видел на земле Бога, пришедшего плотью.

Одновременно этот праздник — первая жертвенная разлука Божией Матери с Ее Божественным Сыном. Всякий младенец мужского пола, разверзающий утробу, то есть перворожденный в семье, приносился Богу и делался собственностью Бога. Этот обычай, это правило началось еще в древности, когда Моисей вывел из Египта народ израильский. Тогда упорствующий фараон не хотел отпустить своих рабов; и ужас за ужасом постигали египетскую землю, чтобы опомнился человек под тяжелой, спасающей десницей Бога. И одной из самых страшных кар, которые были наложены на противящегося Богу фараона, была смерть всех перворожденных в земле египетской. Этой ценой было потрясено каменное сердце фараона, этой ценой получили свободу, в виду ожидаемого Христа, израильские дети.

Но когда они достигли пустыни, то и до них дошел Божий глас: Ценой этого ужаса, ценой смерти детей, лишения матерей любимых своих младенцев были выведены вы из египетской земли, из страны плена и рабства; но как бы в воспоминание об этом, как бы в выкуп за этих детей и за этих матерей, перворожденный младенец мужского пола в каждой вашей семье должен быть принесен в Храм, и Бог над ним получает власть жизни и смерти. И вот, принося Своего Младенца в Храм, Божия Мать приносила Его в жертву Богу. Первый раз, свободно, по закону Своего народа Она отдавала Богу Рожденное от Нее. Это жертвоприношение продолжалось потом в течение всей Ее жизни: Мать Божия Его отдала раз и навсегда, и Бог и Отец эту жертву, *единственную* за всю историю мира, принял, и она стала кровавой Жертвой Голгофы.

Мы сегодня читали и о другой встрече: как мытарь и фарисей пришли в храм, в тот храм, где Живой Бог ожидает Своих детей. Один пришел с гордыней, другой — с сокрушенным сердцем. Это — тоже встреча; но в этой встрече не жертва, а суд и спасение.

Каждый из нас когда-то, в день своего воцерковления, был принесен в храм; каждый из нас был поставлен перед Богом, чтобы стать Его собственностью; но в Церкви Христовой нет мужского и женского, нет различия, все — дети Божии, и поэтому все мы были принесены и отданы Богу, так же как Богомладенец Христос был принесен Своей Матерью.

Каждая мать, которая здесь стоит, когда-то своего младенца принесла и отдала Богу, и приняла его вновь от иконы Спасителя или Божией Матери. Каждый из нас вновь и вновь встречает Бога всякий раз, как он приходит в храм; кто из нас мытарь, кто из нас фарисей? Кто уйдет оправданным, а кто уйдет со своей тленной праведностью, которая не войдет в Царство Божие? Симеон и Анна ждали и узрели Христа; мытарь ждал себе только суда — и получил милость; фарисей думал, что он праведен, — и оказался ни с чем...

Вот с чем мы теперь начинаем это восхождение подготовительных недель к Великому Посту. Задумаемся, каждый из нас, о том, что значит, что он или она когда-то были принесены в храм, отданы Богу любовью материнской; отданы на хранение Тому, Который есть Хранитель младенцев, отданы Тому, Кто есть Господь и Жизнь. Подумаем о том, способны ли мы встретить Христа, как встретили Его Симеон и Анна; подумаем о том, кто мы — фарисей или спасенный мытарь. Аминь.

Успение Божией Матери

(28 августа 1981 г.)

Мы празднуем сегодня престольный праздник наш; мы все стоим перед единым и единственным Престолом, который существует: престол, на котором восседает Бог наш; но, как сказано в Священном Писании, Бог во святых почивает: не только в святых местах, но в сердце и в уме очищенных подвигом и благодатью, в жизни и в самой плоти святых.

И сегодня мы празднуем день Успения Святейшей всех святых — Божией Матери. Она уснула сном земли; но как Она была живой до самых глубин Своего естества, так и осталась Она живой: живой душою, вознесшейся к престолу Божию, живой и воскресшим телом Своим, которым Она предстоит теперь и молится о нас. Поистине Она является *престолом* благодати; в Нее вселился Живой Бог, в утробе Ее Он был, как на престоле славы Своей. И с какой благодарностью, с каким изумлением мы думаем о Ней: Источник жизни, Живоносный Источник, как называет Ее Церковь, прославляя Ее в одной из икон, — Живоносный Источник, Богородица, кончает Свою земную жизнь, окруженная трепетною любовью всех.

Но что же Она оставляет нам? Одну только заповедь и один дивный пример. Заповедь — те слова, которые Она сказала слугам в Кане Галилейской: *Что бы ни сказал Христос — то исполните...* И они исполнили; и воды омовения стали добрым вином Царства Божия. Эту заповедь Она оставляет каждому из нас: пойми, каждый из нас, слово Христово, вслушайся в него и не будь только слушателем, но исполни его, и тогда все земное станет небесным, вечным, преображенным и прославленным...

И Она оставила нам пример: о Ней говорится в Евангелии, что каждое слово о Христе и, конечно, каждое слово Христово Она складывала в Свое сердце как сокровище, как самое драгоценное, что у Нее было...

Станем и мы учиться так слушать, как слушают всей любовью и всем благоговением, вслушиваться в каждое слово Спасителя. В Евангелии много сказано; но сердце каждого из нас отзывается то на одно, то на другое; и на что отозвалось мое или твое сердце — это слово, сказанное Спасителем Христом тебе и мне *лично...* И это слово нам надо сохранить как путь жизни, как точку соприкосновения между нами и Богом, как признак нашего родства и близости с Ним.

И если так будем жить, так слушать, так складывать в сердце своем слово Христово, как сеют семя во вспаханную землю, тогда и над нами исполнится то, что Елизавета сказала Божией Матери, когда Она к ней пришла: Блаженна веровавшая, ибо исполнится *все*, сказанное Тебе от Господа... Да будет это и с нами; да будет Мать Божия нашим примером; воспримем Ее единственную заповедь, и только тогда прославление Ее нами в этом святом храме, который Ей дан в жилище, будет истинным, потому что мы поклонимся тогда Богу в Ней и через Нее и духом и истиной. Аминь.

Отдание праздника Успения

(2 сентября 1990 г.)

"Во имя Отца и Сына и Святого Духа" — как страшно бывает священнику, когда к Божьему народу, к людям, которых так возлюбил Господь, что Свою жизнь отдал для них, он обращается с этими словами; как ему страшно, что он, священник, такой же, как и все, хрупкий, говорит во имя Отца, и Его Сына, и Святого Его Духа! И с таким трепетом собираешь свои мысли, чтобы ни одна из этих мыслей не была такой, какой не мог бы выразить или принять Сам Господь.

И вот с этим трепетом я снова обращаюсь с проповедью к вам; мы находимся сейчас все еще несколько дней во свете Успения Божией Матери; и сегодня день Воскресения Господня. Эти два события связаны между собою неразлучно, неразрушимой связью; но они относятся и к нам.

Воскресение Христово — это победа Бога над смертью, но одержанная не Богом одним, но Богочеловеком, Господом Иисусом Христом. В этой победе участвует не только Божество, но и человечество, потому что Человек Иисус Христос, как Его называет Апостол Павел, взял на себя всё, что возложил на Него Отец, и потому только мог Он совершить дело нашего спасения; наше спасение зависело от Его *человеческого* согласия на волю Божию, и это согласие *Человек* Иисус Христос дал. И поэтому то, что случилось с Ним — крестная смерть, сошествие во ад, Воскресение, Вознесение — относится непосредственно и к роду человеческому: это не только Божественное событие — это событие и человеческое. И вот мы видим, как это событие приносит первые свои плоды в успении и воскресении Божией Матери. В одной из молитв вечерни праздника Успения Божией Матери говорится о нем как о *бессмертном* успении. В древности, в Ветхом Завете смерть не переживалась только как лишение временной жизни, как разлука души с телом: она переживалась как нечто очень страшное. Человечество, потерявшее свое единство с Богом, еще в какой-то степени с Ним общалось, пока человек был жив на земле: молитвой, верой, надеждой, сохранением заповедей. Но после смерти никто, *никто* не мог стать перед Богом и войти в вечность ликованием, в *Божью* вечность. И только со смертью, сошествием во ад Христа *эта* страшная смерть, эта окончательная разлука с Богом была побеждена раз и навсегда для всех.

И поэтому Успение Божией Матери, как церковные молитвы говорят о нем, это временный сон тела, тогда как душа оживает полнотой жизни в Боге. Но тут еще нечто большее: мы знаем из церковного Предания, мы верим опытом Церкви и опытом нашей собственной внутренней жизни, что как Христос воскрес, так и Божия Мать не могла быть, даже телесно, удержана тлением во гробе. Божия Мать телесно воскресла силой и действием Христа Бога, Которого Своей верой, чистотой, святостью Она ввела в мир. И это уже начало общего воскресения, это уже воочию виденное нами наше будущее.

И через несколько дней мы будем вспоминать, в день Отдания этого праздника, самый праздник, но как бы уходящий от земли: мы его *отдаем* Богу. Что же это значит? Это значит, что то событие, которое среди нас жило, действовало, вдохновляло нас в течение всех этих дней, теперь переходит в вечность как обещание, и остается нам в этом празднике Отдания — ожидание; ожидание веры, ожидание надежды, ожидание любви, ожидание радости о том, что победа не только одержана Христом, но что она уже явлена нам на земле в лице Божией Матери.

Отдадим же этот праздник, дадим его в вечность; но будем помнить, что мы его обречем в свое время, когда сами, пройдя узкими вратами смерти, войдем в вечность Божию. Но не в ту страшную смерть, какой была смерть Ветхого Завета, но в смерть, которая для христианина является временным сном в ожидании всеобщего воскресения. И мы знаем, что это воскресение будет, потому что в лице Божией Матери оно уже *совершилось*.

Однако оно не совершится просто потому, что воскрес Христос, что воскресил и спас Он нас *страшной* Своей смертью и сошествием во ад, и тридневным лежанием во гробе, не *только* потому, что Божия Матерь Своей чистотой, святостью так соединилась, сроднилась с Богом, что гроб и умерщвление не могли Ее удержать. Мы войдем в воскресение, только если сами вырастем в меру истинного, подлинного человечества, если мы станем достойными звания человека, потому что только человек может стать причастником Божественной природы. Пока мы не выросли в эту меру, пока мы только зачаточны, в надежде, в мечте Божией являемся людьми и так низко пали, так далеки от Него — нам путь еще заказан.

Как же мы предстанем перед Ним? Неужели просто потому, что воскрес Христос, просто потому, что воскресла Матерь Божия — для нас смерть будет тихим, безмятежным сном плоти, в то время как *ликованием* оживает в вечную жизнь наша душа? Подумаем об этом; и всей жизнью, чистотой, правдой, святостью нашей жизни — станем *достойны* того, чтобы и для нас смерть была бы не совлечением временной жизни, по слову Апостола Павла, но облечением в вечность. Аминь!

6. Дни памяти святых

День Архистратига Михаила

Есть место в книге Откровения, где тайнозритель Иоанн повествует нам, что когда придет время и мы все будем в Царстве Божиим, то каждый получит имя таинственное, которое знает только Бог, дающий его, и познает тот, кто его получает. Это имя как бы содержит в себе всю тайну человека; этим именем сказано все о нем; этого имени никто не может знать, кроме Бога и получающего его, потому что оно определяет то единственное, неповторимое соотношение, которое существует между Богом и Его тварью — каждой, единственной для Него тварью.

Мы носим имена святых, которые прожили и осуществили на земле свое призвание; мы им посвящены, как храмы посвящаются тому или другому святому; и мы должны бы вдумываться и в значение его имени, и в ту личность святого, которая нам доступна из его жития. Ведь он не только является нашим молитвенником, заступником и защитником, но в какой-то мере и образом того, чем мы могли бы быть. Повторить ничью жизнь нельзя; но научиться от жизни того или другого человека, святого или даже грешного, жить более достойно себя и более достойно Бога — можно.

И вот сегодня мы празднуем честь и память Архистратига Михаила в окружении Ангелов Господних. Ангелы — это вестники; Ангел — это тот, кого Господь может послать с поручением и кто до конца, совершенно исполнит его. Может показаться странным, что целую группу тварей Господних мы называем именем, которое обозначает их должность, их служение, словно в них нет ничего другого. И на самом деле это так, и в этом их святость: очищенные, сияющие Божиим светом, по слову Григория Паламы и наших богослужебных книг, они являются *вторыми светами*, отблесками вечного света Божественного. В них нет той непрозрачности, той потемненности, которая позволяет нам называться именем, и это имя и есть определение нашего места перед лицом Божиим и нашего места в творении Господнем. Они — *светы вторые*. Что это значит?

Это значит, что некий божественный свет льется через них беспрепятственно, свободно, широкой рекой; но не просто как по пустому желобу, не только как через безжизненное стекло, а так, как льется, и искрится, и сияет, и множится свет, когда он падет на драгоценный камень, дойдет до его сердца и оттуда ответным сиянием бьет в стороны, озаряя, а порой и ослепляя своей красотой.

Это образ подлинной святости, и в этом отношении они действительно Ангелы, потому что мы их узнаем, переживаем только как сияние Божественного света, сияние не уменьшенное, не потемненное, но сияние приумноженное и радостотворное, приносящее жизнь, — а сущность их бытия и сущность их святости остаются тайной между ними и Богом, Который познает глубины Своей твари...

Но их личная святость явлена нам еще особо тем отдельным именем, которым каждый из них назван. Некоторые из этих имен вошли в Священное Писание, были открыты опыту Церкви и показывают нам, в чем их особая святость. Архистратиг Сил Небесных, которому посвящены многие среди нас здесь и многие в стране Российской, назван Михаилом. "Михаил" — слово еврейское, и оно значит "Никто как Бог"; и это слово выражает все стояние великого Архангела, когда Денница восстал против Бога, желая утвердить себя в некоторой, хотя бы тварной, обособленности и самостоятельности, и когда встал великий Архангел Михаил и произнес одно это слово, которое определило все для него: "Никто как Бог", и утвердило его в таком отношении с Богом, что сделало его хранителем врат райских. "Никто как Бог" — в этом выразилось все знание великим Архангелом своего Бога. Он Его не описывает, он Его не объясняет — он встает и свидетельствует. В этом его приобщенность к сиянию Божества, и в этом мера, в которой он являет это сияние и открывает нам путь к тайне Господней своим словом и тем именем, которое выражает весь его непостижимый опыт непостижимого Бога.

На иконах Архангел Михаил изображается в латах, с пламенеющим мечом в руке. Он попирает дракона, который знаменует собою зло; Архангел стоит во вратах рая, не давая войти в это святое и священное место тем, кто к этому не готов; и еще он изображается на тех вратах иконостаса, через которые духовенство выходит из алтаря: священник с Евангелием, на Великом Входе, или дьякон на ектении; и это те врата, через которые в литургическом, богослужебном порядке никто не входит во Свята Святых, в алтарь.

Другой Архангел, Гавриил, чье имя означает "Крепость Божия", изображается на тех вратах, через которые дьякон во время богослужения входит обратно в алтарь. Гавриил — тот, который возвещает нам, что дверь открыта, чтобы нам снова войти в присутствие Божие; что сила Божия явлена, что Бог победил и мы спасены. От Евангелиста Луки мы знаем, что Архангел Гавриил принес Захарии весть о рождении Иоанна Крестителя, он же возвестил Деве Марии, что Она обрела благодать у Бога и родит миру Спасителя; поэтому мы видим его на иконах с оливковой ветвью в руках — знаком примирения Бога с миром.

Об Архангеле Рафаиле мы читаем в книге Товита, как он сопутствовал сыну его Товии и исцелил Товита и его невестку, и имя его означает "Исцеление Божие"; и о других Архангелах и Ангелах говорит нам Священное Писание; и вера Церкви, опыт христианский говорят нам об Ангелах-хранителях.

О дне памяти святого, имя которого мы носим, мы говорим, что это "день нашего Ангела". И в каком-то смысле, в смысле нашего посвящения святому это верно; но с разными святыми людьми — как и с окружающими нас простыми людьми — общение у нас складывается по-разному: одни нам лично ближе, через молитву и через их житие, которому мы хотели бы подражать; другими мы восхищаемся как бы издали. С Ангелом же хранителем отношения наши совсем иные: мы ему поручены, и он — хранитель наш, независимо как бы от того, обращаемся ли мы к нему, помним ли вообще о нем или нет, — как наши мать и отец, с которыми у нас неразрушимая связь, что бы мы ни думали, как бы ни поступали по отношению к ним, как бы ни вели себя...

И еще: один человек на земле был назван вестником и Ангелом веры церковной: это Креститель Иоанн, и о нем мы читаем слова, именно подобные тому, что я сейчас говорил об Ангелах. О нем начало Евангелия от Марка говорит: Он — глас вопиющего в пустыне... Он глас, он — только звук Господня голоса, он — Ангел, потому что через него говорит Сам Бог, а сам он о себе говорит, что ему надо умяться, чтобы в полную меру встал перед людьми образ Господень.

Это — путь на земле; мы должны умяться, постепенно терять то, что кажется таким драгоценным, а на самом деле есть сгущенность нашего видимого естества. Мы должны постепенно делаться прозрачными, чтобы стать как бы невидимыми — как драгоценный камень невидим и обнаруживается только тем светом, который, ударяя в него, осиявает все вокруг. Тогда мы как будто теряем что-то из своего временного существа, но для того только, чтобы приобрести неотъемлемое познание Бога,

единственное, которое каждый из нас, кто называет себя "я", может иметь и которое он может явить всем другим, потому что каждый из нас познает Бога единственным и неповторимым образом. Наш путь — от земли на Небо, от тяжелой нашей воплощенности в просветленность и прозрачность... Ангелом на земле является неложный свидетель — Иоанн Креститель, который на пути, и Тот, Кого Священное Писание называет "Великого Совета Ангел" — Бог, пришедший во плоти.

Вот те образы, те мысли, те думы из нашего почитания Ангелов, из нашей любви к ним, из нашего с ними общения в молитве и их заступления за нас, которые нам могут помочь найти путь нашей собственной души от земли на Небо, от собственной потемненности к совершенному просвещению. Молитвами святых Ангелов и Архангелов да даст нам Господь, отрешившись от себя, вольной волей, любовью к Богу, начать умаляться до того, чтобы полной мерой воссиял Сам Бог в каждом из нас. Аминь.

Пророк Самуил

(Сентябрь 1981 г.)

2 сентября мы празднуем день пророка Самуила. Он стоит на грани двух решающих эпох в истории не только израильского народа, но и человечества. До него израильский народ признавал *единственным* своим Господом, единственным хозяином своей судьбы Бога. Правила на земле святые: патриархи — Авраам, Исаак, Иаков; правила Божии избранные — Моисей, Иисус Навин; правила судьбы — Самуил.

У всех у них одно было общее: это были люди духа, которые в молитве и в праведности общались с Богом и были как бы проводниками Его воли. Один из пророков говорит, что пророк — это человек, с которым Бог делится Своими мыслями. И эти Божии мысли пророки провозглашали, а израильский народ — сколько умел, сколько хватало веры, силы, мудрости — им подчинялся. И пути Божии были своеобразны; не напрасно Исаия пророк говорит: Мои пути — не ваши пути, и Мои мысли — не ваши мысли, но как мысли Мои выше мыслей ваших, так и пути Мои выше путей ваших...

И вот, при жизни пророка Самуила случился трагический переворот: это был момент, когда заколебалась, захирела вера израильского народа. Они оглянулись и увидели, что не виден им наследник для Самуила; и перед ними встал вопрос: а что будет, когда он умрет?. И вместо того, чтобы довериться Богу, как доверялись Ему предки их, они решили, что быть под водительством Божиим — страшно; никогда не знаешь, куда поведет Господь; Он же и Аврааму говорил: Встань, покинь свою землю, оставь свой народ и пойдешь туда, куда Я тебя поведу... И Моисею Он велел поднять израильский народ из Египта и повести его в землю обетованную — то есть в ту землю, которую им *обещает* Господь, не указывая, ни где она, ни какова она, требуя Себе доверия... Слишком стало страшно жить только доверием, захотелось уверенности, обеспеченности.

И израильтяне обратились к Самуилу с требованием: Поставь нам царя, чтобы нам быть, как все прочие народы... Это первое отречение Израиля от самодержавия Божия; впервые Израиль потребовал, чтобы ему стать "как все" — то есть, отрекся от того, чтобы быть единственным, ни на какой народ не похожим. И Самуил обратился к Богу с молитвой, что ему делать. И ответ Божий был таков: Не тебя они отвергли, а Меня; предупреди их о том, что это будет значить; и если они все-таки захотят стать *одним из* народов вместо того, чтобы быть Народом Божиим, в исключительном смысле слова, если они согласятся быть подвластными земному царю вместо того, чтобы быть водимыми Царем Небесным, — дай им царя...

И так и случилось: Израиль потребовал себе царя, и царем был поставлен Саул.

Это первый поворотный момент в отступлении Израиля. Это отступление от Бога как от единственного содержания их жизни, как от единственного их вождя и Господа было завершено много столетий спустя, когда перед судилищем Пилата, перед лицом Спасителя Христа израильский народ, под водительством своих первосвященников и старцев, заявил: Нет у нас царя, кроме кесаря... Таким образом, израильтяне не только

отреклись от непосредственного водительства Божия, не только потребовали быть *одним из* народов, но согласились уже не быть и *народом*, а раствориться в Римской империи как одна из составных частей, ничем не отличная от других.

Вот чем имя пророка Самуила так значительно в истории еврейского народа, вот почему он стоит перед Богом, в *ужасе*, и почему *ужас* Самуила должен быть для нас образцом и призывом. Аминь.

Иоанн Предтеча

(1968 г.)

Хочу, во-первых, приветствовать всех вас не только от своего имени, но также и от имени прибывших сюда со мной отца архимандрита Петра — настоятеля французского православного прихода в Париже, и отца Сергия — настоятеля одного из наших приходов в Англии, который является одновременно доцентом одного из английских университетов; а от всех нас, православных, приветствовать стоящего здесь на солее священника англиканской Церкви, который вместе со своим епископом привез привет, братскую любовь нашему Святейшему Патриарху и родной нам Церкви от своего народа и своей Церкви.

Хочу также сказать вам несколько слов о святом, который является покровителем вашего храма.

По свидетельству Господню, никто, рожденный на земле, не был так велик, как святой Иоанн Предтеча. И когда вдумываешься в свидетельство Евангелия о нем, действительно захватывает дух. Но не только дух захватывает: видишь в нем образ человека, который сумел так беспредельно, так *неограниченно* быть преданным своему Богу и своему земному призванию и который может послужить каждому из нас примером и образом, потому что каждый из нас в каком-то смысле по отношению к окружающим является так часто предтечей Господним, тем, кого Господь послал впереди Себя, чтобы принести людям слово и образ жизни, который приготовил бы их понять Христа, принять Христа. И когда *нашей* жизнью мы посрамляем наше свидетельство, когда, глядя на нас, люди перестают верить и в слова наши и в слова Христовы, то мы берем на себя страшную ответственность. Мы не только сами живем в суд себе и во осуждение, но мы других не влечем за собой туда, куда мы призваны их привести: *к радости*, к той радости, залог которой Господь нам оставил и которой никто не может отнять, но которой никто, кроме Господа, не может и дать.

Вспомним несколько из тех выражений, которые употреблены Христом или Евангелием по отношению к Крестителю Иоанну. Первое, что мы о нем слышим, это что он — глас вопиющего в пустыне. Пустыня это не только место ненаселенное, это место, где пусто; и так часто в человеческом сердце *пусто*, в человеческой жизни *пусто*. Не только нет содержания вечного, но нет вообще такого содержания, которым можно было бы жить. И в этом отношении мы окружены, все, людской пустыней. И вот в этой пустыне и мы призваны, подобно Крестителю, свидетельствовать. Свидетельство Иоанна Крестителя началось не словами: прежде чем вернуться к людям и говорить, прежде чем властно требовать от них, чтобы они стали достойны своего звания человека, он сам удалился в голую, жаркую пустыню и остался наедине с самим собой, лицом к лицу с самим собой перед очами Божьими.

Иногда и нам приходится остаться в таком одиночестве. Бывает это, когда нас оставят ближние, когда сделается вокруг нас пусто. Бывает это, когда нас тронет болезнь, и тогда, как бы мы ни были окружены заботой, мы чувствуем, что мы одиноки, потому что мы стоим перед лицом жизни и смерти там, где каждый человек один за себя будет решать вопрос жизни и смерти — не только временной, но и вечной. Бывает, что мы удалимся сами для того, чтобы прийти в себя, и тогда мы знаем, как трудно бывает остаться наедине с самим собой, когда к этому не привык: делается *боязно* — тогда открывается перед нашим собственным взором внутренняя *наша* пустота, и в эту пустоту,

в эту пустыню нам надлежит войти. Там будет одиноко, там будет пусто, там будет трудно жить, но *только* если мы сумеем жить в этой пустыне, с Богом одним, сможем мы вернуться к людям, никогда не теряя Бога и способными, победив себя, победить всё.

И вот Иоанн свыше тридцати лет пребывал одиноко в пустыне, боролся со своим сердцем, боролся со своей жизнью и вышел на проповедь и засвидетельствован Богом как величайший — но не только. Евангелие нам называет его не пророком, а **гласом**. Он так сроднился с волей Божией, так стал един с тем животворным словом, которое ему надлежит произнести для спасения людей, для пробуждения людей, для того, чтобы в них тоже воссияла *жизнь*, возродилась *радость*, что он **только** голос. Это уже не человек, который говорит: это Бог, Который вещает его гласом. Так говорили святые. Один из подвижников Афона, не так давно умерший, говорил: Святые от себя не говорят; они говорят от Бога, и только...

Иоанн отверг все земное для того, чтобы принадлежать Богу, и Господь его вернул к этой земле. Господь не оставил его в далекой пустыне: когда Иоанн стал с Ним неразлучным, Господь послал его к людям, чтобы люди зажили той жизнью, которую познал Иоанн. И вот ставится вопрос перед каждым из нас: *есть* ли во мне такая жизнь, которой я могу зажечь другого человека? *Где* эта жизнь во мне? Когда меня люди встречают — загораются ли они? Когда люди меня слышат, трепещет ли их сердце — как Евангелие говорит о спутниках Эммаусских, "горело" сердце в них? Когда люди видят нашу жизнь, разве они говорят о нас, как говорили о первых христианах: *Как* они друг друга любят!. Разве дивятся, слыша, видя нас, тому, что у нас есть что-то, чего ни у кого нет? А если это не так, то мы не пошли *даже* путем предшественника, мы не готовы принести Христа людям, мы не готовы даже проложить Ему дорожку, чтобы Он нашел как-то путь Себе. А мы призваны *быть* теми, кто готовит радость людям, радость встречи с Богом, радость, которой никогда не будет конца и которой никто, *ничто* не может отнять. Почему же? Потому что мы хотим жить на своих правах, мы хотим жить для себя, мы не хотим сходить на нет.

А вот что говорит Евангелие об Иоанне Крестителе. Свидетельствуя перед людьми о том, кто он сам есть, Креститель говорит: Мне надо умалиться, на нет сходить, для того, чтобы Он вырос в полную меру... Иоанн сам — только Предтеча; он должен открыть дверь и отойти так, чтобы о нем больше не вспомнили люди, вдруг увидев Христа и все забыв в этой радости.

Сходить на нет, приготовив путь Господень... *Кто* из нас это умеет делать? *Кто* из нас, оживив чью-то душу, хотя бы добрым словом, не хочет остаться в этой радости взаимного общения? *Кто*, сказав животворное слово, иногда нечаянно, когда Господь нам дает, не хочет, чтобы вспомнили и никогда не забыли, что было сказано это слово именно *им*?

А Креститель о себе еще говорит: Я — друг Жениха... Что это за друг жениха? В древности еврейской, как и языческой, у жениха был друг, который заботился обо всем для брака и который после совершения брака приводил к брачной комнате невесту и жениха, оставался за дверью и сторожил, чтобы никто не прервал их глубокой, таинственной встречи в дивной брачной любви. Он был другом, потому что он умел остаться за дверью, остаться за пределом. Радость его была совершенна тем, что радость жениха и невесты теперь была совершенна, они остались вдвоем, и он был защитник этой встречи. Еще скажу: *кто* из нас умеет так поступить с чужой радостью? Все сделать, чтобы эта радость случилась, все сделать, чтобы она воссияла вечным светом, и отойти, уберечь ее, охранить ее, и остаться *забытым* за закрытой дверью?

Вот еще образ о нем, последний образ. Его умаление, его схождение на нет дошло почти до предела. Он взят в тюрьму за правдивое, честное слово. Христос остался на свободе. Он проповедует, к Нему перешли ученики Иоанновы, Он окружен Своими учениками. Он вырос в полную меру Своего земного призвания. И Иоанн знает, что на него идет смерть, что из тюрьмы он не выйдет, и вдруг его охватывает сомнение. Он,

который на берегу Иордана-реки перед всеми засвидетельствовал, Кто грядущий Христос, он посылает двух своих учеников ко Христу спросить: Ты ли Тот, которого мы ожидали, или нам ожидать другого? Иначе сказать: Ты ли на самом деле Тот, о Котором я принес свое свидетельство, или же я ошибся?. Если он ошибся, то *напрасно* он погубил юные годы в пустыне, *напрасно* он выходил к людям, *напрасно* он теперь в тюрьме, *напрасно* он умрет, *напрасно* **все**. Напрасно даже то свидетельство, которое он принес Христу, и он *обманут* Самим Богом... И колеблется самая сильная душа, которая когда-либо была на земле. И Христос **не** отвечает ему. Он не отнимает у него полноты подвига веры и подвига *верности до конца*. Ученикам, вопрошающим Его, Он говорит: Скажите Иоанну, что вы видите: слепые видят, хромые ходят, нищие благовествуют; блажен тот, кто не соблазнится о Мне... Слова, когда-то, столетиями до этого, написанные пророком Исаией. И они возвращаются с этим словом. Остается Иоанну войти внутрь себя и поставить перед собой вопрос: когда он был в пустыне один перед лицом Божиим, — *правда* ли было это или внутренняя ложь? Когда он вышел из пустыни проповедовать и потрясал людей, обновлял их жизнь, приводил их к новой жизни, к новизне, к весне духовной — правда это было или *нет*? Когда он увидел Христа и прозрел в Нем Грядущего, — правда это было или нет?. И Иоанн умер в вере и в безусловной верности.

Как часто бывает, что колеблется *наша* душа, что после того, как мы сделали *все*, что мы должны были сделать, сказали слово доброе, правдивое, сделали то, что только могли для того, чтобы другой человек ожил радостью и воскрес душой и начал жить весенней жизнью вечности, — вдруг находит колебание... *Устала* душа, меркнет жизнь, клонится наша глава к земле... Стоило ли все это делать? Я не вижу плода, я не знаю, что будет, а погубил-то я столько веры, столько любви. Стоило ли все это делать?. И Господь нам не отвечает на это свидетельством *успеха*. Он нам говорит: Достаточно того, что все это была правда, что все это было добро, достаточно тебе, что ты сделал то, что надо было. В этом — все.

И вот, перед каждым из нас стоит этот образ Крестителя. Каждый из нас друг ко другу, к *каждому* другому послан как Предтеча, чтобы сказать слово настолько *чистое*, настолько свободное от самого себя, от себялюбия, от тщеславия, от всего того, что делает каждое наше слово мелким, пустым, ничтожным, гнилым; делаем ли мы это с готовностью сойти на нет, *только* бы из этого человека вырос живой человек, *невеста* вечной жизни? А когда все это сделано, готов ли я сказать с радостью: "Да, пусть совершится последнее, пусть и не вспомнят обо мне, пусть жених и невеста встретятся, а я сойду в смерть, в забвение, вернусь в ничто". Готовы ли мы на это? Если нет — *как* слаба наша любовь даже к тем, кого мы *любим!* А что сказать о тех, которые нам так часто чужды, безразличны?

Вот, будем часто-часто вглядываться в этот величественный, но человеческий образ Крестителя, и будем учиться, как живет настоящий, цельный человек, и попробуем хоть в малом так прожить, изо всех сил, даже если их немного, но *без остатка*, до последней капли нашей живой силы. Аминь.

Поминовение православных воинов, погибших на поле брани

(11 сентября 1969 г.)

Мы привыкли в нашей жизни, что о всякой нужде, по поводу всякого случая мы обращаемся к Богу за Его помощью. И на каждый наш зов, на каждый крик тоски, страдания, страха мы ожидаем, что Господь вступится за нас, защитит, утешит; и мы знаем, что Он делает это постоянно и что предельную Свою заботу о нас Он явил, став Человеком и умерев за нас и ради нас.

Но иногда бывает в жизни нашего мира, что Бог обращается за помощью к человеку; и это бывает постоянно, но часто еле заметно, или вовсе остается нами незамеченным. Постоянно Бог обращается к каждому из нас, прося, моля, уговаривая быть в этом мире, который Он так возлюбил, что жизнь за него положил, быть Его живым присутствием,

быть Его живой заботой, зрячей, добродействующей, внимательной. Он нам говорит: что бы мы ни сделали доброго для какого бы то ни было человека — мы для Него сделали, призывая этим нас быть как бы на Его месте.

А порой Он некоторых людей зовет к более личному служению Ему. В Ветхом Завете мы читаем о пророках: пророк Амос говорит, что пророк — это человек, с которым Бог делится мыслями Своими; но и не только мыслями, но и Своим делом. Помните пророка Исаию, который в видении созерцал Господа озирающего и говорящего: Кого послать Мне? — и пророк встал и сказал: Меня, Господи!.

Но вот, среди пророков, среди людей, которые Богу послужили сердцем неразделенным, всей большой силой души, есть один, память которого мы совершаем сегодня и которого Христос назвал величайшим среди рожденных на земле.

И действительно, когда вдумаешься в его судьбу, кажется, нет судьбы более величественной и более трагичной. Вся судьба его была в том как бы, чтобы *не быть*, для того, чтобы в сознании и в видении людей возрос Единственный, Который *есть*: Господь.

Вспомните первое, что говорится о нем в Евангелии от Марка: Он глас, вопиющий в пустыне... Он только голос, он настолько уже неотличим от своего служения, что он стал только Божиим голосом, только благовестником; словно его, как человека плоти и крови, человека, который может тосковать, и страдать, и молиться, и искать, и стоять, в конечном итоге, перед грядущей смертью, — словно этого человека нет. Он и его призвание — одно и то же; он — голос Господень, звучащий, гремящий среди пустыни людской; той пустыни, где души пусты — потому что вокруг Иоанна были люди, а пустыня от этого оставалась неизменной.

И дальше. Сам Господь говорит о нем в Евангелии, что он — Друг Жениха. Друг, который так сильно, так крепко любит жениха и невесту, что он способен, забыв себя, служить их любви, и служить тем, чтобы никогда не оказаться лишним, никогда не быть *там и тогда*, когда он не нужен. Он — друг, который способен защитить любовь жениха и невесты и остаться вне, хранителем тайны этой любви. Тут тоже великая тайна человека, который способен как бы *не стать* для того, чтобы что-то большее, нежели он, было.

И дальше говорит он о себе по отношению к Господу: Мне надо умяляться, сходить на нет, для того чтобы Он возрос... Надо, чтобы обо мне забыли, а помнили только о Нем, чтобы мои ученики от меня отвернулись и ушли, как Андрей и Иоанн на берегу Иордана, и последовали неразделенным сердцем за Ним только: я живу лишь для того, чтобы меня не стало!.

И последнее — страшный образ Иоанна, когда он уже был в темнице, когда вокруг него суживалось кольцо смерти, когда у него уже не было выхода, когда эта колоссально великая душа заколебалась... Шла на него смерть, кончалась жизнь, в которой у него не было ничего своего: в прошлом был только подвиг отречения от себя, а впереди — мрак.

И в тот момент, когда заколебался в нем дух, послал он учеников спросить у Христа: Ты ли Тот, Которого мы ожидали?. Если Тот — то стоило в юных годах заживо умереть; если Тот — то стоило умяляться из года в год, чтобы его забыли и только образ Грядущего возрастал в глазах людей; если Тот — тогда стоило и теперь умирать уже последним умиранием, потому что все, для чего он жил, исполнено и совершено.

Но вдруг Он не Тот?. Тогда потеряно все, погублена юность, погублена зрелых лет величайшая сила, все погублено, все бессмысленно. И еще страшнее, что случилось это, поскольку Бог будто обманул: Бог, призвавший его в пустыню; Бог, отведший его от людей; Бог, вдохновивший его к подвигу самоумирания. Неужели Бог обманул, и жизнь прошла, и возврата нет?.

И вот, послав учеников ко Христу с вопросом: Ты ли Тот? — он не получает ответа прямого, утешающего; Христос не отвечает ему: Да, Я Тот, иди с миром!. Он только дает пророку ответ другого пророка о том, что слепые прозревают, что хромые ходят, что мертвые воскресают, что нищие благовествуют. Он дает ответ из Исаии, но Своих слов не

прибавляет — ничего, кроме одного грозного предупреждения: Блажен тот, кто не соблазнится о Мне; пойдите, скажите Иоанну...

И этот ответ достиг Иоанна в предсмертном его ожидании: верь до конца; верь, не требуя ни знамений, ни свидетельств, ни доказательств; верь, потому что слышал ты внутри, в глубинах души твоей глас Господень, повелевающий творить дело пророка... Другие каким-то образом могут опереться на Господа в их порой величайшем подвиге; Иоанна же Бог поддерживает только тем, что повелел ему быть Предтечей и для того явить предельную веру, уверенность в вещах невидимых.

И вот почему дух захватывает, когда мы думаем о нем, и вот почему, когда мы думаем о подвиге, которому предела нет, мы вспоминаем Иоанна. Вот почему из тех, которые родились среди людей рождением естественным и возносились чудесно благодатью, он из всех самый великий.

Сегодня мы празднуем день усекновения его главы. Празднуем... Слово "праздновать" мы привыкли понимать как "радость", но оно значит "оставаться без дела". И без дела можно остаться потому, что захлестнет душу радость и уже не до обычных дел, а может случиться, что руки опустились от горя и ужаса. И вот таков сегодняшний праздник: за что возьмешься перед лицом того, о чем мы слышали сегодня в Евангелии?

И в этот день, когда перед ужасом и величием этой судьбы опускаются руки, Церковь призывает нас молиться, о тех, которые тоже в ужасе, и трепете, и недоумении, а иногда в отчаянии умирали: умирали на поле битвы, умирали в застенках, умирали одинокой смертью человека. После того как вы приложите ко кресту, мы помолимся о всех тех, кто на поле брани жизнь положил, чтобы другие жили; склонились к земле, чтобы воспрянул другой. Вспомним тех, кто не только в наше время, а из тысячелетия в тысячелетие погибали страшной смертью, потому что они умели любить, или потому, что другие любить не умели, — вспомним всех, потому что всех объемлет Господня любовь, и за всех предстоит, молясь, великий Иоанн, который прошел до конца через всю трагедию жертвы умирания и смерти без единого слова утешения, а только по властному повелению Божию: "Верь до конца, и будь верен до конца!" Аминь.

День памяти Апостолов

(1970 г.)

Мы празднуем сегодня день святых Апостолов; и мы не всегда отдаем себе отчет, как мы должны быть им благодарны за то, что мы сейчас веруем во Христа, что мы можем Ему молиться, просто за то, что мы — Христовы. Им было дано так много, что они могли бы замкнуться на этом и сказать: Для меня этого хватит на всю жизнь... Апостол Иоанн, говоря об апостольском свидетельстве, пишет: Мы говорим о том, что мы видели, что мы слышали, что мы осязали... Они говорят о Христе, Которого они знали как друга и познали как воплощенного Бога; они могли бы, восприняв такое неопишное, бездонное богатство, уйти в себя и жить этой вечностью, этой славой, этой глубиной новой жизни, открывшейся в них.

Ведь выход на проповедь был для них жертвой; они должны были говорить о том, что для них было дорого, что часто, верно, хотелось сохранить в тайне. Но эту тайну они открыли всему миру, потому что она была нужна миру и потому что от Христа они научились любви.

И открытие этой тайны миру стоило им дорого: Апостолы ценой своей жизни и ценой своей смерти передали эту радость другим. За раннюю проповедь в Иерусалиме, за то, что они говорили о Христе, о новой жизни, которая пришла в мир, о новой радости и вечности, которые победили все, Апостолов не только изгоняли — их били, их сажали в тюрьмы, их всячески мучили. И когда они вышли в широкий, далекий мир — который для нас теперь стал довольно-таки небольшим, но тогда измерялся человеческим шагом, — они шли, шли через пустыни, плыли через моря, проходили через леса, подвергались опасности от разбойников, от бури, от лжебратии, как говорит Павел. И все это потому,

что их сердце было полно такой любовью, такой жалостью ко всему, что чудо вечной жизни, радость о Христе они не могли сохранить для себя, а должны были ею делиться и давать, пока они живы; и ни один из них, кроме Апостола Иоанна Богослова, не умер естественной смертью в старости; все пострадали: кто был обезглавлен, кто распят, кто иначе умучен; и всё же, видя, как собратья умирают от этой проповеди, Апостолы шли, шли и проповедовали, потому что не могла удержаться их душа замкнутой, не могла удержаться в их душе и проповедь жизни и любви.

Мы слышали сегодня их имена; как часто бывает, что, когда читается в церкви Евангелие, люди слушают и думают: Когда же этот перечень имен придет к концу? Что в этих именах?. Да в этих именах настоящие, живые люди! Это не просто имена — это имена тех людей, благодаря которым мы сейчас живы, благодаря которым мы сейчас познали Христа. Не было бы этих имен — была бы пустыня в наших душах.

Будем же вспоминать каждое из этих имен, будем их повторять, как повторяешь имя родного, дорогого человека, брата, отца, сестры, невесты; будем повторять это имя благоговейно, ласково, потому что эти люди, простые рыбаки, так полюбили Бога, что свою жизнь отдали за каждого из нас. Ведь каждое слово евангельское, которое касается нашей души, — это живое слово или Матфея, или Луки, или Марка, или Иоанна, либо кого иного из писателей Нового или Ветхого Завета. Эти люди нам говорят с этих страниц, и эти люди нам говорят с крестов, на которых они были распяты, с костров, на которых они горели, из пустынь, где они изнывали жаждой, из глубин морских, где они проводили, как Апостол Павел, целую ночь и целый день, борясь за жизнь: не за свою, а чтобы дойти до такого места, где люди еще не слыхали о Христе, куда не донеслась весть о жизни, о радости, о Боге Живом, Который не постыдился стать, как один из нас, хрупким, уязвимым.

Как дороги и значительны эти имена... Но что они говорят кроме этого? Разве мы хоть чуть-чуть похожи на этих Апостолов? Разве из церкви или евангельских слов, или из радости братского общения с родными нам по вере мы не стараемся извлечь все тепло, всю надежду, всю любовь, всю силу, все ликование, весь свет, который они нам могут дать, — а извлеки, храним их в своей душе, чтобы ими насладиться, вместо того чтобы, возгоревшись огнем любви и Духом Святым, забыв о себе, спешить к кому-нибудь из тех обездоленных, жаждущих, несчастных, у которых нет радости в душе, которые не верят жизни, которые не знают, что Бог верит в них вплоть до становления человеком и до распятия на кресте.

Как мы замкнуты! И благовестие, и радость, и любовь, и жизнь в наших душах чахнут, вымирают, потому что нет им простора, ибо то, что Бог нам дает, это не робкий порыв, а такая сила, которая не может удержаться в малых, узких наших сердцах. Это дается нам не для сладостного воспоминания, а для того, чтобы жить всем простором жизни земной и жизни небесной. Если мы не будем жить так, то не удержим в себе небесной радости...

Вдумаемся в этот образ жертвенной, самозабвенной, ликующей, поистине крестной любви апостольской и станем друг ко другу, ко всякому человеку, встреченному на пути, и ко всякому человеку, о котором что-то подскажет нам наше сердце, относиться, как они; и тогда наш мир станет светлей, теплей, тогда Христос найдет Себе место на этой земле, где всё больше и больше Он отвергается и отстраняется — и не потому, что Он не заслуживает преданности, любви и служения, а потому что мы, которым дана весть, даже для себя не умеем ее сохранить! Аминь.

Апостол Иоанн Богослов

Мы празднуем сегодня день святого Иоанна Богослова, учителя любви, Апостола любви. И кажется нам, что эта любовь должна быть так пламенна и возвышенна, что она должна нестись в небо, как бы даже не касаясь земли. А вместе с этим та любовь, о которой говорит святой тайнозритель Иоанн, написавший дивное Евангелие, имевший

видение на острове Патмос, — это любовь конкретная, живая, реальная. И он настаивает на этом, подчеркивает, что если мы говорим, что любим Бога, но деятельной, конкретной, творческой любовью не любим человека, то мы *лжем*; ибо мы не можем по праву говорить, что любим *невидимого* нами Бога, когда реальный человек, чья нужда бросается в глаза, остается нам безразличен. И вот здесь тайна настоящей христианской любви: *как бы она ни была возвышенна, как бы она ни уносила нас к Престолу Господню, как бы она ни пламенела небесным пламенем, она должна быть до конца конкретна и до конца выражена на земле. Если этого нет, то она — мечта, то она — ложь, то ее нет вообще!*

И вот, перед лицом этого благовестия о любви, войдем в себя и задумаемся в свою любовь: сколько людей вокруг нас, которых мы просто любим; и сколько людей, среди будто любимых нами, которые могут нас обойти своим вниманием — и мы не оскорбились бы, пройти мимо нас и забыть о нас — и не охладела бы наша любовь? *Сколько* людей среди любимых нами, о которых мы всегда помним без того, чтобы им нужно было напоминать о себе? И сколько таких людей, которые напомнят о себе — и встретят только радость, а не чувство раздражения?

Нам рано, большей частью, думать о том, что мы такое малое количество людей любим, а пора бы, пора задуматься над тем, как мы любим любимых, как мы любим тех, которые нам как будто дороги: если это любовь живая, творчески вдумчивая, если эта любовь способна *выискивать* случай, чтобы проявить себя, если она чуткая, если она тонкая, если она *постоянно* настроже, — тогда это любовь земная, достойная Неба. Иначе — нет.

Войдем в себя перед лицом этой красоты любви, которую нам описывает Иоанн, которая явлена в его жизни, которую Христос не только проповедовал, но и явил, задумаемся в свою любовь и попробуем **любить**: сначала по-человечески, но по-настоящему, *достойно* человека; а затем будем постепенно вырастать до того, чтобы любить еще одного человека, и еще лучшей любовью, *ширить* эту любовь, обнимать все большее и большее количество людей лаской, пониманием и жертвой нашей жизни. И тогда и мы вырастем постепенно до того, чтобы понять, что такое любовь Христова; и в какой-то день и нам, может быть, будет дано хоть одного человека, по слову Апостола Павла, принять *так*, как *нас* принимает Христос! Аминь.

Великомученик и Победоносец Георгий

3 мая 1981 г.

На этой неделе мы будем праздновать день великомученика Георгия, покровителя Великобритании, и я хочу сказать несколько слов о нем.

На иконе Георгия Победоносца мы видим человека, у которого оказалось мужество и смелость сразиться со злом, сразиться не только ради себя самого, но ради чего-то большего, чем он сам, и сразиться с ним лицом к лицу, зная, что это может стоить ему жизни. Святой Георгий изображается в виде бесстрашного Рыцаря, бьющегося с драконом, а у ворот дворца стоит девушка, которую он хочет спасти и которая ждет либо его победы, либо своего позора и смерти.

И вот в каждом из нас есть нечто, символом чего могла бы быть эта чистая девушка: наше целомудрие, наша чистота, и честность, и цельность, и столько других вещей, которые делают нас родными Живому Богу. И против всего этого ополчаются силы зла, как дракон на иконе, готовые растерзать эту красоту, так, чтобы не осталось ничего, кроме смерти, разрушения и пораженности — не только нас самих, но и Бога. Но в каждом из нас есть величие и щедрость души, высокий дух рыцарства, который может быть поднят на борьбу за все то, что чисто, что благородно, за все великое и ради красоты этих свойств, но одновременно и ради Господа, Которому эта Красота принадлежит, как принадлежит Невеста возлюбленному и чистому Жениху.

И этот образ святого Георгия — это призыв, обращенный ко всем нам: зло распространилось повсюду, оно не только рыщет вокруг нас, оно таится и в нас самих,

стараясь побороть всю эту красоту и цельность; и мы призваны вступить в бой и бороться для того, чтобы зло было побеждено, и не только ради нас самих, и не только ради Бога, но ради всякого, кого зло, может быть, отравляет и разрушает.

Вглядимся же в течение этой недели в эту икону, хотя бы мысленно, если у нас ее нет, и поставим себе вопрос: *что* в нас есть такого, что стоит у дверей царских палат, у врат Царствия Божия, готовое войти в него, если только оно будет освобождено от оков, в которые зло заключило его, если только оно будет спасено от гибели, куда зло пытается ввергнуть его. Вглядимся также и в зло, которое пребывает в нас, и примем вызов, как его принял витязь добрый святой Георгий, и будет ли нам это стоить жизни, или будет это стоить злу поражением, *выйдем* на арену, вступим в бой, и пусть всё прекрасное, великое и благородное будет в нас защищено, спасено, освобождено, и вступит во дворец, в Царство Живого Бога, Который ждет нас с такой любовью, с такой верой, с такой непоколебимой надеждой! Аминь.

Священномученик Власий Севастийский

24 февраля 1974 г.

Древняя Церковь совершала Божественную литургию на гробницах мучеников, в тайных местах, где первые христиане хоронили тех, которые так сумели возлюбить Бога, так были Ему преданы, что не только душой, но костями легли и кровью истекли ради веры в Бога и веры в человека; в наше время мы совершаем Божественную литургию на престолах, куда вложена частица их мощей. И сегодня Церковь празднует день святого Власия Севастийского, которого мы поминаем за каждой службой, прося его молитвы, потому что частица его многострадального, Богом подаренного и людям отданного тела находится в священном антиминос — том плате, на котором мы совершаем Божественные Тайны.

Мы дивимся святым, изумляемся им, хвалим их церковно, молимся им частно и соборно; но этого мало! Святой Иоанн Златоустый сказал, что подлинное почитание святого — это уподобление ему, следование его примеру. Святой Власий Севастийский дорог Церкви тем, что он, в IV веке, когда мало еще кто дерзал быть Христовым учеником, стал таковым. Он исповедовал православную веру, за нее он был гоним, за свою верность Богу и вере он пострадал мученической смертью.

И одна из черт его личности, которая в течение всей его жизни делала его близким и дорогим окружающему его народу, была его способность, что бы с ним ни происходило, каковы бы ни были обстоятельства его жизни, забыть о себе до конца, совершенно, и вспомнить только о нужде тех, которые вокруг него находились. Нам рассказывается о том, что его милосердие распространялось не только на людей, но на всю Божию тварь, которую он любил ласковой, действительно Богоподобной любовью, и когда его вели на мучения, то на пути встретилась хромая собака, и, забыв, что он идет на смерть, он остановился, ее благословил, и она ушла цела...

Его любовь действительно была той любовью, которую нам заповедал Господь — любовью к родным, дорогим людям, к своим и к дальним, которые Богу близки и поэтому нам родные, кровно свои; любовью ко всему тому, что сотворил Господь Своей державой и Своей любовью.

Мы можем научиться от него отдавать себя щедро, самозабвенно Богу и людям; мы можем от него научиться, что за чистоту нашей православной веры можно жить крестной жизнью и умирать смертью мученика. Мы можем научиться от него, что любить Бога — это значит ценой своей жизни, а порой своей смерти, изливать Божию любовь на всех тех, которых создал, восхотел и возлюбил Господь... Научимся от него жить и, если нужно, умирать, и будем оглядываться вокруг себя на тех людей среди нас, близких и дальних, которые умеют жить так, как нам заповедал Христос и как жили святые, и умирать, как они, забыв все, кроме Божией правды, кроме своей веры, кроме своей любви к Богу и

людям. И почитая их, изумляясь им, постараемся быть подобными им — великодушными, смелыми, Божьими. Аминь.

Преподобный Антоний Великий

18 января 1981 г.

Мы служим не каждый день, и поэтому проходят мимо нас имена святых и учение святых, от которых мы могли бы столикому научиться, но которых редко кто помнит. Так, вчера праздновался день основоположника монашеского подвига в египетской пустыне, святого Антония Великого, в память и честь которого названы все, кто впоследствии носил это имя, включая и основоположника русского монашества, Антония Печерского.

И мне хочется обратить ваше внимание на одно только событие из его жизни. Он ушел в пустыню, первый из всех подвижников, для того, чтобы бороться со злом, которое существовало в его сердце. Он не бежал от мира: он уходил в пустыню на единоборство, чтобы сразиться лицом к лицу со злом более сложным, более страшным и разрушительным, чем то зло, которое нас окружает в миру.

И вот, в какой-то период страшной, разрушающей бурей нашли на него искушения всякого рода; и он боролся отчаянно, он боролся изо всех своих сил, и наконец эти силы в нем истощились, не только душевные, но и телесные, и он лег на голую землю, чувствуя, что бороться больше не может. И в этот момент перед ним предстал Спаситель Христос, и вся тьма просветилась Его присутствием, весь ужас отошел. И тогда, бессильный даже встать перед Ним и поклониться Ему, Антоний воскликнул: Господи! *Где же Ты был, когда я был в таком страшном борении? Неужели Ты не мог мне помочь?* И Спаситель ему ответил: Я невидимо стоял рядом с тобой, готовый тебе помочь, если *только* поколебалась бы вера твоя...

Эти слова Спасителя обращены к каждому из нас; все мы стоим перед лицом или находимся во власти внутренней борьбы: борьбы с тьмой, борьбы со злом, борьбы со страхом, с недоумениями, со всем, что составляет падшую человеческую природу. И каждый из нас постоянно молится: Господи, приди! Господи, сними с меня это бремя! Господи, освободи меня!

И так часто я слышу жалобы, что на этот крик души Господь как будто не отзывается; а на самом деле Господь стоит рядом с нами, с радостью взирая, когда мы мужественно, с верой, с верностью в сердце *боремся* во имя Его, как воины борются за своего царя, ратуют за него, даже если нужно в этой борьбе быть ранеными, изувеченными или убитыми.

И это наше человеческое призвание: если мы Христовы, то мы Христом посланы в этот мир, чтобы Его именем и во имя Его бороться и побеждать. Вспомним это каждый раз, когда мы окажемся во власти искушения, когда в нас подымется горечь, и злоба, и страх, и ненависть, и всякая страсть: *нам* дано бороться, именно *дано*: наша честь, наша слава, что Бог доверяет нам — нам, немощным, ничтожным — борьбу со злом в мире. И эта борьба начинается не вне, не в противостоянии нашем ближнему или дальнему, а начинается внутри нас, в победе *над* собой, в том, чтобы все преодолеть, стать хозяевами своей души, владеть душой, и телом, и умом, и сердцем, и волей, и жизнью — и *все* отдать в руки Божии, с тем, чтобы нам служить Ему всем сердцем, всей душой, всей крепостью, всем умом, всем, что мы есть и что у нас есть. Аминь.

Равноапостольная княгиня Российская Ольга

24 июля 1988 г.

Мы живем в такое время, когда христиане представляют собой все убывающее меньшинство, и в этом меньшинстве мы, православные, составляем *малую* общину, как в среде христиан, так и среди секуляризованного мира. И как мы робеем, *как* мы робеем заявить себя тем, чем мы являемся, как мало в нас решимости стоять в своем христианском качестве перед лицом мира, чуждого нам и чуждого Христу, нашему Богу,

нашему Спасителю, нашему Господу и брату по человечеству! Как мы робеем заявить о своей вере, как мы робеем жить согласно ясным диктатам Евангелия и явить не только на словах, но всей нашей жизнью, что мы — и в мире и не от мира, что мы — предвестники Царства Божия, народ, посланный в мир, чтобы покорить его Богу: но не силой, а отдавая свою жизнь за мир.

И вот жизнь святой Ольги, память которой мы чтим сегодня, должна быть для нас и судом, и вдохновением. Ольга была христианкой за два поколения до Крещения Руси; она была христианкой в одиночку, среди царедворцев своего мужа, который презирал христианство как религию слабых, потешался над ним и вместе со своими соратниками высмеивал и княгиню Ольгу и ее веру. И она стояла, в одиночку, и никогда не поколебалась; *она* не робела заявить о том, кто она есть, она провозглашала свою веру в одного, Единого Бога, Господа господствующих и Царя царствующих, но также и Спасителя мира.

Какой это для нас урок! Мы живем в мире, который подчас осмеивает нас, который живет, как если бы евангельские ценности утратили всякий смысл, но *реальная* опасность нам не угрожает. А сейчас существуют страны, где христианином быть *опасно*; еще не так давно заявить себе христианином в России могло быть опасным и могло сулить беду и для себя самого, и для семьи, и для друзей; и однако люди стояли непоколебимо и веровали. И, по примеру святой Ольги, *выстояли* женщины; женщины спасли Церковь в России своим героизмом и своей готовностью принять страдания и отдать жизнь за нее, за Бога.

Мы должны очень серьезно задуматься над своей боязливостью, над своими страхами и поставить перед собой вопрос: отчего это так? Потому ли, что мы вообще так боязливы, потому ли, что страх так глубоко вьелся в нашу плоть и в нашу кровь? Или же мы все еще ничего не поняли? Или мы забыли, *кто* для нас Господь Иисус Христос, и Ему место только где-то на задворках нашей жизни, но не в сердцевине ее, и Он не царит как Господь и Бог в наших сердцах и умах, и во всей нашей жизни? Мы должны спросить себя, *что* Он для нас значит, если мы так испуганы от усмешки, от язвительного замечания, от пренебрежительного отношения — ведь ничего более опасного с нами не произойдет в тех условиях, в которых мы живем.

Разве так мы относимся к людям, которых мы действительно любим, когда над ними насмеются, когда их опорочивают, бранят? Разве мы тогда молчим, разве мы поддакиваем толпе, оставляя стоять в одиночестве тех, кого мы любим? Разве мы допустим, чтобы имя нашей матери, невесты, мужа или жены или самого дорогого друга произносилось с насмешкой и сопровождалось непристойной, унижающей шуткой? Нет, мы не снесли бы этого, по крайней мере, я надеюсь, что никто из нас не стал бы терпеть этого! И в то же время мы так легко и спокойно сносим это, когда речь идет о Христе, о Боге и о Его правде, о том, чтобы жить по-Божьи! Означает ли это, что столько людей и столько вещей для нас бесконечно более значительны, чем Тот Бог, Который так нас возлюбил, что призвал к бытию с тем, чтобы отдать нам Себя в руки; и когда мы отвернулись от Него, каждый из нас и все мы сообща, вместе — пришел в мир, чтобы разделить нашу судьбу, жить и умереть за нас и вместе с нами...

Задумаемся над этим, потому что, вот, стоит и высится перед нами во весь рост образ святой Ольги, одинокой в море язычников — не в таком обществе, которое, как наше, уже несет в себе евангельскую закваску и где у нас столько общего с нынешними язычниками. Она стояла в одиночку и не поколебалась; и потому что она так выстояла, она смогла передать своему внуку Владимиру такое видение мира, которое никогда не поблекло и не дало ему покоя, пока он не нашел ответа. Она раскрыла перед ним новое измерение человечества и пробудила в нем голод по вещам более великим, более правдивым и более святым, чем ложные боги, которых почитал его отец со своим окружением. И *потому* что она была способна выстоять среди насмешек царедворцев своего мужа, ее внук открылся Богу во Христе и своим обращением распахнул сердца миллионов людей и просторы земли Российской господству и воцарению в ней Христа Спасителя.

Научимся же от этой женщины, хрупкой и более сильной, чем все мужчины, — как Матерь Божия, бывшая сильнее всякой боязни и всякого колебания; научимся стоять в одиночку и провозглашать нашу веру — не на словах, слова больше никого не убеждают, люди слышались слишком много обманчивых, красивых слов, — но *живя* по-Божьему, как собственный народ Христов. Аминь!

Равноапостольный князь Владимир

Святой Апостол Павел в одном из своих посланий говорит: Поминайте наставников ваших, которые открыли вам тайны веры... И вот сегодня мы вспоминаем князя Владимира: как историческая личность князь Владимир был сложным человеком, и в нем мы видим всю сложность человеческой души, человеческой жизни, когда она возникает из сложных, стихийных недр язычества, чтобы встретиться лицом к лицу с Евангелием, с Самим Христом. Сложная историческая личность, полная порывов зла, добра; человек, который, вдруг оказавшись христианином, сумел в этой полутьме переживаний и жизни оценить Евангелие как *самое драгоценное*, что может быть у человека, Христа — как *единственного*, Кому можно подчиниться до конца и служить, и который захотел дать эту драгоценность и этого Господа всему своему народу.

Каждый православный народ особенно чтит первого из своих князей и царей, который дал своей стране Христа. На грани язычества и христианства, там, где бушуют страсти, где борьба порой бывает самая трагическая и страшная, всегда стоит человек, который имел мужество весь народ свой посвятить Богу и всему народу дать Спасителя. За это мы благодарим князя Владимира, за это мы его вспоминаем; и вместе с этим каким утешением является такая личность, как он, для каждого из нас — грешного, слабого, порой порывистого в вере, непостоянного в добре, — когда мы видим, что такой же, как мы, человек смог открыть Бога, и так глубинно, так потрясающе измениться во всем.

Но мы вспоминаем сегодня не только князя Владимира; мы вспоминаем еще отца Владимира Феокритова, который до меня был здесь настоятелем. Многие были его духовными детьми, многие его еще помнят благодарным сердцем. Он был человеком редкой цельности, кристальной чистоты; и он сумел построить этот приход на основании, положенном его предшественниками, в такой цельности и правде, на которых стоим мы и теперь. Мы должны *ему* быть благодарны за то, что у нас есть, и поэтому в конце службы мы отслужим по нему панихиду, вспомним духовных его детей, теперь усопших, и помолимся о том, чтобы по его молитвам и мы выросли в ту меру цельности и величия, примером каковых он был для нас. Аминь.

Отцы Киево-Печерской лавры

Когда в десятом веке Русь стала христианской, монашеская жизнь Византийской империи уже достигла своего апогея; борьба между иноками и императорами увенчалась победой Церкви: словом и кровью монахи отстаивали ее независимость. Иноков, ливших свою кровь в этой борьбе, окружало всеобщее почитание. Большие цареградские обители, как, например, Студийский монастырь, своими школами, библиотеками, приютами для сирот и престарелых глубоко влияли на умственную и общественную жизнь Цареградской империи: люди, отрешившиеся от мира, но проникнутые к нему сильной, сострадательной любовью, безбоязненно произносили над человеческой неправдой свой суд. Эти черты определили тип и киевского монашества.

Правда, первые монастыри, созданные князьями по образцу византийских, бывали часто бледными копиями живой, полнокровной иноческой действительности Византии. Но вскоре Русь начала создавать свою самобытную монашескую традицию. Без помощи со стороны, трудами и подвигом святых преподобных Антония и Феодосия выросла подлинно русская Киево-Печерская обитель, пережившая все трагедии истории, давшая древней Русской Церкви сонмы святых, вождей церковных (как, например, Стефана, епископа Владимирского, Ефрема Переяславского, Исаию Ростовского); благовестников,

миссионеров-мучеников Кукшу и Пимена; людей глубокого и терпеливого милосердия, таких как святые Феодосий и Дамиан-целитель; наконец, первого летописца русского — Нестора, первого иконописца — Алипия.

Историк Сипягин назвал Киево-Печерскую лавру "первым из русских монастырей и по времени его возникновения, и по богатству сокровищ, вложенных им в сокровищницу русского Православия". Уничтожаемый несколько раз татарами (в 1240, 1299, 1316 гг.), он был каждый раз восстанавливаем и стал ядром, вокруг которого спланировался русский народ в своем усилии отстоять свою политическую и религиозную независимость против Польши.

Из всех подвижников Киево-Печерской лавры выделяются два ее основателя — преподобные Антоний и Феодосий.

Из скудных сведений, дошедших до нас о святом Антонии, встает перед нами образ мощного и сурового подвижника. Рожденный в Любече, в Черниговской области, он два раза ходил на Афон, на далекий тогда полуостров Южной Македонии, отделенный от Руси лесами, стремнинами, высокими горами, холодом, голодом, бесчисленными опасностями и трудностями одинокого пути, о которых мы в наш век и понятия не имеем. Вернулся он на родную Русь монахом и носителем благословения святой Горы Афонской и стал жить в совершенном одиночестве, в пещере на Киевских горах. Трудился, молился, высвобождал свою душу от зависимости от тела, от страха, от страстей; становился *подлинно* человеком: твердым, бесстрашным, свободным, бесстрастным.

Многим в наше время кажется непонятным, изуверским этот духовный труд ранних подвижников — в пустыне, в молчании, в затворе. Сущность его в том, чтобы оторваться — если нужно, насильственно — от всего внешнего и войти в себя, чтобы позже жить полной, свободной внутренней жизнью, независимой от каких бы то ни было случайностей и превратностей. Для этого подвижник должен отрешиться от всех впечатлений, рассеивающих мысль и раздвояющих душу, уйти в себя, преодолеть даже внутренний диалог — тот непрерывный разговор, который мы, того не замечая, все время ведем с собой или с невидимым собеседником, стать подлинно "безмолвным", глубинно тихим. Должен он преодолеть и страстное, хищнически собственническое отношение к окружающему миру и к себе. И только тогда, при полном внутреннем равновесии сил душевных, став, как духовные писатели древности говорят, "самовластным", может он жить и действовать в Истине и в Правде.

Подвиг Антония Печерского был не только суров, но, видимо, и мрачен; но он оправдывается тем просвещением души, которое сделало святого Антония учителем Феодосия.

Трудно себе представить большее несходство, чем то, которое мы видим в святых Антонии и Феодосии: святой Феодосии — образ евангельской "легкости", окрыленности, живого, отзывчивого милосердия, святой, братской, ласковой общительности. И вот в этом-то и сказывается гениальность духовной одаренности и внутренней отрешенности святого Антония — что он сумел увидеть своего ученика, *каким тот был*, в его самобытности, со всеми его способностями и возможностями, в его бесподобности, — и употребил весь свой духовный опыт для того, чтобы ему помочь стать самим собой, а не подобием своего учителя. В этом отношении святой Антоний проявил свойства, позже так ярко выразившиеся в старчестве: дар воспитать человека не по трафарету, а согласно его собственным свойствам и дарованиям.

Святой Антоний стал образцом одиночного подвига зрелого духовного борца. Святой Феодосий — основоположником общежительного русского монашества и светлым образом, столетиями вдохновлявшим русских подвижников, предшественником и духовным родичем преподобного Сергия Радонежского. В преподобном Феодосии святость Киевской Руси нашла почти всестороннее выражение; умеренность, живость, отзывчивость, кротость, простота, целомудрие и целомудренность — и любовь; над всем

и превыше всего — любовь: ласковая, человеческая, не гнушающаяся ничем, но трезвенная, подлинно евангельская, строгая, смелая в обличении, но тем не менее сострадательная.

Эта любовь и есть опора и сущность святости; любовь ко всем *в Боге*. Она-то и подвигла одних — отцов Ближних, Антониевских пещер, — уйти от всего, чтобы вкорениться в Бога и возродиться в Нем; а других — отцов Дальних, Феодосиевских пещер, — служить Киевской Руси делами милосердия и сострадания, обличения и правды, бесстрашия и смирения, созидания видимой красоты Лавры, отображающей мировоззрение и духовную красоту ее насельников и тружеников духа.

Явлением Неба на земле, свидетельством сострадательной *Божией* любви, радости Креста и Воскресения, образом истинной человечности — вот чем были подвижники Киева, Антониевы и Феодосиевы ученики, чей пример и теперь воодушевляет нас и не перестанет привлекать к иноческому подвигу творческие, смелые, благородные души, пока на земле не иссякнут любовь и благородство.

Преподобный Варлаам Хутынский

19 ноября 1978 г.

Православная Церковь, особенно в России, вспоминает сегодня великого покровителя и чудотворца новгородского Варлаама Хутынского. В Новгороде окружало его то же благоговение и та же любовь, которые Московская Русь, а затем и вся Россия принесла позже в дар почитания Сергию.

Последние евангельские чтения так или иначе упоминали о смерти: Апостол Павел нам возглашал, что для него смерть заключается не в утрате земной жизни, а в том, чтобы облечься в вечность; говорил он о том, что для него жизнь — это Христос, а смерть — приобретение, потому что пока мы живем во плоти, мы от Христа разделены, но смертью мы с Ним соединяемся в непостижимой близости... Евангелие, которое мы читали несколько недель тому назад о вдове Наинской, говорило о смерти и жизни; и сегодняшнее Евангелие говорит о том же. И вот хочется вспомнить еще слово или, вернее, событие из жизни Варлаама Хутынского, которое может многих озадачить, но которое должно всех заставить задуматься.

Вели однажды через новгородский мост преступника на казнь; встретилось это страшное шествие со святым Варлаамом; он остановил его, попросил, чтобы ждали, и бросился к ногам воеводы, и умолил его отдать ему этого преступника. Он взял его к себе; преступник больше тридцати лет жил с ним в одной келье, и Варлаам терпел от него все: и его грубость, и его безнравственность — все терпел, пока не обратил его ко Христу и не сделал для него, в свое время, вступление в вечную жизнь торжеством, а не ужасом.

В те же годы случилось иное шествие через новгородский мост: вели человека, ничем неповинного, оклеветанного, на смерть. И, *зная*, что он погибает напрасно, горожане бросились к святому Варлааму, моля его, чтобы тот же самый духовный авторитет, которым он спас преступника, он употребил, чтобы спасти неповинного человека. И Варлаам сказал: Нет, я этого не сделаю... На удивление сограждан он ответил, что первый шел на вечную погибель через смерть, второй умирает мучеником, и он не хочет его обокрасть, лишив этой кончины, потому что человек в любое время может отойти от Бога и себя погубить. А теперь, зрячими глазами святого, он его видел готовым к переходу от временной жизни к вечной...

Я ничего больше не скажу об этом; каждый из нас может подумать и поставить перед собой вопрос: понятен ли ему поступок святого Варлаама? Понятна ли ему глубина жизни и громадная ответственность за то, **как** мы живем? Понятна ли ему глубина смерти и встреча с Живым Богом или в ликующей радости, или в *ужасе* о том, что жизнь на земле не принесла никакого плода и человек уходит в вечность обесмысленным, тщетным, опустошенным...

В конце Книги Откровения мы читаем слова: Церковь и Дух Святой взывают — приди, Господи Иисусе, и приди скоро!. Можем ли мы, при нашем отношении к жизни,

при нашем отношении к смерти, вместе с Духом и Церковью сказать эти божественные слова: Гряди, Господи, и гряди скоро! — когда мы знаем, что Его приход означает конец всей земной жизни и начало вечности, а между ними — *встреча с Живым Богом* и откровение о том, что в жизни нет смысла никакого, кроме любви, и *это-то* мы меньше всего знаем, это нам наиболее чуждо; можем ли мы эти слова сказать?

Вспомним ликующие, торжествующие слова Апостола Павла, вспомним эту мольбу Духа и Церкви, вспомним о Варлааме Хутынском и войдем в жизнь с тем, чтобы она стала победой над смертью, ликованием. Аминь.

Преподобный Сергей Радонежский

18 июля 1971 г.

Из всех святых русских преподобный Сергей, может быть, самый непостижимый и таинственный. Его жизнь настолько проста, настолько прозрачна, что ее можно только созерцать: с детства он полюбил Бога простой и цельной любовью, и в течение всей своей жизни он был прост и делался все проще, так что в последнем итоге, когда в него вглядываешься, все меньше чувствуешь, что можно о нем что-либо сказать. Из всех русских святых он кажется самым далеким, окутанным самым глубоким созерцательным молчанием. А вместе с тем он удивительно близок: он близок тем, что, предстоя неразделенным сердцем, неразделенной мыслью перед лицом Господним, он возносит молитвы о всех нас, и порой чувствуется, с какой силой возвращается к нам благодать, испрошенная его молитвой.

Будем же возносить свои молитвы с постоянством, с крайней простотой, со всей доступной нам чистотой сердца к смиренному, простому и вместе с тем неумолимо цельному и чистому святому Русской земли, будем молиться о себе, чтобы по его молитвам и нам найти путь простоты и цельности, молиться о всем мире, молиться также — и особенно — о той земле, которую он так глубоко, живо и отрешенно умел любить, чтобы на ней, как и при нем после страшного татарского ига, жила благодатная оттепель, мир, любовь и единомыслие среди людей, основанные на вере в Бога, на вере в человека, на вере в то, что Господь есть Господь земной истории и что все события в жизни, в конечном итоге, — это тайна спасения мира.

Но для того, чтобы так молиться, нам надо самим до конца поверить, что Господь действительно среди нас есть, что Он действительно правит таинственно, порой очень страшно, событиями земли. И поверить не только на слове, не только умом, но свою жизнь и себя предать в руки Божии, вчитываться в Его слово, и без пощады к себе, но с крайним милосердием к другим быть творцами, а не только слушателями слова Божия, глаголов Святого Духа. И тогда, если мы самой жизнью, тем, как мы прислушиваемся к Богу и исполняем Его волю, войдем в эту тайну безмолвия и молитвенного созерцания, то через нас, так же как через преподобного Сергия, хотя, может быть, в такую *малую* нашу меру, благодать придет на людей, которые вокруг нас, и дальше, и шире — на всех тех, кого так возлюбил Господь, что Он Своего Сына Единородного дал на смерть и распятие, только чтобы люди могли поверить в любовь — и Божию, и человеческую, — уверовать и начать жить верой. Аминь.

7. Различные церковные события

Поставление во чтеца

Я хотел бы сказать сейчас несколько слов нашему новопоставленному чтецу, а также приветствовать его родных, приехавших издалека ради этого события.

Святой Иоанн Лествичник говорит, что слово Божие останется бессильным и бездейственным, если тот, кто его провозглашает, не будет произносить его из самой глубины собственной души. Он дает нам образ и говорит, что как бы стрела ни была пряма и остра, она будет лежать бесполезной, если не будет лука и тетивы, руки и глаза и твердого намерения стрелка пустить эту стрелу в самую цель.

Слово Божие есть жизнь, и слово Божие есть Дух; но совершаем ли мы богослужение, читаем ли Священное Писание, провозглашаем ли его в слух других, мы можем увы, угасить, убить этот дух, превратить самые святые слова в пустой звук, если эти слова не достигли нас самих прежде, чем они дойдут до других. Когда мы молимся, когда мы читаем Писание, когда мы проповедуем слово Божие, те, кто нас слушает, должны уловить, как бы подслушать, как мы обращаемся к Богу, беседуем с Богом — *не с ними*.

Вот почему в наставлении, которое преподается новопоставляемому чтецу, говорится, что он должен читать Писание ежедневно; и он должен дать доступ слову Божию к себе, не только чтобы оно достигло его, но чтобы оно вторглось в его ум и ум его стал со-образным слову; чтобы оно вторглось в его сердце и его сердце очистилось бы и обновилось этим словом истины, словом света. Он должен также — и это далеко не последняя задача — воплотить каждое слово, которое он провозглашает, в собственной жизни, как это должен делать каждый христианин со словом молитвы, с которым он обращается к Богу. Если наши молитвы, если слово Божие, которое мы читаем и провозглашаем, не станет в нас живым, не даст импульса и не пронзит всякое наше другое слово и действие, всякую мысль и побуждение нашего сердца и воли, оно дойдет до других как отдаленный отзвук, как эхо, но не как стрела, летящая и ударяющая в цель.

И сегодня брат наш Андрей поднял на себя труд, далеко превосходящий простое чтение Священного Писания во всеуслышание; он взял на себя делание так читать Писание и жить им, чтобы отождествиться с этими словами и провозглашать их не с ораторским искусством, а с силой и правдой. Божие благословение да будет с ним, с единокровными его, с теми, кто воспитал его и дошел с ним до этой первой ступени посвящения. И пусть он радуется и дает нам жизнь в своем делании отождествления со словом Божиим и провозглашает его из глубин жизни, все более отдающей себя Богу. Аминь.

Рукоположение во диакона

Рукоположение одного из членов христианской общины в священный сан — это всегда событие, касающееся всей общины, и больше того: событие, выходящее за пределы общины, затрагивающее всю Церковь. Сегодня мы совершаем рукоположение во диакона. Что же такое этот сан, который Церковь — а через нее Сам Христос — дает своему служителю?

Первые диаконы были поставлены для того, чтобы быть выражением милосердной любви Церкви. Церковь — это милосердие; Церковь — это любовь и ничто иное; и если она становится чем-то иным, то перестает быть Церковью во всей ее полноте. И любовь эта должна быть пронизательной, она должна быть глубокой, она должна быть личной, конкретной. И уже в первые века христианской жизни, когда вся Церковь трепетала любовью, она избирала людей глубокого сердца, сердца живого, людей чистой жизни, мужей молитвы, чтобы сделать их орудиями своей любви среди тех, кто беден, кого коснулось несчастье, кого сразило горе.

Быть членом этого братства милосердной любви — очень большая ответственность, ибо для того, чтобы давать, надо иметь сердце дарующее, надо обладать глубиной сострадания и глубиной любви, чтобы людям легко было простить нам дар, который они от нас получают. Потому что, когда мы даем с холодным сердцем, когда мы даем по долгу, когда мы милосердны только в своих поступках, а сердце наше остается чуждым акту любви, тогда тот, кто получает наш дар, принимает вместе с ним унижение, боль и обиду.

И вот для нашего нового диакона Петра это будет делом целой жизни — жизни терпеливого труда, трезвой, внимательной работы над собой: научиться иметь сердце глубокое и милостивое, способное отозваться быстро и навсегда, сердце, которое никогда не устает, никогда не разочаровывается, которое всегда переполнено Христовой любовью, изливающейся через него на всех, кто в ней нуждается.

Эту любовь, которая есть делание диакона, Церковь впоследствии применила особо: она приобщила диакона к совершению своих Таинств; здесь он становится защитником молитвы священника и в то же время — руководителем молитвы верующих. Он дает вам тему молитвы: в ответ на прошения, которые он произносит, вы повторяете: *Господи, помилуй*, или предаете себя в руки Божии, говоря: *Тебе, Господи*, или исповедуете истинность слова Церкви, отвечая: *Аминь*. Велика эта любовь: шаг за шагом диакон вводит вас в литургическую тайну, влечет в ее глубины — те глубины, которых вы не могли бы достигнуть сами в своей духовной жизни.

Но есть у диакона и другая задача: охранять молитву священника. Священник во время богослужения должен быть сама молитва, он должен все забыть, чтобы живым факелом стоять перед Богом. А все заботы о службе, даже само ведение службы возлагается на диакона, чтобы священник мог без остатка отдаться молитве. Пожелаем же, чтобы наш новый диакон молился на этой духовной глубине, которая и вас приобщит к духу богослужения; пусть влечет он вас своей молитвой вглубь евхаристической тайны, и пусть он будет человеком мирного сердца и мирного тела, способным оберегать молитву священника, чтобы священник мог неразделенно стоять перед Богом.

И, наконец, третье, о чем я хочу вам напомнить: это то, что диакон возглашает Евангелие. Он не призван проповедовать его словом, тем творческим актом, который, согласно древнему изречению, делает каждого священника пятым евангелистом: он призван лишь провозглашать это слово. Но оно будет провозглашаться с силой, действовать со властью, достигать сердец и умов с живой убедительностью, только если оно будет воспринято самим диаконом, если он будет возглашать его из глубины своего сердца и изнутри подлинно христианской жизни, как слово Учителя, которое он понял и которому он во всем послушен. Поэтому ему надо будет все более внимательно вчитываться в Евангелие, жить Евангелием так полно, как он только сможет, чтобы, возглашая его, не провозглашать собственное осуждение.

Дай Бог ему жизнь чистую, жизнь истинно евангельскую, которая сделает его способным выполнять те три задачи, о которых я сейчас сказал. А вы, присутствовавшие при этом рукоположении, молившиеся при этом чуде сошествия Святого Духа на человека, которого Он облек Своей силой на служение, какого ни один человек не посмел бы взять на себя, — вы все продолжайте молиться за него, потому что все мы — братья, и искушения окружают нас со всех сторон. Молитесь за него изо дня в день, чтобы Господь сделал его достойным служителем Своей Церкви и чтобы он во всем следовал — как мы того просим в молитве посвящения при рукоположении — первому из диаконов Церкви, первомученику Стефану: чтобы он уподобился Христу, как уподобился Ему Стефан, чтобы он свидетельствовал о Христе, как свидетельствовал Стефан, и чтобы он вошел в мир Христов, как Стефан вошел в него, вошел в славу Божию. Аминь.

Рукоположение во священника

Совершилось Таинство Церкви — силой, благодатью, нашествием Святого Духа, верой народной, молитвами Церкви. Да будет крепко и благословенно твое священство и любовью, и верой, и ожиданием Церкви родной. И эта икона, эти цветы, которые были подарены тебе сегодня, являются живым свидетельством народной любви и народного доверия твоему священству. Пусть этой молитвой и этой любовью и этой верой в тебе окрыляется твоя жизнь священническая. А весь народ Божий — с каким ожиданием, с какой надеждой смотрит он на священника!

Священник — это человек, которого Бог позвал по имени и дал благовествовать Евангелие, проповедовать слово истины, давать новую жизнь в Таинствах: Евангелие как добрую, животворящую весть о том, что человек не оставлен Богом, что Бог верит в него, а не только любит. Любить можно и тех, в кого больше не веришь, любить можно и с болью сердечной о том, что всякая надежда вымерла, что осталась только любовь. А Бог не только любит нас, но верит в нас: Он поверил в нас, когда послал Своего Сына умирать

на Кресте, чтобы мы жили; верил Он, что не напрасна будет эта смерть, что будет она принята, и те, кто потерял веру в себя, найдут ее в этой Божественной вере.

Это проповедуй, чтобы люди поверили в себя и в свое великое призвание; потому что призвание наше превосходит всякую меру нашего воображения: мы призваны стать причастниками Божественной природы, стать живыми членами живого Христова тела, храмами Святого Духа; стать не только, по слову святого Игнатия Богоносца, "всцелым Христом", но, по смелому, страшному слову святого Иринейя Лионского, в Единородном Сыне стать единородным сыном. Это призвание мы не можем исполнить никакими своими человеческими силами, это дар Божественной веры в нас. Его никогда не колеблющейся надежды, Его никогда не умирающей любви. И это дается нам в Церкви.

Прежде всего — в слове истины, потому что слово Божие, которое мы читаем и которое тебе будет дано провозглашать и проповедовать — это слово не человеческое, а слово, исполненное Духа, слово, полное жизни и силы. Слово Божие — тоже таинство, обновляющее, дающее жизнь, открывающее нам вечность и другие Таинства: Крещение, Дары Святого Духа и приобщение Тела и Крови, и все Таинства, где действует Бог. Их поручает Господь тебе, чтобы с верностью, с любовью к Нему, с любовью к людям ты служил.

Человек Таинства совершать не может; всякое Таинство совершает единственный Первосвященник — Христос, действует в них одна только сила — Духа Святого; вместе с тем без твоего священства не совершится ни одно Таинство, и это будет зависеть от того, что тебя призвал Господь и ты ответил: "Я здесь, Господи!"

Перед тобой сейчас лежит пастырство; "Паси овец Моих, паси агнцев Моих", — говорит тебе Господь, и я хочу, не только для тебя, но и для всех, у кого уши есть, чтобы слышать, прочесть тебе Слово о Пастырстве, которое несколько лет назад было послано мне из недр русской веры:

"Отец, одна алчущая душа говорит мне: "Ты встретила пастыря, и в твоих глазах светится жизнь; скажи, что ты видела, чтобы люди вспомнили, что такое пастырь". Но я ничего не скажу, отец, — все давно сказано, и новые слова ничего не откроют тем, кто опытом жизни не знает тайны распятия Пастыря; в твоём непрестанном и личном единении со Христом заключена тайна твоего пастырства, и это и есть первое его условие, а не твоё совершенство. "Кто висит на кресте, тот не думает о совершенстве", и "с креста не сходят, с него снимают только запертво". А остальное — естественное следствие: "Аще вознесен буду от земли, вся привлеку к Себе", — говорит Господь (Ин. 12:32). Так и ты — в твою меру, в меру твоего единения со Христом. Меру же твою, пастырь, знает Бог, а мы можем только дивиться, видя, как Он доверяет, дарит тебе души, твоей молитвой вырванные из когтей смерти и ада; тебе Бог может сказать: "Иди", и по полноте твоего послушания ни одна земная преграда не в силах остановить твоего шествия к единственной и потерявшейся душе, которую усмотрел для тебя Бог. И найдя ее, пастырь, ты служишь ей во всем ее убожестве, как Самому Христу... Это просто и очевидно, как всякая тайна, чтобы те, кому дано, сразу узнали, а не знающие ничего не заметили бы".

Это путь единения со Христом в молитве и в Таинствах; это путь, на котором мы говорим: "Пусть будет Твоя воля, Господи, а не моя", даже тогда, когда перед нами чаша страдания и смерти. Этот путь — Сам Христос, Который есть также и Истина, Которая есть не "что-то", а Некто и Жизнь, Которая есть тоже Некто: Сам Бог Живой, Жизнь наша — Кого мы и должны проповедовать.

И это ты сможешь совершить только тогда, когда ни на какие человеческие силы — ни на крепость молодости, ни на ум, ни на чуткость сердца, ни на знания, ни на что не будешь надеяться, как только на то, что сила Божия в немощи совершается, на то, что, если мы отдаем себя гибко, в слабости и немощи, в руку Того, Кто содержит весь мир и созидает всю тварь, тогда всякое дело совершится.

Но мы должны также помнить, что дело Христово, дело христианина — это не только хорошо исполненное человеческое служение; дело христианина отличается от дела

всякого человека тем, что всякое действие христианина должно быть действием Самого Бога через него. Как Христос говорит: Как слышу — сужу, поэтому суд Мой праведен есть, ибо Я не ищу воли Моей, но воли Пославшего Меня... И в другом месте: Отец и до сих пор творит, делает и показывает Мне дела Свои, чтобы Я их совершил... Вот таким созерцанием должна наполниться наша жизнь, так мы должны вглядываться в пути Божии, в таинственный и сложный узор жизни, чтобы уловить в нем красную нить, путь Господень, неуловимый, и действовать, не зная ничего, кроме того, что сейчас Господь велит: как сказать или как поступить — и тогда, в этой прозрачности и в этой немощи, в такой хрупкости и такой гибкости совершится сила Божия, и врата адовы не одолеют самой хрупкой немощи человеческой.

По молитвам родной Церкви, по молитвам собравшегося здесь народа, по ожиданию всех тех, кого тебе даст Бог, да будет твое служение благословенно..

А для нас сегодня радость большая, глубокая. Бог совершил новое чудо на земле, ибо всякое Таинство — чудо любви Господней. Пребудем в этой любви и радости Божией. После последнего благословения литургии отец Михаил даст нам свое первое священническое благословение: примите его и сохраните его как святыню и помните, что сегодня вы были не только зрители Таинства, но совершители его как Церковь Христова, и что вы будете отвечать перед Богом за путь, который ему даст Господь. Молитесь о нем, любите его, помогите ему во всем, и пусть Господь нас всех соединит ничем никогда не колеблемой любовью, взаимным доверием и надеждой, которая может победить все. Аминь.

Монашеский постриг

К тому, что я тебе уже сказал, хочу прибавить только несколько слов: Христос говорил о тяжелом кресте, который мы должны взять на себя, — о Кресте Любви; и один из Его учеников сказал: Но кто же тогда может спастись?. Христос ответил: Невозможное человеку возможно Богу...

Ты сейчас поднял на себя *невозможное* делание: следовать за Христом, куда бы Он ни пошел, следовать за Ним на всех Его земных путях; и ты принял от Него обетование, что чашу, которую Ему надлежит пить, Он разделит с тобой, и в то испытание, в которое Он был погружен, Он дарует тебе погрузиться с Ним. Будь же готов к тому, что Он поведет тебя во мрак Гефсимании, чтобы оказаться перед лицом не только мгновенной физической смерти, но туги смертной того, кому понятен весь ужас этой смерти.

И дальше, через все то, о чем мы читаем в Евангелии о страстных днях, поведет Он тебя, чтобы вместе с Ним ты умер смертью, которую ты символически принял в Крещении, и смертью, которую ты избрал теперь, через монашеский постриг. Поведет Он тебя и во ад, ибо ты — Его священник, и ты призван идти в самые глубокие, самые мрачные закоулки жизни, чтобы высвободить из ада тех, кто находится в плену у дьявола и у зла.

Но завершение всего и не Гефсимания, и не страстные дни, не леденящий душу крик: "Боже Мой, Боже Мой, зачем Ты Меня оставил?" и не сошествие во ад, но славное Воскресение и Вознесение.

Ты сейчас начинаешь этот путь; всякий, кто произносит слова, кратко начертанные на параманте: "Аз язвы Господа моего на теле моем ношу", обращается к Нему, прося дать ему силы, и Христос отвечает: Довольно тебе благодати Моей: ибо сила Моя совершается в немощи... И Павел, ликуя, восклицает: И потому я буду хвалиться только немощами моими, дабы все было благодатью Господней...

Тебе была вручена надломленная свеча, чтобы ты помнил слова Христа, что Он льна курящегося не угасит и тростника надломленного не переломит. Помни это всегда, потому что будут минуты, когда ты почувствуешь, что ты так надломлен — вот-вот сломишься, и будут минуты, когда ты почувствуешь, будто всякий свет угас. Не верь этому:

Христос — свет мира и твой свет. Сила твоей жизни — Христос; прими, согласишься всю твою жизнь быть тростью надломленной и льном теплящимся, и ожидай не того времени, когда у тебя будет довольно сил, а когда, став совершенно прозрачным, ты увидишь, что свет Божий, нетварный Божественный свет льется через тебя свободно, и уже ничто не угасит его и не сломит тебя: жизнь Божественная охватит все...

Но помни наставление, которое тебе читалось: в труде и болезни, иногда — в муке душевной ты будешь идти этим путем; но претерпевший до конца будет увенчан славой. Благодать Божия да даст тебе исполнить то, что Бог вложил в твои уста... Аминь.

О рождении и крещении

1967 г.

Когда в семье рождается ребенок, то все радуются: это праздник, потому что человек вошел в мир, и с ним вошла безграничная надежда. Во-первых, с младенцем вошла в мир нетронутость, чистота, свет, вошла и беззащитность и возможность для какого-то круга людей познать что-то про любовь и полюбить. А еще — через рождение человека входит в мир надежда, потому что этому человеку *все* принадлежит, *все* возможно — лишь бы те, кто вокруг него, возлюбили его так, чтобы из него сделать настоящего человека: человека, способного любить, любить до предела и любить без предела, любить людей так, чтобы быть способным забыть себя ради других, любить Бога так, чтобы сердце человека стало таким глубоким, таким широким, чтобы вместились в него небо.

И вот в нашей православной приходской семье родилось сейчас четверо младенцев. Вчера было крещено трое, а сегодня один; трое из них — без матери, и поэтому Церковь должна быть им матерью: ласковой, понимающей, чуткой, матерью творчески живой; такой матерью, какою бывает настоящая мать. Все они были крещены под сводами этого храма: но не просто под каменными сводами, а в присутствии живых людей. Вчера, когда совершалось крещение трех маленьких, было здесь несколько прихожан, они молились, пели, участвовали в этом торжестве, и действительно вместе, сообща были восприимчивыми этих детей, встретили их как живая Церковь, приняли их и сделали их *своими*, родными; сегодня также крестины совершались среди молящегося народа.

Так должно быть всегда; не в том смысле, что надо крестить детей под сводами храма — потому что если храм пустой, это не Церковь, а только храм. Церковь это мы все, со Христом и Божией Матерью, и Предтечей Крестителем, и всеми святыми — мы все, и святые и грешные, собравшиеся во имя Христа и Бога, соединенные, исполненные любви Христовой, наученные Духом Святым любить Бога как Отца, а друг друга — как родных братьев. Нет треб церковных, которые были бы частными: разве кто-нибудь в семье может быть в горе — и другие ее члены не были бы в горе? Или кто-либо в радости — и эта радость не охватила бы всех?

Так должно быть всегда: и с крестинами, и со свадьбами, и с другими Таинствами, и со всяким молением церковным. Вся Церковь участвует в них, и сегодня всей Церковью мы радуемся: четверо детей уже не являются, как говорится в молитве, чадами плоти, чадами тела, но чадами небесного Царства Божия. Они стали Богу родные, и — даже страшно сказать — они стали родными Ему через нас, потому что *мы* веруем, потому что, несмотря ни на что, мы тоже Христовы. Среди нас загорелись четыре свечки, четыре живые души; чистота, свет, беспомощная надежда, открытость любви вошли в тайну нашего прихода. Будем радоваться — и не только об этих четырех, но и о всех младенцах, о всех детях, которые вокруг и посреди нас, и будем их хранить: охранять молитвой, охранять любовью, но охранять также живой, вдумчивой человеческой заботливостью, чтобы они выросли достойными называться детьми Христа, детьми Бога.

Радость наша велика о каждом. В каждом из нас жил когда-то младенец; если он еще жив, если душа еще полна чуткости, восприимчивости, если жизнь не потемнила нашего сердца, не помрачила нашего ума, не сломила нашей воли к добру — будем радоваться. Но если случилось это горе — станем глядеть на окружающих нас детей, дивиться и

радоваться на них, учиться у них, потому что если мы не будем подобны детям, для нас нет пути в Царство Божие. Но, кроме того, вспоминая горе собственной, часто сломленной жизни, позаботимся, чтобы ни у кого из детей, которые вокруг нас, не сломалась жизнь, не исковеркалась, не изуродовалась.

И вернемся тоже вглубь себя, потому что тот, который когда-то был младенцем, отроком, юношей — жив, только под пеленой. В каждом из нас жизнь живет, живет чистота, живет все, что сродно Небесному Царству, только все мы почти все время подобны Марфе и Марии, сестрам Лазаря, стоящим у гроба друга Господня и плачущим о том, что умер человек, которого любил Христос. В каждом из нас он есть, Лазарь, и над ним каждая душа наша плачет и сетует: почему умерло все светлое, почему гробу и тлению предано все, что могло быть Небом на земле, другом Христа?

Но для безнадежности нет места. К каждому из нас приходит Христос, каждый из нас слышит десятки раз в своей жизни, и теперь: "Учитель пришел!" Каждый из нас может пойти Ему навстречу и пасть к Его ногам, и каждому из нас Он скажет: воскреснет в тебе человек небесный, не земной!. И каждый из нас с грустью отвечает: Да, я знаю, — в последний день, когда уже будет поздно на земле этому радоваться... Неправда, — говорит Господь, — Я — воскресение и жизнь, и если кто верит в Меня, если и мертв будет, то оживет... И каждый из нас может услышать Христов глас, говорящий: Лазарь, выйди вон, выйди из гроба, встань живой, войди обратно в земную жизнь и будь другом Христа на земле, пока не станешь Его другом возлюбленным на Небе! Аминь.

Проповедь новобрачным

1981 г.

В день вашего брака, в апостольском чтении на литургии, Господь дал вам слово: Друг друга тяготы носите, и так исполните закон Христов... И еще: мы стояли сегодня с возожженными свечами, свидетельствуя о радости, о том, что вашим браком вечность вступила во время, что Царство Божие приблизилось, ибо сказано: Царство Божие уже пришло, когда двое уже не двое, а одно. И однако это единство, которое составляет Царство Божие, *дается* зачаточно, а должно быть возвращено подвигом. Ибо любовь есть и радость, и умиление, и ликование друг о друге, но любовь есть тоже подвиг: Друг друга тяготы носите, и так исполните закон Христов...

Часто на иконах Рождества Богородицы вставка: Иоаким и Анна, стоящие и держащие друг друга в объятиях. Это, может быть, самый прекрасный образ человеческой ласки и человеческой любви, которая может быть так чиста, так глубока, которая может быть такой силой, что она раскрывается всему святому, всему небесному и может родить самое святое, что земля может понести... Цените, храните ту человеческую любовь, которая вас привела друг ко другу и которая вас соединила...

Спаситель нам сказал: Верьте во свет, и вы будете чада света... Бог вас дал, даровал друг другу, так же как Он даровал Ревекку Исааку и Исаака Ревекке; ваша встреча — в Боге, брак — Таинство, Священнодействитель которого — Спаситель Христос; и не случайно, не напрасно мы Его просили быть здесь так, как Он был в Кане Галилейской, и Своим благословением сочетать вас в единство брака... Верьте во свет, в тот свет, который Господь зажег в каждом из вас, и блюдите этот свет, храните его, защищайте его от всякого потемнения; и не бойтесь какой бы то ни было тьмы, какого бы то ни было полумрака, который на земле еще окружает всякий свет. Потому что свет во тьме светит, и даже тогда, когда тьма его не приняла и не стала сама светом, она не может ни потушить его, ни защититься от него, потому что самая малая искра света превращает тьму безусловную в тьму, пронизанную лучами этого света...

Мы молились о том, чтобы Господь вам дал веру: крепкую, не колеблющуюся веру в Него, но также крепкую и не колеблющуюся веру друг во друга. Верьте друг во друга! В этом — свет; и не бойтесь ничего. Один современный писатель сказал: Сказать другому "я тебя люблю" — это значит сказать ему "ты никогда не умрешь"... Полюбить и расти в этой

любви, подвижнически, порой героически, это значит утвердить вечное значение другого человека. Вам сейчас это не только дано, это вам поручено как подвиг.

Мы трижды обходили аналой, на котором лежало Святое Евангелие, образующее собой и слово Христово, и Самого Спасителя Христа. В центре жизни, в центре вашего шествия да будет это Евангелие, с единственной заповедью, которую дала нам Божия Матерь: *Что бы Он вам ни сказал — сотворите...* И тогда человеческое обеднение, человеческая немощь, человеческое убожество может мгновенно превратиться в глубинное, бездонное богатство Царствия Божия, как обыкновенные воды омовения в Кане Галилейской стали добрым вином Небесного Царствия.

Не бойтесь идти этим путем — узким, требовательным: перед вами шел Крест; Христос весь этот путь прошел прежде, чем Он вас призвал последовать за Собой. Он проторил дорогу, Он вас зовет *не* в неизвестность, Он вас зовет идти по пути, которым Он шествовал Сам. И больше того: Он Сам и Путь, и Истина, и Жизнь. И обетование Его, сказуемое в этом венчании вашем, то, что венцы славы вам приготовлены; и эти венцы Он хранит, чтобы их вам дать, когда вы одержите последнюю победу верности.

Да благословит вас Господь Своей благодатью. Сила Божия в немощи совершается: не ищите крепости; отдавайтесь в волю Божию, в Его водительство, тогда сила Божия и в вашей немощи совершится, и вы сможете опытно сказать то, что Апостол Павел опытно провозгласил: *Вся нам возможна суть в укрепляющем нас Господе Иисусе Христе...* Пусть сила, и милость, и радость Божия, и крепость Божия с вами будут... Аминь.

Проповедь на отпевании

1970 г.

Смерть таинственна, и она так же глубока и величественна и светло-торжественна, как Божии пути; она так велика, что перед смертью человек должен вырасти в полную меру своего человеческого величия: в такую меру, чтобы он мог стоять перед Богом только в духовном созерцательном и трепетном безмолвии. Перед лицом смерти и плач и горе наши делаются слишком малыми для той тайны, перед которой мы стоим, и потому так торжественна, так полна веры и надежды, так богата любовью и благоговением служба отпевания человека. Каждое слово в ней — это слово веры; первые слова ее: *Благословен Бог наш!* — сколько нужно веры простой, честного доверия к Богу, чтобы перед лицом смерти самого близкого, порой, человека благословить Господа во всех путях Его, включая и этот таинственный путь. Сколько нужно надежды и уверенности в Боге, чтобы, обращаясь к отошедшей от нас душе, сказать: *Блажен путь, в который ты идешь сегодня, душа, ибо уготовано тебе место упокоения...* Каждое слово нашего богослужения крепко и истинно только правдивостью этой веры нашей и этой неколеблющейся надеждой, и живо это богослужение благоговейной, теплой, ласковой любовью, которой Церковь Христа, воплощенного Бога, окружает тело человека, осиротевшего теперь на время, до воскресения всех, отшествием его души. Мы благоговейно и любовно отпеваем тело человека; этим телом человек вошел в мир, этим телом он воспринял всё, чем мир богат, — и страшное, и дивное. Этим телом он приобщился к Тайнам Божественным — Крещением, Миропомазанием, Причащением Святых Даров, Соборованием — всеми этими чудесными действиями, которыми Бог вещественно сообщает и телу, и душе, и духу человеческому вечную жизнь. Через тело была проявлена ласка и любовь, тело исполняло Христовы заповеди. Телом мы встречались лицом к лицу, и потому с таким благоговением окружаем мы это тело и уверены спокойной, глубокой уверенностью Церкви, что это тело, которое было неразлучно связано на земле с вечной судьбой человека — и в вечности восстанет во славе, когда всё будет совершено по образу Пути, Который есть Христос, Бог Живой, воспринявший плоть от Девы, прошедший всю таинственную человеческую судьбу, сложившую Его смертью крестной во гробе, и победой воскресения вновь воспринявший и

вознесший тело, наше тело человеческое, нашу человеческую плоть в самые глубины Троичной тайны Своим вознесением.

Вот почему мы с верой, надеждой и пасхальной уверенностью стоим у гроба усопших, вот почему слова, которые когда-то сказал Христос вдове Наинской: Не плачь! — и к нам обращены. Да, не плачь: после того, как Бог стал плотью, и воскрес, и вознесся, человеку смерть уже не предел, а дверь, раскрывающаяся в вечность.

И мы должны уметь *забыть* себя, забыть свое горе, сказать себе "отойди прочь" и созерцать то великое, что совершается теперь в вечной судьбе рабы Божией Ирины. Она сейчас вступает в путь всякой плоти, в путь всякой души, предстоит перед Живым Богом, в Которого веровала, на Которого уповала, Которого посылно любила, Которому поклонялась, от Которого получала жизнь. *Это* должно быть теперь содержанием наших мыслей и наших переживаний, и всё, что меньше этого, должно быть отстранено хоть отчасти. Сквозь слезы мы должны уметь видеть сияние воскресения, и сквозь свою боль — победу Христа над смертью и вечную жизнь, раскрывающуюся для усопших.

Поэтому услышим сердцем, а не только слухом слова Апостола: Не хочу, чтобы вы были в неведении и чтобы, как неимущие веры, вы убивались горем... Перед нами не смерть, а начало вечной жизни. Поклонимся воскресшему Господу, поклонимся Христу Богу, пришедшему плотию, и проводим в покой временный и в радость вечную рабу Божию Ирину — а от нее научимся и как жить, и как умирать. Она своей смерти ждала; много раз прощалась, говоря: Может, не увидимся, потому что я скоро умру; и перед последней исповедью сказала: Мне нечего Богу принести, я принесу только всю себя; пусть Он меня возьмет и примет... И так и сделал Господь. Слава Ему вовеки. Аминь.

Отпевание

1980 г.

Мы только что пели тропарь Воскресения: *Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ, и сущим во гробех живот даровав*; а перед нашими глазами — смерть, перед нашими очами — гроб. И однако, победа над смертью одержана смертью и воскресением Христовыми, и гроб уже не зияет ужасом для верующего. Как говорится в Ветхом Завете, смерть для человека — покой: мы больше не плачем без надежды, хотя плачем о разлуке; мы знаем, что смерть — это временный сон, сон для плоти, которая воскреснет в последний день, и время ликования для освобожденной души.

Мы так глубоко, сильно переживаем судьбу людей, заключенных в тюрьмах; но какая тюрьма может быть уже, темней и страшней для живой человеческой души, для живой мысли, для чуткого сердца, чем болящее тело, которое разлучает человека от всех его ближних. Поистине долго томилась в тюрьме, в плену Елена; теперь Господь выпустил на свободу живую, чуткую душу ее. Все мы томимся в плену у тела, хотя не отдаем себе отчета в этом; все самые высокие, самые глубокие порывы разбиваются о нашу телесность, об усталость, о бессилие, об обстоятельства, которые обусловлены телом нашим; и как дивно будет каждому из нас освободиться из этого плена и войти в свободу чад Божиих, когда дух наш, ничем не ограниченный, ничем не связанный, предстанет перед Богом, Который есть жизнь, Который есть ликование, Который есть любовь.

И вот почему перед чтением апостольского послания мы можем провозглашать: *Блажен путь, в который ты идешь днесь, душа, ибо уготовалось тебе место упокоения...* И как бы предваряя наш крик веры словами древнего псалма, как бы говоря нам о своей собственной судьбе, усопшая говорит: *Жива будет душа моя и восхвалит Тя...* Да, жива душа: настал не только покой, но ликование, настала свобода...

Пусть Господь благословит вечным своим покоем Елену, которая оставила за собой след глубокой любви, родила в нас глубокое уважение к себе, а теперь раскрывает перед нами эту тайну смерти как тайну свободы...

Отпевание

1981 г.

...Мы, в какой-то мере чужие и в какой-то мере свои, окружаем сейчас гроб Владимира. И то, что собралось вы здесь, его сотрудники, его друзья, так много значит; ибо собралось вы не просто потому, что *умер* сотрудник, соотечественник, друг, а потому, что этот человек *жил* и своей жизнью что-то доказал, что-то явил: не только талантливость, но какие-то человеческие глубины, которые заставили всех, кто к нему приближался, его почитать, его любить, относиться к нему с предельной вдумчивостью и серьезностью.

Мы стоим сейчас у его гроба с зажженными свечами; Евангелие нам говорит: Свет во тьме светит, и тьма, если и не принимает его, то и бессильна его заглушить... Эти свечи как бы свидетельствуют о том, что Владимир прошел через жизнь, как искра света, как искра жизни, искра глубокой человеческой правды, что блеснула через него в мире любовь, открылся смысл, разверзлась перед нами какая-то глубина — и в течение его творческой, одаренной жизни, и в течение многих месяцев кроткого, терпеливого страдания и умирания.

Мы думаем о смерти всегда как о разлуке; и мы правы, потому что мы разлучаемся с человеком, который нам дорог. Но мы не должны забывать, что в смерти совершается таинственно, незримо для нас самое величайшее, что может случиться с человеком и по чему всякая душа, сознательно или для себя неведомо, тоскует: *встреча с Живым Богом*, встреча с тем смыслом, с той красотой, с той полнотой жизни, о которой все воздыхают, к которой все стремятся и которой немногие достигают в ее полноте на земле: герои духа, святые... И поэтому свечи, которые мы держим, не только свидетельствуют, что этот человек принес свет, который никогда не потухнет, но и что мы его сопровождаем в таинственный, строгий, дивный праздник последней, все завершающей встречи...

Мы будем сейчас молиться очень по-разному, согласно нашей вере, согласно нашему опыту жизни; но одно мы можем сделать: мы можем окружить это тело дорогого человека глубоким почтением, любовью. Через тело воспринимает человек всё: и красоту, и истину, и любовь, и радость, и горе, и общение с людьми, и ласку матери, и чудо любви, и непостижимость Таинств Церкви; это тело освящено, это тело значительно на всю вечность. И мы его окружаем любовью и почтением.

Но этого недостаточно с нашей стороны. Если человек прошел через жизнь как свет, как горение, если он *просветил* умы, сердца и жизни тех, кто его знал, — каждый из тех, кто его вспоминает, кто *знает*, что он для него сделал, как он раскрыл для него глубины жизни, как он его вдохновил, как он тронул его сердце, как он озарил его мысль — каждый из нас должен принести плод его жизни так, чтобы его смерть не лишила землю того богатства ума, сердца и целеустремленности, которые принадлежали ему и которыми он со всеми вами так щедро, богато поделился. Каждый из вас явился как бы полем, которое он засеял правдой и смыслом; и плоды этой правды каждый должен принести так, чтобы исполнилось и в нем евангельское слово: если не умрет зерно, оно останется одно; если же умрет — принесет плод сторицею... Зерно будет сейчас положено в землю; а плод должен возрасти в жизни каждого из вас. В этом он накладывает на каждого ответственность и призывает каждого жить *достойно* того света, о котором свидетельствуют эти свечи жизни, свечи вечности...

Первая проповедь об исповеди

Нередко меня спрашивают: как надо исповедоваться?. И ответ на это самый прямой, самый решительный может быть таков: исповедуйся, словно это твой предсмертный час; исповедуйся, словно это последний раз, когда на земле ты сможешь принести покаяние *во всей* твоей жизни, прежде чем вступить в вечность и стать перед Божиим судом, словно это — последнее мгновение, когда ты можешь сбросить с плеч бремя долгой жизни неправды и греха, чтобы войти свободным в Царство Божие.

Если бы мы так думали об исповеди, если бы мы становились перед ней, зная — не только воображая, но твердо зная — что мы можем в любой час, в любое мгновение умереть, то мы не ставили бы перед собой столько *праздных* вопросов; наша исповедь тогда была бы беспощадно искренна и правдива; она была бы пряма; мы не старались бы обойти тяжелые, оскорбительные для нас, унижительные слова; мы бы их произносили со всей резкостью правды. Мы не задумывались бы над тем, что нам сказать или чего не говорить; мы говорили бы все, что в нашем сознании представляется неправдой, грехом: все то, что делает меня недостойным моего человеческого звания, моего христианского имени. Не было бы в нашем сердце никакого чувства, что надо себя уберечь от тех или других резких, беспощадных слов; не ставили бы мы вопроса, надо ли сказать то или другое, потому что мы *знали* бы, с чем можно войти в вечность, а с чем в вечность *нельзя* войти...

Вот как мы должны исповедоваться; и это просто, это страшно просто; но мы этого не делаем, потому что боимся этой беспощадной, простой прямоты перед Богом и перед людьми.

Мы будем сейчас готовиться к Рождеству Христову; скоро начинается предрождественский пост; это время, которое образно нам напоминает о том, что грядет Христос, что скоро Он будет среди нас. Тогда, почти две тысячи лет назад, Он пришел на землю. Он жил среди нас, Он был одним из нас; *Спаситель*, Он пришел взыскать нас, дать нам надежду, уверить в Божественной любви, уверить нас, что *все* возможно, если только мы поверим в Него и в себя...

Но теперь грядет время, когда Он станет перед нами — либо в час нашей смерти, либо в час последнего суда. И тогда Он будет стоять перед нами распятым Христом, с руками и ногами, прободенными гвоздями, раненный в лоб тернием, и мы посмотрим на Него и увидим, что Он распят, потому что *мы* грешили; Он умер, потому что мы заслужили осуждение смерти; потому что мы были достойны вечного от Бога осуждения. Он пришел к нам, стал одним из нас, жил среди нас и умер из-за нас.

Что мы тогда скажем? Суд не в том будет, что Он нас осудит; суд будет в том, что мы увидим Того, Кого мы *убили* своим грехом и Который стоит перед нами со всей Своей любовью... Вот — во избежание этого ужаса нам надо стоять на *каждой* исповеди, словно это наш предсмертный час, последнее мгновение надежды перед тем, как мы это увидим.

Вторая проповедь об исповеди

Я говорил, что каждая исповедь должна быть такой, как будто это — последняя исповедь в нашей жизни, и что этой исповедью должен быть подведен последний итог, потому что всякая встреча с Господом, с Живым нашим Богом — предварение последнего, окончательного, решающего нашу судьбу суда. Нельзя встать перед лицом Божиим и не уйти оттуда либо оправданным, либо осужденным. И вот встает вопрос: как готовиться к исповеди? Какие грехи принести Господу?

Во-первых, каждая исповедь должна быть предельно личной, *моей*, не какой-то общей, а моей собственной, потому что решается ведь моя *собственная* судьба. И поэтому, как бы несовершенен ни был мой суд над самим собой, с него надо начать; надо начать, поставив себе вопрос: чего я стыжусь в своей жизни? Что я хочу укрыть от лица Божия и что я хочу укрыть от суда собственной совести, чего я *боюсь*?

И этот вопрос не всегда легко решить, потому что мы так часто привыкли прятаться от собственного справедливого суда, что когда мы заглядываем в себя с надеждой и намерением найти о себе правду, нам это чрезвычайно трудно; но с этого надо начать. И если бы мы на исповедь не принесли ничего другого, то это уже была бы правдивая исповедь, моя, собственная.

Но, кроме этого, есть еще и многое другое. Стоит нам посмотреть вокруг и вспомнить, *что о нас* думают люди, *как они* реагируют на нас, что случается, когда мы оказываемся в их среде — и мы найдем новое поле, новое основание для суда над собой...

Мы знаем, что мы не всегда приносим радость и мир, правду и добро в судьбу людей; стоит окинуть взором ряд наших самых близких знакомых, людей, которые нас так или этак встречают, и делается ясным, какова наша жизнь: скольких я ранил, скольких обошел, скольких обидел, скольких так или иначе соблазнил.

И вот новый суд стоит перед нами, потому что Господь нас предупреждает: то, что мы сделали одному из малых сих, то есть одному из людей, братии Его меньших, то мы сделали Ему.

А дальше вспомним, как о нас судят люди: часто их суд едок и справедлив; часто мы *не хотим* знать, что о нас люди думают, потому что это — правда и осуждение наше. Но иногда бывает и другое: люди нас и ненавидят, и любят несправедливо. Ненавидят несправедливо, так как иногда бывает, что мы поступаем по Божией правде, а эта правда в них не укладывается. А любят нас часто несправедливо, потому что любят-то нас за то, что мы слишком легко укладываемся в неправде жизни, и любят нас не за добродетель, а за нашу *измену* Божией правде.

И тут надо снова произнести над собой суд и *знать*, что иногда приходится каяться в том, что люди к нам относятся хорошо, что хвалят нас люди; Христос опять-таки нас предупредил: *Горе* вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо...

И наконец, мы можем обратиться к суду евангельскому и поставить себе вопрос: как судил бы о нас Спаситель, если бы Он посмотрел — как Он на самом деле и делает — на нашу жизнь?

Поставьте себе эти вопросы, и вы увидите, что исповедь ваша будет уже серьезная и вдумчивая и что уже не придется вам приносить на исповедь той пустоты, того детского, давно изжитого лепета, который часто приходится слышать.

И не вовлекайте других людей: вы пришли исповедовать *свои* грехи, а не чужие грехи. Обстоятельства греха имеют значение, *только* если они оттеняют ваш грех и вашу ответственность; а рассказ о том, что случилось, почему и как — к исповеди никакого отношения не имеет; это только ослабляет в вас сознание вины и дух покаяния...

Сейчас приближаются дни, когда вы, вероятно, все будете говеть; начните готовиться *теперь* к тому, чтобы принести взрослую, вдумчивую, ответственную исповедь и очиститься.

Третья проповедь об исповеди

Я говорил в прошлый раз о том, как можно испытывать свою совесть, начиная с того, в чем она нас упрекает, и продолжая тем, как к нам относятся люди. И вот теперь сделаем еще один, последний шаг в этом испытании совести нашей.

Последний суд над совестью нашей принадлежит не нам, принадлежит не людям, а Богу; и Его слово, и Его суд нам ясны в Евангелии — только редко умеем мы к нему вдумчиво и просто относиться. Если мы вчитываемся в страницы Евангелий с простотой сердца, не стараясь извлечь из них больше, чем мы способны принять, а тем более — больше, чем мы можем жизнью осуществить, если мы честно и просто к ним относимся, то видим, что сказанное в Евангелии как бы распадается на три разряда.

Есть вещи, справедливость которых нам очевидна, но которые не волнуют нашу душу — на них мы отзовемся согласием. Умом мы понимаем, что это так, сердцем мы против них не восстаем, но жизнью мы этих образов не касаемся. Они являются очевидной, простой истиной, но жизнью для нас не делаются. Эти места евангельские говорят о том, что наш ум, наша способность понимать вещи стоят на границе чего-то, чего ни волей, ни сердцем мы еще не можем постичь. Такие места нас осуждают в косности и в бездеятельности, эти места требуют, чтобы мы, не дожидаясь, дабы согрелось наше холодное сердце, решимостью начинали творить волю Божию, просто потому, что мы — Господни слуги.

Есть другие места: если мы отнесемся к ним добросовестно, если мы правдиво взглянем в свою душу, то увидим, что мы от них отворачиваемся, что мы не согласны с

Божиим судом и с Господней волей, что если бы у нас было печальное мужество и власть восстать, то мы восстали бы так, как восставали в свое время и как восстают из столетия в столетие все, кому вдруг станет ясно, что нам страшна заповедь Господня о любви, требующей от нас жертвы, совершенного отречения от всякой самости, от всякого себялюбия, и часто мы хотели бы, чтобы ее не было.

Так, вокруг Христа, наверное, было много людей, хотевших от Него чуда, чтобы быть уверенными, что заповедь Христова истинна и можно Ему последовать без опасности для своей личности, для своей жизни; были, наверное, и такие, которые пришли на страшное Христово распятие с мыслью, что если Он не сойдет со Креста, если не случится чуда, то, значит, Он был не прав, значит, Он не Божий был человек и можно забыть Его страшное слово о том, что человек должен умереть себе и жить только для Бога и для других.

И мы так часто окружаем трапезу Господню, ходим в церковь — однако с осторожностью: как бы нас правда Господня не уязвила до смерти и не потребовала от нас последнего, что у нас есть: отречения от самих себя... Когда по отношению к заповеди любви либо той или другой конкретной заповеди, в которой Бог нам разъясняет бесконечную разнообразность вдумчивой, творческой любви, мы находим в себе это чувство, тогда мы можем измерить, *как* мы далеки от Господнего духа, от Господней воли, и можем над собой произнести укоризненный суд.

И наконец, есть места в Евангелии, о которых мы можем сказать словами путешественников в Эммаус, когда Христос с ними беседовал по пути: Разве сердца наши не горели внутри нас, когда Он говорил с нами на пути?.

Вот эти места, пусть немногочисленные, должны нам быть драгоценны, ибо они говорят, что есть в нас что-то, где мы и Христос — одного духа, одного сердца, одной воли, одной мысли, что мы чем-то уже сроднились с Ним, чем-то уже стали Ему своими. И эти места мы должны хранить в памяти как драгоценность, потому что по ним мы можем жить, не борясь всегда *против* плохого в нас, а стараясь *дать простор* жизни и победу тому, что в нас уже есть божественного, уже живого, уже готового преобразиться и стать частью вечной жизни.

Если мы так будем внимательно отмечать себе каждую из этих групп событий, заповедей, слов Христовых, то нам быстро предстанет наш собственный образ, нам станет ясно, каковы мы, и когда мы придем на исповедь, нам будет ясен не только суд нашей совести, не только суд людской, но и суд Божий: но не только как ужас, не только как осуждение, но как явление целого пути и всех возможностей, которые в нас есть: возможность стать в каждое мгновение и быть все время теми просветленными, озаренными, ликующими духом людьми, какими мы бываем иногда, и возможность победить в себе, ради Христа, ради Бога, ради людей, ради собственного нашего спасения то, что в нас чуждо Богу, то, что мертво, то, чему не будет пути в Царство Небесное. Аминь.

Сошествие во ад

9 мая 1982 г.

Одну из пасхальных икон, которая по-русски называется "Сошествие во ад", по-английски мы называем "Попраание ада, победа над адом". На этой иконе мы видим находящихся глубоко под землей, вдали от близких, вне мира человеческой любви и общения, тех, которые умерли и стали пленниками отчуждения — взаимного отчуждения и отчуждения от Бога. Но посреди них мы видим и Самого Господа Иисуса Христа, за руку воздвигающего Адама и Еву — и в их лице все человечество, выводящего их из отчужденности, из одиночества, из мрака в свет, в Царство вечной любви, в Царство, которое Крестом завоевал для нас Христос.

В каком-то смысле это дивный и трагический образ того, что случается на исповеди: священник, предстоящий на исповеди по образу Самого Бога, призванный сходить вместе

с кающимся в самые потаенные закоулки боли, мрака, греха, поистине сходит во ад, изображенный на иконе. И видит он там нечто дивное и чудесное: в эти потемки сходит не только луч света, не только искра надежды; в этот густой мрак сходит Сам Господь Иисус Христос, исцеляя, спасая, принося утешение, подавая новую силу, принося радость спасения... Какое это диво — стоять перед Живым Богом, и как те, которые, умерев, встретили Господа Иисуса Христа, стоять лицом к лицу с Ним и от смерти возвращаться к жизни. Какое диво, что нам это дано!

Лазарь умер; Лазарь прошел через узкие врата смерти, тело его подверглось разложению, душа его сошла в область Божия осуждения. И внезапно достиг до него голос, голос творческого Слова Божия, без Которого ничего не стало из того, что есть: Лазарь, *гряди* вон/Гряди вон из смерти, прочь из тления, выйди из могилы и вступи снова в жизнь: во временную, преходящую жизнь земли как свидетель воскресения более существенного, более значительного, чем воскресение тела: воскресения души, которая познала мрак смерти и прошла *через* него.

Все мы в разные минуты жизни стоим перед судом Божиим; все мы подчас чуем, что нет вечной жизни в нас, что живем мы преходящей, недолговечной жизнью, и единственная возможность нам *ожить* — это жизнью Самого Бога, изливающейся в нас, и бьющей из нас ключом. Если только мы обернемся к Богу, если только мы откроем Ему эти глубокие и пугающие нас бездны нашего *ада*, его мрачные закоулки, то туда приходит Сам Бог, жизнь вторгается в самую смерть и мы оживаем новой жизнью — жизнью иной, жизнью воскресшего Христа, Который победил смерть, чтобы мы жили.

Будем же внимательны к своей жизни! Мы так часто закрываем глаза на все, что мрачно, уродливо и неприглядно; если бы только у нас было мужество распахнуть это уродство пред взором Божиим и сказать: "Господи, приди! Низложи, победи этот ад!" — тогда сам ад станет местом света, покаяние станет радостью, сокрушенность сердца соединит нас с Богом. Дай нам Господь мужество, дай нам Господь сознание нашей чести, сознание нашего величия, а также сознание величия и святости Божиих, причастниками которых мы призваны быть! Аминь.

О причащении

Великий Пост 1967 г.

В эти недели Великого Поста многие из нас будут причащаться Святых Таин; причащаться Святых Таин надо вдумчиво и зная, что мы делаем, *чего* мы просим и на *что* идем.

Причащаться Святых Таин — это значит призывать Господа так с нами соединиться, что не только душевно, но в самой плоти нашей Его жизнь делается нашей жизнью и наша жизнь делается Его жизнью. Поэтому каждый раз, как, причастившись Святых Таин, мы делаем дела тьмы, мы как бы влечем Господа насильственно, мучительно по тому самому пути, по которому Его вели в страстные дни на распятие, на страдание, на поругание, — это мы должны помнить.

В то же время мы желаем от Господа жизни новой, переизбыточествующей жизни, и эта жизнь нам дается, потому что, когда приходит к нам Господь и соединяет нас с Собой, вечная жизнь нас покоряет и в нас входит. Но данную нам жизнь мы не принимаем; мы хотим радоваться ей, но не хотим нести ее бремя: в этой вечной жизни на земле есть бремя и есть трагическая сторона, а не только ликующая радость. С одной стороны, мы начинаем жить жизнью будущего века, но только тогда эта жизнь в нас удерживается, мы отходим от дел зла, от жизни тьмы, тления и смерти, когда отходим сознательно, усилием воли, беспощадностью к себе, к своей слабости; и кроме того, когда мы эту жизнь вечную питаем в себе евангельской жизнью, то есть поступками, которые не являются поруганием самой этой жизни, — и молитвой.

Есть еще одна сторона: мы молим Господа соединить Себя с нами и взять на Себя всю тяжесть нашей жизни и с нами вместе ее понести; но одновременно мы должны быть

готовы взять на себя судьбу воплощенного Сына Божия на земле, принадлежать Небу, Богу, правде, со всеми последствиями, которые могут истечь из этого: прежде всего, внутренней борьбой с неправдой и смертью, которые в нас есть; затем, готовностью стоять за правду Божию, за тайну Царства Божия, любви Божественной на земле в отношениях с людьми, даже там, где это значит приношение какой-то жертвы, принесение себя в жертву. И наконец, долг готовности во имя Господа и Его правды быть отверженными, отлученными, стать чуждыми для всех тех, которые, сознанием или нет, встают против этой правды.

Поэтому, причащаясь Святых Таин, будем готовиться внимательно и сосредоточенно, и будем готовиться прийти сознательно на исповедь, отречься от неправды в себе, отвернуться от всего того, что могло нас пленять, и готовиться к тому, чтобы после исповеди и соединения со Христом начать жить новой жизнью, *чего бы это нам ни стоило*.

Если мы будем так поступать, тогда дар Святого Причащения, соединения со Христом, вселение в нас благодати Всесвятого Духа, те новые, несказанные отношения, которые создаются между нами и Отцом, а в Нем — со всеми людьми, принесут плод. Иначе мы будем тосковать о том, что, прибегая к Богу, мы остаемся без помощи и сил — и не потому, что Бог не дает помощи, и не потому, что нет у нас сил, но потому, что то, что дает Бог, мы так легко растрачиваем в пустыне жизни.

Поэтому с радостью приступим теперь к новой жизни: и причастившиеся, и те, которым еще предстоит это неопишное торжество и радость, — и будем жить так, чтобы через нас Небо присутствовало на земле, Царство Божественное внутри нас покоряло все вокруг нас, от самого мелкого до самого великого. Аминь.

Об Евхаристии

1969 г.

Когда на Тайной Вечере Господь установил Таинство нашей веры, которое мы называем Божественной Литургией или Евхаристией, Он собрал вокруг Себя Своих учеников: и тех, которые позже стали верными Ему так, что умерли за Него, и того, который уже решил предать своего Учителя; вместе с остальными Господь поставил его перед лицом несказанной любви Божией; потому что быть принятыми за чей-то стол означает, что он, наш хозяин, считает нас равными себе, своими сотоварищами, которые имеют право преломить хлеб вместе с ним, разделить с ним сущность жизни; и здесь Господь делает учеников равными в любви Божией, равными Богу через Его любовь к нам. Это — одна сторона необычайных событий, которые мы называем Тайной Вечерей.

Но мы называем эти события еще другим именем: мы называем это *Евхаристией*, от греческого слова, которое означает одновременно *дар* и *благодарение*. И действительно, это причастие Телу и Крови Христовым, это невероятное *приобщение*, в которое Он нас принимает, является самым большим даром, который Господь может нам дать: Он делает нас братьями и равными Себе, *со-трудниками* Богу, и через невероятное, непостижимое действие и силу Духа (ибо этот Хлеб — больше не хлеб только, и это Вино — не только вино, они стали Телом и Кровью Дающего) мы становимся зачаточно, а постепенно все больше, участниками Божественной природы, богами по приобщению, так, что вместе с Тем, Кто есть воплощенный Сын Божий, мы становимся единым откровением Божьего присутствия, "всецелым Христом", о Котором говорил святой Игнатий Антиохийский. И даже больше этого, выше и глубже этого: в этом приобщении к природе и жизни Единородного Сына Божия, по слову святого Ириния Лионского, действительно мы становимся — по отношению к Самому Богу — единородными сынами Божьими.

Это — дар; но в чем благодарение? Что мы можем принести Господу? Хлеб и вино? Они и так принадлежат Ему. Самих себя? Но не Господни ли мы? Он призвал нас из небытия и одарил нас жизнью; Он наделил нас всем, что мы есть и что у нас есть. Что же мы можем принести, что было бы действительно наше? Святой Максим Исповедник

говорит, что Бог может сделать все, кроме одной вещи: самую малую из Своих тварей Он не может принудить полюбить Его, потому что любовь — наивысшее проявление свободы. Единственный дар, который мы можем принести Богу, это любовь доверчивого, верного сердца.

Но почему благодарением называется именно эта таинственная евхаристическая трапеза скорее, чем любое другое богослужение или любое другое наше действие? Что можем мы подарить Богу? За столетия до того, как пришел на землю Христос и открыл нам Свою Божественную любовь, этот вопрос ставил себе псалмопевец Давид, и ответ, который он дает, такой неожиданный, такой подлинный, верный. Он говорит: Что я воздам Господу за все Его благодеяния ко мне? — Чашу спасения приму, и имя Господне призову, и молитвы мои воздам Господу... Наивысшее выражение благодарности не в том, чтобы отдарить человеку обратно, потому что если кто получит дар и отдарит за него, то он как бы расквитался и тем упразднил дар: дающий и получающий сравнялись, оба стали дарителями, но ответный дар в каком-то смысле разрушил радость обоих.

Если же мы способны принять дар всем сердцем, мы этим выражаем наше полное доверие, нашу уверенность, что любовь дающего совершенна, и принимая дар всем сердцем и во всей простоте сердца, мы приносим радость и тому, кто дал от всего сердца. Это верно и в наших человеческих взаимоотношениях: мы стремимся отплатить за дар, чтобы только избавиться от благодарности и как бы порабощения, когда получаем дар от кого-то, кто нас недостаточно любит, чтобы одарить нас от всего сердца, и кого мы сами любим недостаточно, чтобы принять от всего сердца.

Вот почему Евхаристия — величайшее благодарение Церкви и величайшее благодарение всей земли. Люди, которые верят любви Божией открытым сердцем и безо всякой мысли "расчитаться" за дар, а только радуясь той любви, которую дар выражает, получают от Бога не только то, что Он может дать, но также и то, чем Он Сам является, и участие в Его жизни, в Его природе, Его вечности, Его Божественной любви. Только если мы способны принять дар с совершенной благодарностью и совершенной радостью, наше участие в Евхаристии будет подлинным; только тогда Евхаристия становится наивысшим выражением нашей благодарности.

Но благодарность трудна, потому что она от нас требует надежды, любящего сердца, способного радоваться дару, и совершенного доверия к дающему и веры в его любовь, в то, что этот дар не унижит нас и не поработит. Вот почему изо дня в день мы должны вращаться в эту способность любить и быть любимым, способность быть благодарным и радоваться; и только тогда Тайная Вечеря Господня станет совершенным даром Божиим и совершенным ответом на нее всей земли. Аминь.

Как принимать друг друга

Два раза в своих Посланиях Апостол Павел особенно настаивает на том, как мы должны друг друга принимать. В одном месте он нас призывает быть щедрыми и любвеобильными в гостеприимстве; потому, — говорит он, — что многие, оказывая гостеприимство людям, приняли в свои дома Ангелов... Не в том, может быть, смысле, что Небесные Силы видимо посетили их дома, а что в лице скромного, незаметного странника к ним постучался — к *нам* стучится! — в дверь вестник Божий, человек, который является иконой страждущего Христа, образом Спасителя, стоящего у нашей двери и стучащего, и молящего о том, чтобы эти двери раскрылись и чтобы Ему, бездомному, одинокому, обездоленному был дан приют.

Эти двери — не только вещественные двери наших домов, не только вещественная кровля наша: должны открыться более сокровенные двери; двери наших сердец должны широко раскрыться, чтобы человек мог проникнуть в ту глубину, где не только *наша* любовь его встретит, но где встретит его любовь Божия, разливающаяся в наших сердцах; раскрыть должны мы замкнутые наши умы, чтобы понять, принять человека...

Отверзая так наши двери, мы действительно часто примем Ангелов, вестников Христовых, которые нам приносят с Неба спасение, призыв к милосердию, к состраданию, к любви, призыв уметь, как говорит Апостол Павел, "радоваться с радующимися и плакать с плачущими".

А в сегодняшнем Послании Апостол Павел нам говорит, что нам надлежит научиться друг друга принимать так, как нас принял Христос. В другом Послании тот же Павел изумляется тому, как нас полюбил Господь, какую любовь Он явил нам во Христе: Едва ли, — говорит он, — в обычной жизни кто свою душу, свою жизнь положит за друга, а Христос пришел Свою жизнь отдавать за нас, когда мы еще состояли во вражде с Богом. Он пришел умереть за врагов, Своих и Божиих, чтобы, видя эту крестную, жертвенную любовь, люди дрогнули сердцем и раскрылись ответно на любовь...

Так и мы друг друга принимаем; в нашу жизнь входят и через нее проходят бесчисленные люди; они нам не враги, они нам не друзья, и проходят они незамеченными: даже не забытыми, а никогда и не увиденными. И проходит человек, который *надеялся* на встречу, — и не встретил никого... Мимо него кто-то прошел, по нему скользнул невидящий взор, не услышан был его голос, и он ушел, порой, во тьму, в одиночество, в отчаяние...

Приходят и в наш храм люди, никогда здесь не бывавшие; и насколько, должно быть, им больно видеть, как после того, что вы приложились ко кресту, друг встречает друга, родной — родного, знакомый — знакомого, как сияют улыбки, как загорается радость встречи. И как человеку, должно быть, трудно стоять окруженным чужой радостью, окруженным людьми, которые друг другу свои, если на него кто-нибудь не взглянет, не увидит, не поприветствует и тоже сделает своим. А вместе с тем, здесь мы все — свои, мы все — родные, если только мы Божии, если только мы Христовы.

Не так мимо нас проходит Христос, не скользит Его взор и не замыкается Его слух: Его взор останавливается на каждом из нас, проникает в глубины сердца, встречает нас там, куда вонзилось горе, или там, где блеснула вечная радость. Научимся и мы друг друга так встречать, как встречал бы нас в этом храме, в жизни, дома, Христос: зрячим взором, открытым слухом, широко, глубоко раскрытым сердцем, внимательным умом и волей, желанием, порывом друг друга принять, утешить, обрадовать, сделать своим, ввести в Царство Божие. И тогда не нужно нам будет много говорить о том, что оно собой представляет и каково оно: каждый проходящий к нам, каждый встречающий нас, и поодиночке и вместе, узнает, что такое Царство, где живет Господь и где присутствует любовь. Аминь.

О Священном Писании

26 ноября 1967 г.

Евангелие читается в церкви почти на каждом богослужении; на каждой службе мы предстоим перед словом Божиим и думаем, что этим мы становимся народом Божиим; но от нас требуется гораздо большее, если мы хотим быть таким народом Божиим, тем народом, который может сказать, что Божественное слово принадлежит ему.

Библия родилась в человеческой общине. Евангелие родилось в Церкви; и израильская община, и Церковь Божия существовали раньше, чем возникло Священное Писание. Именно *изнутри* этой общины родилось познание Бога, любовь к Богу, видение Его невыразимой красоты, видение также состояния и судьбы, становления и призвания человека. Народ Божий — это такая община, которая свидетельствует о чем-то, что ей достоверно известно, что является ее жизнью, предметом ее любви, ее радостью. Библейский народ — это не народ, который читает Библию, верно хранит ее и возвещает ее; подлинный народ Божий, подлинный народ библейский, подлинный народ евангельский должен быть такой общиной, которая могла бы сама написать Священное Писание, проповедовать его из собственного *опыта*, дать ему начало, родить его. Если мы не такая община — мы не принадлежим поистине ни Евангелию, ни народу Божию.

Часто мы себя утешаем тем, что мы — молитвенная община, где слово Божие возвещается, где оно проповедуется, община, которая так или иначе стремится жить словом. И однако, если мы взглянем вокруг, то все, что мы видим, свидетельствует как раз об обратном: если бы мы были общиной, изнутри которой, из глубины опыта которой родилось Божественное слово, то для тех, кто слышит, как мы повторяем его, возвещаем и проповедуем его, оно было бы двояким откровением: откровением того, что возвещается, и откровением о том, что возвещаемое стало плотью и кровью, стало реальностью человеческой жизни; и община, которая проповедует божественное слово, была бы доказательством истинности этого божественного слова.

Это ли мы видим? Можем ли мы сказать, что община, которой мы являемся, большая она или малая, есть воплощенное подтверждение вести, которую мы несем, благой вести, принесенной Христом в мир? Не продолжает ли оставаться верным — и теперь, может быть, больше, чем в ранние времена, — что слово Божие хулится и подвергается насмешкам из-за нас?

Вот возрождение, к которому мы призваны: у нас есть книга, родившаяся из самых глубин человеческого опыта Бога, книга, где Бог действительно говорит через общину, которая *была способна* свидетельствовать об истинности слова. Мы должны стать снова такой общиной, мы должны научиться жить согласно слову Самого Бога, откровению Его воли; мы должны научиться быть таким народом, жизнь которого согласна со словом Евангелия.

Пока Евангелие остается для нас внешним законом, пока Евангелие остается Божественной волей, отличной от нашей воли или противной ей, мы не евангельская община; может быть, мы в лучшем случае стремимся быть ею, но мы еще не община, способная дать миру откровение благой вести. Христос сказал, что слово, которое Он проповедал, — не просто произвольное веление Бога, а откровение о подлинном Человеке, откровение, данное нам и другим о том, как настоящий человек чувствует, думает, желает и живет. Пока наши чувства не таковы, пока наши мысли не таковы и наша жизнь не такова, мы не то что "не послушны" Божьему закону, мы не то что изменяем самим себе, — мы просто не "человечны" в подлинном смысле, в смысле призвания, заключенного в этом слове.

Так, обновление Церкви начинается с каждого из нас; преобразования, когда они касаются форм молитвы, когда они касаются внешних структур, это еще не возврат к истокам, к первоисточнику. Есть один источник света, из которого бьет вода вечной жизни: само Евангелие, которое является откровением для каждого из нас и для всех нас того, что есть Человек и человеческие отношения.

Поспешим же принять это свидетельство Евангелия, осознав, что когда придет на нас суд, то судить нас будут не Бог и закон, отличный от нас и чуждый нам. Мы сами увидим, чем мы должны были быть, чем мы могли быть и чем мы не захотели стать. Тогда будет горе, тогда действительно будет плач, не потому, что Бог проклянет нас и отвергнет, а потому, что, видя красоту нашего призвания, мы увидим, как далеко мы от него отпали.

Давайте же сейчас, пока еще есть время (и на это не нужны годы — на то, чтобы преобразить жизнь, нужно одно мгновение), давайте обратимся к самому Евангелию, давайте научимся от Самого Христа, *что* мы собой представляем, *чем* мы можем быть; и если мы сомневаемся, действительно ли это возможно, вспомним слова Христа, когда Петр сказал: "Кто же может спастись?" — и Христос ему ответил: Человекам это невозможно, Богу же все возможно... Давайте же идти вперед в этой надежде, в этой радости и в этой уверенности. Аминь.

О Евангелии

Ноябрь 1975 г.

Многим, почти что кощунственно, Евангелие представляется как книга грозного Божьего суда, требований Господних; но как далек этот образ от живого чувства, которое Евангелие вызывает в том, кто читает его впервые!

Когда из глубины растерянности, греха или горя приступаешь к Евангелию, оно раскрывается как книга радости и надежды: радости о том, что среди нас Господь, не далекий, не грозный, а родной, свой, облеченный в человеческую плоть, знающий из личного Своего опыта, что значит быть человеком. И радость и надежда о том, что на каждой странице Господь требует от нас, чтобы мы были достойны величия своего человечества, требует, чтобы мы не смели быть ниже своего достоинства и уровня, не дает нам стать меньше, чем человек, — хотя мы и грешим так часто и недостойны бываем и себя, и Его. *Какая* надежда звучит в том, что Христос пришел грешных спасти и призвать к покаянию, что Он для грешных жил и умер, что к ним обращена Его проповедь; и какое откровение о Боге в этом образе Христа, воплотившегося Сына Божия!

Бог Ветхого Завета, Бог древних религий был Богом непостижимым, Богом страшным и, в Его святости, Богом недоступным. И вот в Евангелии раскрывается Бог доступный и простой — но какой ценой! Он стал Человеком и через это отдал Себя во власть всей злобы и неправды земной. Он дал Себя на растерзание и на погубление; по любви к нам Он захотел быть таким же уязвимым, как мы, таким же беспомощно-беззащитным, как мы, таким же презренным, как мы бываем в глазах тех, кто верит только в силу и в успех.

Вот каким раскрылся перед нами Бог, и Он нам открыл, что нет такой глубины падения, растерянности, и страха, и ужаса, в которую Он не сошел до нас, с тем, чтобы, если и мы в нее падём, мы не оказались бы одни. В Гефсиманском саду Он, в борении и ужасе, встречал не Свою, а нашу смерть. И в течение всей Своей жизни Он был именно с теми людьми, которые нуждались, чтобы к ним пришел Бог, потому что они потеряли к Нему дорогу. Вот Бог, в Которого мы верим, вот Бог, Который крестной любовью и ликующей, торжествующей любовью Воскресения нас возлюбил, искупил и открыл нам величие человека и нашего призвания; поэтому станем жить достойно того звания, к которому мы призваны, радуясь о том, что с нами Бог. Аминь.

О призвании

28 июня 1970 г.

По мере нашей веры, по мере открытости наших сердец Господь разное нас призывает. В глубине ночи, из сна был вызван Авраам; Господь позвал его по имени, и Авраам отозвался, и Господь ему велел: Выйди из земли твоей, оставь твоё сродство, отвернись от всего, что твоё, пойдё туда, куда Я тебя поведу... — и Авраам встал и пошёл. И он остался в истории и в опыте всего человечества как подлинный образ безусловной, совершенной веры.

Иначе были призваны Апостолы: мы сегодня читали (Мф. 4:18-23) о том, как, проходя мимо них у моря Тивериадского, Господь позвал их; и они встали и пошли — но это была не первая их встреча. До этого на берегу Иордана-реки они встретили Христа. Помните, как они услышали свидетельство святого Крестителя Иоанна: Это Агнец Божий, который подымлет на Себя крест мира, грех мира, тяжесть мира... И два лучших ученика Предтечи — тот, который впоследствии стал Иоанном Богословом, и Андрей Первозванный — оставили своего учителя, по его же собственному свидетельству, и пошли за Иисусом, пробыли целый день с Ним и потом привели к Нему каждый своего брата: Андрей привел Петра, Иоанн привел Иакова, и своих друзей: Филиппа и Нафанаила. И вот при этой встрече они *что-то* прозрели — такое большое, что было выражено Нафанаилом в его исповедании: Ты мой Господь и Ты мой Бог...

Но после этого Христос их за Собой не увлекает; Он их отсылает обратно, домой, и Сам уходит в пустыню на сорокадневный пост и искушение. И только через каких-то два месяца Он снова их встречает. За это время первый восторг, который их охватил, успел

остыть; первые потрясающие впечатления улеглись, они успели подумать, пережить, прийти в себя, вернуться к самому обыденному, что у них было на земле: ремесло, дом, семья, обычное окружение. И когда они занялись *только* самым обычным, когда воспоминание об Иисусе, встреченном в Иудее, осталось у них в сердцах, а жизнь продолжала идти своим чередом, Спаситель *снова* прошел мимо них и теперь уже, не предлагая ничего, прямо им повелел: *Идите* за Мной! — и они оставили все и пошли.

Бывает и в нашей жизни, что в какой-то момент мы услышим ясный голос Божий, который нас зовет по *имени*, и тогда мы можем встать и пойти; бывает, что мы в жизни коснемся края встречи со Христом, глубоко бываем потрясены тем, что пережили, готовы были в тот момент на *любой* подвиг — но Спаситель знает, что ни на какой подвиг мы от восторга нашего не способны, пройдет порыв, восторг, вернемся мы на старое и остынем. И Господь Сам отсылает нас обратно в жизнь, обратно в семью, обратно к обычным нашим занятиям, обратно ко всему, что раньше существовало в нашем сознании без Него. Но посылает-то Он нас обратно со знанием, что мы встретили Живого Бога. Это бывает после молитвы, после причащения или в какой-то непостижимый момент, когда нас *Жизнь* коснется... И в какое-то время Он снова пройдет мимо нас и скажет: А теперь *брось*, пора за Мной идти... Готовы ли мы на это?

Сколько раз мы все, каждый из нас и все вместе молились, и глубоко доходила до нас благодать и слово молитвы, и зажигались сердца, и утихали страсти, и ум делался ясным, и воля в сильном порыве хотела только добра! *Сколько* раз?. Сколько раз это бывало при чтении Евангелия, после причащения Даров, после того, как мы сделали что-то достойное себя и достойное Бога, достойное любви, — и *снова* мы засыпаем и коснеем... *Слышим* ли мы слово Божие, говорящее: А теперь пора! — или станем дожидаться момента, когда *все* у нас будет отнято: болезнью, надвигающейся смертью, страшными обстоятельствами жизни, чтобы вспомнить, что, кроме Бога, в конечном итоге не остается ничего, никого, никакого человека около нас?

А сейчас — сколько вокруг нас людей: а есть ли человек?. Не только в том смысле, что около *меня* может кого-нибудь не быть, а поставим себе вопрос так: "А я — *человек* ли по отношению к тому, кто рядом со мной? Слышу ли я Господа, говорящего: Иди ко Мне, помоги, напитай, утешь, дай стакан студеной воды, утешь словом"?

Вот вопрос, который перед нами стоит: Господь говорит раз, говорит и два — а придет время, когда Он перестанет говорить, когда мы станем перед Ним, и Он будет молчать, и мы будем молчать, *оба* объятые той же печалью: прошло время, поздно... Неужели мы дадим времени сказать нам: Поздно!. Апостол Павел нас призывает дорожить временем, потому что дни лукавы, спешить творить добро, спешить *жить* вечностью!

Услышим этот призыв и начнем жить! Аминь!

О святости

2 июля 1978 г.

Святость составляется из двух начал: из дара Божия и из мужества, из верности человеческой. И поэтому святость не может измеряться достижениями, а может измеряться только великодушием человека и безграничной милостью Божией.

Нет больших и малых святых; есть только люди, которые сумели себя без остатка отдать в руку Божию. Одним было дано совершить много, другим как будто меньше. Имена одних известны везде, имена некоторых почитаются поместно. Одни сияют на весь мир, а другие, как теплящаяся лампада, как скромная свеча, горят перед лицом Божиим и освещают немногих. Святость одних понятна всем; святость других таинственна, порой непонятна, порой непостижима.

И все эти люди, которые выросли в полную меру того, что задумал о них Господь, когда державным словом Он их вызвал из небытия, — все они были людьми, такими же, как мы: хрупкими, порой колеблющимися, часто грешными. И единственная разница, по

слову Серафима Саровского, между святым, вырастающим в полную меру человеческого роста и призвания, и грешником, который гибнет, — в решимости. В решимости стоять за все — в себе самом — самое благородное, самое чистое, самое высокое и прекрасное, в решимости, когда какое-либо слово Божие тронет наше сердце, отозваться на него не только чувством, но жизнью, *всем...*

Казалось бы, так это легко — у каждого из нас есть какая-то светлая, прекрасная сторона; в каждом из нас есть порывы благородства, красоты, величия: если только мы бы нашли решимость изо дня в день жить для *этих* прекрасных свойств нашей души, то мы выросли бы в меру такого величия и красоты, о которых мы не имеем понятия!

Если бы каждый из нас, кого в какой-то момент коснулось слово Божие, отозвался бы, сказал: Боже, *как это* прекрасно! И в этом простом, незатейливом я могу быть заодно с Тобой, одной душой, одной жизнью? Боже, как это легко!. Если бы только мы могли так отозваться и продолжать так жить, то мы были бы Богу свои, родные, не только по Его любви, но и по нашему ответу.

Задумаемся над этим, потому что путь этот прост и полон радости, полон света, хотя требует он и мужества, и отречения от себя, и, порой, жертвы... Но как все это прекрасно, и как это все просто, и как это достижимо; и какой мир был бы вокруг нас, если бы *один* из нас сумел *так* отозваться и сиять в нашей среде, сиять благодатью, сиять любовью, сиять радостью и милосердием, сиять строгостью подвига, который делает человека подобным Богу. Аминь.

Предостережение

1972 г.

Одно из евангельских чтений заканчивается строгими, суровыми словами: Поэтому, — говорит Христос, — отыметса у них Царство Божие и отдастса в руки народа, который принесет плод...

Эти слова обращены ко всем нам без исключения, и лично, и ко всем нам вместе. Нам столько Богом дано: нам дано знать Его как Бога — а сейчас миллионы людей лишены этого дара, не только потому, что Христос Бог не проповедан в их среде, а потому, что все делается, что возможно человеческими силами при содействии темных сил, чтобы искоренить из человеческих душ не только знание о Боге, но способность Его воспринимать. Нам дано знать Христа, Сына Божия, пришедшего плотью в мир, ставшего человеком, освятившего всю тварь. Нам дана глубокая по мысли и по чувству православная вера, дано все Евангелие, дана Церковь, даны Таинства, дана жизнь...

И когда задумываешься над своей жизнью, делается так грустно за Бога и так грустно за себя: *Сколько* дано — а какой плод?. Оглядываешься на свою жизнь, коротка она или нет, и видишь: столько можно было сделать, каким человеком можно было стать — и ничего не сделано. И человек стоит такой обездоленный при этом несметном богатстве, такой опустошенный при *такой* полноте...

И вот здесь звучат слова Христовы: Берегитесь, вам все было дано; берегитесь, потому что приходит время, когда Господь оглянется вокруг Себя и увидит души голодные, души, истощившиеся в ожидании, души, кричащие Ему: "Господи, явися нам!". Души, которые способны отозваться всей жизнью, подвигом, святостью, безмерным мужеством на зов Христов... Неужели придет такое время в жизни хоть одного из нас, а может быть, и всех нас, когда Господь скажет: с этого виноградника плодов больше не собирать, этот вино-градник вымер; остается только дать ему высохнуть и сжечь его.

И оглянется Господь, и даст Свое животворное слово, слово истины, слово жизни тем, которые не знали, тем, которые за оградой нашей, как Лазарь бедный у ворот богача, и они принесут плод, и прославят Бога, и то, что Он дал, воспримут не как должное, а как неожиданную радость, как милость непостижимую, и из благодарности проживут так, что имя Божие прославится среди людей... Неужели мы, которым столько дано, так ко всему привыкли, что мы неспособны отозваться душой на слово Христа, на слово проповеди, на

голос нашей собственной совести, на крик изголодавшегося по любви мира? Задумаемся над этим словом, потому что суд Божий начинается с Дома Божия. Аминь!

О любви

1972 г.

В сегодняшнем Евангелии мы слышали слова такие простые и такие очевидные: Если кто Меня любит, тот сохранит Мои заповеди... В жизни, в нашей обычной человеческой жизни, это так очевидно и так просто: если мы кого-нибудь любим, то *как* мы заботимся о том, чтобы узнать его вкусы, что ему дорого и что ему ненавистно; и как старательно, когда у нас в сердце любовь жива, мы стремимся к тому, чтобы ничем любимого не огорчить.

В таком смысле можно и слова Христовы понять. Заповедь Господня — это не приказ, не принуждение со стороны Бога; Он открыто, чистосердечно нам говорит: Вот что Мне дорого, а вот что Мне ненавистно; вот то, ради чего Я пришел на землю, а вот то, что на земле привело к Моей горькой и жестокой смерти... И вопрос стоит совершенно ясно и просто: если нам не дорого то, что Ему дорого, если нам остается близким то, что было причиной Его распятия и смерти, то о какой же любви мы можем говорить? Разве так мы говорим о любви к родным, к друзьям, к тем, которые нам действительно близки? Конечно, нет!

И вот задумаемся над этими простыми словами Христа и над этой простой, человеческой, земной правдой. Если нам не дорога заповедь Господня, то, значит, Он нам не дорог, и тогда не надо говорить, что мы Его любим, не надо говорить, что Он — наш Господь. Лучше, честнее было бы сказать: Где-то краешком души я Тебя люблю, но себя люблю больше, мир люблю больше, многое люблю больше, чем Тебя... И тогда, может быть, нам стало бы стыдно, представив себе Его любовь к нам и то, как Он к нам относится. А если бы стало стыдно, то, может быть, что-нибудь живое и дрогнуло бы у нас в душе; может быть, тогда мы приобрели бы правдивые, честные отношения с Богом и когда-нибудь и к Нему отнесли бы те живые чувства, которые мы имеем друг ко другу.

Подумаем об этом очень серьезно, потому что кто не хранит заповедь Господню — не как закон, не как приказ, не из страха, а просто потому, что Он нам дорог, — тот не может сказать: Люблю Тебя, Господи...

Возлюбим же друг друга, возлюбим Господа серьезным, творческим, взрослым образом, и будем строить на этом жизнь. Аминь!

О слышании

1973 г.

Есть слово в Священном Писании: обращайтесь внимание на то, как вы слушаете... Это слово могло бы быть для нас источником такого вдохновения и такого углубления в жизни! Как слушаем мы? Как слушаем мы друг друга? Как слушаем мы голос нашей совести? Как слушаем мы слово Самого Бога?

Мы друг друга слушаем поверхностно, невнимательно: нам порой бывает страшно услышать то горе, которое звучит в произнесенных словах; нам бывает страшно вслушаться в человеческую речь, потому что услышать — это значит отозваться, и не только на одно мгновение, а сердечным трепетом; не мимолетной мыслью, а отозваться навсегда: как Христос отозвался на человеческое горе и ужас обезбоженности и стал Человеком *навсегда*. Мы боимся слушать именно из-за этого, и мы не умеем друг друга встретить, и потому наши отношения остаются поверхностными — завязываются и распадаются. На мгновение кажутся они вечными, а потом оказываются мимолетным сном.

Так слушаем мы и голос нашей совести: мы не внимаем ему, мы не хотим слышать каждый ее упрек или каждое ее внушение, мы не хотим того вдохновения или вразумления, которое совесть может нам дать. Нам и тут страшно, и мы слышим только

то, что хочется, а остальное забываем, и проходим мимо себя самих, мимо того, что мы знаем о жизни, о себе, о людях; вместо того, чтобы вырасти в полную меру возможностей, чтобы быть всем тем, чем мы можем быть, мы мельчаем и уродуемся.

А что сказать о слове Божиим? Сам Бог говорит в Евангелии, Дух Святой веет в нем; одного такого слова, если его воспринять глубоко, честно, серьезно, достаточно было бы, чтобы преобразить нашу жизнь, чтобы она разверзлась и стала такая же глубокая, как жизнь Божия, такая просторная, что в ней вместились бы все человеческое, такая же чистая и огненная, чтобы она не боялась осквернения и могла сжечь все плевелы. Но мы слушаем слово Божие изо дня в день, из недели в неделю и из года в год, и остаемся такими холодными, потому что и тут мы не хотим слышать. Мы хотим услышать то слово, которое нам *желанно*, но, когда Господь говорит Свои слова, мы поступаем так, как афиняне поступили с Апостолом Павлом: отходим, говоря, что "об этом мы услышим в другой раз". И жизнь остается мелкой и бедной, двухмерной жизнью времени и пространства, без глубины, без вечности и без вдохновения.

Апостол нам говорит: внимайте, как вы слушаете... Вот, задумаемся на этой неделе о том, как мы слушаем: как мы слушали сегодняшнее Евангелие и Послание; как мы слушаем слово проповеди; как мы слушаем молитвенные слова Церкви, то есть, в конечном итоге, наши собственные слова. Посмотрим, как мы послушаем людей, которых нам пошлет Бог, вот сейчас, в течение наступающих дней, и потом поставим перед собой вопрос: Чем же я живу? Голос совести до меня не доходит ни предупреждением, ни вдохновением; голос ближних не доходит — я выбираю только то, что я хочу слышать; голос Божий не доходит до меня — я пропускаю и прохожу мимо всего того, что не любо... Чем же остается жить? Откуда же брать глубину, откуда брать вдохновение, откуда черпать жизнь?

Вот почему жизнь бывает такая тусклая, почему она медленно, тоскливо течет, когда она могла бы бить ключом, и уже на земле бить ключом в жизнь вечную... Обратим внимание на то, как мы слушаем, и окажется, что нам откроется путь к тому, *как жить*. Аминь.

О чудесах

17 августа 1986 г.

Раз за разом мы читаем и в Евангелии, и в Ветхом Завете о чудесах, и поистине можем видеть их на протяжении веков в жизни Церкви: чудеса исцеления, чудеса обновления человеческой жизни силой Божией. И иногда люди — все мы — задаем себе вопрос: что такое *чудо*? Значит ли, что в момент чуда Бог насилует собственное творение, нарушает его законы, ломает что-то, Им Самим вызванное к жизни? Нет, это было бы магическим действием, это значило бы, что Бог сломил непослушное, подчинил силой то, что слабо по сравнению с Ним, Который силен.

Чудо — нечто совершенно иное: чудо это момент, когда восстанавливается гармония, нарушенная человеческим грехом. Это может быть вспышка на мгновение, это может быть начало целой новой жизни: жизни гармонии между Богом и человеком, гармонии тварного мира со своим Творцом. В чуде восстанавливается то, что должно бы быть всегда; "чудо" не означает что-то неслыханное, неестественное, противное природе вещей, но, наоборот, такое мгновение, когда Бог вступает в Свое творение и бывает им принят. И когда Он принят, то Он может действовать в сотворенном Им мире или в каждой отдельной твари свободно, державно.

Пример такого чуда мы видим в рассказе о том, что случилось в Кане Галилейской, когда Мать Божия обратилась ко Христу и на этом убогом сельском празднике сказала Ему: У них вино кончилось!. Сердца людей все еще жаждали человеческой радости, а вещество радости иссякло. И Христос обращается к Ней: Что между Мной и Тобой, *почему Ты Мне говоришь это?*. И Она не отвечает Ему прямо; Она обращается к слугам и говорит: *Что бы Он ни сказал — то сделайте...* Она отзывается на вопрос Христов

действием совершенной веры. Она неограниченно верит в Его мудрость, и в Его любовь, и в Его Божественность. И в это мгновение, поскольку вера одного человека распахнула дверь и для всякого, кто *выполнит*, что ему сказано, Царство Божие водворяется, в мир вступает новое измерение вечности и бездонной глубины, и то, что было иначе невозможно, становится реальностью.

И здесь мы поставлены перед лицом тех необходимых условий, которые делают возможной эту восстановленную гармонию. Прежде всего, должна быть нужда, нужда реальная; не обязательно трагическая, она может быть и незатейливой, но она должна быть *подлинной*. И радость и горе, болезнь и подавленность в равной мере нуждаются быть приведенными в нечто большее, чем земля, в нечто такое же просторное и глубокое, как Божественная любовь и Божественная гармония.

Должна быть также беспомощность: пока мы думаем, что мы *можем* что-то сделать сами, мы не даем Богу пути. Мне вспоминаются слова одного западного святого, который говорил: Когда мы в нужде, мы должны передать все попечение Богу, потому что тогда Он *должен* что-то сделать, чтобы отстоять Свою честь... Да, пока мы воображаем себя хоть отчасти хозяевами положения, пока мы говорим: "Я сам — Ты *только* немножко помоги", — мы не получим помощи, потому что эта помощь должна разметать все человеческие ухищрения.

И следующее — это Божественное сострадание, о котором мы слышим так часто в Евангелии: *Милосердова Христос*... Христос сострадает, Христос жалеет, и это значит, что Он посмотрел на людей в нужде, которые ничем не могут облегчить своей нужды, и испытал *боль* в Своем Божественном сердце: вот люди, чья жизнь должна быть полнотой и торжествующей радостью, — а они измучены нуждой. Иногда это голод, иногда это болезнь, иногда — грех, смерть, одиночество: что угодно, но Божия любовь может быть только или ликующей, торжествующей радостью, или распинающей болью.

И вот, когда соприсутствуют все эти элементы, тогда устанавливается таинственная гармония между Божией скорбью и человеческой нуждой, человеческой беспомощностью и Божией силой, *любовью* Божией, которая выражается во всяком: и в великом, и в малом.

Поэтому научимся такой чистоте сердца, такой чистоте ума, которая сделает нас способными обращаться к Богу с нашей нуждой, не пряча от Него своего лица; если же мы недостойны приступить к Нему, то приступим, припадая земно к Его ногам, и скажем: Господи! Я недостойн, я недостойна! Я недостойн стоять перед Тобой, я недостойн Твоей любви, недостойн Твоего милосердия, но вместе с этим я знаю Твою Любовь еще больше, чем я знаю свое достоинство, и вот я прихожу к Тебе, потому что Ты — любовь и победа, потому что в жизни и в смерти Твоего Единородного Сына Ты явил мне, как дорого Ты меня ценишь: цена мне — вся Его жизнь, все страдание, вся смерть, сошествие во ад и ужас ада, ради того, чтобы я только был спасен...

Станем же учиться этой творческой беспомощности, которая заключается в том, чтобы оставить всякую надежду на человеческую победу ради уверенного знания, что Бог может то, чего мы не можем. Пусть наша беспомощность будет прозрачностью, гибкостью, *всецелым* вниманием — и вручением Богу наших нужд: нужды в вечной жизни, но и незатейливых нужд нашей человеческой хрупкости — нужды в поддержке, нужды в утешении, нужды в милости. И *всегда* Бог ответит: Если хоть *немножко* можешь поверить, то все возможно!. Аминь.

О теле

3 августа 1986 г.

Когда мы читаем евангельские отрывки о том, как Христос воскресил мертвого или исцелил тело человека, мы редко задумываемся о том, что человеческое тело означает для Самого Бога, с любовью создавшего его для вечной жизни, и что оно должно бы означать для нас самих. Если бы наше тело не было Богу дорого, так же дорого и нежно любимо

Им, как и вечная наша душа, Бог не стал бы исцелять тело или заботиться о его вечной жизни после воскресения мертвых.

И когда мы задумываемся о человеческом теле, будь то в связи с вечностью или с временной жизнью, в связи ли с земным или с небесным, мы можем поставить себе вопрос: разве мы не получаем все наше знание о Боге или о тварном мире через тело?

С младенчества, с самого рождения нашего мы познаем нежность и любовь посредством нашего тела, задолго до того, как можем постичь что-либо умом. А затем мы возрастаем в познании, мудрости, опытности; все, чем владеет наш ум, все, что делает наши сердца такими богатыми, достигает нас через наши чувства. Апостол Павел сказал: Вера от слышания, а слышание от слова Божия... Красоту человеческого лица и окружающего мира, всего, что человек сумел создать прекрасного и значительного, мы воспринимаем через зрение. И можно перечислить и дальше все наши чувства, которые, как дверь, открываются к созерцанию красоты и смысла тварного мира, а через него — к созерцанию вечности: вечной красоты Божией, сияющей во всем Его творении.

Вот почему с *такой* любовью Христос совершал исцеление тела: этими исцелениями Бог со всей силой являет вечность воплощенного бытия. Поэтому также, когда кто-то умирает, мы окружаем его или ее тело такой нежностью и благоговением. Это тело сотворено Богом, в это тело Он вложил всю Свою любовь. И больше того: Он Сам стал Человеком, Сам Живой Бог облекся в *плоть* и явил нам не только, что человек так просторен, так велик, так глубок, что может соединиться с Богом, стать участником Божественной природы, но что само тело наше способно быть Духоносным, поистине Богоносным. Какое это диво!

И мы также видим, что Свою вечную жизнь Бог сообщает нам через вещество земли: через крещальные воды, которые становятся источником вечной жизни; через хлеб и вино, пронизанные Его Божеством, — и вот нашим телом мы приобщаемся Самому Богу в Его Таинствах. Как дивно наше тело, и с каким благоговением мы должны относиться к нему! Первоначально тело свято: оно призвано к вечному общению с Богом, так же как и душа. Оно любимо Богом. Не напрасно Апостол Павел говорит: *Прославляйте Бога и в телах, и в душах ваших...* Прославляйте: дайте Богу сиять через ваше тело, как Он может сиять через вашу душу; пусть тело ваше будет таким, что соприкосновение с ним было бы соприкосновением с Воплощением, с тайной Бога, ставшего Человеком.

Задумаемся над этим, потому что часто — о, как часто! — мы не отдаем себе отчета о вечной красоте и величии нашего тела. И так часто мы думаем о смерти как о мгновении, когда бессмертная душа вступает в Божественную жизнь, а тело распадается в прах. Да, оно обращается в прах, но у него вечное призвание: оно *поистине* воскреснет, как воскрес Христос. И все мы однажды предстанем перед Богом воплощенными, с телом преображенным, как преображенное тело Христово, с душой, обновившейся вечностью, и будем общаться с Богом в любви, в вере и в молитве не только душой, но вместе со всем сотворенным станем причастниками Божественной природы — и душой, и телом; *душой и телом*, когда, по обетованию Божию, как говорит Павел, Бог будет все во всем и ничто не останется вне Божественного общения, Божественной Славы.

Какое это диво! Какая дивная тайна: тело, такое как будто хрупкое, такое временное, может первоначально принадлежать вечности и *уже* сияет вечной славой во святых. Аминь!

О несении тягот друг друга

15 мая 1988 г.

В одной из тайных молитв, которую, повторяя слова Иоанна Златоустого, священник читает в начале литургии во время малой ектеньи, говорится, что если двое или трое согласны друг со другом во всякой вещи, то благодать Божия, сила Божия, Сам Бог будет посреди них, будет с ними.

Что же именно, какие слова являются ключевыми в этой молитве? Я думаю, речь не о том, что двое или трое могут иногда договориться, когда у них есть общий интерес, единомыслие, единое отношение к вещам, но когда они готовы хранить согласие, единомыслие, быть заедино во *всех* обстоятельствах так, чтобы забота одного была нашей заботой и заботой каждого, и так, чтобы переживать грех каждого как нашу собственную ответственность, а не только ответственность согрешающего; потому что если бы мы были подлинной христианской общиной, то сколько поддержки, сколько помощи каждый член общины получал бы в борьбе за целомудренность своей жизни!

И вот единство, согласованность во всем есть предварительное условие, чтобы среди нас мог присутствовать Бог, Божия сила и благодать, Божия жизнь, Божия ликующая радость и любовь. Но уже своим современникам Апостол Павел говорил: Увы, среди нас бывают разделения!. И эти разделения губят то единство, которое *могло* дать Богу место, дало бы Ему возможность действовать.

Нам надо задуматься об этом очень внимательно, потому что, по естественной склонности, мы не можем любить всех и каждого; нам очень трудно понимать друг друга; нам очень трудно нести тяжесть другого, выносить друг друга; нам кажется *почти* невозможным разделить грех другого человека как свой собственный. И вместе с этим, если на недостатки, на грехи, даже на подлинное зло, которое может быть в том или другом человеке, мы ответим отвержением, мы окажемся разделенными от Бога, потому что Бог не отвергает ни одного из нас. Бог стал одним из нас ценой воплощения, ценой, которую Он заплатил по любви к нам. И не по любви к праведным — Он ведь сказал, что не здоровые нуждаются во врачах, но больные; Он пришел, чтобы с тем самым грешником, с тем самым невыносимым человеком, которого мы отвергаем, с кем мы в раздоре, разделить не только нашу общую человеческую природу, но и судьбу, и муку, и бремя. Недаром Исаия, говоря о Христе, пророчески сказал, что на Нем лежала тяжесть греха всего мира.

Задумаемся над этим; потому что если мы хотим стать тем, чем мы не являемся: христианской общиной, общиной людей, которые горячо, если нужно — жертвенно, друг друга любят, чья любовь готова быть *распятой*, то мы очень многому должны научиться в наших отношениях друг с другом. Как можем мы поднять глаза на Распятого, если мы не хотим нести тяжесть друг друга, если мы не готовы, в сочувствии и сострадании, стать заедино друг с другом? И как мы можем предстоять Богу, Который по любви к погибшему отдал Свою жизнь, если мы отвергаем тех, за кого Он умер, отворачиваемся, хотели бы исключить их из своей жизни, потому что так просто было бы жить с теми, которые не представляют для нас проблемы? И поступая так, *мы* становимся чуждыми Богу: не Его действием, не действием кого-либо вокруг нас, но по собственному свободному выбору, потому что тех, ради кого Христос жил и умер, мы принять не можем.

Задумаемся над этим и будем побеждать в себе все, что мешает нам быть заодно с Богом, и через это единство с Богом принимать друг друга *даже* ценой нашей собственной жизни. Аминь.

Все в жизни — милость

5 ноября 1967 г.

Все в жизни — милость, и все в жизни может быть радостью, если радостным сердцем равно воспринимать то, что дается, и то, что отнимается. Нам часто думается, что радость бывает только от того, что мы получаем, — а какая бывает глубочайшая, ликующая радость от того, чего как будто мы лишены, но чем проявлена вдумчивая Божия забота.

Вспоминается слово одного подвижника; жил он в крайней нищете, в голоде и холоде, от которых содрогались те, кто его окружал. Жил он в оставленности, несмотря на то, что многим служил, но те, кому он служил, мало заботились о нем. И как-то один пришлец, присутствовавший утром на его молитве, в которой он благодарил Бога за

бесконечные Его благодеяния, ему сказал: Как можешь лгать ты перед лицом Божиим, как можешь ты Его благодарить за Его дары? Ничего же Он тебе не дал!. И этот подвижник на него посмотрел и сказал: Не так ты жизнь понимаешь; ты думаешь о том, что у меня нет друзей, нет тепла, нет еды — ничего как будто нет. А я вижу вещи иначе: Господь взгляделся в мою душу, и увидел, что не вырасту я в меру, к которой Он меня призвал, если не будет мне дано и голодать, и холодать, и одиночествовать. И дал Он мне с преизбытком и оставленность людьми, и лишение всего того, чего ищут люди: ты в этом видишь лишение, а я — одаренность свою...

Никто из нас в таких крайних обстоятельствах не живет, и мало кто из нас был бы способен такое пережить и спастись. Но каждый из нас постоянно жалуется, что он чего-то лишен: его обошли вниманием, дружбой, заботой, у него нет того, чего бы он хотел в физическом, в душевном, в общественном мире. Мы все время говорим о том, чего у нас нет, и никогда не задумываемся над тем, что не лишил нас Господь, а одарил нас, освободив нас, дав нам возможность быть богатыми, но по-иному.

Подумайте над этим, потому что роптание, зависть и другие подобные чувства не только разрушают нашу душу, но напрасно ее разрушают, потому что и повода к этому нет, если бы только мы понимали, как нас богато одаривает Господь и как Он нас ведет шаг за шагом от тленного к нетленному, от ложного обладания к подлинному обогащению.

Помоги нам, Господь, понять, что все — милость, и все — богатство, и тогда с Церковью мучеников и святых — простых, живых людей, сумевших, однако, видеть вещи, какими они есть, — мы сможем вместе с ними благодарить за все Бога подлинно ликующим и благодарным сердцем. Аминь.

Об ответственности христиан за весь мир

13 августа 1967 г.

Все мы всё больше сознаем, что живем в мире трагическом, в мире, где происходит очень много страшного. И когда мы вглядываемся в то, что происходит, становится так ясно, что сейчас мир пожинает плоды всей человеческой неправды, совершавшейся в течение, может быть, многих столетий: неправды, с которой наши предки мирились; неправды, с которой мы легко миримся, пока она не выливается гневом на нас самих.

Мы с ужасом думаем о войне, но часто очень спокойно относимся к страшному, бесчеловечному миру, который предшествует грозе и пролитию крови. И каждый из нас несет ответственность за все страшное, что происходит вокруг; никто пусть не говорит: "Я жертва, я чист, я подвергся страданию, меня сломили события..." Христианина не может сломить ничто, христианин никогда не бывает просто игрушкой окружающих событий, игрушкой мертвой, бездушной. В нас живет сила Господня, и если этой силой мы не творим на земле правды Божией, то мы подобны той соли, о которой Христос сказал, что если она потеряет соленость, то ни на что больше она не пригодна — только выкинуть ее на поприще псам; и таковыми мы очень часто бываем.

Мы часто замыкаемся в своей среде, стараясь создать тихую заводь, не замечая, что эта заводь в скором времени делается болотом. Мы не можем, перед лицом происходящего, снять с себя ответственность, которую несем вместе с теми, кто жил до нас и чьей плотью и кровью мы являемся. Мы не можем также надеяться на то, что Господь нас защитит и упасет; не для того Он создавал Церковь, чтобы она стала замкнутым, страшливым обществом людей, которые укрываются под Божие крыло. Христос создал Церковь для того, чтобы люди, облеченные Его духом, вышли в жизнь и ценой своей жизни, своего страдания, своих трудов, своей смерти создавали из поколения в поколение новый мир, где бы царствовала Божия правда. Недостаточно, чтобы мы знали, что *сотворил* Господь всё: надо нам *войти* в Его труд и помнить, что Своим ученикам, посылаемым в жизнь, в языческий, безбожный, гниющий мир, Христос сказал, что Он их посылает, как овец среди волков, что Он их посылает, как Отец послал *Его*, для

того, чтобы остаться непричастными неправде, нечистоте, оскверненности, безбожию мира, но вместе с тем в этот мир войти всей огненной любовью, всей готовностью жертвовать собой, всей силой человеческого духа, всем смирением перед спасающей Божией волей.

И каждый из нас обязан *так* стоять в этом мире: *осуждать мир не наше дело, потому что мы несем за него большую ответственность, чем те, кто творит неправду.* Кому много дано, говорит Господь, с того спросится много; нам дано чрезвычайно много, и спросится чрезвычайно много... О других же Христос молился на кресте: Прости им, Отче, *они не знают*, что творят.

И вот, мы живем в этом мире. Христос, входя в этот мир, сказал: Я пришел спасти мир, а не судить мир... — а нас Он посылает подобно тому, как был послан Отцом: разве не ясно, *как* нам жить и чем?. Каждый из нас в меру сил — пусть никто не считает их меньшими, чем они есть, — должен внести в этот мир сколько возможно любви, смирения, понимания путей Божиих, милосердия, сострадания и прощения — *каждый!* И *каждый* в силах это сделать, потому что достаточно быть обездоленным, чтобы предаться с верой Божией воле; достаточно обладать чем бы то ни было, чтобы разделить это с тем, у кого даже этого нет. А когда на нас находит предельная старость, когда находит болезнь, когда сил телесных уже нет, тогда все, о чем я только что говорил, остается при нас, и остается еще при нас горячая молитва, чтобы были прощены все неправды, чтобы помилованы были все люди, чтобы спасены были все.

Если мы не живем этим духом по отношению к окружающему нас миру, мы — вне Христова духа, и нам нечего обманываться, к нам тоже отнесутся слова Спасителя: Не всякий говорящий Мне "Господи, Господи" будет принят Отцом Моим, но те, кто будет творцами спасительного слова милости, прощения и любви... Наш мир для многих страшен, и даже многие из нас, кого не коснулись никакие страхи этого мира, со страхом живут, укрываясь от них. Этим мы не укроемся от Божьего суда: мы должны или трудом, или молитвой, но всегда в духе Христова милосердия, во имя спасения мира *жить*.

Вот что перед каждым из нас сейчас лежит неумолимым заветом Господним; поэтому соберем не только все силы духа, которых может оказаться очень мало, но и все крупинки веры, которые в нас есть, и предадимся в руки Божии: пусть Он нами творит Свою волю. Но будем помнить, что эта воля будет всегда сотворена *за наш счет*, что мы должны принести *жертву* для того, чтобы кто-то другой получил прощение и новую жизнь. И это — и в большом, широком масштабе, и в масштабе самых простых, близких наших отношений. Аминь.

О смерти

У меня отношение к смерти своеобразное, и мне хочется объяснить, почему я к смерти отношусь не только спокойно, но с желанием, с надеждой, с тоской по ней.

Мое первое яркое впечатление о смерти — разговор с моим отцом, который мне как-то сказал: "Ты должен так прожить, чтобы научиться ожидать свою смерть так, как жених ожидает свою невесту: ждать ее, жаждать по ней, ликовать заранее об этой встрече, и встретить ее благоговейно, ласково". Второе впечатление (конечно, не сразу, а много спустя) — смерть моего отца. Он скончался внезапно. Я пришел к нему, в бедную комнатку на верхушке французского дома, где была кровать, стол, табуретка и несколько книг. Я вошел в его комнату, закрыл дверь и стал. И меня обдала такая тишина, такая глубина тишины, что я, помню, воскликнул вслух: "И люди говорят, что существует смерть!. Какая это ложь!" Потому что эта комната была преисполнена жизнью, причем такой полнотой жизни, какой вне ее, на улице, на дворе я никогда не встречал. Вот почему у меня такое отношение к смерти и почему я с такой силой переживаю слова апостола Павла: *Для меня жизнь — Христос, смерть — приобретение, потому что пока я живу в плоти, я отделен от Христа...* Но апостол прибавляет дальше слова, которые меня тоже очень поразили. Цитата не точна, но вот что он говорит: он всецело хочет умереть и

соединиться со Христом, но прибавляет: "Однако, для вас нужно, чтобы я остался в живых, и я буду продолжать жить". Это последняя жертва, которую он может принести: все, к чему он стремится, на что он надеется, чего он делает, он готов отложить, потому что он нужен другим.

Смерть я видел очень много. Я пятнадцать лет работал врачом, из которых пять лет на войне или во французском Сопротивлении. После этого я сорок шесть лет прожил священником и хоронил постепенно целое поколение нашей ранней эмиграции; так что смерть я видел много. И меня поразило, что русские умирают спокойно; западные люди чаще со страхом. Русские верят в жизнь, уходят в жизнь. И вот это одна из вещей, которые каждый священник и каждый человек должен повторять себе и другим: надо готовиться не к смерти, надо готовиться к вечной жизни.

О смерти мы ничего не знаем. Мы не знаем, что происходит с нами в момент умирания, но хотя бы зачаточно знаем, что такое вечная жизнь. Каждый из нас знает на опыте, что бывают какие-то мгновения, когда он живет уже не во времени, а такой полнотой жизни, таким ликованием, которое принадлежит не просто земле. Поэтому первое, чему мы должны учить себя и других, это готовиться не к смерти, а к жизни. А если говорить о смерти, то говорить о ней только как о двери, которая широко распахнется и нам даст войти в вечную жизнь.

Но умирать все-таки не просто. Что бы мы ни думали о смерти, о вечной жизни, мы не знаем ничего о самой смерти, об умирании. Я вам хочу дать один пример моего опыта во время войны.

Я был младшим хирургом в прифронтовом госпитале. У нас умирал молодой солдатик лет двадцати пяти, моих лет. Я пришел к нему вечером, сел рядом и говорю: "Ну, как ты себя чувствуешь?" Он посмотрел на меня и ответил: "Я сегодня ночью умру". — "А тебе страшно умирать?" — "Умирать не страшно, но мне больно расставаться со всем тем, что я люблю: с молодой женой, с деревней, с родителями; а одно действительно страшно: умереть в одиночестве". Я говорю: "Ты не умрешь в одиночестве". — "То есть как?" — "Я с тобой останусь". — "Вы не можете всю ночь просидеть со мной..." Я ответил: "Конечно, могу!" Он подумал и сказал: "Если даже вы и просидите со мной, в какой-то момент я этого больше сознавать не буду, и тогда уйду в темноту и умру один". Я говорю: "Нет, вовсе не так. Я сяду рядом с тобой, и мы будем разговаривать. Ты мне будешь рассказывать все, что захочешь: о деревне, о семье, о детстве, о жене, обо всем, что у тебя в памяти, на душе, что ты любишь. Я тебя буду держать за руку. Постепенно тебе станет утомительно говорить, тогда я стану говорить больше, чем ты. А потом я увижу, что ты начинаешь дремать, и тогда буду говорить тише. Ты закроешь глаза, я перестану говорить, но буду тебя держать за руку, и ты периодически будешь жать мне руку, зная, что я тут. Постепенно твоя рука, хотя будет чувствовать мою руку, больше не сможет ее пожимать, я сам начну жать твою руку. И в какой-то момент тебя среди нас больше не будет, но ты уйдешь не один. Мы весь путь совершим вместе". И так час за часом мы провели эту ночь. В какой-то момент он действительно перестал сжимать мою руку, я начал его руку пожимать, чтобы он знал, что я тут. Потом его рука начала холодеть, потом она раскрылась, и его больше с нами не было. И это очень важный момент; очень важно, чтобы человек не был один, когда уходит в вечность.

Но бывает и по-другому. Иногда человек болеет долго, и если он тогда окружен любовью, заботой — умирать легко, хотя больно (я об этом тоже скажу). Но очень страшно, когда человек окружен людьми, которые только и ждут, как бы он умер: мол, пока он болеет, мы пленники его болезни, мы не можем отойти от его койки не можем вернуться к своей жизни, не можем радоваться своим радостям; он, как темная туча, висит над нами; как бы он умер поскорее... И умирающий это чувствует. Это может длиться месяцами. Родные приходят и холодно спрашивают: "Ну как тебе? ничего? тебе что-нибудь нужно? ничего не нужно? ладно; ты знаешь, у меня свои дела, я еще вернусь к

тебе". И даже если голос не звучит жестоко, человек знает, что его посетили, только потому что *надо было* посетить, но что его смерти ждут с нетерпением.

А иногда бывает иначе. Человек умирает, умирает долго, но он любим, он дорог; и сам тоже готов пожертвовать счастьем пребывания с любимым человеком, потому что это может дать радость или помощь кому-то другому. Я позволю себе сейчас сказать нечто личное о себе.

Моя мать в течение трех лет умирала от рака; я за ней ходил. Мы были очень близки, дороги друг другу. Но у меня была своя работа, — я был единственным священником лондонского прихода, и кроме того раз в месяц должен был ездить в Париж на собрания Епархиального совета. У меня не было денег позвонить по телефону, поэтому я возвращался, думая: найду я мать живой или нет?. Она была жива, — какая радость! какая встреча! .. Постепенно она стала угасать. Бывали моменты, когда она позвонит в звонок, я приду, и она мне скажет: "Мне тоскливо без тебя, побудем вместе". А бывали моменты, когда мне самому было невмоготу. Я поднимался к ней, оставляя свои дела, и говорил: "Мне больно без тебя". И она меня утешала о своем умирании и своей смерти. И так постепенно мы вместе уходили в вечность, потому что когда она умерла, она с собой унесла всю мою любовь к ней, все то, что между нами было. А было между нами так много! Мы прожили почти всю жизнь вместе, только первые годы эмиграции жили врозь, потому что негде было жить вместе. Но потом мы жили вместе, и она меня знала глубоко. И как-то она мне сказала: "Как странно: чем больше я тебя знаю, тем меньше я могла бы о тебе сказать, потому что каждое слово, которое я о тебе сказала бы, надо было бы исправлять какими-нибудь дополнительными чертами". Да, мы дошли до момента, когда знали друг друга так глубоко, что сказать друг о друге ничего не могли, а приобщиться к жизни, к умиранию и к смерти — могли.

И вот мы должны помнить, что каждый умирающий в таком положении, когда какая бы то ни была черствость, безразличие или желание "наконец бы это кончилось" — невыносимы. Человек это чувствует, знает, и мы должны научиться преодолевать в себе все темные, мрачные, скверные чувства и, забывая о себе, глубоко задумываться, вглядываться, вживаться в другого человека. И тогда смерть делается победой: *О смерть, где твое жало?! О смерть, где твоя победа? Воскрес Христос, и мертвых ни один во гробе...*

Я хочу сказать еще нечто о смерти, потому что то, что я уже сказал, очень лично. Смерть нас окружает все время, смерть — это судьба всего человечества. Сейчас идут войны, умирают люди в ужасном страдании, и мы должны научиться быть спокойными по отношению к собственной смерти, потому что мы в ней видим жизнь, зарождающуюся вечную жизнь. Победа над смертью, над страхом смерти заключается в том, чтобы жить глубже и глубже вечностью и других приобщать к этой полноте жизни.

Но перед смертью бывают другие моменты. Мы не сразу умираем, не просто телесно вымираем. Бывают очень странные явления. Мне вспоминается одна наша старушка, такая Мария Андреевна, замечательное маленькое существо, которая как-то ко мне пришла и говорит: "Отец Антоний, я не знаю, что с собой делать: я больше спать не могу. В течение всей ночи в моей памяти поднимаются образы моего прошлого, но не светлые, а только темные, дурные, мучающие меня образы. Я обратилась к доктору, просила дать мне какое-нибудь снотворное, но снотворное не снимает это марево. Когда я принимаю снотворное, я больше не в силах как бы отделить от себя эти образы, они делаются бредом, и мне еще хуже. Что мне делать?" Я ей тогда сказал: "Мария Андреевна, знаете, я в перевоплощение не верю, но верю, что нам дано от Бога пережить нашу жизнь не раз, — не в том смысле, что вы умрете и снова вернетесь к жизни, а в том, что сейчас с вами происходит. Когда вы были молоды, вы, в узких пределах своего понимания, порой поступали нехорошо; и словом, и мыслью, и действием порочили себя и других. Потом вы это забыли и в разном возрасте продолжали в меру своего понимания поступать подобно, опять-таки, себя унижать, осквернять, порочить. Теперь, когда у вас больше нет сил

сопротивляться воспоминаниям, они всплывают, и каждый раз, всплывая, как бы говорят вам: Мария Андреевна, теперь что тебе за восемьдесят лет, почти девяносто — если бы ты оказалась в том же положении, которое тебе сейчас вспоминается, когда тебе было двадцать, тридцать, сорок, пятьдесят лет, ты поступила бы так, как поступила тогда?. Если вы можете глубоко взглянуть в то, что было тогда, в свое состояние, в события, в людей и сказать: нет, теперь, со своим опытом жизни, я ни за что не могла бы сказать это убийственное слово, не могла бы так поступить, как я поступила! — если вы можете это сказать всем своим существом: и мыслью, и сердцем, и волей, и плотью своей, — это от вас отойдет. Но будут приходить другие, еще и еще другие образы. И каждый раз, когда будет приходить образ, перед вами Бог будет ставить вопрос: это твой прошлый грех или это все еще твой теперешний грех? Потому что если вы когда-то возненавидели кого-нибудь человека и не простили ему, не примирились с ним, то тогдашний грех — ваша теперешняя греховность; она от вас не отошла и не отойдет, пока вы не покаетесь".

В этом же роде могу дать и другой пример. Меня вызвала однажды семья одной нашей ветхой старушки, светлой-пресветлой женщины. Она явно должна была умереть в тот же день. Она поисповедалась, и напоследок я ее спросил: "А скажите, Наташа, вы всем и все простили или у вас какая-то заноза еще есть в душе?" Она ответила: "Всем я простила, кроме своего зятя; ему не прощу никогда!" Я сказал на это: "В таком случае я не дам вам разрешительной молитвы и не причащу Святых Таин; вы уйдете на суд Божий и будете отвечать перед Богом за свои слова". Она говорит: "Ведь я сегодня умру!" — "Да, вы умрете без разрешительной молитвы и без причащения, если не покаетесь и не примиритесь. Я вернусь через час" — и ушел. Когда через час я вернулся, она меня встретила сияющим взглядом и говорит: "Как вы были правы! Я позвонила своему зятю, мы объяснились, примирились — он сейчас едет ко мне, и я надеюсь, до смерти мы друг друга поцелуем, и я войду в вечность примиренная со всеми".

8. Молитва и Жизнь

Предисловие

Молитва означает для меня личные отношения. Я не был верующим, затем внезапно открыл Бога, и сразу же Он предстал передо мной как высшая ценность и весь смысл жизни, — но в то же время и как личность. Думаю, что молитва ничего не означает для того, для кого нет объекта молитвы. Вы не можете научить молитве человека, у которого нет чувства Живого Бога; вы можете научить его вести себя в точности так, как если бы он верил, но это не будет живым движением, каким является подлинная молитва. Поэтому в качестве введения к этим беседам о молитве я именно хотел бы передать свою убежденность в личной реальности такого Бога, с Которым могут быть установлены отношения. Затем я попрошу читателя относиться к Богу, как к живому лицу, к соседу, и выражать это свое знание в тех же категориях, в каких он выражает свои отношения с братом или другом. Думаю, что это самое главное.

Одна из причин, почему молитва, общественная или частная, кажется столь мертвой или столь формальной, в том, что слишком часто отсутствует акт богопоклонения, совершающийся в сердце, которое общается с Богом. Каждое выражение, словесное или в действии, может быть помощью, но все это лишь выражение главного, а именно — глубокого безмолвия общения.

Из опыта человеческих взаимоотношений все мы знаем, что любовь и дружба глубоки тогда, когда мы можем молчать друг с другом. Если же для поддержания контакта нам необходимо говорить, мы с уверенностью и грустью должны признать, что взаимоотношения все еще остаются поверхностными; поэтому, если мы хотим молитвенно поклоняться Богу, то должны прежде всего научиться испытывать радость от молчаливого пребывания с Ним. Это легче, чем может показаться сначала; для этого нужно немного времени, немного доверия и решимость начать.

Однажды "Арский Кюре", французский святой начала девятнадцатого века, спросил старого крестьянина, что он делает, часами сидя в церкви, по-видимому даже и не молясь; крестьянин ответил: "Я гляжу на Него, Он глядит на меня, и нам хорошо вместе". Этот человек научился говорить с Богом, не нарушая тишину близости словами. Если мы это умеем, то можем употреблять любую форму молитвы. Если же мы захотим, чтобы сама молитва состояла в словах, которые мы употребляем, то безнадежно устанем от них, потому что без глубины молчания эти слова будут поверхностны и скучны.

Но каким вдохновляющими могут быть слова, когда за ними стоит безмолвие, когда они наполнены духом правым:

Господи, устне мои отверзеши, и уста моя возвестят хвалу Твою (Пс. 50:17).

Сущность молитвы

Евангелие от Матфея почти с самого начала ставит нас лицом к лицу с самой сущностью молитвы. Волхвы увидели долгожданную звезду; они немедленно пустились в путь, чтобы найти Царя; они пришли к яслям, пали на колени, поклонились и принесли дары; они выразили молитву в ее совершенстве, то есть в созерцании и трепетном поклонении.

В более или менее популярной литературе о молитве часто говорится, что молитва — это захватывающее путешествие. Нередко можно услышать: "Учитесь молиться! Молиться так интересно, так увлекательно, это открытие нового мира, вы встретитесь с Богом, вы найдете путь к духовной жизни". В каком-то смысле это, разумеется, верно; но при этом забывается нечто гораздо более серьезное: что молитва — это путешествие опасное, и мы не можем пуститься в него без риска. Апостол Павел говорит, что *страшно впасть в руки Бога Живого* (Евр. 10:31). Поэтому сознательно выйти на встречу с Живым Богом — значит отправиться в страшное путешествие: в каком-то смысле каждая встреча с Богом это Страшный суд. Когда бы мы ни являлись в присутствии Божие, будь то в таинствах или в молитве, мы совершаем нечто очень опасное, потому что, по слову Писания, Бог есть огонь. И если только мы не готовы без остатка предаться божественному пламени и стать горячей в пустыне купиной, которая горела, не сгорая, это пламя опалит нас, потому что опыт молитвы можно познать лишь изнутри и шутить с ним нельзя.

Приближение к Богу всегда бывает открытием и красоты Божией, и расстояния, которое лежит между Ним и нами. "Расстояние" — слово неточное, ибо оно не определяется тем, что Бог свят, а мы грешны. Расстояние определяется отношением грешника к Богу. Мы можем приближаться к Богу, только если делаем это с сознанием, что приходим на суд. Если мы приходим, осудив себя; если мы приходим, потому что любим Его, несмотря на нашу собственную неверность; если мы приходим к Нему, любя Его больше, чем благополучие, в котором Его нет, тогда мы для Него открыты и Он открыт для нас, и расстояния нет; Господь приходит совсем близко, в любви и сострадании. Но если мы стоим перед Богом в броне своей гордости, своей самоуверенности, если мы стоим перед Ним так, как будто имеем на это право, если мы стоим и требуем от Него ответа, то расстояние, отделяющее творение от Творца, становится бесконечным. Английский писатель К. С. Льюис [1] высказывает мысль, что в этом смысле расстояние относительно: когда Денница предстал перед Богом, вопрошая Его, — в тот самый миг, когда он задал свой вопрос не для того, чтобы в смирении понять, но чтобы принудить Бога к ответу, он оказался на бесконечном расстоянии от Бога. Бог не двинулся, не двинулся и сатана, но и без всякого движения они оказались бесконечно отдалены друг от друга.

Когда бы мы ни приближались к Богу, контраст между тем, что есть Он и что представляем собой мы, становится ужасающе ясным. Мы можем не сознавать этого все то время, что живем как бы вдали от Бога, все то время, когда Его присутствие и Его образ остаются тусклыми в наших мыслях и в нашем восприятии; но чем больше мы

приближаемся к Богу, тем острее выступает контраст. Не постоянная мысль о своих грехах, а видение святости Божией позволяет святым познать свою греховность. Когда мы смотрим на себя без благоуханного фона Божия присутствия, грехи и добродетели кажутся чем-то мелким и, в каком-то смысле, несущественным; только на фоне Божественного присутствия они выступают со всей рельефностью и обретают всю свою глубину и трагичность.

Всякий раз, когда мы приближаемся к Богу, мы оказываемся перед лицом либо жизни, либо смерти. Эта встреча — жизнь, если мы приходим к Нему в надлежащем духе и обновляемся Им; это гибель, если мы приближаемся к Нему без благоговейного духа и сокрушенного сердца; гибель, если мы приносим гордость или самонадеянность. Поэтому перед тем как отправиться в так называемое "захватывающее путешествие молитвы", нельзя ни на минуту забывать, что не может случиться ничего более значительного, более в трепет повергающего, чем встреча с Богом, на которую мы вышли. Мы должны сознавать, что в этом процессе потеряем жизнь: ветхий Адам в нас должен умереть. Мы крепко держимся за ветхого человека, боимся за него, и так трудно не только в начале пути, но и годы спустя, почувствовать, что мы полностью на стороне Христа, против ветхого Адама!

Молитва — это путешествие, которое приносит не волнующие переживания, а новую ответственность. Пока мы пребываем в неведении, ничего не спрашивается с нас, но как только мы что-то узнали, мы отвечаем за то, как употребляем свое знание. Пусть оно дано нам в дар, но мы ответственны за каждую частицу истины, нами узnanную, и как только она становится нашей собственной, мы не можем оставлять ее бездействующей, но должны проявлять ее в своем поведении. И в этом смысле от нас требуется ответ за всякую истину, нами понятую.

Только с чувством страха, богопочитания, глубочайшего благоговения можем мы приступать к риску молитвенного делания, и мы должны дорасти до него в своей внешней жизни как можно более полно и определенно. Недостаточно, устроившись удобно в кресле, сказать: "Вот, я приступаю к богопоклонению, перед лицом Божиим". Мы должны понять, что если бы Христос стоял перед нами, мы держали бы себя иначе, и должны научиться держаться в присутствии невидимого Господа, как держались бы в присутствии Господа, ставшего для нас видимым.

Прежде всего это предполагает определенное состояние ума, которое отражается и на состоянии тела. Если бы Христос был здесь, перед нами, и мы стояли совершенно прозрачными, умом и телом, для Его взгляда, то мы испытывали бы благоговение, страх Божий, любовь, может быть, даже ужас, но не держали бы себя так вольно, как делаем это обычно. Современный мир в большой мере утратил молитвенный дух, и дисциплина тела стала в представлении людей чем-то второстепенным, тогда как она далеко не второстепенна. Мы забываем, что мы — не душа, обитающая в теле, а человек состоящий из тела и души, и что, по апостолу Павлу, мы призваны прославлять Бога и в телах наших и в душах наших; наши тела, как и нашу души, призваны к славе Царствия Божия (1 Кор. 6: 20).

Слишком часто молитва не имеет для нас в жизни такого значения, чтобы все остальное отходило в сторону, уступая ей место. Молитва у нас — добавление ко множеству других вещей; мы хотим, чтобы Бог был здесь не потому, что нет жизни без Него, не потому, что Он — высшая ценность, но потому, что было бы так приятно вдобавок ко всем великим благодеяниям Божиим иметь еще и Его присутствие. Он — добавление к нашему комфорту. И когда мы ищем Его в такой настроенности, то не встречаем Его.

Однако, несмотря на все сказанное, молитва, как она ни опасна, все же лучший путь для того, чтобы идти вперед, к исполнению нашего призвания, и стать до конца человеческими, то есть войти в полное единение с Богом и сделаться в конце концов тем, что апостол Петр называет *причастниками Божеского естества* (2 Пет. 1:4).

Любовь и дружба не возрастают, если мы не готовы жертвовать ради них многим; и точно так же мы должны быть готовы отрешиться от многого для того, чтобы первое место отдать Богу.

Возлюби Господа Бога Твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею крепостию твоею, и всем помышлением твоим (Лк. 10:27). Это как будто очень простая заповедь, и, однако, в этих словах содержания гораздо больше, чем кажется на первый взгляд. Все мы знаем, что значит любить кого-нибудь всем сердцем. Мы знаем, как радостно не только встретиться с любимым, но даже только подумать о нем, какую это дает отраду. Именно так нам надо стараться любить Бога, и каждый раз, когда упоминается Его имя, оно должно наполнять наше сердце и душу бесконечным теплом. Бог всегда должен быть в нашем уме, тогда как на самом деле мы думаем о Нем лишь от случая к случаю.

Что же до того, чтобы любить Бога всей нашей крепостью, то это возможно нам, только если сознательным намерением мы отторгаем от себя все, что в нас не Божие; усилием воли мы должны постоянно обращать себя к Богу — и когда мы молимся (тогда это легче, потому что в молитве мы уже сосредоточены на Боге), и когда что-нибудь делаем (что требует тренировки, ибо в этом случае мы сосредоточены на каком-то материальном достижении, которое должны посвящать Богу особым усилием).

Волхвы проделали долгий путь, и никто не знает, какие трудности им пришлось преодолеть. Каждый из нас так же путешествует, как и они. Они несли дары: золото для Царя, ладан для Бога и смирну для человека, которому предстояло претерпеть смерть. Где нам взять золото, ладан и смирну, — нам, которые за все должны Богу? Мы знаем, что все, что имеем, дано нам Богом и даже не является нашим навсегда или надежно. Все может быть отнято у нас, кроме любви, и это делает любовь тем единственным, что мы можем давать. Все остальное — члены нашего тела, разум, имущество — можно отнять у нас силой; но любовь — нет средства добиться ее от нас, если только мы сами не дадим ее. В отношении нашей любви мы столь же вольны, сколь не вольны ни в одном из прочих проявлений нашей души или тела. И хотя в основе даже и любовь — дар Божий, потому что мы не можем сами вызвать ее в себе, однако, когда имеем ее, это единственное, в чем мы можем отказать или что можем дать. В "Дневнике сельского священника" Ж. Бернанос говорит, что мы можем отдать Богу и свою гордость: "Отдай свою гордость вместе со всем остальным, отдай все". Гордость, отданная таким образом, превращается в дар любви, а всякий дар любви приятен Богу.

Любите врагов ваших, благословляйте ненавидящих вас (Мф. 5:44) — заповедь, выполнение которой может быть для нас более или менее делом легким; но простить людям, причиняющим страдания тому, кого мы любим, — дело совсем иное. Тут может показаться, что ты словно бы совершаешь предательство. И однако, чем больше наша любовь к тому, кто страдает, тем более мы способны разделить страдание и простить, и в этом смысле наибольшая любовь достигнута тогда, когда мы вместе с рабби Егел Микаэлем можем сказать: "I am my beloved", "Я и мой любимый — одно". Пока мы говорим "я" и "он", мы не разделяем страдания и не можем принять его. У подножия Креста Мать Божия стояла не в слезах, как часто изображается в западной живописи; Она достигла такой полноты единения со Своим Сыном, что Ей нечему было противиться. Она проходила через распятие вместе со Христом; Она переживала собственную смерть. Мать завершала то, что начала в день принесения Христа во храм, когда Она отдала Своего Сына. Один из всех сынов Израилевых, Он был принят как кровавая жертва. И Она, принеся Его тогда, принимала последствия совершенного Его обряда, ставшего действительностью. И как Он тогда был един с Ней, так теперь Она была полностью едина с Ним, и Ей нечему было противиться.

Любовью мы становимся едины с тем, кого любим, и любовь позволяет нам разделять без остатка не только страдание, но и отношение к страданию и к тем, кто его причиняет. Невозможно представить себе Божию Мать или ученика Иоанна

протестующими против того, что было явной волей распинаемого Сына Божия. *Никто не отнимает жизни Моей у Меня, но Я Сам отдаю ее* (Ин. 10:18). Он умирал добровольно, по Своему согласию, за спасение мира; смерть Его была этим спасением, и поэтому те, кто верил в Него и хотел быть единым с Ним, могли разделять страдание Его смерти, могли проходить через страсти вместе с Ним, но не могли их отвергнуть, не могли обратиться против толпы, распявшей Христа, потому что это распятие было волей Самого Христа.

Мы можем противиться чьему-то страданию, можем восставать против чьей-нибудь смерти или тогда, когда человек сам, будь это правильно или нет, противится им, или же когда мы не разделяем его намерений и его отношения к страданию; но в таком случае любовь наша к этому человеку — любовь недостаточная и создает разделение. Это такая любовь, какую проявил Петр, когда Христос по дороге в Иерусалим сказал Своим ученикам, что идет на смерть. Петр, *отозвав Его, начал прекословить Ему*, но Христос ответил: *Отойди от Меня, сатана, потому что ты думаешь не о том, что Божие, но что человеческое* (Мк. 8:32). Мы можем представить себе, что жена разбойника, распятого слева от Христа, была полна того же протеста против смерти своего мужа, как и он сам; в этом смысле они были вполне едины, но и оба не правы.

Разделять же со Христом Его страдание, распятие, смерть — значит принять безоговорочно все эти события в той же настроенности, как и Он, то есть принять их добровольно, страдать вместе с Мужем скорбей, пребывать здесь в безмолвии, — безмолвии Самого Христа, нарушенном лишь немногими решающими словами, в безмолвии истинного общения; не в жалостливом молчании, но в безмолвии сострадания, которое делает нас способными вырасти в полное единство с другим так, что уже нет одного и другого, но одна жизнь и одна смерть.

На протяжении истории люди неоднократно были свидетелями преследований и не боялись, но разделяли страдания, не протестуя: например, София — мать, стоявшая рядом с каждой из своих дочерей, Верой, Надеждой и Любовью, вдохновляя их на смерть, или многие другие мученики, которые помогали друг другу, но никогда не обращались против мучителей. Дух мученичества можно показать на целом ряде примеров. В первом примере выражен самый дух мученичества, его установка: дух любви, которой не может сломить страдание или несправедливость. Священника, попавшего в заключение совсем молодым и вышедшего на свободу разбитый человеком, спросили, что осталось от него, и он ответил: "Ничего не осталось от меня, они вытравили буквально все, осталась только любовь". Такие слова свидетельствуют о правильной установке говорящего, и всякий, кто разделяет с ним его трагедию, должен разделить и его непоколебимую любовь.

А вот пример человека, который вернулся из Бухенвальда, и когда его спросили о нем самом, сказал, что его страдания ничто по сравнению с сокрушением о несчастных немецких юношах, которые могли быть так жестоки, и что он не находит покоя, думая о состоянии их душ. Его забота была не о себе (а он провел там четыре года) и не о бесчисленных людях, страдавших и умиравших вокруг, а о мучителях. Те, кто страдал, были со Христом; те, кто проявлял жестокость — нет.

Третий пример — молитва, написанная в концентрационном лагере заключенным-евреем: Мир всем людям злой воли! Да престанет всякая месть, всякий призыв к наказанию и возмездию... Преступления переполнили чашу, человеческий разум не в силах больше вместить их. Неисчислимы сонмы мучеников...

И пусть мы останемся в памяти наших врагов не как их жертвы, не как жуткий кошмар, не как неотступно преследующие их призраки, но как помощники в их борьбе за искоренение разгула их преступных страстей. Ничего большего мы не хотим от них. А когда все это кончится, даруй нам жить как людям среди людей, и да возвратится на нашу исстрадавшуюся землю мир — мир людям доброй воли и всем остальным...

Один русский епископ говорил, что для христианина умереть мучеником — это особое преимущество, потому что никто, кроме мученика, не сможет на Страшном суде

стать перед лицом Божьего Престола судного и сказать: "По слову Твоему и примеру я простил".

Характерен также рассказ о французском генерале Морисе д'Эльбе периода революционных войн. Его солдаты схватили несколько "синих" и собирались расстрелять; генерал вынужден был уступить, но настоял, чтобы солдаты сначала прочитали вслух Молитву Господню, что они и сделали; и когда дошло до слов *И остави нам долги наши, якоже и мы оставляем должником нашим*, то поняли, заплакали и отпустили пленников. Позднее, в 1794 году, генерал д'Эльбе сам был расстрелян "синими".

Молитва Господня

Молитва Господня, хотя она так проста и употребляется так часто, — большая проблема и трудная молитва. Это единственная молитва, которую дал Господь. В каком-то смысле это не только молитва, но и путь жизни, изложенный в форме молитвы: это образ постепенного восхождения души от рабства к свободе. Молитва построена с поражающей точностью. Подобно тому, как круги, расходящиеся от падения камешка на поверхности пруда, можно наблюдать все дальше и дальше до берегов, или в обратном направлении — от берегов к источнику движения, так же и Молитву Господню можно разбирать, начиная либо с первых слов, либо с последних. Несравненно легче начинать, идя снаружи к центру, хотя для Христа и Церкви правилен другой путь.

Это молитва сыновства — *Отче наш*. И хотя в известном смысле ее может произносить всякий, кто приближается к Господу, вполне точно она выражает отношение только тех, кто находится в Церкви Божией, кто во Христе нашел путь к своему Отцу, потому что только через Христа и в Нем мы становимся сынами Божьими.

Это научение духовной жизни можно лучше понять, если рассматривать его параллельно с рассказом об Исходе и в контексте Заповедей блаженства. Когда мы начинаем с последних слов молитвы и идем к первым, то видим, что это путь восхождения: наша исходная точка — в конце молитвы — определяет состояние пленения; вершина восхождения — первые слова молитвы — определяет наше состояние сыновства.

Народ Божий, пришедший в землю Египетскую свободным, постепенно впал в состояние рабства. Условия его жизни непрестанно напоминали ему о его порабощении: работа становилась все тяжелее и тяжелее, положение — все более нищенским; но этого было недостаточно, чтобы заставить евреев устремиться к подлинной свободе. Если бедственное состояние переходит какие-то пределы, оно может повести к бунту, к насилию, к попытке избавиться от тяжкого, невыносимого положения; но, по существу, ни восстание, ни бегство не делают нас свободными, потому что свобода есть прежде всего состояние внутреннее по отношению к Богу, к самому себе и к окружающему миру.

Каждый раз, когда евреи пытались покинуть страну, на них налагали новые и все более тяжкие работы. Когда надо было делать кирпичи, им отказывали в необходимой для этого соломе, и фараон говорил: "Пусть они сами ходят и собирают себе солому" (Исх. 5:7). Он хотел, чтобы они дошли до такого истощения, так были задавлены своим тяжким трудом, что мысль о бунте или избавлении не приходила бы им больше в голову. Точно так же и для нас нет надежды, пока мы порабощены князем мира сего, дьяволом, со всеми силами, которыми он располагает для пленения человеческих душ и тел, чтобы удерживать их вдали от Живого Бога. Если только Бог Сам не придет освободить нас, освобождения не будет, но будет вечное рабство; и первые слова, которые мы находим в Молитве Господней, как раз об этом: *Избавь нас от лукавого*. Избавление от лукавого — это именно то, что было сделано в земле Египетской чрез Моисея и что совершается в крещении силой Божией, данной Его Церкви. Слово Божие звучит в этом мире, призывая всех к свободе, подавая надежду, сходящую с небес, тем, кто потерял надежду на земле. Это слово Божие проповедуется и встречает отклик в человеческой душе, делая человека

учеником Церкви: он стоит у входных дверей, словно тот, кто услышал зов и подошел послушать (Рим. 10:17).

Когда ученик решается стать свободным человеком в Царствии Господнем, Церковь совершает определенные действия. Что пользы спрашивать у раба, все еще остающегося во власти своего господина, хочет ли он стать свободным? Он знает, что если осмелится просить о предлагаемой свободе, то будет жестоко наказан, как только останется снова наедине со своим господином. От страха и привычки к рабству человек не может просить о свободе, пока не будет освобожден от власти дьявола. Поэтому прежде чем спрашивать что-либо у того, кто стоит здесь с новой надеждой на божественное спасение, его освобождают от власти сатаны. В этом смысл закликательных молитв, которые читаются в начале чина крещения как в Православной, так и в Римско-католической Церквях. Только когда человек стал свободным от уз рабства, его спрашивают, отрекается ли он от дьявола и хочет ли соединиться со Христом. И лишь после свободного ответа Церковь принимает его, делает членом Тела Христова. Дьявол хочет рабов, а Бог хочет свободных людей, воля которых была бы согласна с Его волей. В терминологии Исхода "лукавым" был Египет, фараон и все, связанное с ними, а именно — пропитание и сохранение жизни при условии рабской покорности. И для нас акт молитвы, являющийся более существенным, более окончательным актом восстания против рабства, чем вооруженный бунт, есть в то же время как бы восстановление чувства ответственности перед Богом и родства с Ним.

Итак, первое положение, с которого начинается Исход — и начинаем мы, — это осознание своего рабства и того, что невозможно покончить с ним путем бунта или бегства, ибо бежим мы или восстаем, мы продолжаем оставаться рабами, если только не изменим всего своего отношения к Богу и ко всем обстоятельствам жизни, так, как нас тому учит первая заповедь блаженства: *Блаженны нищие духом, яко тех есть Царство Небесное*. Само по себе нищенство, состояние рабства не есть пропуск в Царство Небесное; раба можно лишить не только земных благ, но и благ небесных; такое нищенство может быть более удручающим, чем простое лишение того, в чем мы нуждаемся для земной жизни. Святой Иоанн Златоустый говорит, что беден не так тот, у кого ничего нет, как тот, кто хочет того, чего не имеет.

Бедность коренится не в том, насколько мы жаждем иметь то, чего получить не можем. Думая о нашем человеческом существовании, мы легко можем убедиться, что мы крайне бедны и обездолены, ибо что бы мы ни имели — это никогда не наше, как бы богаты мы ни казались. Когда мы стараемся ухватиться за что-либо, то очень скоро убеждаемся, что не можем этого удержать. Наша жизнь не коренится ни в чем, кроме державного творческого слова Божия, вызвавшего нас из полного, радикального отсутствия в Его присутствие. Не в нашей власти удержать нашу жизнь и здоровье или хотя бы психосоматические свойства: достаточно разорваться в голове мельчайшему сосуду, чтобы человек великого ума превратился в слабоумного старика. В области наших чувств, по разным причинам, которые мы в состоянии или не в состоянии объяснить, например, от гриппа или усталости, мы не можем в нужную минуту испытать к другому человеку то сочувствие, которое так хотели бы найти в себе; или же мы идем в церковь — и чувствуем себя каменными. Это нищета в чистом виде, но делает ли она нас детьми Царствия? Нет, потому что с горечью видя в каждое мгновение жизни, что все ускользает от нас, замечая только, что ничем не обладаем, мы от того не делаемся радостными детьми Царствия Божией любви, но остаемся жалкими жертвами обстоятельств, над которыми мы не властны и которые ненавидим.

Это возвращает нас к словам *нищие духом*. Нищета, открывающая Царство Небесное, заключается в знании, что если ничто из моего по-настоящему мне не принадлежит, значит все, что у меня есть — это дар любви, Божией или человеческой любви, и тогда все совершенно меняется. Если мы сознаем, что мы не самобытны и все же существуем, то можем сказать, что здесь проявляется непрестанное действие Божией любви. Если мы

видим, что никакими усилиями не можем сделать своей собственностью то, чем мы только обладаем, значит все — Божия любовь, конкретно являемая в каждом мгновении; и тогда бедность становится источником совершенной радости, потому что все, что мы имеем, есть доказательство любви. Мы никогда не должны стремиться к присваиванию, потому что называть что-либо "своим", а не неизменным даром Божиим, будет лишением, а не приобретением. Если это мое, оно чуждо отношениям взаимной любви; если это — Божие, и я обладаю этим изо дня в день, из мгновения к мгновению, это непрестанно обновляющийся акт Божественной любви. И тогда мы приходим к радостной мысли: "Благодарение Богу, это не мое; будь оно моим, это было бы обладанием, но, увы, без любви". Строй отношений, к которому эта мысль приводит нас, и есть то, что Евангелие называет Царствием Божиим. Лишь те принадлежат к Царству, кто имеет все от Царя во взаимоотношениях любви и кто не стремится быть богатым, потому что быть богатым значит быть лишенным любви и находиться во власти вещей. Как только мы открываем Бога в этой перспективе, обнаруживаем, что все Божие и все от Бога, мы начинаем входить в Божественное Царство и обретать свободу.

Лишь когда евреи, под руководством Моисея и просвещаемые им, осознали, что их состояние рабства имеет какое-то отношение к Богу, а не является просто человеческим делом, когда они обратились к Богу, когда они возвратились к отношениям Царства, что-то смогло измениться; и это верно в отношении всех нас, так как только когда мы осознаем, что мы — рабы обездоленные, но осознаем также, что это происходит по Божественной премудрости и что все во власти Божией, мы можем повернуться к Богу и сказать: *Избавь нас от лукавого.*

Как Моисей призвал евреев покинуть Египет, последовать за ним в темноте ночи, перейти Красное море, так и каждый отдельный человек попадает в пустыню, где начинается новый этап. Он свободен, но еще не вошел в славу Земли обетованной, потому что из Египта он вынес с собой душу раба, привычки раба, искушения раба. А для воспитания свободного человека требуется несравненно больше времени, чем для осознания своего рабского положения. Дух рабский еще так привычен, его нормы продолжают существовать и сохраняют свою огромную власть: рабу есть где преклонить голову, раб обеспечен пищей, у раба есть общественное — хотя и низкое — положение, он под защитой, потому что за его существование отвечает хозяин. Быть рабом, как это ни тяжело, унижительно и горестно, — все же какая-то форма защищенности, тогда как состояние свободного человека — состояние предельной незащищенности; мы берем свою судьбу в свои собственные руки, и только когда наша свобода коренится в Боге, мы обретаем иную защищенность, уверенность совершенно иного порядка.

Это чувство незащищенности, неуверенности показано в Книге Царств, в рассказе о том, как евреи просили Самуила дать им царя. На протяжении веков их вел Бог, то есть люди, которые в своей святости знали пути Божии; как говорит Амос (3:7), пророк — это тот, с кем Бог делится Своими помыслами. И вот, во времена Самуила евреи увидели, что быть лишь под Божиим водительством означает в земном смысле полную ненадежность, потому что тогда все зависит от святости, от самоотречения, от нравственных свойств, которые трудно приобрести; и они обратились к Самуилу с просьбой дать им царя, потому что "мы хотим быть, как прочие народы", хотим той же надежности, какая есть у прочих народов.

Самуил не хочет соглашаться, он видит, что это отступничество, но Бог говорит ему: *Послушай голоса народа... ибо не тебя они отвергли, но отвергли Меня, чтобы Я не царствовал над ними (1 Цар. 8:7).* Затем следует целая картина того, чем будет их жизнь: *Вот какие будут права у царя, который будет царствовать над вами: сыновей ваших он возьмет, и приставит к колесницам своим, и сделает всадниками своими, и будут они бегать перед колесницами его... И дочерей ваших он возьмет, чтобы они составляли масти, варили кушанье и пекли хлебы... Но народ не согласился послушать голоса Самуила и сказал: нет, пусть царь будет над нами (1 Цар. 8:11-19).* Они хотят купить

внешнее благополучие ценой свободы. Но не этого хочет для нас Бог. Здесь происходит как раз обратное событиям Исхода: Божия воля в том, чтобы защищенность рабов была оставлена и заменена незащищенностью свободных людей в становлении. Это трудно, потому что пока мы в становлении, мы еще не умеем быть свободными и не хотим больше быть рабами. Вспомните, что происходило с евреями в пустыне, как часто они жалели о времени, когда были в Египте — рабами, но накормленными. Как часто они плакались, что теперь у них нет крова, нет пищи, что зависят они только от Божией воли, на которую они еще не научились полагаться полностью: потому что Бог подает нам благодать, но становиться новой тварью предоставляет нам самим.

Как и евреи в Египте, мы прожили всю свою жизнь рабами; своей душой, своей волей, всем существом своим мы еще не стали подлинно свободными людьми: предоставленные собственным силам, мы можем впасть в искушение. И эти слова — *Не введи нас во искушение*, не подвергай нас суровому испытанию — должны напоминать нам о сорока годах, которые понадобились евреям на то, чтобы пересечь небольшое пространство, лежащее между землей Египетской и Землей обетованной. Они шли так долго потому, что каждый раз, как они отворачивались от Бога, путь их поворачивал вспять от Земли обетованной. Единственный путь, которым мы можем достичь Земли обетованной, это идти по следам Господа. Как только наше сердце обращается назад, к земле Египетской, мы возвращаемся по своим следам, сбиваемся с пути. Мы все были освобождены милостью Божией, все мы стоим на должном пути, но кто скажет, что он не возвращается беспрестанно по своим следам или не сворачивает с правильного пути? *Не введи нас во искушение*, не дай нам снова впасть в состояние рабства.

Как только мы осознали свое порабощение и от простых сетований, чувства бедственности пришли к чувству сокрушения сердечного и нищеты духа, наше пленение в земле Египетской получает ответ в словах следующих Заповедей блаженства: *Блаженны плачущие, ибо они утешатся; Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю*. Этот плач, порождаемый тем, что мы открыли Царствие, открыли свою ответственность, трагедию своего рабского состояния, — плач более горький, чем тот, какой является уделом простого раба. Раб плачет о внешних обстоятельствах; тот же плачущий, которого Бог называет блаженным, не жалуется, — он сокрушается сердцем и сознает, что его внешнее рабство есть выражение чего-то гораздо более трагического: его внутреннего порабощения, его отлучения от близости Божией. И избавиться от этого положения нет никакой возможности, пока не достигнута кротость.

"Кротость" — трудное слово, приобретшее целый ряд оттенков. Поскольку она крайне редко встречается в жизни, мы не можем обратиться к собственному опыту и, вспомнив известных нам кротких людей, найти ключ к пониманию этого слова. В английском переводе Дж. Б. Филлипса мы находим: "Блаженны те, кто не стремится обладать". С момента, как мы перестали стремиться к обладанию, мы становимся свободными, потому что, чем бы мы ни обладали, мы находимся во власти этого. Другое толкование находим в переводе греческого слова славянским, означающим "укрощенный", "прирученный". Укрощенный, прирученный человек или животное не просто боится наказания и покоряется власти своего хозяина; процесс этот пошел в нем дальше, он приобрел новое свойство, и эта прирученность избавляет его от насилия и принуждения.

На пороге нашего спасения от египетского рабства стоит условие, чтобы мы сделали "прирученными", иными словами, чтобы в том положении, в котором мы находимся, мы признали глубину, значительность, присутствие в нем Божественной воли. И наше избавление должно быть не бегством или бунтом, но движением, которым руководит Бог, которое начинается с Царствия Небесного внутри нас и развивается в Царствие на земле. Это период колебаний и внутренней борьбы: "Не введи нас во искушение, Господи, защити нас в испытании, помоги нам в начавшейся для нас борьбе". И вот тут мы достигли той точки, когда становится возможным сдвиг. Вернемся к Исходу:

евреи осознали, что они не только рабы, но и народ Божий, попавший в порабощение из-за своей нравственной слабости. Они должны были пойти на риск, потому что никто никогда не получает свободы от рабовладельца, и им надо было перейти Красное море; но и за Красным морем лежала еще не Земля обетованная, а палящая пустыня, и они сознавали это и знали, что им придется переходить ее, борясь с огромными трудностями. В таком же положении оказываемся и мы, когда решаемся начать движение, которое освободит нас от рабства: мы должны сознавать, что окажемся под натиском насилия, обольщения, внутренних врагов — наших старых привычек и прежней жажды благополучия, и что ничего нам не предложено, кроме пустыни. Впереди — Земля обетованная, но далеко впереди, и мы должны принять риск путешествия.

Между Египтом и пустыней, между рабством и свободой лежит разграничительная черта: это момент, когда мы действуем решительно и становимся новыми людьми, поставляя себя в совершенно новые нравственные отношения. В географической терминологии это Красное море, в словах Молитвы Господней это *Прости нам долги наши, как и мы прощаем*. "Как и мы прощаем" — это тот момент, когда мы берем наше спасение в свои руки, ибо что бы ни делал Бог, все зависит от того, что делаем мы; и это имеет огромное значение в плане нашей повседневной жизни. Если люди, выходящие из Египта в Землю обетованную, возьмут с собой из земли Египетской свои страхи, свои обиды, свою ненависть, свои жалобы, они и в Земле обетованной будут рабами. Они даже не начнут становиться свободными. И вот почему на разграничительной линии между огненным испытанием и соблазном старых привычек стоит это непреложное условие, которого Бог никогда не ослабляет: **как вы прощаете**. Мерой, которой вы мерите, отмерится и вам; и как вы прощаете, простят и вас; все, чего вы не простите, будет удержано против вас. Это не значит, что Бог не хочет простить; но если мы приходим, не прощая, мы сводим на нет тайну любви, мы отвергаем ее, и нам нет места в Царствии. Мы не можем идти дальше, если мы не прощены, и мы не можем быть прощены, пока сами не простили каждого, кто погрешил против нас. Это совершенно категорично и реально и определено, и никто не имеет права думать, что он в Царствии Божиим, что он принадлежит к Царству, если в сердце его продолжает жить непрощение. Прощение врагов — первая, самая элементарная отличительная черта христианина; без этого мы еще вовсе не христиане, но все еще блуждаем в палящей пустыне Синайской.

Но прощение — нечто очень для нас трудное. Простить в момент сердечного смягчения, в эмоциональном порыве, сравнительно легко; не взять прощение назад мало кто умеет. То, что мы называем прощением, это часто просто испытание прощенного, и счастье его, если это только испытание, а не отвержение. Мы нетерпеливо ждем признаков раскаяния, мы хотим быть уверенными, что кающийся уже больше не тот, каким был. Но такое положение может длиться всю жизнь, и наше поведение как раз обратно всему, чему учит Евангелие и как оно велит поступать. Итак, закон прощения — не маленький ручей на границе между рабством и свободой: он имеет ширину и глубину, это Красное море. Евреи преодолели его не своими силами, не в обычных, человеческими руками построенных лодках, — Красное море расступилось силой Божией; Бог провел их через море. Но для того, чтобы быть водимыми Богом, надо приобщиться Божьему свойству — Его умению прощать. Бог "не забывает" в том смысле, что если мы когда-то поступили неправильно, Он всегда, пока мы не изменимся, будет помнить, что мы слабы и хрупки; но Он никогда не будет помнить в категориях обвинения или осуждения; это никогда не будет возведено против нас. Господь Сам понесет наше иго вместе с нами, войдет в нашу жизнь; и Ему придется нести больше, крест Его будет тяжелее, Он снова пойдет на Голгофу, если мы не хотим или не способны это сделать.

Для того, чтобы быть в состоянии произнести первую фразу, которую мы рассмотрели, *Избавь нас от лукавого*, требуется такая переоценка ценностей и настолько новое ко всему отношение, что вначале мы едва ли можем произносить ее иначе, чем в крике, которому еще не соответствует внутреннее изменение нашего существа. Мы

жаждем, но жажда эта еще не может быть утолена; просить Бога защитить нас в испытании — значит просить о коренной перемене нашего положения. Но быть способным сказать: *Прости, как я прощаю* — еще труднее; это одна из величайших проблем жизни. Так, если вы не готовы оставить всякое чувство обиды против тех, кто был вашим господином или рабовладельцем, вы не можете идти на другую сторону. Если вы способны простить, то есть оставить в земле порабощения всю свою рабскую психологию, всю свою жадность, стяжательность и горечь, вы способны перейти на другой берег. После этого вы окажетесь в палящей пустыне, потому что превращение раба в свободного человека требует времени.

Мы лишены всего, чем обладали, когда были рабами в земле Египетской: крова, приюта, пищи; у нас ничего, кроме пустыни и Бога. Земля не способна более питать нас; мы не можем более рассчитывать на естественную пищу, поэтому мы молимся: *Хлеб наш насущный дай нам на сей день*. Бог дает его, даже когда мы сбиваемся с пути, потому что если бы Он не давал, мы умерли бы, не достигнув границ Земли обетованной. Сохрани нам жизнь, Боже, дай нам время, потерпи, пока мы заблуждаемся, пока найдем правильный путь.

"Хлеб насущный" — один из возможных переводов греческого текста. Этот хлеб, который по-гречески назван *epiusion*, может быть насущным, но может быть также хлебом сверхприродным. Отцы и учителя Церкви, начиная с Оригена и Тертуллиана, всегда относили эти слова не только к нашим земным нуждам, но и к таинственному евхаристическому хлебу. И если мы не питаемся новым образом, таинственно этим Хлебом Божественным (ибо теперь наше существование зависит только от Бога), мы не выживем (Ин. 6:53). Бог посылал Своему народу манну и давал ему воду из скалы, по которой ударял жезл Моисеев. Оба дара — образ Христа: *Не хлебом единым будет жив человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих*. Это изречение из Ветхого Завета (Втор. 8:3), которое Христос привел, чтобы посрамить диавола. Это "слово" — не просто слово, но прежде всего Слово, звучащее вечно, всегда, Слово, которым держится всякая тварь, а затем также Слово воплощенное, Иисус из Назарета; далее, это хлеб, прообразом которого была манна, хлеб, получаемый нами в причащении. Вода, потекшая и наполнившая ручьи и реки по слову Моисея — прообраз той воды, что была обещана самарянке, и Крови Христовой, которая есть жизнь наша.

Исход, если его рассматривать в словах Молитвы Господней, сложная картина; в Заповедях блаженства мы находим то же постепенное продвижение вперед: *Блаженны алчущие и жаждущие правды, потому что они насытятся; Блаженны милостивые, потому что они будут помилованы*. Сначала просто телесные голод и жажда, лишение всего, чем мы обладали и что было даром неправды, даром земным, от господина, печатью рабства, а затем, точно так же, как плач второй заповеди блаженства возрастает в момент, когда мы обращаемся к Богу, эти жажда и голод становятся жаждой праведности. Перед людьми раскрывается новое измерение, измерение жажды, неодолимого стремления к тому, что в одной из тайных молитв Литургии определяется как "грядущее Царство" — когда мы благодарим Бога за то, что Он даровал нам Свое Царство, по которому мы тоскуем. В Литургии Царство уже здесь, но в путешествии через пустыню оно впереди, все еще вне пределов досягаемости, это еще только зачаток. Оно внутри нас как некая установка, отношение, но безусловно не как что-то, что уже является жизнью, которой мы можем питаться и которая может сохранить нас в живых. Есть телесный голод, возникший из нашего прошлого и нашего настоящего, и есть голод духовный, рождаемый нашим будущим и нашим призванием.

Блаженны милостивые... Это путешествие совершается не в одиночестве. В рассказе об Исходе весь народ Божий вместе, как одно целое, отправился в путь; в плане Молитвы Господней и нашего призвания — это Церковь, это человечество, это каждый, кто участвует в путешествии; и здесь бесконечно важно научиться одному, а именно — милосердию к братьям, путешествующим вместе с нами. Если мы не готовы нести бремя

друг друга, выносить всю тяжесть друг друга, принимать друг друга, как Христос принимает нас, в милосердии — нам нет пути через пустыню. Это путешествие по палящему зною, в жажде и голоде, в напряженном усилии стать новым человеком есть время милосердия, взаимной милосердной любви; иначе никто не придет к месту, где провозглашается закон Божий, где преподаются скрижали закона.

Жажда праведности и свершения неотделимы от милосердия к спутникам, которые странствуют бок о бок через зной и страдания; и эти жажда и голод получают теперь более глубокий смысл, чем простое отсутствие пищи. Когда евреи подходят к подножию Синая, они уже в какой-то мере обладают способностью понимать и быть самими собой; они уже "приручены" и стали единым народом, с единым сознанием, единой устремленностью, единым намерением. Они — народ Божий, направляющийся в Землю обетованную. Сердца их, бывшие потемненными, стали прозрачнее, чище. У подножия горы им будет дано, каждому соответственно его силам и способностям, как-то увидеть Бога (*ибо блаженны чистые сердцем, потому что они увидят Бога*), каждый по-своему, точно так же, как ученики увидели преобразившегося Христа на горе Фаворской соответственно тому, что они могли вместить.

Здесь происходит новая трагедия: Моисей обнаруживает, что евреи изменили своему призванию, и разбивает скрижали Закона; те, которые даны ему впоследствии, такие же, но не те самые; разница, может быть, указана в том, что когда Моисей принес заповеди во второй раз, лицо его сияло так, что никто не мог вынести этого сияния (Исх. 34:30); они не могли вынести так же и Господа, открывшегося во всей Своей славе и сиянии. Им дается то, что они могут вынести: это закон, написанный Моисеем (Исх. 34:27), а не божественное откровение любви, *начертанное перстом Божиим* (Исх. 31:18). Закон стоит на полпути между беззаконием и благодатью; здесь можно четко выявить три восходящие ступени. В Бытии мы видим неистового Ламеха, который говорит, что если будет оскорблен, то отомстит за себя в семьдесят раз всемеро (Быт. 4:24); когда мы приходим к Синаю, нам говорится: *око за око и зуб за зуб*; а Христос говорит: *до седмижды семьдесят раз прощай брату своему*. Это три ступени человеческого восхождения от закона к благодати.

Русский богослов девятнадцатого столетия А. С. Хомяков говорит, что воля Божия — гибель для демонов, закон для рабов Божиих и свобода для сынов Божиих. Мы видим, насколько это верно, когда рассматриваем постепенное продвижение евреев из Египта в Землю обетованную. Они вышли рабами, только что осознавшими, что могут стать детьми Божьими; им надо было перерасти психологию рабов и обрести дух и меру возраста сынов; это происходило постепенно, в длительном и крайне мучительном процессе. Мы видим, как они медленно создаются в общину рабов Божиих, народа, признавшего, что господин его более не фараон, а Господь духов, и что они должны оказывать Ему верность и безусловное послушание; они могли ожидать от Него и наказания и награды, зная, что Он ведет их за пределы того, что им известно, к чему-то, что является их конечным призванием.

В творениях ранних христианских подвижников часто повторяется мысль, что человек должен пройти эти три стадии — раба, наемника и сына. Раб — это тот, кто повинуется из страха, наемник — тот, кто оказывает послушание за плату, а сын — тот, кто действует по любви. Мы можем видеть в Исходе, как постепенно народ Божий стал более, чем рабом и наемником, и, выражаясь географически, закон стоит на пороге Земли обетованной.

На этом пороге люди обнаруживают, каждый в меру своей способности и глубины духа, Божью волю и Божий Промысел, потому что закон можно рассматривать по-разному: если подойти к нему формально, фраза за фразой, это ряд приказаний: "Поступай так, не делай этого"; это закон в мышлении Ветхого Завета. Но, с другой стороны, если посмотреть на него глазами Нового Завета, глазами нашего человеческого призвания, так, как все большее число людей умело смотреть на него во времена, последовавшие за

Исходом, мы видим, что эти различные заповеди, эти приказания сливаются в две заповеди: любви к Богу и любви к человеку. Первые четыре из десяти — любовь к Богу, выраженная конкретно; в шести остальных — любовь к человеку, также ставшая конкретной, осязаемой, выполнимой. Закон — это дисциплина и правило для того, кто все еще в становлении, кто все еще находится в процессе обращения в сына, но это уже и закон Нового Завета. Проблема отношений между человеком и человеком и между человеком и Богом — это проблема утверждения божественного мира, мира во имя Бога, мира, основанного не на взаимной привязанности или симпатии, а на более существенной основе: нашем общем Господе, нашей человеческой солидарности и нашей более тесной церковной солидарности. Любовь к Богу и к людям должна прежде всего сводиться к установлению правильных взаимоотношений, — правильных взаимоотношений с Богом, с людьми, а также и с самим собой.

Мы видели, что категорическим предварительным условием для существования в пустыне является взаимное прощение; затем надо сделать следующий шаг, и вот в Исходе мы видим непреложный закон, выражающий разум и волю Божию, а в Молитве Господней — слова *Да будет воля Твоя*. "Да будет воля Твоя" — это не покорная готовность терпеть Божию волю, как мы часто воспринимаем. Это положительная настроенность тех, кто прошел через пустыню, вступил в Землю обетованную, кто готов трудиться для того, чтобы воля Божия была реальной и присутствующей на земле, как и на небе. Апостол Павел говорит, что мы "небесная колония" (Флп. 3:20, в английском переводе Моффата). Он имеет в виду группу людей, чья родина на небе и кто находится на земле для того, чтобы завоевать ее для Бога и принести Царствие Божие хотя бы на малую часть земли. Это особое завоевание, состоящее в том, чтобы склонить людей принять царство мира, сделаться подданными Начальника мира и войти в гармонию, которую мы называем Царством Божиим. И это завоевание, это миротворчество делает нас овцами среди волков, семенем, которое разбросал сеятель и которое должно умереть для того, чтобы принести плод и напитать других.

Слова *Да будет воля Твоя*, рассмотренные таким образом, изнутри нашего сыновства, нечто совершенно отличное от того послушания — в покорности или в сопротивлении — которое мы видели в начале Исхода, когда Моисей старался подвигнуть своих соплеменников на поход к свободе. Теперь у них, у нас — разум Христов, теперь мы знаем волю Божию, мы более не рабы, а друзья (Ин. 15:15). Это не взаимоотношения неопределенного благожелательства, а нечто чрезвычайно глубокое, связывающее нас вместе. Это и есть то состояние, в котором мы идем в Землю обетованную, когда так, по-новому говорим *Да будет воля Твоя*, — не как чуждая воля, не как воля крепкая и нас сломить способная, но как воля, с которой мы стали полностью согласными. И мы должны, произнося эти слова, принять все, что связано с состоянием богосыновства, с состоянием членов единого тела. Как Сын Божий пришел в мир, чтобы умереть за спасение мира, так и мы избраны для того же; и ценой, может быть, собственной жизни мы должны приносить мир вокруг себя и насаждать Царствие.

Есть разница между тем, как мы видим Бога-Царя в земле Египетской, в палящей пустыне или в новых условиях Земли обетованной. Вначале воля Его восторжествует так или иначе, всякое сопротивление, оказываемое ей, будет сломлено: послушание означает подчинение. Затем, в постепенном научении нам открывается, что этот Царь — не повелитель, не надсмотрщик над рабами, но Царь благоволения и что послушание Ему преображает все; что мы можем быть не просто подданными, а Его народом, Его действующим воинством. Наконец, мы открываем Царя во всем значении этого слова, как сказано у Василия Великого: "Каждый правитель может править, но только царь может умереть за своих подданных". Здесь происходит такое отождествление Царя с его подданными, то есть с его Царством, что все, что бы ни случилось с Царством, происходит и с Царем; и это не только отождествление, но и акт любви, принимающий удар на себя, когда Царь становится на место Своих подданных. Царь становится

человеком, Бог воплощается. Он входит в историческую судьбу человечества. Он принимает на Себя плоть, которая делает Его частью, частицей всего космоса, с его трагедией, вызванной человеческим падением. Он входит в человеческую судьбу, до самых ее глубин, вплоть до суда, несправедного осуждения и смерти; Он опытно познает утрату Бога и потому становится способным умереть. Царство, о котором мы говорим в этом прощении, и есть Царство этого Царя. Если мы не с Ним и со всем духом Его Царства, понимаемого теперь по-новому, мы не способны ни называться детьми Божиими, ни говорить *Да придет Царствие Твое*. Но мы должны ясно осознать, что Царство, о котором мы просим, это Царство последних заповедей блаженства: "Блаженны гонимые..." *Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня*. Для того, чтобы пришло Царство, мы должны заплатить цену, определенную этими заповедями. Царство, о котором мы говорим, это Царство любви, и, при поверхностном взгляде, кажется таким удовольствием попасть в него. Но это совсем не "удовольствие", потому что любовь обрела трагический аспект; она означает смерть для каждого из нас, полное вымирание нашего самолюбивого, эгоцентрического "я", и умирание не такое, как цветы увядают: это умирание жестокой смертью, смертью крестной.

Только в Царствии имя Божие может святиться и прославляться нами; потому что не словами нашими или жестами, даже и литургическими, воздается слава имени Божию, а тем, что мы стали Царством, которое есть сияние и слава нашего Творца и Спасителя. И имя это — Любовь, Единый Бог в Троице.

Как мы теперь видим, Молитва Господня имеет абсолютно всеобщее значение и смысл, выражая — хотя и в обратном порядке — восхождение каждой души от порабощения греху к полноте жизни в Боге; это не просто молитва, это по существу своему молитва **христиан**. Первые слова — *Отче наш* — собственно христианские. Господь говорит в Евангелии от Матфея (11:27): *Никто не знает Сына, кроме Отца и Отца не знает никто, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть*. Знать в Боге своего отца в каком-то общем смысле дано не только христианам, но и многим: но знать в Нем такого Отца, какого открыл нам Христос, дано только христианам во Христе. Помимо библейского откровения Бог предстает перед нами как Творец всего существующего. Внимательная молитвенная жизнь открывает нам, что это Творец милостивый, любящий, мудрый; такая жизнь может привести нас к тому, что мы будем по аналогии говорить о Творце всяческих, как об отце; Он обращается с нами так, как отец обращается со своими детьми.

Еще до откровения Христова мы находим в Священном Писании пример человека, который, строго говоря, был язычником, но стоял на грани этого ведения Бога в категориях сыновства и отцовства; это Иов. Он называется язычником, потому что не принадлежит к роду Авраамову, не является наследником обетований, данных Аврааму. Из-за спора его с Богом он — одна из самых поразительных фигур Ветхого Завета. Три человека, убеждающие его, знают Бога как своего Владыку: Бог вправе делать то, что Он сделал с Иовом, Бог прав во всем, что бы Он ни делал, потому что Он Господь всего. Но именно этого-то Иов и не может принять, потому что знает Бога иным. По своему духовному опыту он уже знает, что Бог не просто властелин. Он не может согласиться, что Бог обладает произвольным могуществом, что это всемогущее Существо, которое может и имеет право делать все, что Ему нравится. Но потому, что Бог еще ничего не сказал о Себе Самом, все это — область надежды, пророческое прозрение, а не само откровение Бога в Его отцовстве.

Когда Господь является Иову и отвечает на его вопросы, Он говорит в понятиях языческого откровения, для которого типичны слова псалма: *Небеса поведают славу Божию, творение же рук Его возвещает твердь* (Пс. 18:1). Иов понимает, потому что, как говорит вслед за Иеремией (31:33) апостол Павел, *закон Божий написан у нас в сердцах* (Рим. 2:15). Бог ставит Иова перед лицом всего тварного мира и рассуждает с

ним; затем, несмотря на то, что, по-видимому, Иов оказывается неправым, Бог объявляет, что он более прав, чем те, кто увещевал его, чем те, кто смотрит на Бога как на земного властелина. И хотя ему недостает подлинного знания о Божественном отцовстве, он знает о Боге больше, чем его друзья. Можно сказать, что в Ветхом Завете у Иова мы находим первое пророческое видение отцовства Божия и того спасения человечества, которое может быть осуществлено только кем-то, кто равен и Богу и человеку. Когда Иов с обличением обращается к Богу и говорит: *Нет между нами посредника, который положил бы руку свою на нас обоих* (Иов 9:33), мы видим в нем человека, превзошедшего своих современников в понимании, но у него еще нет почвы для утверждения своей веры и своего знания, потому что Бог еще не говорил во Христе.

Тайна сыновства и тайна отцовства взаимосвязаны: ты не можешь знать отца, если не знаешь сына, и не можешь знать сына, если ты не отец; познание извне невозможно. Наша связь с Богом основана на акте веры, восполняемом Божиим ответом, который делает этот акт веры плодотворным. Членами Христовыми мы становимся в акте веры, полноту которого Бог подает в крещении. Путем, известным только Богу и тем, кто был призван и получил обновление, мы становимся по приобщению тем, чем Христос является по рождению; только став членами Христа, становимся мы сынами Божьими. Мы не должны забывать, что отцовство Божие — это больше, чем отношение теплой привязанности, это нечто более реальное и нечто предельно истинное. Бог во Христе становится Отцом тех, кто делается членами тела Христова, но не какая-то неопределенная сентиментальность связывает нас со Христом, а подвиг, который может продолжаться всю жизнь и стоять гораздо больше, чем мы предполагали вначале.

То, что Христос и мы становимся едино, означает, что все, относящееся ко Христу, относится и к нам, и мы можем, неведомым прочему миру образом, называть Бога своим Отцом — уже не по аналогии, уже не по предвосхищению или как пророчество, а так же, как Сам Христос. Это имеет прямое отношение к Молитве Господней: с одной стороны, ею может пользоваться всякий, потому что это молитва всеобщая, это лестница нашего восхождения к Богу; с другой стороны, это совершенно особая и исключительная молитва — молитва тех, кто во Христе являются детьми вечного Отца и могут обращаться к Нему как сыны.

Когда эта молитва рассматривается в ее всеобщем значении, удобнее изучать и анализировать ее как восхождение; но не в таком виде дал ее Христос тем, кто в Нем и вместе с Нем — чада Божии, потому что для них речь идет уже не о восхождении; для них это данность, существующее положение; мы, в Церкви — дети Божии, и первые слова: *Отче наш*, утверждают этот факт и обязывают нас занять то место, которое мы должны занимать. Бесплезно говорить, что мы недостойны этого звания. Мы его приняли, и оно наше. Мы можем быть блудными детьми, и нам придется отвечать за это, но совершенно очевидно, что никакая сила не может превратить нас снова в то, чем мы перестали быть. Когда блудный сын вернулся к своему отцу и хотел сказать: *Я недостойн больше называться сыном твоим, сделай меня одним из твоих наемников* (Лк. 15:19), отец дал ему произнести первые слова: *Я согрешил против неба и перед тобою и уже недостойн называться сыном твоим*, но здесь прервал его. Да, он недостойн, но он сын, несмотря на свое недостойнство. Ты не можешь перестать быть членом своей семьи, что бы ты ни сделал достойного или недостойного. Чем бы мы ни были, какова бы ни была наша жизнь, как мы ни недостойны называться сынами Божьими или назвать Бога своим Отцом, нам некуда уйти. Это неотъемлемо. Он наш Отец, и мы несем ответственность за отношение сыновства. Он создал нас Своими детьми, и, лишь отвергая права своего рождения, мы становимся блудными сынами. Представьте себе, что не вернулся блудный сын, но остался и женился в чужой земле, — дитя, родившееся от этого брака, будет органически связано с отцом блудного. Если бы ребенок вернулся на родину своего отца, он был бы принят как член семьи; если бы не вернулся — был бы ответственен за это, как и за то, что предпочел остаться чужаком для семьи своего отца.

Для детей многих поколений возвращением в дом Отца является крещение. И мы крестим ребенка точно так же, как лечим младенца, родившегося больным. Другое дело, если позже он станет неправильно думать, что лучше было бы ему сохранить свой недуг, быть бесполезным для общества и избавленным от бремени общественных обязанностей. Крестя младенца, Церковь исцеляет его, чтобы сделать ответственным членом единственного реального общества. Отвержение собственного крещения равносильно отвержению излечения. В крещении мы не только становимся здоровыми, но и органически делаемся членами Тела Христова.

На этой ступени, называя Бога *Отче наш*, мы восходим на Сион, на вершину горы, и на вершине горы находим Отца, любовь Божественную, откровение Троицы; и тут же, за стенами — небольшой холм, который мы зовем Голгофой, где сливаются воедино история и вечность. Здесь мы можем обернуться и посмотреть назад. Именно отсюда должен христианин начинать свою христианскую жизнь, завершив восхождение, и начать произносить Молитву Господню в той последовательности, в какой дает ее нам Господь, как молитву Единородного Сына, как молитву Церкви, молитву каждого из нас в нашей общности со всеми, как молитву того, кто является сыном в Сыне. И только тогда можем мы начать спускаться с горы, шаг за шагом, навстречу тем, что еще в пути или кто даже не начинал идти.

Молитва Вартимея

Случай с Вартимеем, как он рассказан у Марка (10:46-52), помогает нам постигнуть ряд моментов, связанных с молитвой.

Приходят в Иерихон. И когда выходил Он из Иерихона с учениками Своими и множеством народа, Вартимей, сын Тимеев, слепой, сидел у дороги, прося милостыни. Услышав, что это Иисус Назорей, он начал кричать и говорить: Иисус, Сын Давидов! помилуй меня. Многие заставляли его молчать; но он еще более стал кричать: Сын Давидов! помилуй меня. Иисус остановился и велел его позвать. Зовут слепого и говорят ему: не бойся, вставай, зовет тебя. Он сбросил с себя верхнюю одежду, встал и пришел к Иисусу. Отвечая ему, Иисус спросил: чего ты хочешь от Меня? Слепой сказал Ему: Учитель! чтобы мне прозреть. Иисус сказал ему: иди, вера твоя спасла тебя. И он тотчас прозрел и пошел за Иисусом по дороге.

Этот человек, Вартимей, не был, по-видимому, молодым; уже много лет сидел он у Иерихонских ворот, получая пропитание от милосердия или безразличного достатка прохожих. Вероятно, в течение своей жизни он испробовал все существующие средства и все возможные пути к излечению. Возможно, что ребенком его приносили в храм и там за него совершались молитвы и жертвоприношения. Он побывал у всех, кто мог врачевать либо по дару исцелений, либо с помощью знаний. Он, несомненно, боролся за то, чтобы прозреть, и неизменно терпел разочарование. Были испытаны все человеческие средства, но он оставался слепым. Возможно, в предшествовавшие месяцы ему случалось слышать, что в Галилее появился молодой проповедник, Человек, любящий народ, милосердный, святой человек Божий, человек, который может исцелять и творить чудеса. И, возможно, он часто думал, что если бы мог, то постарался бы встретиться с Ним; но Христос не оставался на одном месте и мало было надежды, что слепой найдет к Нему дорогу. И так, с этой искрой надежды, делавшей его отчаяние еще более глубоким и еще более острым, сидел он у Иерихонских ворот.

Однажды мимо проходила толпа, толпа больше обычной, шумная восточная толпа; слепец услышал и спросил, кто это идет. и когда ему сказали, что это Иисус из Назарета, он начал звать. Та искра надежды, которая оставалась в его душе, мгновенно обратилась в пламя, в горячий огонь надежды. Иисус, Которого он никогда не мог бы встретить, проходил по его дороге. Он шел, и с каждым шагом становился все ближе и ближе, а потом каждый шаг будет отдалять Его дальше и дальше, безвозвратно; и слепец начал кричать: "Иисус, Сын Давидов, помилуй меня". Это было самое совершенное исповедание

веры для того времени. Он признал в Нем Сына Давидова. Мессию; он не мог еще назвать Его Сыном Божиим, потому что даже ученики еще не знали этого; но он признал в Нем Того, Кого ожидали. И тогда случилось то, что постоянно происходит в нашей жизни: ему велели замолчать.

Как часто случается, что когда после многих лет исканий и одинокой борьбы мы вдруг обращаемся с воплем к Богу, множество голосов, внешних и внутренних, пытается пресечь нашу молитву. Стоит ли молиться? Сколько лет ты борешься, а Бог не обращает на это никакого внимания? Обратит ли Он внимание теперь? Зачем молиться? Возвращайся в свою безнадежность, ты слеп, и слеп навсегда. Но чем сильнее сопротивление, тем очевиднее и то, что помощь совсем близко. Никогда дьявол не нападает на нас так яростно, как когда мы уже совсем близки к завершению борьбы, и мы могли бы спастись, но часто этого не случается, потому что мы отступаем в последнее мгновение. "Довольно, бросай, — говорит дьявол, — это уже слишком, это больше, чем ты можешь вынести, надо положить этому конец немедленно, не жди: ты ведь не в силах больше выдержать". И тогда мы совершаем самоубийство: физически, нравственно, духовно; мы отказываемся от борьбы и принимаем смерть — за минуту до того, как помощь была бы подана и мы были бы спасены.

Никогда не надо слушать этих голосов; чем громче они кричат, тем сильнее должна быть наша решимость; мы должны быть готовы звать так долго, как это потребуется и так же громко, как Вартимей. Иисус Христос проходил мимо, последняя его надежда проходила мимо, но люди, окружавшие Христа, были равнодушны или старались заставить его замолчать. Его горе и страдание были совсем некстати. Те, кому Христос был, может быть, меньше нужен, но кто окружал Его, хотели, чтобы Он занимался ими. С какой стати этот несчастный слепец мешает им? Но Вартимей знал, что нет для него больше надежды, если уйдет и эта последняя. Эта глубина безнадежности и была источником, откуда хлынула вера, молитва, полная такой убежденности и настойчивости, что она прорвала все преграды. — одна из тех молитв, которые бьют в небо как стрела, по слову Иоанна Лествичника. И оттого, что отчаяние Вартимея было так глубоко, он не слушал голосов, приказывавших ему замолчать, сидеть тихо; чем больше они старались не допустить его ко Христу, тем громче он кричал: "Сын Давидов, помилуй меня!" Христос остановился, сказал, чтобы его подвели к Нему, и сотворил чудо.

В нашем практическом подходе к молитве мы можем научиться у Вартимея, что когда мы всем сердцем обращаемся к Богу, Бог всегда слышит нас. Обычно, когда мы осознаем, что не можем больше полагаться на то, что привыкли считать надежным вокруг себя, мы еще не готовы отказаться от этих вещей. Мы можем видеть, что надежды нет, пока употребляются человеческие, земные средства. Мы стремимся к чему-то, пытаемся прозреть и постоянно терпим крах; это мука и безнадежность, и если мы остановимся здесь, это означает поражение. Но если в этот момент мы обратимся к Богу, зная, что остается один только Бог, и скажем: "Я верю Тебе и в Твои руки предаю свою душу и тело, всю мою жизнь" — тогда отчаяние привело к вере.

Отчаяние ведет к новой духовной жизни, когда у нас появляется мужество идти глубже и дальше, с сознанием, что мы отчаялись не в конечной победе, а в средствах, которые применяли для ее достижения. Тогда мы начинаем с твердого основания совершенно по-новому. Бог может вернуть нас к одному из средств, которые мы уже испытывали, но которое теперь, с ним, мы сумеем употребить успешно. Всегда необходимо реальное сотрудничество между Богом и человеком, и тогда Бог даст разум, мудрость и силу делать то, что нужно, и достигать правильной цели.

Богомыслие и молитва

Практически богомыслие и молитву часто смешивают, но в этом нет опасности, если богомыслие перерастает в молитву. Опасность возникает только тогда, когда молитва перерождается в размышление. Богомыслие и означает прежде всего размышление, —

размышление, предметом которого является Бог. Если, размышляя, мы постепенно все глубже проникаемся духом молитвенного богопочтения, если присутствие Божие становится достоверным и мы видим, что действительно пребываем с Богом, и если от размышления мы постепенно переходим к молитва, все правильно; но никогда нельзя допускать обратного процесса, и в этом смысле между богомыслием и молитвой существует четкое различие.

Главное отличие богомыслия от нашего обычного беспорядочного мышления заключается в ясности, стройности: богомыслие должно быть аскетическим упражнением в трезвении ума. О том, как люди обычно думают, Феофан Затворник говорит, что мысли толкутся в нашей голове подобно стае мошек, однообразно, беспорядочно, бестолково и бесплодно.

Первое, чему следует научиться, какой бы предмет для размышления мы ни избрали, это следовать определенной линии. Как только мы начинаем думать о Боге, о вещах божественных, обо всем, что составляет жизнь души, возникают побочные мысли; со всех сторон мы видим столько возможностей, столько интересного и содержательного; но мы должны, избрав предмет размышления, отказываться от всего, кроме избранной темы. Это единственный способ удержать течение мыслей в одном направлении, так, чтобы они могли углубиться.

Цель богомыслия — не в академическом упражнении мысли; оно не должно быть чисто интеллектуальным занятием или прекрасным, но бесплодным полетом мысли; оно должно быть работой целеустремленного размышления, совершаемого под водительством Божиим и направленного к Богу, и плодом его должны быть выводы о том, как нам жить. С самого начала необходимо осознать, что полезным было то упражнение в богомыслии, которое помогает нам жить в более определенном и конкретном соответствии с Евангелием.

Каждый из нас невосприимчив к одним проблемам и открыт для других; когда мы еще не привыкли к размышлению, лучше начинать с чего-то, что для нас живо: с тех изречений, которые привлекают нас, от которых *сердце наше горит в нас*, или, наоборот, с того, против чего мы восстаем, чего не можем принять; в Евангелии мы находим и то и другое.

Что бы мы ни взяли — отдельный стих, какую-либо заповедь, событие из жизни Христа, мы должны прежде всего определить подлинное, объективное его содержание. Это очень важно, потому что цель богомыслия не в том, чтобы возвести фантастическое построение, а в том, чтобы понять определенную истину. Истина — здесь, она дана нам, это Божия истина, и богомыслие должно стать мостом между нашим непониманием и откровенной истиной. Таким образом мы можем воспитать свой разум и постепенно научиться иметь *ум Христов*, по слову апостола Павла (1 Кор. 2:16).

Уяснить себе подлинное значение текста не всегда так просто, как это кажется; есть места совсем легкие, но есть и такие места, где употребляются формулировки, обращенные одновременно к самому простому человеческому опыту и вместе с этим к углубленному многообразному религиозному опыту. Например, выражение *Невеста Агнца* можно понять, только если мы знаем, что именно Священное Писание понимает под словом "Агнец", иначе оно становится совершенно бессмысленным и будет понято неправильно.

Невеста — это опыт земли, опыт человеческий в самом священном, в самом глубоком, тонком, что в нем есть. Невеста — это та, которая сумела, оказалась способной так полюбить жениха, чтобы все остальное забыть и оставить, чтобы прилепиться к нему, чтобы последовать за ним, куда бы он ни пошел. Обращаясь к слову "невеста" сначала в Ветхом Завете, а затем в книге Откровения, мы видим, что таков дух Церкви по отношению к Жениху — Христу; но этот Жених Христос обозначается словом трагичным: *Агнец Божий*. Это выражение мы встречаем на фоне всех ветхозаветных жертвоприношений, всех образов пророческих Агнца, закланного за спасение мира, Мужа

скорбей из Исайино пророчества. И вот, соединяя эти два понятия, мы получаем полный их смысл и значение. Если мы будем исходить только из нашего человеческого опыта, то останется нерасшифрованной тайна пути, по которому пойдет Невеста. Да, она пойдет, куда бы ни пошел Жених; но куда идет Жених? Каков будет облик этой Невесты? А мы, именно потому, что слово "агнец" покоится на всей традиции Израиля, знаем, что это Агнец заклания, закланный Агнец, и что путь Невесты через весь мир, через всю судьбу, всю историю земли походит сквозь уничтожение вифлеемское, через жизнь абсолютной, безграничной солидарности Божией со Своей тварью, и идет дальше, через Гефсиманию и Голгофу, к Воскресению...

Есть и другого рода слова, которые мы можем понять правильно, только если не будем принимать во внимание особое или техническое значение, которое они приобрели. Одно из таких слов — "дух". Для христианина "дух" — своего рода технический термин; это или Святой Дух, Третье Лицо Святой Троицы, или одна из составных частей человеческого существа — тела и души. Но такое понимание не всегда выражает со всей простотой и широтой то, что хотели передать составители Евангелия; слово стало таким специальным, что утратило связь со своим корнем. Уяснить текст и его значение иногда помогает определение слова, указанное в словаре. Можно найти в словаре слово "дух" или любое другое слово, и оно сразу же покажется простым и конкретным, хотя оно и могло со временем, в результате работы богословов, приобрести более глубокое значение. Но никогда не надо начинать с более глубокого значения раньше, чем найдем простое конкретное значение, которое было понятно каждому в то время, когда Христос говорил с окружающим Его народом.

Есть вещи, которые мы можем понять лишь в свете учения Церкви: Священное Писание следует понимать разумом Церкви, разумом Христовым, потому что Церковь не меняется; в своем внутреннем опыте она продолжает жить той же жизнью, какой жила в первом веке; и слова, сказанные в Церкви Павлом, Петром, Василием или другими, всегда сохраняют свое значение. Так, после предварительного восприятия на нашем собственном, современном языке мы должны обратиться к тому, что понимает под этим словом Церковь; только тогда мы можем быть уверены в смысле данного текста и имеем право начать думать и делать выводы. Как только мы найдем значение текста, следует посмотреть, не дает ли оно нам уже в своей предельной простоте конкретного совета или даже прямого приказания. Поскольку цель богомыслия, понимания Священного Писания — в том, чтобы исполнить волю Божию, мы должны делать практические выводы и поступать в соответствии с ними. Когда нам открылся смысл, когда в этой фразе Бог сказал нам нечто, мы должны вникнуть в суть и посмотреть, что мы можем сделать, подобно тому, как поступаем, когда нам приходит в голову хорошая идея; осознав, что то или другое правильно, мы тут же начинаем думать, как бы включить это в свою жизнь, каким образом сделать это, при каких обстоятельствах, каким способом. Недостаточно понять, что можно сделать, и с восторгом начать рассказывать об этом своим друзьям; надо начать делать это. Египетский святой Павел Препростый услышал однажды, как Антоний Великий читал первый стих первого псалма: *Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых*— и тотчас Павел отправился в пустыню. Только лет тридцать спустя, когда Антоний снова встретил его, святой Павел с глубоким смирением сказал ему: "Я провел все это время, стараясь стать человеком, который никогда не ходит на совет нечестивых". Для достижения совершенства нет надобности понимать многое; что нужно, так это провести тридцать лет в старании понять, что такое этот новый человек, и стать им.

Часто мы рассмотрим одно или два положения и перескакиваем дальше; это неправильно, потому что, как мы только что видели, нужно долгое время, чтобы научиться собранности, чтобы стать тем, что отцы называют внимательным человеком, тем, кто способен вникать в какую-то мысль так долго и глубоко, чтобы ничего не упустить из нее. Все духовные писатели прошлого и наших дней скажут вам: возьми текст, размышляй над ним, час за часом, день за днем, пока не исчерпаешь всех своих

возможностей, как умственных, так и эмоциональных, и пока, внимательно читая и перечитывая этот текст, не придешь к новому отношению к жизни. Очень часто богомыслие состоит только в том, чтобы вникать в текст, повторяя вновь и вновь эти слова Божии, обращенные к нам, чтобы настолько сродниться с ними, настолько впитать их в себя, что постепенно мы и эти слова станем одно. И в этом процессе, даже если нам кажется, что умственно мы ничем особенно не обогатились, мы изменяемся.

Нам очень часто выпадает время, которое можно использовать на размышление; в нашей повседневной жизни столько случаев, когда нам нечего делать, кроме как ждать, и если мы дисциплинированы — а это также составляет часть нашего духовного воспитания, мы сумеем быстро сосредоточиться и тотчас фиксировать свое внимание на предмете нашего размышления, нашего богомыслия. Мы должны учиться этому, принуждая свои мысли собираться в одном фокусе, отключаясь от всего прочего. Вначале будут вторгаться посторонние мысли, но если мы неизменно каждый раз будем отгонять их, они в конце концов оставят нас в покое. И только когда благодаря тренировке, упражнению, навыку мы станем способны сосредотачиваться глубоко и быстро, мы сможем продолжать жизнь в состоянии собранности, независимо от того, что мы делаем. Однако замечать присутствие посторонних мыслей — значит уже достигнуть какой-то степени собранности. Мы можем находиться в толпе, быть среди людей и в то же самое время оставаться совершенно одни, так что окружающее нас не затрагивает; от нас самих зависит допустить или не допустить, чтобы происходящее вне нас стало событием нашей внутренней жизни. Если мы допустим это, то наше внимание рассеется; если же не допустим, то можем в совершенном уединении и собранности пребывать в присутствии Божию, что бы вокруг нас ни происходило. У Аль Абсихи есть рассказ о сосредоточенности такого рода: домочадцы одного мусульманина должны были хранить почтительное молчание., когда приходил гость, но все знали, что могут шуметь сколько угодно в то время, как глава семьи молится, потому что в это время он ничего не слышит; однажды случилось даже так, что ему не помешал и пожар, вспыхнувший в его доме.

Бывает, что мы находимся в обществе людей, поглощенных горячим и безысходным спором. Мы не можем уйти, не вызвав еще большего беспорядка, но что мы можем, так это мысленно выключиться, обернуться ко Христу и сказать: "Я знаю, что Ты здесь, — помоги!" И просто оставаться со Христом. Если бы это не звучало так абсурдно, можно бы сказать: сделайте, чтобы Христос присутствовал среди спора. Объективно Он присутствует всегда, но есть разница между присутствием объективным и таким, когда актом веры мы вводим Его в определенную ситуацию. Сделать ничего нельзя, кроме того, чтобы сидеть в стороне и просто быть со Христом, предоставляя другим говорить. Его присутствие сделает больше, чем все, что мы могли бы сказать. И так, спокойно и в безмолвии оставаясь со Христом, мы неожиданно заметим, что можем время от времени сказать что-то существенное, что было бы невозможно в пылу спора.

Параллельно с дисциплиной умственной мы должны научиться иметь мирное тело. На всякую нашу психическую деятельность отзывается тело, и, с другой стороны, наше телесное состояние в известной степени определяет тип и характер нашей психической деятельности. В своих советах желающим приступить к духовной жизни Феофан Затворник говорит, что одно из непрременных условий успеха — никогда не допускать телесного размягчения; будьте, как струна скрипки, настроенная на определенную ноту, без расслабления или перенапряжения; держите тело выпрямленным, плечи отведенными назад, посадка головы пусть будет свободной, все мышцы держите напряженными к сердцу.

Многое написано и сказано о том, как можно пользоваться телом, чтобы развить в себе способность к вниманию; но на общедоступном уровне совет Феофана представляется простым, точным и практическим. Надо научиться быть собранным без напряжения. Мы должны владеть своим телом так, чтобы оно не мешало нашей собранности, а способствовало ей.

Богомыслие — деятельность мысли, тогда как молитва — это отвержение всякой мысли. По учению восточных Отцов, даже к благочестивым мыслям и самым глубоким и возвышенным богословским рассуждениям, если они возникают во время молитвы, следует относиться как к искушению и отгонять их; ибо, говорят Отцы, безрассудно думать о Боге и забывать, что находишься в Его присутствии. Все духовные наставники Православия предостерегают нас от подмены этой встречи с Богом размышлениями о Нем. Молитва по существу своему — стояние перед Богом лицом к лицу, с сознательным желанием быть собранным и совершенно спокойным и внимательным в Его присутствии; это означает стоять с неразделенным умом, неразделенным сердцем и неразделенной волей в присутствии Господа; и это нелегко. Что бы ни давала нам наша тренировка, всегда остается некая уязвимость: неразделенность может быть достигнута только тем, для того любовь Божия составляет все, кто разорвал всякие узы, кто целиком отдал себя Богу; тогда нет больше личного усилия, но только действие лучезарной благодати Божией.

Бог всегда должен быть средоточием нашего внимания, ибо собранность наша может оказаться подмененной самыми различными путями: когда наша молитва вызвана глубокой скорбью, нам кажется, что все наше существо обратилось в молитву, и мы воображаем, будто пребываем в состоянии глубокой, подлинной молитвенной собранности, но это неверно, потому что средоточием нашего внимания был не Бог; им был предмет нашей молитвы. Когда мы затронуты эмоционально, посторонние мысли не возникают, потому что мы полностью поглощены тем, о чем молимся; и только когда мы переходим к молитве о другом человеке или другой нужде, наше внимание внезапно рассеивается; это означает, что не мысль о Боге, не ощущение Его присутствия было причиной такой сосредоточенности, а наше человеческое участие. Это не значит, что человеческое участие неважно, но это значит, что мысль о друге может сделать больше, чем мысль о Боге. А это очень серьезно.

Одна из причин, почему мы находим, что так трудно быть внимательными, заключается в том, что наш акт веры, когда мы утверждаем "Бог здесь", слишком мало значит для нас. Мы мысленно сознаем, что Бог здесь, но не отзываемся на это физически так, чтобы сосредоточились и собрались в одном фокусе все наши силы, помышления, чувства и воля, чтобы мы обратились целиком во внимание. Если мы готовимся к молитве при помощи процесса воображения — "Христос здесь, вот каков Он, вот что я о Нем знаю, вот что Он для меня значит..." — то чем богаче образ, тем менее реально присутствие. Мы можем получить от этого помощь для некоторой эмоциональной сосредоточенности, но это не Божие присутствие, не реальное, объективное присутствие Бога.

Ранние Отцы и вся православная традиция учат нас, что мы должны усилием воли сосредоточиваться на произносимых словах молитвы. Мы должны произносить их внимательно, по существу, не стараясь вызвать никакого эмоционального состояния и предоставляя Богу пробудить в нас такой отклик, на который мы способны.

Святой Иоанн Лествичник предлагает простой способ научиться сосредоточенности. Он говорит: выбери молитву, "Отче наш" или любую другую, встань перед Богом, проникнись сознанием, где ты находишься и что делаешь, и внимательно произнеси слова молитвы. Через некоторое время заметишь, что мысли твои блуждают, тогда снова начни молиться с тех слов, которые последними произнес внимательно. Может быть, тебе придется сделать это десять, двадцать или пятьдесят раз; может быть, за время, отведенное для молитвы, ты сможешь произнести всего три прошения и дальше не двинешься; но в этой борьбе ты сумеешь сосредоточиться на словах, так, что принесешь Богу серьезно, трезвенно, благоговейно слова молитвы, в которых участвует сознание, а не приношение, которое не твое, потому что сознание твое в нем не участвовало.

Иоанн Лествичник советует также читать избранную нами молитву не спеша, равномерно, достаточно медленно, чтобы заключить внимание в слова, но не так

медленно, чтобы это упражнение стало скучным; и делать это, не стараясь испытать какие бы то ни было чувства, потому что цель наша — отношения с Богом: приходя к Богу, мы никогда не должны стараться выдавить из своего сердца какие-то эмоции; молитва — это констатация, все остальное зависит от Бога.

При таком методе обучения молитве отводится определенное время, и если молитва внимательна, то продолжительность этого времени значения не имеет. Если вы должны были прочитать три страницы молитвенного правила, а через полчаса увидите, что все еще читаете первые двенадцать слов, это, конечно, вызовет у вас чувство обескураженности; поэтому лучше всего иметь определенное время и держаться его. Вы знаете, каким временем располагаете, и у вас есть молитвенный материал, которым вы должны пользоваться; если вы будете бороться всерьез, то очень скоро заметите, что внимание стало покорным, ибо внимание гораздо больше поддается воздействию воли, чем мы думаем; и когда мы совершенно точно знаем, что ничего другого не остается, это должно быть двадцать минут, а не четверть часа, то просто продолжаем упорно бороться. Святой Иоанн Лествичник воспитал десятки монахов только этим простым методом: строго определенное время и беспощадное внимание — больше ничего.

Внешняя красота богослужения не должна увлекать нас до забвения о том, что в Православии трезвенность — очень существенное свойство молитвы. В "Откровенных рассказах странника" сельский священник дает очень важный совет о молитве: если хочешь, чтобы твоя молитва была чистой, правильной и радостной, выбери какую-нибудь краткую молитву, состоящую из не многих, но сильных слов, и повторяй ее часто, в течение долгого времени. Тогда обретешь в молитве утешение. Ту же мысль можно найти в "Письмах брата Лаврентия": "Не советую тебе многословить в молитве, так как многословие и длинные речи часто ведут к рассеянности".

Отца Иоанна Кронштадтского спросили, каким образом священники, несмотря на весь свой опыт, бывают рассеянными и допускают посторонние мысли даже при совершении литургии. Ответ был: "От нашего маловерия". У нас недостаточно веры, если понимать веру вместе с апостолом Павлом как *уверенность в невидимом* (Евр. 11:1). Но было бы ошибочно думать, что все рассеивающие мысли приходят из наших собственных глубин: это наша непрестанная внутренняя озабоченность, выступающая на поверхность, те самые мысли, которые обычно заполняют нашу жизнь; и единственный способ окончательно избавиться от недостойных мыслей — это коренным образом изменить все наше отношение к жизни. И снова, как пишет брат Лаврентий в восьмом письме, "единственный способ легко собирать свой ум во время молитвы и хранить его более спокойным — это не допускать его блуждать в другое время; ты должен строго держать его в присутствии Божию, и, привыкнув думать о Боге часто, ты найдешь легким удерживать свой ум спокойным во время молитвы, или, по крайней мере, возвращать его из его блужданий".

До тех пор, пока нас глубоко затрагивают все будничные мелочи, мы не сумеем молиться от всего сердца; они всегда будут окрашивать течение наших мыслей. То же самое следует сказать о наших ежедневных взаимоотношениях с людьми: эти взаимоотношения не должны состоять только из пустой болтовни, но основываться на том, что в каждом из нас является существенным, иначе мы можем оказаться не в состоянии подняться на другой уровень, когда повернемся к Богу. Надо искоренять все незначительное и мелочное в себе и в своих отношениях с людьми и сосредоточиться на том, что сможем взять с собой в вечность.

Невозможно стать другим человеком сразу же с того момента, как мы начинаем молиться. Но, внимательно наблюдая за своими мыслями, можно постепенно научиться различать их ценность. Во время молитвы неудержимо прорываются те мысли, в которые мы бываем погружены в нашей повседневной жизни. Молитва, со своей стороны, изменяет и обогащает нашу повседневную жизнь, становясь основанием для новых и подлинных взаимоотношений с Богом и окружающими нас людьми.

В нашей борьбе за молитву эмоции не имеют почти никакого отношения к делу: принести Богу мы должны полную, твердую решимость быть верными Ему и устремленность к тому, чтобы Бог жил в нас. Мы должны помнить, что плоды молитвы — не то или иное эмоциональное состояние, но глубокое изменение всего нашего существа. Цель наша — стать способными стоять перед Богом, сосредоточиваться на Его присутствии, обращая к Нему все наши нужды, и принять от Него крепость, силу для того, чтобы воля Божия исполнилась в нас. Исполнение в нас воли Божией — единственная цель молитвы, а также и критерий истинной молитвы. Не мистические чувства, которые мы можем испытывать, и не эмоциональные переживания составляют достоинство молитвы. Феофан Затворник говорит: вы спрашиваете себя, хорошо ли я сегодня молился? Не старайтесь выяснить, насколько глубокими были ваши чувства или насколько вы углубились в понимание вещей божественных. Спросите себя: "Лучше ли я исполняю волю Божию, чем раньше?" И если вы можете ответить "да", молитва принесла свой плод, если же нет, она не принесла плода, сколько бы понимания и чувства вы ни вынесли из времени, проведенного в присутствии Божиим.

Собранность, будь то в богомыслии или молитве, может быть достигнута только усилием воли. Наша духовная жизнь опирается на нашу веру и решимость, а всякая непредвиденная радость — это дар Божий. Когда преподобного Серафима Саровского спросили, отчего некоторые люди остаются грешниками и никогда не исправляются, тогда как другие становятся святыми и живут в Боге, он ответил: все дело в решимости.

Наши действия должны определяться актом воли, которая обычно оказывается обратной тому, к чему мы стремимся; эта воля, основанная на нашей вере, постоянно сталкивается с другой нашей влей — инстинктивной. В нас две воли: одна — сознательная, которой мы обладаем в большей или меньшей мере, заключающаяся в способности принуждать себя поступать в соответствии с нашими убеждениями; вторая — это нечто совсем иное в нас, это влечения, требования, страстные желания всего нашего естества, очень часто противоположные первой воле. Апостол Павел говорит о двух законах, противоборствующих один другому (Рим. 7:23). Он говорит о ветхом и новом Адаме в нас, которые ведут между собой войну. Мы знаем, что один должен умереть для того, чтобы жил другой, и должны понять, что наша духовная жизнь, жизнь всего нашего человеческого существа до тех пор не будет полноценной, пока эти две воли не станут согласны между собой. Недостаточно стремиться к победе доброй воли над злой; злая воля, то есть влечения нашего падшего естества, должна полностью, хотя и постепенно, преобразоваться в устремление, влечение к Богу, жажду Бога. Это борьба тяжелая, но она того стоит.

Духовная жизнь, христианская жизнь не заключается в том, чтобы развивать сильную волю, способную принудить нас делать то, чего мы не хотим. В каком-то смысле, разумеется, научиться поступать правильно, когда нам хочется поступать совсем по-другому, — это достижение, но достижение все же небольшое. Зрелая духовная жизнь — это такая жизнь, когда наша сознательная воля находится в согласии со словами Божьими, когда она с помощью Божией благодати преобразовала, изменила нашу природу так глубоко, что все наше человеческое существо стало единой волей. Начать надо с того, чтобы подчинить и склонить свою волю в послушание заповедям Христовым, принимая их объективно и выполняя совершенно точно, даже когда они расходятся с тем, что мы знаем о жизни. Актом веры, вопреки всякой очевидности, мы должны согласиться, что Христос прав. Опыт учит нас, что некоторые вещи, по-видимому, происходят не так, как они должны бы происходить согласно Евангелию; но Бог говорит, что это так, — значит, так и должно быть. Следует также помнить, что, выполняя волю Божию в таком объективном смысле, мы не должны делать это "на пробу", намереваясь испытать ее, чтобы посмотреть, что получится, — потому что тогда именно ничего и не получается. Опыт показывает, что, когда мы получаем пощечину, нам хочется отомстить; Христос говорит: "подставь другую щеку". И когда мы, наконец, решимся подставить другую

щеку, мы в действительности ожидаем, что покорим этим врага и вызовем его восхищение. Но если вместо того мы получаем новую пощечину, мы обычно очень удивляемся или возмущаемся, словно Бог вовлек нас в дело совершенно неосуществимое.

Мы должны перерасти такое отношение, быть готовыми выполнять Божию волю и платить за это сполна. Если мы не готовы платить, мы только теряем время попусту. Затем надо сделать следующий шаг и понять, что делать еще недостаточно, потому что мы должны не муштрой втискивать себя в христианство, а должны **стать христианами**; в процессе выполнения воли Божией мы должны научиться понимать намерения Божии. Христос открыл нам Свои намерения, и не случайно в Евангелии от Иоанна Он называет нас уже не рабами, а друзьями, потому что раб не знает намерений своего господина, а Он все сказал нам (Ин. 15:15). Исполняя волю Божию, мы должны учиться понимать, что означает это исполнение, так, чтобы в своих мыслях воле, во всем своем отношении к жизни стать соработниками Христу (1 Кор. 3:9). И в таком единомыслии с Ним мы постепенно внутренне станем тем, чем стараемся быть внешне.

Мы видим, что не можем глубоко приобщиться к жизни Бога, если не изменимся коренным образом. Необходимо поэтому идти к Богу для того, чтобы Он преобразил и изменил нас, и вот почему мы должны прежде всего просить об обращении. Обращение (лат. *conversio*) означает поворот, изменение ума. Греческое слово *metanoia* означает изменение ума. Обращение в смысле *conversio* означает, что вместо того, чтобы растрчивать жизнь, глядя во все стороны, мы станем держаться одного-единственного направления. Это значит отвернуться от множества вещей, которые имели цену для нас только потому, что были нам приятны или полезны. Обращение проявляется прежде всего в изменении нашей шкалы ценностей: когда в центре всего Бог, все остальное становится на новые места, получает новую глубину. Все, что Божие, все, что принадлежит Ему — положительно и реально. Все, что вне Его, не имеет ни ценности, ни значения. Но простое изменение взгляда на вещи еще нельзя называть обращением. Мы можем изменить свои взгляды и не пойти дальше; за этим обязательно должен последовать акт воли, и если наша воля не придет в движение и не изменит своей направленности, обратившись к Богу, то обращения нет; без этого в нас есть лишь зарождающаяся, но дремлющая и бездейственная перемена. Совершенно очевидно, что недостаточно смотреть в правильном направлении и не двигаться с места. Угрызения совести нельзя принимать за раскаяние; раскаяние состоит не в том, чтобы испытывать "ужаснейшее сожаление" по поводу неправильных поступков в прошлом: это активное, положительное состояние, заключающееся в том, чтобы идти в правильном направлении. Это очень ясно показано в притче о двух сыновьях (Мф. 21:28), которых отец послал работать в своем винограднике. Один сказал "иду" — и не пошел. Другой ответил "не пойду", но потом устыдился и пошел работать. Это было подлинное раскаяние, и мы никогда не должны обольщаться, воображая, что сожаление о своем прошлом есть акт покаяния. Конечно, это часть его, но покаяние остается нежизненным и бесплодным, пока оно не приведет нас к исполнению воли Отчей. Мы склонны думать, что оно должно сводиться к прекрасным чувствам, и очень часто удовлетворяемся эмоциями вместо подлинного, глубокого внутреннего изменения.

Как часто, обидев кого-нибудь и поняв, что мы были не правы, мы идем к обиженному и говорим о своем раскаянии и после взволнованных объяснений, слез, прощания и трогательных слов уходим с чувством, что сделали все возможное. Мы плакали вместе, мы помирились, и теперь все в порядке. Но это отнюдь не так. Мы просто насладились своими добродетелями, а другой человек, быть может, добросердечный и способный легко растрогаться, откликнулся на нашу эмоциональную сцену. Это — что угодно, только не обращение. Никто не просит нас проливать слезы и искать трогательной встречи с жертвой нашей жестокости, даже если эта жертва — Бог. Ожидается от нас совсем другое: чтобы, поняв свою неправоту, мы ее исправили.

Но на этом обращение не кончается; оно должно вести нас дальше, по пути, который делает нас иными. Обращение начинается, но никогда не заканчивается. Это нарастающий процесс, в ходе которого мы все более и более становимся тем, чем должны быть, до тех пор, когда после дня судного категории падения, обращения и праведности не исчезнут и не заменятся новыми категориями новой жизни. Христос говорит: *Се, творю все новое* (Откр. 21:5).

Молиться можно везде и всюду, но есть места, где молитва находит естественную для нее атмосферу; места эти — храмы, во исполнение обетования: *Я обрадую их в Моем доме молитвы* (Ис. 56:7).

После того, как храм освящен, он становится жилищем Божиим. Здесь Бог присутствует иначе, чем во всем остальном мире. В мире Он присутствует как пришлец, как странник, проходящий от двери к двери, не имея, где приклонить голову; Он идет как Владыка мира, отвергнутый миром, изгнанный из Своего царства и вернувшийся в него, чтобы спасти Свой народ. В храме же Он — у Себя дома; Он не только Творец и Господин по праву, — здесь Его и признают Творцом и Господом. Вне храма Он действует, когда может и как может; внутри храма Он во всей Своей власти и силе, и уже от нас зависит приходить к Нему.

Когда мы строим храм или высвобождаем особое место для молитвы, мы совершаем нечто выходящее далеко за рамки видимого значения этого факта. Вся земля, Богом созданная, стала ареной человеческого греха: тут действует диавол, тут ведется непрестанная борьба; нет места на этой земле, которое не было бы запятнано кровью, страданием или грехом. Избирая на ней малое пространство, призывая в священнодействиях, сообщающих благодать, силу Самого Бога для благословения этого места, очистив его от присутствия злого духа и выделив для того, чтобы оно было подножием Божиим на земле, мы вновь отвоевываем для Бога частицу этой обесчещенной земли. Можно сказать, что храм — это место, где Царство Божие открывается и проявляется в силе. Когда мы входим в храм, мы должны сознавать, что вступаем на священную землю, место, принадлежащее Богу, и держать себя в соответствии с этим сознанием.

Иконы, которые мы видим на стенах храма, — не просто изображения или картины; икона — это средоточие реального присутствия. Святой Иоанн Златоустый советует нам перед тем, как начать молиться, встать перед иконой и закрыть глаза. Он говорит: "закрой очи твои", потому что не в рассматривании иконы, не в употреблении ее в виде наглядного пособия подается нам от нее помощь для молитвы. Это не субстанциональное/сущностное присутствие в таком смысле, как хлеб и вино становятся Телом и Кровью Христовыми. В таком смысле икона не есть Христос; но между Ним и иконой существует таинственная связь. Силой благодати икона участвует в чем-то, что лучше всего можно определить словами Григория Паламы как энергии Христа, как деятельная сила Христова, действующая для нашего спасения.

Написание иконы — это акт богопочитания. Специально выбирается и освящается доска, освящаются краски, человек, собирающийся писать икону, готовится к этому постом, исповедью, причащением. Во время работы он ведет особо воздержный образ жизни, по окончании ее икону освящают святой водой и помазывают миром (эта последняя часть освящения сейчас, к сожалению, часто опускается). Так, силою Святого Духа икона становится чем-то большим, нежели картина. Она насыщена присутствием, напоена благодатью Духа и в тайне общения святых и космического всеединства связана с тем святым, которого изображает. Причастность святого к иконе нельзя отождествлять или хотя бы сравнивать с присутствием Христа в Святых Дарах; и все же икона является средоточием реального присутствия, как опытно знает и учит Церковь. Икона — не подобие, а символ. Силой и премудростью Божией некоторые иконы выделены как чудотворные. Стоя перед ними, чувствуешь, как они сами обращаются к тебе.

Один священник служил в храме, где находится известная чудотворная икона Божией Матери, и глубоко ощущал ее действенное участие в богослужении. За многие века икона очень потемнела; с места, где он стоял, он не мог различить ее черты и продолжал служить с закрытыми глазами. Внезапно он почувствовал, что Матерь Божия на иконе как бы понуждает его молиться, направляет его молитвы, воздействует на его ум. Он почувствовал исходящую от иконы силу, которая наполняла храм молитвой и собирала рассеянные мысли. Это было почти физическое присутствие, это стояла живая личность, со властью требовавшая.

Молитвы и прошения, оставшиеся без ответа

В рассказе о хананеянке (Мф. 15:22-28) мы видим, как Христос, по крайней мере сначала, отказывается ответить на мольбу; это пример молитвы, подвергнутой чрезвычайно тяжелому испытанию. Женщина просит о чем-то совершенно справедливом, она приходит с полной верой и даже не говорит "если можешь", она просто приходит, уверенная, что Христос может, что Он захочет и что ее дитя будет исцелено. А ответ на всю эту веру — "нет". Не то чтобы молитва была недостойной или вера недостаточной, просто притворщица — не их тех людей, к которым пришел Христос: Христос пришел для евреев, а она язычница; Он пришел не для нее. Но она настаивает, говоря: "Да, я не из тех, но даже и псы едят крошки, падающие от стола господ их". И она стоит, веря в любовь Божию, несмотря на то, что говорит Бог, веря с таким смирением, вопреки Его доводам. Она даже не взывает к любви Божией, она только ссылается на ее проявление в обыденной жизни: я не имею права на целый хлеб, дай мне только немного крошек... Ясный и категорический отказ Христа испытал ее веру, и молитва ее была исполнена.

Как часто мы молим Бога, говоря: "Боже, если.., если Тебе угодно.., если Ты можешь..", подобно тому отцу, который сказал Христу: "Ученики Твои не смогли исцелить моего сына, но если что можешь, сделай" (Мк. 9:22). Христос отвечает на это другим "если": *если сколько-нибудь можешь веровать, все возможно верующему*. Тогда человек говорит: *Верую, Господи! помоги моему неверию*. Одно "если" зависит от другого, потому что, где нет веры, там и для Бога нет возможности войти в конкретную ситуацию.

Тот факт, что человек обращается к Богу, уже как будто говорит о его вере; но это так лишь до известной степени; мы верим и не верим в одно и то же время, и вера являет свою меру в преодолении собственных сомнений. Когда мы говорим: "Да, я сомневаюсь, но я верю в любовь Божию больше, чем доверяю собственным сомнениям", — тогда Бог получает возможность действовать. Но если наша вера живет законом, а не благодатью, если мы веруем, что мир — такой, каким мы его знаем, с его механическими законами, это машина, потому что Бог пожелал, чтобы он был не чем иным, как машиной, то тут нет места Богу. Однако опыт сердца, так же как и современная наука, учит нас, что нет такой вещи, как абсолютный закон, в который люди верили в девятнадцатом веке. Всякий раз, как верой вновь создается Царствие Божие, открывается возможность и для действия законов Царствия, и Бог может входить в определенную ситуацию, — входить с Его премудростью, Его умением из зла делать добро, не переворачивая, однако, при этом вверх дном весь мир. Наше "если" относится не столько к силе Божией, сколько к Его любви и Его заботе о нас; Божий ответ "если ты можешь поверить в Мою любовь, все возможно" означает, что чудо не может произойти, если не присутствует Царствие Божие — хотя бы только в зачатке.

Чудо — это не нарушение законов падшего мира, а восстановление законов Царствия Божия; чудо случается, если мы верим, что закон зависит не от силы Божией, а от Его любви. Хотя бы мы и знали, что Бог всемогущ, но пока мы думаем, что Ему до нас дела нет, чудо невозможно; сотворить чудо значило бы тогда для Бога совершить насилие над нашей волей, а этого Бог не делает, потому что в самой основе Его отношения к миру, даже и падшему, лежит абсолютное уважение к человеческой свободе и правам. Момент, когда мы говорим: "Я верю и именно потому обращаюсь к Тебе", означает: "Я верю, что

Ты этого пожелаешь, что есть любовь в Тебе, что Ты действительно печешься о каждом частном случае". Когда есть это зерно веры, устанавливаются правильные отношения, и тогда становится возможным чудо.

Кроме таких "если", которые порождаются нашим сомнением в любви Божией и потому неправильны, существует и еще вполне законная категория "если". Мы можем сказать: "Я прошу об этом, если это согласно с Твоей волей, или если это будет во благо, или если нет во мне, когда я прошу об этом, тайной лукавой мысли", и т.д. Все эти "если" более чем законны, так как они свидетельствуют о недоверии к себе; и всякая просительная молитва должна сопровождаться такой оговоркой "если".

Поскольку Церковь есть продолжение Христова присутствия во времени и пространстве, каждая христианская молитва должна быть Христовой молитвой, хотя это предполагает такую чистоту сердца, какой у нас нет. Молитвы Церкви — это Христовы молитвы, в особенности евхаристический канон, который весь — молитва Христова; но любая другая молитва, в которой мы просим о чем-то, связанном с конкретной ситуацией, всегда обусловлена таким "если". В большинстве случаев мы не знаем, о чем молился бы в данной ситуации Христос; поэтому мы добавляем "если", которое означает, что, насколько мы можем видеть, насколько мы знаем Божию волю, мы желали бы, чтобы во исполнение Его воли произошло именно это. Но "если" означает также: "Я вкладываю в эти слова свое желание, чтобы произошло самое лучшее, и поэтому Ты можешь изменить это мое прошение так, как Ты хочешь, приняв мое намерение, мое желание, чтобы совершилась Твоя воля, даже если я и неразумно выражаю, каким именно образом я хотел бы, чтобы она совершилась" (см. Рим. 8:26). Когда, например, мы молимся о чьем-либо выздоровлении или о возвращении из путешествия в определенный момент по какой-то причине, которая нам кажется существенной, подлинное наше намерение — благо этого человека; но у нас нет на этот счет ясновидения, и наши расчеты и планы могут быть ошибочными. "Если" означает: "Настолько, насколько я могу судить о том, что правильно, пусть будет так; но если я ошибаюсь, то прими не мое слово, а мое намерение". Старец Оптинский Амвросий обладал такой прозорливостью, которая позволяла ему видеть подлинное благо человека. Однажды монастырский иконописец получил большую сумму денег и собирался ехать домой. Вероятно, он молился о том, чтобы пуститься в дорогу немедленно; но старец сознательно задержал художника на три дня и таким образом спас его жизнь, так как один из работников замыслил убить его и ограбить. Когда он выехал, злодей уже покинул свою засаду, и лишь много лет спустя живописец узнал, от какой опасности спас его старец.

Иногда мы молимся о человеке, которого любим и который в чем-то нуждается, а мы не можем ему помочь. Очень часто мы не знаем, что именно нужно, не находим слов для того, чтобы помочь, даже и самому любимому. Иногда мы знаем, что ничего нельзя сделать, кроме как пребыть в молчании, хотя мы готовы жизнь свою отдать, лишь бы только помочь. В таком состоянии духа мы можем обратиться к Богу, все предать Ему и сказать: "Боже, Ты знаешь все, и любовь Твоя совершенна; возьми же эту жизнь в Твою руку, сделай то, что я жажду сделать, но не могу". И поскольку молитва — это поручительство, мы не можем истинно молиться за тех, кому мы сами не готовы помочь. Вслед за Исаией мы должны быть готовы услышать слово Господа: *Кого Мне послать? и кто пойдет для Нас?* — и ответить: *Вот я, пошли меня* (Ис. 6:8).

Многих смущает мысль о молитве за умерших; они недоумевают, в чем цель этой молитвы, чего мы надеемся достичь ею. Может ли участь умерших измениться оттого, что за них молятся, может ли молитва убедить Бога быть несправедливым и даровать им то, чего они не заслужили?

Если вы верите, что молитвы за живых помогают им, почему вы не считаете возможным молиться и за умерших? Жизнь едина, ибо, как говорит евангелист Лука, *Бог не есть Бог мертвых, но живых* (20: 38). Смерть — это не конец, но определенная стадия в человеческой судьбе, и судьба эта не застывает, как камень, в момент смерти. Любовь,

которую выражают наши молитвы, не может быть напрасной; если любовь имеет власть на земле, но не имеет власти после смерти, это трагически противоречит слову Писания о том, что *крепка, как смерть, любовь* (Песнь Песней 8:6), и опыту Церкви, который свидетельствует, что любовь сильнее смерти, ибо Христос победил смерть в Своей любви к человеческому роду. Неверно думать, что связь человека с жизнью на земле оканчивается в момент его смерти. В течение своей жизни человек сеет семена. Семена эти прорастают в душах других людей, влияют на их судьбу, и плод, родившийся из этих семян, поистине принадлежит не только тем, кто принес его, но и тем, кто сеял. Написанные или произнесенные слова, изменяющие жизнь человека или судьбы человечества — слова проповедников, философов, поэтов или политических деятелей, — остаются на ответственности тех, кому они принадлежат, ответственности как за дурные, так и за хорошие последствия. Участь этих людей неминуемо зависит от того, какое влияние они оказывают на тех, кто живет после них.

Влияние жизни каждого человека продолжается до Страшного суда, и вечная, окончательная участь человека определяется не только тем кратким временем, которое он прожил на земле, но также и результатами его жизни, ее добрыми или плохими последствиями. Те, кто, как плодородная земля, принял посеянное семя, могут оказать влияние на участь ушедших, молитвенно прося Бога благословить человека, преобразившего, изменившего их жизнь, давшего смысл их существованию. Обращаясь к Богу в акте непрекращающейся любви, верности и благодарности, они вступают в то вечное Царство, для которого нет границ времени, и могут влиять на участь и состояние ушедшего. Не несправедливости просим мы у Бога; мы молим Его не просто простить человека, несмотря на все, что он сделал дурного, но благословить его за то благо, что он сделал, о чем свидетельствуют другие жизни.

Наша молитва — это акт благодарности и любви постольку, поскольку наша жизнь есть продолжение чего-то, чем жил тот человек. Мы не просим Бога быть несправедливым и не воображаем, что у нас больше сострадания и любви, чем у Него; мы не просим Его быть более милосердным, чем Он был бы без нашей просьбы, но мы приносим на суд Божий новое свидетельство и молим, чтобы это свидетельство было принято и благословение Божие обильно низошло на того, кто так много значил в нашей жизни. И это важно понять: цель такой молитвы — не убедить Бога в чем-то, а принести свидетельство, что человек этот жил не бесплодно: не любя и не пробуждая любви.

Всякий, кто каким бы то ни было образом был источником любви, имеет защиту перед судом Божиим; но на оставшихся лежит долг принести свидетельство о том, что он для них сделал. И здесь снова дело не просто в доброжелательстве или эмоциях. Святой Исаак Сирий говорит: не своди свою молитву к словам, сделай всю свою жизнь молитвой к Богу. Поэтому если мы хотим молиться за своих усопших, жизнь наша должна подтверждать молитву. Недостаточно время от времени пробуждать в себе определенные чувства к ним и тогда просить Бога сделать что-то для них. Важно, чтобы каждое семя добра, правды, святости, посеянное ими, принесло плод, потому что тогда мы можем встать перед Богом и сказать: он посеял добро, в нем были качества, побуждающие меня поступать праведно, и эта частица добра не моя, а его, и, в каком-то смысле, она — его слава и искупление.

У Православной Церкви очень определенные взгляды на смерть и погребение. Погребальная служба начинается словами *Благословен Бог наш...*; нужно понять, как это много значит, ибо слова эти произносятся вопреки смерти, вопреки тяжелой утрате, вопреки страданию. Служба построена на основе утрени — службы славословия и света; близкие стоят с горящими свечами в руках, символом воскресения. Главная мысль службы в том, что мы действительно стоим перед лицом смерти, но смерть больше нас не пугает, когда мы смотрим на нее через Воскресение Христа.

В то же время служба передает двойственность смерти, две ее стороны. Принять смерть невозможно, она чудовищна; мы созданы для того, чтобы жить; и все же в мире,

который грехом человеческим стал чудовищным, смерть — это единственный выход. Если бы наш мир греха был зафиксирован как неизменный и вечный, это был бы ад; смерть — единственное, что позволяет земле, вместе со страданием и грехом, вырваться из этого ада.

Церковь видит обе стороны; святой Иоанн Дамаскин написал об этом с предельным, обнаженным реализмом, потому что христианин не может впасть в романтизм, когда речь идет о смерти. Умереть значит умереть, и в этом смысле, говоря о кресте, мы должны помнить, что это орудие смерти. Смерть есть смерть со всем ее трагическим уродством и чудовищностью, и все же, в конечном счете, смерть — единственное, что дает нам надежду. С одной стороны, мы жаждем жить; с другой стороны, если мы в достаточной мере жаждем жить, мы жаждем умереть, потому что в этом ограниченном мире полнота жизни невозможна. Несомненно, смерть — это тление, но тление, которое в сочетании с благодатью Божией ведет к такой мере жизни, которой иначе мы никогда не имели бы. *Смерть — приобретение*, — говорит апостол Павел (Флп. 1:21), ибо, живя в теле, мы разлучены со Христом. Когда исполнится известная мера жизни — независимо от прожитого времени, — мы должны сбросить эту ограниченную жизнь, чтобы войти в жизнь беспредельную.

Православное отпевание подчеркнуто сосредоточено вокруг открытого гроба, потому что Церковь продолжает видеть человека в его целостности, как тело и душу, о которых она одинаково заботится. Тело приготовлено к погребению; тело — это не изношенная одежда, сброшенная для того, чтобы освободилась душа, — как любят говорить благочестивые как будто люди. Тело для христианина — нечто гораздо большее; с душой не может случиться ничего, в чем не приняло бы также участия тело. Восприятие этого мира — и не только его, но и мира божественного, частично происходит через тело. Каждое таинство — дар Божий, сообщаемый душе посредством физических действий; крещальные воды, масло миропомазания, хлеб и вино причащения — все взято из материального мира. Мы не можем сделать ничего хорошего или дурного иначе, как в союзе с телом. Тело существует не только для того, чтобы душа родилась, созрела и затем ушла, покинув его; с первого дня и до последнего тело было соратником души во всем и вместе с душой составляет целостного человека. Оно навсегда остается как бы отмеченным печатью души и общей жизнью, которую они провели вместе. Связанное с душой, тело связано также через таинства с Самим Иисусом Христом. Мы причащаемся Его Крови и Тела, и таким образом тело по собственному праву соединяется с миром божественным, с которым оно соприкасается.

Тело без души — просто труп и не имеет отношения к тому, о чем здесь идет речь, а душа без тела, даже душа святого, идущая "прямо на небеса", еще не испытывает того блаженства, к которому призван человек в конце времен, когда слава Божия воссияет в душе и теле.

Как говорит святой Исаак Сирий, даже к вечному блаженству нельзя принудить человека без согласия тела. Такое высказывание о важности тела особенно поражает у св. Исаака, одного и величайших подвижников, одного из тех, о ком иные могли бы сказать, что всю свою жизнь он провел, умерщвляя тело. Но, по выражению апостола Павла, подвижники умерщвляли *тело греховное* (Рим. 6:6), чтобы из тления пожать вечность, а не убивали тело ради того, чтобы душа освободилась из плена.

Поэтому мертвое тело является предметом попечений Церкви, даже если это тело грешника; и все внимание, которое мы уделяем ему при жизни, не может сравниться с благоговением, проявляемым в погребальной службе.

Точно так же тело связано с душой и в молитвенной жизни. Каждое извращение, каждое излишество, каждая вульгарность, которым мы сами подвергаем все тело, унижают одного из членов этого содружества так, что наносят ущерб и другому. Это можно выразить иначе: унижения, которым мы подвергаемся извне, можно преодолеть молитвой; унижения, которым мы сами себя подвергаем, разрушают молитву.

Отличительная особенность христианской молитвы в том, что это молитва Христа, приносимая Его Отцу из поколения в поколение, все в новых и новых обстоятельствах, теми, кто по благодати и приобщению является присутствием Христа в этом мире; это продолжающаяся, непрестанная молитва к Богу о том, чтобы свершилась воля Божия, чтобы все происходило согласно Его мудрому и полному любви замыслу. Это означает, что наша молитвенная жизнь есть в то же время борьба против всего, что не Христово. Мы подготавливаем почву для своей молитвы всякий раз, как сбрасываем с себя что-то, что не Христово, что недостойно Его; и только молитва того, кто, как апостол Павел, может сказать: *Уже не я живу, но живет во мне Христос* (Гал. 2:20), есть подлинная христианская молитва.

Однако вместо того, чтобы молиться об исполнении воли Божией, мы часто пытаемся убедить Бога устроить все так, как нам хочется. Может ли такая молитва не быть посрамленной? Как бы хорошо мы ни молились, мы в каждую минуту должны сознавать, что можем ошибаться в самых лучших своих чувствах и мыслях. Как бы искренни, как бы правдивы ни были наши намерения, какими бы совершенными они нам ни казались, каждая молитва может в какой-то момент пойти по неправильному пути, и потому, когда мы сказали Богу все, что собирались, надо добавить, как Христос в саду Гефсиманском: *Впрочем, не как Я хочу, но как Ты* (Мф. 26:39). С такой же настроенностью мы можем прибегать и к предстательству святых: мы приносим им свои благие намерения, но предоставляем им самим сформулировать наши желания в соответствии с волей Божией, которая им ведома.

Просите и дано будет вам (Мф. 7:7). Слова эти — камень преткновения для христианского сознания; мы не можем ни принять их, ни отвергнуть. Отвергнуть их значило бы отказаться от бесконечной Божией доброты, но мы еще не в достаточной мере христиане для того, чтобы их принять. Мы знаем, что отец не подаст камня вместо хлеба (Мф. 7:9), но на самих себя не смотрим как на детей, которые не признают своих подлинных нужд и не знают, что для них хорошо, а что плохо. Между тем именно в этом заключается объяснение, почему столько молитв остается без ответа. Его можно найти также в словах святого Иоанна Златоустого: "Не огорчайся, если не получаешь сразу того, о чем просишь: Бог хочет даровать тебе большее благо через твое постоянство в молитве".

"Может быть, молчание Бога — это всего лишь трагический аспект нашей собственной глухоты?"

Истинно также говорю вам, что если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то, чего бы ни попросили, будет им от Отца Моего Небесного (Мф. 18:19). Это утверждение иногда используют как камень, которым бросают в христиан, потому что очень часто несколько человек усердно молятся вместе о чем-то и все же не получают просимого. Но возражения рушатся, как только мы поймем, что это "вместе" было чисто земным, согласие — простой коалицией, а не единством, и вера в то, что Бог может сделать все, что захочет, понималась так, как понимали это друзья, утешавшие Иова.

Кажущаяся неправда слов *все, чего ни попросите в молитве с верою, получите* (Мф. 21:22) находит ответ в гефсиманской молитве Христа, а также отчасти у апостола Павла (Евр. 11:36-40): *Другие испытали поругания и побои, а также узы и темницу. Были побиваемы камнями, перепиливаемы, подвергаемы пытке, умирали от меча, скитались в милотах и козых кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления; те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли. И все сии, свидетельствованные в вере, не получили обещанного, потому что Бог предусмотрел о нас нечто лучшее, дабы они не без нас достигли совершенства.*

Без сомнения, во всех этих обстоятельствах эти люди очень много молились, — молились, быть может, не об избавлении, ибо они готовы были жизнь свою положить за Бога, но о помощи; и все же им не было дано всего, чего они могли ожидать. Когда Бог видит, что у нас достаточно веры, чтобы выдержать Его молчание или чтобы принять муки — нравственные или физические — для большей полноты свершения Его Царствия,

Он может молчать, и ответ на молитву будет дан лишь в конце концов, но совершенно иначе, чем мы этого ожидали.

Апостол Павел говорит (Евр. 5:7), что молитва Христа в Гефсиманском саду была услышана и Бог воздвиг Его из мертвых. Он говорит здесь не о непосредственном ответе Бога, Который мог бы пронести чашу мимо, о чем и молил Христос, но о том, что Бог дал Христу силу принять Его волю, пострадать, совершить дело Свое, и именно абсолютность Его веры дала возможность Богу сказать "нет". Но эта же абсолютность веры Христа сделала возможным, что мир был спасен.

Многие из наших молитв — молитвы просительные, и люди склонны думать, что прошение — это низшая степень молитвы; затем следует благодарение, затем славословие. На самом же деле как раз благодарность и хвала — выражение менее глубоких взаимоотношений. На нашем уровне полуверы легче возносить славословия или благодарить Бога, чем доверять Ему настолько, чтобы просить Его о чем-то с верой. Даже люди полуверующие могут обратиться к Богу с благодарностью, когда случится что-то для них приятное; и бывают такие минуты приподнятости, когда каждый способен петь Богу. Но гораздо труднее иметь такую нераздельную веру, чтобы просить Бога всем сердцем и всем помышлением с полным доверием. Не надо смотреть пренебрежительно на просительные молитвы, потому что способность приносить их — это испытание реальности нашей веры.

Когда мать сыновей Зеведеевых пришла просить Христа два лучших места в раю для своих сыновей, она пришла с полной верой, что Господь может дать то, о чем она просит; но она думала, что Христос властен исполнить ее просьбу просто по праву хозяина поступать, как Он захочет, а это не соответствовало Его учению: *Суд Мой праведен, ибо не ищу Моей воли, но воли пославшего Меня Отца* (Ин. 5:30). Мать сыновей Зеведеевых ожидала, что Господь по Своему произволу исполнит ее желание, окажет ей особую милость потому, что она первая пришла просить об этом. Отказ Христа подчеркнул, что то, о чем мать просила, было бы положением, обусловленным гордостью, тогда как все Царство основано на смирении. Молитва матери определялась ветхозаветным отношением к пришествию Мессии.

Иисусова молитва

Те, кто читал "Откровенные рассказы странника", знакомы с выражением "Иисусова молитва". Так называется краткая молитва: *Господи, Иисусе Христе, Сын Божий, помилуй мя, грешного*, повторяемая непрерывно. "Рассказы странника" — это повествование о человеке, который хотел научиться молиться непрерывно (1 Фес. 5:17). Но поскольку человек, чей опыт передан в этой книге, был странником, многие его психологические особенности, а также тот способ, каким он научился молитве и как употреблял ее, обусловлены именно его образом жизни, и это делает книгу менее общезначимой, чем она могла бы быть; и все же она — наилучшее введение к этой молитве, которая представляет собой одно из величайших сокровищ Православной Церкви.

Эта молитва глубоко коренится в духе Евангелия, и не напрасно великие учителя Православия всегда подчеркивали, что молитва Иисусова заключает в себе всю суть Евангелия. Вот почему молитвой Иисусовой во всей ее полноте может молиться только тот, кто принадлежит Евангелию, кто действительно член Церкви Христовой.

Все Евангельское благовестие, и более того — вся реальность Евангелия заключается в имени, в личности Иисуса. Если вы возьмете первую часть молитвы, вы увидите, как она выражает нашу веру в Господа: *Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий*. В самом сердце молитвы мы находим имя Иисусово; это имя, перед Которым *преклонится всякое колено* (Ис. 45:23), и когда мы произносим его, мы утверждаем историческое событие Воплощения. Мы утверждаем, что Бог, Слово Божие, собезначальное Отцу, стало человеком и что в Его личности полнота Божества обитала среди нас телесно (Кол. 2:9).

Для того, чтобы в галилеянине, в пророке израильском увидеть воплотившееся Слово Божие, Бога, ставшего человеком, мы должны быть водимы Духом, ибо и Воплощение Христа и то, что Он есть Господь, открывается нам только Духом Божиим. Мы называем Его Христом и тем самым утверждаем, что в Нем исполнились ветхозаветные пророчества. Говоря, что Иисус есть Христос, мы признаем, что вся история Ветхого Завета — наша, что мы принимаем ее как истину Божию. Мы называем Его Сыном Божиим, ибо знаем, что Мессия, Которого ждали иудеи, человек, которого Вартимей называл Сыном Давидовым, есть воплотившийся Сын Божий. В этих словах заключено вкратце все, что мы знаем, все, во что мы верим об Иисусе Христе на основании Ветхого и Нового Завета и многовекового опыта Церкви. В этих нескольких словах мы произносим полное и совершенное исповедание нашей веры.

Но недостаточно исповедовать так свою веру, недостаточно верить. Бесы также веруют и трепещут (Иак. 2:19). Веры недостаточно, чтобы осуществилось спасение, она должна привести к правильному отношению с Богом; итак, исповедав во всей полноте, точно и ясно, нашу веру во Христа как Господа и как личность, веру в Его историчность и Божественность, мы ставим себя перед Ним лицом к лицу в правильном сознании: *Помилуй меня, грешного!*

Это слово — *помилуй* — употребляется во всех христианских Церквях, а в Православии это ответ народа на прошения, произносимые священником. Греческое слово, которое мы находим в Евангелии и ранних литургиях — "элеисон", того же корня, что "элеон", обозначающее оливково дерево и его масло. Если мы просмотрим весь Ветхий и Новый Завет, отыскивая все места, связанные с этим основным понятием, мы встретим его в целом ряде разнообразных притчей и событий, позволяющих полностью понять значение слова. Образ оливкового дерева мы находим в книге Бытия. После потопа Ной посылал птиц, чтобы выяснить, есть ли суша, и одна из них, голубь — и не случайно именно голубь — вернулась с маленькой оливковой веточкой. Эта веточка была для Ноя и всех находившихся с ним в ковчеге вестью, что гнев Божий престал и что Бог дает человеку возможность начать все заново. Все, кто находится в ковчеге, могут снова поселиться на твердой земле, попытаться жить по-новому и никогда больше, если только сумеют, не подвергаться гневу Божию.

В новозаветной притче о милосердном самарянине оливковое масло возливается для того, чтобы облегчить боль и исцелить раны. В помазании царей и священников в Ветхом Завете опять же на голову их возливается масло в знак благодати Божией, которая нисходит и изливается на них (Пс. 132:2), давая им новую силу совершать то, что вне человеческих способностей. Царь должен стоять на пороге между волей людей и волей Божией, он призван вести свой народ к исполнению Божией воли; священник также стоит на этом пороге, чтобы провозглашать волю Божию и даже больше: чтобы действовать за Бога, возвещать повеления Божии и осуществлять Божии решения.

Масло говорит прежде всего о прекращении гнева Божия, о мире, который Бог предлагает людям, согрешившим против Него; оно говорит, далее, об исцелении нас Богом для того, чтобы мы могли жить и стать тем, чем призваны быть; и так как Он знает, что мы не способны своей собственной силой исполнить ни Его волю, ни законы нашей тварной природы, Он обильно изливает на нас Свою благодать (Рим. 5:20). Он дает нам силу на то, чего иначе мы не могли бы делать.

Слова "милость" и "помилуй" по-славянски — того же корня, что и слова, выражающие нежность, умиление; и когда мы произносим эти слова — *have mercy on us, помилуй*, мы просим Бога не только избавить нас от Его гнева, — мы просим о любви.

Если мы вернемся к словам Иисусовой молитвы — *Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня, грешного*, то увидим, что первые слова точно и полно выражают евангельскую веру во Христа, историческое воплощение Слова Божия; а конец молитвы выражает все многогранное богатство взаимоотношений любви, существующих между Богом и Его тварью.

Молитва Иисусова известна множеству православных как молитвенное правило или как добавление к нему, как одна из форм поклонения, возможность мгновенной молитвенной сосредоточенности, доступная в любую минуту, при любых обстоятельствах.

Многие писали о физических аспектах молитвы, дыхательных упражнениях, внимании к биению сердца и целом ряде других, менее значительных черт. Добротолубие полно подробных указаний о сердечной молитве, даже со ссылками на технические приемы, разработанные суфизмом. Древние и современные Отцы занимались этой темой и всегда приходили к одному выводу: никогда нельзя браться за физические упражнения без неукоснительного руководства со стороны духовного отца.

Но что доступно всем, что даровано Богом — это сама молитва, повторение слов без какого-либо физического усилия, даже без движений языка, молитва, которой должно пользоваться систематически для того, чтобы достичь внутреннего преобразования. Больше, чем какая-либо другая молитва, Иисусова молитва направлена к тому, чтобы поставить нас в Божие присутствие без всякой мысли, кроме сознания того чуда, что мы здесь и Бог с нами, потому что, когда мы молимся Иисусовой молитвой, то нет ничего и никого, кроме Бога и нас.

Молитва Иисусова употребляется двояко: это такой же акт богочитания, как и всякая другая молитва, а на уровне аскетическом это фокус, собирающий внимание воедино и позволяющий хранить его в присутствии Божиим.

Эта молитва — очень добрый спутник, дружелюбный, всегда близкий и вполне личный, несмотря на кажущуюся однообразность при ее повторении. В радости или горе она, когда станет привычной, является силой, оживотворяющей душу, всегда готовым откликом на любой Божий призыв. Слова святого Симеона Нового Богослова применимы ко всему ее действию на нас: "Остальное же, что бывает при этом, узнаешь после".

Трудническая молитва

Когда мы правильно настроены, когда сердце полно благоговения, когда уста говорят от избытка сердца (Лк. 6:45), тогда молитва не составляет проблемы, мы свободно говорим Богу слова, которые нам ближе всего. Но если бы мы оставили свою молитвенную жизнь на произвол своих настроений, то, вероятно, время от времени молились бы горячо и искренне, но на долгие периоды теряли бы всякий молитвенный контакт с Богом. Большое искушение — отложить молитву до того момента, когда в нас пробудится живое чувство к Богу, и считать неискренней всякую молитву и всякое обращение к Богу в другое время. Все мы по опыту знаем, что в нас живет множество чувств, которые не проявляют себя во всякую минуту нашей жизни; болезнь или горе заслоняют их от нашего сознания. Даже когда мы глубоко любим, бывают периоды, когда мы не ощущаем этого и все же знаем, что любовь живет в нас. То же самое бывает и с нашим отношением к Богу; по разным причинам, внутренним или внешним, нам временами бывает трудно сознавать, что мы верим, надеемся, что мы действительно любим Бога. В такие моменты мы должны поступать, руководствуясь не чувством, а знанием. Мы должны верить в то, что есть в нас, даже если и не видим в себе этого в данный момент. Мы должны помнить, что любовь жива, хотя она и не наполняет наше сердце радостью или вдохновением. И мы должны стоять перед Богом, помня, что Он всегда любит, всегда присутствует, несмотря на то, что мы сейчас этого и не чувствуем.

Когда мы холодны и сухи, когда нам кажется, что молитва наш неискренняя и мы выполняем ее только по заведенному порядку — как нам поступить? Не лучше ли перестать молиться, пока молитва снова не оживет? Но как мы узнаем, что время настало? Большая опасность — соблазниться желанием совершенства в молитве, когда мы еще так далеки от него. Когда молитва суха, мы должны вместо того, чтобы отступить, совершить акт большей веры и продолжать. Мы должны сказать Богу: "Я выдохся, я не могу молиться по-настоящему; прими, Господи, этот унылый голос и слова молитвы и помоги

мне". Принесем в своей молитве количество, если мы не в состоянии принести качество. Конечно, лучше произнести только два слова "Отче наш..." со всей глубиной их понимания, чем повторить Молитву Господню двенадцать раз; но именно к этому мы и бываем иногда неспособны. "Количественная" молитва не означает, что надо произносить больше слов, чем обычно; это означает — сохранять свое обычное молитвенное правило, приняв тот факт, что это всего лишь известное количество повторяемых слов и ничего больше. Как говорят Отцы, Святой Дух присутствует всегда там, где есть молитва, и, по апостолу Павлу, *никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым* (1 Кор. 12:3). Когда придет время, Святой Дух наполнит молитву верную и терпеливую смыслом и глубиной новой жизни. Когда мы стоим перед Богом в такие моменты уныния или оставленности, надо употребить усилие воли, надо молиться по убеждению, если не из чувства; молиться верой — о которой мы знаем, что она у нас есть, разумом, если не пламенным сердцем.

В такие моменты молитва звучит совершенно иначе, но для нас, а не для Бога; как говорит Юлиания Норичская, "молись внутренне, хотя ты и думаешь, что это не приносит тебе утешения, ибо это полезно, хотя ты ничего не чувствуешь, хотя ты ничего не видишь, и даже думаешь, что не можешь молиться. Ибо в сухости и скудости, в болезни и немощи молитва твоя весьма приятна Мне, даже если ты думаешь, что она не приносит тебе утешения, — и такова в очах Моих всякая твоя молитва, совершаемая с верою" ("Облако непознаваемого").

В такие периоды сухости, когда молитва становится усилием, главная наша опора — верность и решимость; актом воли, в котором соединяется и то и другое, не обращая внимания на свои чувства, мы принуждаем себя встать перед Богом и говорить с Ним, просто потому, что Он — наш Бог, а мы — Его создание. Что бы мы ни чувствовали в тот или иной момент, наше положение от этого не меняется: Бог остается нашим Создателем, нашим Искупителем, нашим Господом; Он — Тот, к Кому мы идем, Кого жаждем, и единственный, Кто может дать нам полноту.

Иногда мы думаем, что недостойны молиться и не имеем даже права молиться; это, опять-таки, искушение. Каждая капля воды, откуда бы она ни была, — из лужи или из океана — очищается в процессе испарения; так и каждая молитва, восходящая к Богу. Чем более мы себя чувствуем оставленными, тем необходимее молиться; именно это, вероятно, испытал однажды отец Иоанн Кронштадтский, когда он молился, а дьявол смотрел на него и бормотал: "Лицемер, как ты смеешь молиться с твоим гнусным умом, полным мыслей, которые я в нем вижу?" — и ответил: "Именно потому, что мой ум полон мыслей, которые мне противны и с которыми я борюсь, я и молюсь Богу".

Будь то молитва Иисусова или любая другая употребляемая Церковью молитва, люди часто говорят: какое я имею право ею пользоваться? Могу ли я произносить эти слова как свои собственные? Когда мы пользуемся молитвами, которые написаны святыми, подвижниками молитвы, и являются плодом их опыта, можно быть уверенными, что если мы достаточно внимательны, то слова молитвы станут нашими собственными, мы вживемся в чувство, породившее их, и они преобразят нас благодатью Бога, отзывающегося на наши усилия. С молитвой Иисусовой дело, в каком-то смысле, проще, ибо чем хуже наше состояние, тем легче нам понять, что, став перед Богом, мы можем сказать только одно: *помилуй!*

Чаще, чем мы, может быть, сами себе в этом признаемся, мы молимся в надежде на таинственное озарение, в надежде, что с нами что-то случится, в надежде испытать какое-то захватывающее переживание. Это ошибка, такая же ошибка, какую мы совершаем иногда в наших отношениях с людьми и которая практически может полностью разрушить эти отношения: мы приближаемся к человеку и заранее ожидаем ответа определенного рода; когда же ответа нет или ответ не тот, какого мы ожидали, мы разочаровываемся или отталкиваем этот ответ. Точно так же, когда мы молимся, мы должны помнить, что Господь Бог, допускающий нас свободно в Свое присутствие, и Сам

свободен по отношению к нам; это не значит, что проявляемая Им свобода носит характер произвола, подобно тому, как мы бываем то любезны, то грубы, в зависимости от настроения; но это значит, что Он не обязан открывать Себя нам только потому, что мы пришли и глядим в Его сторону. Очень важно помнить, что и Бог и мы свободны прийти или уйти; и свобода эта имеет огромное значение, потому что она является признаком подлинных взаимоотношений.

Она молодая безнадежно больная женщина после длительного периода молитвенной жизни, когда Бог был бесконечно близким и осязаемым, внезапно утратила всякое соприкосновение с Ним. Но сильнее, чем скорбь об утрате Бога, был в ней страх перед искушением спастись от этого отсутствия Божия, построив себе ложное Его присутствие, ибо подлинное отсутствие Божие и подлинное Его присутствие — в одинаковой мере доказательства Его реальности и конкретности взаимоотношений с Ним, которые предполагаются при молитве.

Так мы должны быть готовы приносить свою молитву и принимать все, что бы ни дал Бог. Это основной принцип подвижнической жизни. В борьбе за то, чтобы держать себя обращенными к Богу, в борьбе против всего, что в нас есть непрозрачного, что мешает нам смотреть в сторону Бога, мы не можем быть ни полностью активными, ни пассивными. Мы не можем быть активными в том смысле, что сколько бы мы ни суетились, своими усилиями мы не можем ни взобраться на небо, ни свести Бога с небес. Но мы не можем быть и просто пассивными и сидеть сложа руки; подлинных отношений не существовало бы, если бы мы просто пассивно подвергались Его воздействию. Аскетическое поведение состоит в бдительности, — бдительности воина, который стоит в ночи так тихо, как только способен, с таким вниманием и так чутко, как только возможно, для того, чтобы правильно и быстро реагировать на все, что бы ни случилось. В каком-то смысле он бездействует, потому что стоит и ничего не делает; с другой стороны, он напряженно активен, потому что он настороже и совершенно собран. Он чутко прислушивается и всматривается, готовый ко всему.

Это точное подобие внутренней жизни. Мы должны стоять в присутствии Божиим в полном безмолвии и собранности, в чутком внимании, не шелохнувшись. Мы можем ждать часами или еще дольше, но наступит момент, когда наше неустанное внимание будет вознаграждено и нечто произойдет. Но, опять-таки, если мы насторожены и бдительны, то готовы ко всему, что может нам встретиться, не ожидая чего-то одного, определенного. Мы должны быть готовы принять от Бога все, что Он даст нам опытно познать. Если мы молились сколько-то времени и ощутили некоторую теплоту, то, придя к Богу на следующий день, мы очень легко поддаемся искушению ожидать того же самого. Если мы когда-то молились Богу тепло или со слезами, с сокрушением сердца или в радости, то, приходя снова к Богу, мы ожидаем испытать то же самое и очень часто упускаем новый контакт с Богом только потому, что стремимся снова пережить уже изведенное.

Божие приближение к нам может выразиться очень разнообразно: это может быть радость, это может быть трепет, это может быть сердечное сокрушение или что-либо иное. Мы должны помнить: то, что мы встретим сегодня, будет неизвестное нам, ибо Бог, каким мы знали Его вчера, не таков, каким Он может открыть нам Себя завтра.

Безмолвная молитва

Молитва — это прежде всего встреча с Богом. Иногда мы ощущаем Божие присутствие, чаще всего смутно; но бывают периоды, когда мы можем поставить себя перед Богом только актом веры, совершенно не чувствуя Его присутствия. Дело не в степени нашего восприятия, не оно делает эту встречу возможной и плодотворной: должны быть выполнены другие условия, и основное из них — чтобы молящийся человек был реальным. Живя в обществе, мы даем проявляться самым различным граням нашей личности. Каждый из нас является одним человеком при одних обстоятельствах и

совершенно иным при других: властным в условиях, где он — начальник, совершенно покорным дома, и опять-таки совсем иным среди друзей. Каждое "я" многосложно, но ни одно из этих ложных лиц, или тех, которые частью ложны, а частью подлинны, не является нашим истинным "я" в достаточной мере для того, чтобы стоять от нашего имени в присутствии Божиим. Это ослабляет нашу молитву, создает разделенность ума, сердца и воли. Как говорит Полоний в "Гамлете": "Верен будь себе; тогда, как утро следует за ночью, последует за этим верность всем".

Нелегко бывает найти среди этих разнообразных личин и вне их свое подлинное "я". Мы так не привыкли быть самими собой в сколько-нибудь глубоком и подлинном смысле, что нам кажется почти невозможным понять, откуда начать поиски. Однако все мы знаем, что бывают моменты, когда мы более, чем обычно, приближаемся к своему подлинному "я"; эти моменты следует замечать и тщательно анализировать, чтобы хоть приблизительно раскрыть, что же мы представляем собой в действительности. Обнаружить правду о самих себе нам обычно так трудно из-за нашего тщеславия, — и тщеславия самого по себе, и того, как оно определяет наше поведение. Тщеславие состоит в том, чтобы превозноситься чем-то, не имеющим никакой ценности, и зависеть в своем суждении о себе, а следовательно, и во всем своем отношении к жизни, от мнения людей, которое не должно бы иметь для нас такого веса. Тщеславие — это состояние зависимости от реакции людей на нашу личность.

Тщеславие — первый враг, с которым следует бороться, хотя, как говорят Отцы, он же и последний, который бывает побежден. Пример побежденного тщеславия мы находим в рассказе о Закхее (Лк. 19:1-10), и он может многому научить нас. Закхей был богатым человеком, занимавшим высокое социальное положение; он был чиновником Римской империи, сборщиком податей, и должен был бы держать себя соответственно своему положению. Он был знатным гражданином в своем городке; взгляд на вещи, который можно выразить словами "что скажут люди?" мог удержать его от встречи со Христом. Но когда Закхей услышал, что Христос проходит через Иерихон, ему неудержимо захотелось Его увидеть, и он забыл, что может показаться смешным — а это для нас хуже очень многих зол; и этот почтенный гражданин побежал и взобрался на дерево! Его могла видеть вся толпа, и, без сомнения, многие смеялись. Но так сильно было его желание увидеть Иисуса, что он забыл подумать, что скажут другие; на короткое время он перестал зависеть от чужого мнения и в этот момент был полностью самим собой; это был Закхей-человек, а не Закхей-мытарь или Закхей-богач или Закхей-гражданин.

Унижение — один из путей, которым мы можем отучиться от тщеславия, но если унижение не принимается добровольно, оно может только усилить чувство обиды и сделать нас даже еще более зависимыми от мнения других людей. Высказывания о тщеславии у Иоанна Лествичника и Исаака Сирина как будто противоречат друг другу: один говорит, что тщеславия можно избежать только через гордость; другой — что путь лежит через смирение. Оба говорят это в определенном контексте, а не как абсолютную истину; но эти суждения позволяют нам увидеть, что есть общего в обеих крайностях, а именно: становимся ли мы гордыми или смиренными, мы не обращаем больше внимания на человеческое мнение, в обоих случаях мы его просто не замечаем. В жизни аввы Дорофея есть пример, иллюстрирующий первое положение.

Приближаясь к монастырю, о котором он имел попечение, авва Дорофей увидел нескольких братьев, насмехавшихся над очень молодым монахом, который совершенно не обращал на них внимание, и поразился невозмутимостью юноши. У Дорофея был большой опыт трудностей духовной борьбы, и это показалось ему несколько подозрительным. Он спросил монаха, как тот сумел в столь юном возрасте достигнуть такого бесстрастия. Ответ был: "Зачем я стану обращать внимание на лающих псов? Я не замечаю их, судьей себе я признаю одного Бога". Это пример того, как гордость может сделать нас независимыми от мнения других людей. Гордость — это положение, когда мы ставим себя в центр всего, делаем себя критерием истины, добра и зла, подлинной

ценности вещей, и тогда мы свободны от чужих суждений, а также свободны от тщеславия. Но лишь абсолютная гордость может истребить тщеславие полностью, а абсолютная гордость, к счастью, вне наших человеческих возможностей.

Другой путь — смирение. В основе своей смирение — это положение того, кто всегда стоит перед судом Божиим. Это положение того, кто — как прах земной. Латинское слово *humilitas* — смирение — происходит от *humus* — плодородная земля. Плодородная земля лежит, никем не замечаемая, как что-то, само собой разумеющееся; она у всех под ногами, все могут попирать ее; она молчалива, неприметна, темна и, однако же, всегда готова принять семя, дать ему плоть и жизнь. Чем ниже — тем плодороднее, потому что почва становится действительно плодородной, когда принимает все, что отвергает земля. Она лежит так низко, что ничто уже не может загрязнить, унижить, уничтожить ее; она приняла последнее место, ниже идти некуда. В таком положении ничто не может нарушить душевной ясности, мира и радости.

Бывают моменты, которые вырывают нас из состояния зависимости от реакции на нас других людей; это моменты глубокого горя или также подлинной, всепоглощающей радости. Когда царь Давид плясал перед ковчегом Завета (2 Цар. 6:14), многие, как дочь Саула Мелхола, думали, что царь ведет себя очень непристойно. Они, вероятно, улыбались или в замешательстве отворачивались. Но он был слишком переполнен радостью, чтобы замечать это. То же происходит и в горе: когда оно подлинно и глубоко, человек становится подлинным; позирование, сознательное и несознательное, забывается, и именно это так драгоценно в горе — и в нашем собственном и в чужом.

Трудность в том, что когда мы подлинны, потому что находимся в радости или в горе, мы не склонны и не способны наблюдать за собой, замечать те черты своей личности, которые проявляются в это время. Но есть момент, когда мы еще проникнуты достаточно глубоким чувством для того, чтобы быть подлинными, но уже настолько вышли из состояния экстаза радости или горя, чтобы поразиться контрасту между тем, что мы представляем собой в этот момент, и тем, чем являемся обычно; тогда мы ясно видим свою глубину и свою поверхностность. Если мы внимательны, если мы не переходим бездумно из одного состояния ума и сердца в другое, забывая все по мере того, как оно проходит, мы можем постепенно научиться сохранять те характерные черты нашего подлинного "я", которые выступили на мгновение.

Многие духовные писатели говорят, что мы должны стараться найти Христа в себе. Христос — совершенный, всецело подлинный человек, и мы можем начать обнаруживать, что в нас есть подлинного, раскрывая, что в нас есть сродного Ему. Есть в Евангелии места, против которых мы восстаем, и другие, от которых сердце наше горит в нас (Лк. 24:32). Если мы отметим те места, которые вызывают в нас возмущение, и те, которые мы всем сердцем принимаем как истинные, мы уже обнаружим в самих себе две крайности; коротко говоря — антихриста и Христа в себе. Мы должны принять во внимание обе категории и сосредоточиться на тех местах, которые близки нашему сердцу, потому что мы можем быть уверены, что хотя бы в этой одной точке мы сродни Христу, что эта точка, в которой человек уже — не во всей полноте, разумеется, но хотя бы в зачатке — подлинный человек, образ Христа. Недостаточно, однако, чтобы то или иное место Евангелия взволновало нас эмоционально или вызвало полное согласие нашего ума, — мы должны воплотить в себе слова Христовы. Нас может что-то затронуть и, тем не менее, мы можем отступить от всего, что думали и чувствовали, при первом же случае, который представится нам для практического применения открытой нами истины.

Бывают моменты, когда мы расположены мириться со своими врагами; но если человек отказывается идти нам навстречу, наше миротворческое настроение быстро сменяется воинственным. Так случилось с Миусовым в "Братьях Карамазовых" Достоевского. Он только что был груб и нетерпим с окружающими, затем восстановил в себе чувство собственного достоинства, начав все заново, но неожиданная наглость Федора Павловича снова изменила его чувства, и "Петр Александрович из самого

благодушного настроения перешел немедленно в самое свирепое. Все, что угасло было в его сердце и затихло, разом воскресло и поднялось".

Недостаточно поразиться местами, которые кажутся нам столь верными; должна последовать борьба за то, чтобы в каждое мгновение нашей жизни быть тем, чем мы бываем в лучшие моменты, и тогда мы постепенно сбросим с себя все поверхностное и станем более реальными и более истинными; как Христос есть сама истина и сама реальность, так и мы будем все больше и больше становиться тем, что есть Христос. Дело не во внешнем подражании Христу, но в том, чтобы внутренне быть тем, что Он есть. Подражание Христу — это не внешнее копирование Его поведения или Его жизни; это трудная и сложная борьба.

В этом различие между Ветхим и Новым Заветом. Заповеди Ветхого Завета были правилами жизни, и кто точно соблюдал эти правила, тот становился праведным; однако он не мог извлечь из них вечной жизни. Заповеди же Нового Завета, напротив, никогда не делают человека праведным. Христос сказал однажды Своим ученикам: *Когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы, ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать* (Лк. 27:10). Но когда мы выполняем заповеди Христовы не просто как правила поведения, а потому что воля Божия пропитала наше сердце, или даже когда мы просто принуждаем свою злую волю выполнять их внешним образом и стоим в покаянии, зная, что нет в нас ничего, кроме этого внешнего принуждения, мы постепенно вырастаем в познании Бога — внутреннее, а не интеллектуальное, не рационалистическое или академическое.

Человек, ставший реальным и истинным, может стоять перед Богом и приносить молитву с абсолютным вниманием, в единстве ума, сердца и воли, когда тело находится в полном согласии с движениями души. Но пока мы не достигли такого совершенства, мы все же можем стоять в присутствии Божиим, сознавая, что мы частью реальны, а частью нереальны, и приносить Ему все, что можем, но в покаянии — исповедуя, что все еще так нереальны и так не способны к целостности. Ни в какие моменты нашей жизни, — ни тогда, когда мы еще совсем далеки от внутреннего единства, ни тогда, когда мы уже на пути к нему, мы не лишены возможности стоять перед Богом. Но вместо того, чтобы стоять в полном единстве, дающем нашей молитве импульс и силу, мы можем стоять в своей слабости, признавая ее и будучи готовы нести ее последствия.

Один из Оптинских старцев, Амвросий, сказал однажды, что есть две категории людей, которые спасутся: те, которые грешат и достаточно сильны, чтобы покаяться, и те, кто слишком слаб даже для того, чтобы истинно каяться, но готов терпеливо, смиренно и с благодарностью нести всю тяжесть последствий своих грехов; в своем смирении они угодны Богу.

Бог всегда истинен, всегда — Он Сам, и если бы мы могли стоять перед Ним таким, каков Он есть, лицом к лицу, и воспринимать Его объективную реальность, все было бы проще; но мы ухищраемся субъективно затуманивать эту истину, эту реальность, перед которой стоим, и заменять подлинного Бога бледным Его изображением, хуже того — Богом, Который нереален из-за нашего одностороннего и убогого представления о Нем.

Когда нам предстоит с кем-нибудь встретиться, подлинность встречи зависит не только от того, чем являемся мы и чем является другой, но во многом и от предвзятого представления, которое мы создали себе о другом человеке. В таком случае мы говорим не с реальным лицом, а с тем представлением о нем, которое сами себе создали, и жертве этой предвзятости обычно приходится употребить большие усилия, чтобы пробиться через это представление и установить подлинные отношения.

У каждого из нас есть сложившееся представление о Боге; как бы возвышенно, прекрасно и даже истинно ни было это представление в своих составных частях, если мы не будем осторожны, оно встанет между нами и подлинным Богом и может превратиться просто в идола, перед которым мы будем молиться и который заслонит от нас подлинного Бога. Так, в частности, случается, когда мы обращаемся к Богу с какой-либо просьбой или

с молитвой о ком-то; тогда мы приходим к Богу не как к тому, с кем хотим поделиться своими трудностями, в чью любовь верим и от кого ожидаем решения; но мы приходим, желая видеть Бога в определенном аспекте, и направляем свои молитвы не к Богу, а к тому понятию о Боге, которое в данный момент нас устраивает.

Мы должны приходиться к Богу не для того, чтобы испытать те или иные эмоции или пережить мистический опыт. Мы должны приходиться к Богу, просто чтобы находиться в Его присутствии, и если Он захочет сделать Свое присутствие ощутимым для нас — благословен Бог, но если Он захочет, чтобы мы испытали Его подлинное отсутствие — и тогда благословен Бог, потому что, как мы видели, Он свободен приблизиться или не приблизиться к нам. Он так же свободен, как и мы. Если мы не приходим в присутствие Божие, это значит, что заняты чем-то, что привлекает нас больше, чем Он; если же Он не делает явным Своего присутствия, то для того, чтобы мы узнали что-то новое о Нем или о себе самих. Но и отсутствие Божие, которое мы можем испытывать в своих молитвах, чувство, что Его здесь нет, также есть один из аспектов взаимоотношений с Ним, и аспект очень ценный.

Чувство отсутствия Божия мы можем испытать по Его воле; Он может пожелать, чтобы мы тосковали по Нему и узнали, как дорого Его присутствие, давая нам познать на опыте, что такое предельное одиночество. Но часто наш опыт отсутствия Божия является результатом того, что мы сами не даем себе возможности ощутить Его присутствие. Одна женщина, четырнадцать лет занимавшаяся Иисусовой молитвой, жаловалась, что у нее никогда не было чувства, что Бог здесь. Но когда ей указали на то, что в своей молитве она сама говорит, не умолкая, она согласилась несколько дней стоять перед Богом молча. И когда она так сделала, то почувствовала, что Бог здесь, что тишина, ее окружавшая, была не пустотой, не отсутствием шума или движения, но что это безмолвие было насыщенным; это было нечто не отрицательное, а положительное; это было присутствие, — присутствие Бога, Который ей дал Себя узнать, сотворив такую же тишину и в ней. И тогда она обнаружила, что молитва возобновилась в ней сама собой, но это уже не был тот словесный шум, который препятствовал Богу открыть Себя.

Если бы мы были смиренны или хотя бы разумны, то не ждали бы, что раз мы решили молиться, то сразу же познаем опыт преподобного Серафима Саровского. Впрочем, мы не всегда жаждем пережить то, что испытывали святые; часто нам просто хочется снова пережить то, что мы сами испытали ранее; но если мы сосредоточимся на прежнем опыте, он может закрыть от нас тот новый опыт, который должен был бы последовать естественным образом. Что бы мы ни пережили, оно принадлежит прошлому и связано с тем, чем мы были вчера, а не с тем, что представляем собой сегодня. Мы молимся не для того, чтобы испытать то или иное переживание, улаждающее нас, но для того, чтобы встретить Бога, со всеми возможными последствиями этой встречи; или же чтобы принести Ему то, что мы хотели принести, и предоставить Ему сделать с этим все, что Он Сам захочет.

Нам надо также помнить, что мы всегда должны приближаться к Богу с сознанием, что мы Его не знаем. Мы должны приближаться к непостижимому, таинственному Богу, Который открывает Себя так, как хочет; когда бы мы ни приходили к Нему, мы находимся перед Богом, Которого еще не знаем. Мы должны быть открыты для всякого проявления Его Личности и Его присутствия.

Мы можем многое знать о Боге из своего собственного опыта, из опыта других, из писаний святых и учения Церкви, из свидетельства Священного Писания; мы можем знать Его благим, смиренным, знать, что Он — огонь палящий, что Он — наш Судья, что Он — наш Спаситель, и многое другое; но мы должны помнить, что в любое время Он может открыть Себя таким, каким мы Его никогда не знали, даже в рамках этих общих категорий. Мы должны благоговейно стоять перед Ним и быть готовыми встретить Того, Которого встретим, — Бога, Который нам уже знаком, или Бога, Которого мы даже не узнаем. Он может дать нам какое-то понимание того, что Он есть, и это окажется

совершенно не тем, чего мы ожидали. Мы надеемся встретить Иисуса кроткого, сострадательного, любящего, а встречаем Бога, Который судит и осуждает нас и не допускает нас близко в настоящем нашем состоянии. Или же мы приходим в покаянии, ожидая, что будем отвергнуты, и встречаем сострадание. На каждом этапе Бог для нас частично известен и частично неизвестен. Он Себя открывает — и в этой мере мы Его знаем, но мы никогда не познаем Его полностью, всегда будет оставаться божественная тайна, сердце тайны, куда мы никогда не будем способны проникнуть. Познание Бога может быть дано и принято только в общении с Богом, только если мы разделяем с Богом то, что Он есть, в той мере, в какой Он приобщает нас к Себе.

Святой Афанасий Великий говорит, что восхождение человека к обожению начинается с момента его сотворения. С самого начала Бог дает нам нетварную благодать, чтобы мы могли достигнуть единения с Ним. С православной точки зрения не существует "естественного человека", которому подается благодать как какое-то добавление. Первое слово Божие, вызвавшее нас из небытия, было и первым нашим шагом к исполнению нашего призвания, дабы Бог был во всем и мы в Нем, как и Он в нас.

Мы должны быть готовы к тому, что наш последний шаг в отношениях с Богом будет актом чистого поклонения, лицом к лицу с тайной, в которую мы не сможем проникнуть. Мы вырастаем в познание Бога постепенно, из года в год, до конца нашей жизни, и будем продолжать то же и в вечности, никогда не достигая точки, когда смогли бы сказать, что теперь знаем все, что можно познать о Боге. Этот процесс постепенного познания Бога приводит к тому, что в каждое мгновение мы стоим со своим прошлым опытом перед тайной Бога познаваемого и все еще неведомого. То малое, что мы знаем о Боге, затрудняет для нас познание большего, потому что большее нельзя просто прибавить к меньшему; каждая встреча влечет за собой такое изменение перспективы, что все, что мы знали раньше, становится почти неверным в свете того, что мы узнали после.

Это справедливо и в отношении всякого знания, которое мы приобретаем: каждый день мы научаемся чему-то в области естественных или гуманитарных наук, но приобретенное знание имеет смысл только потому, что приводит нас к черте, за которой лежит нечто, что нам еще предстоит узнать. Если мы остановимся и будем повторять то, что уже знаем, мы только попросту потеряем время. И так, если мы желаем встретить в молитве реального Бога, нам надо прежде всего понять, что все приобретенное прежде знание привело нас к тому, чтобы стоять перед Ним. Все это ценно и значительно, но если мы не будем идти вперед, это знание перестанет быть реальной жизнью, но превратится в призрачную, бледную тень; это будет воспоминание, а жить воспоминаниями невозможно.

В наших отношениях с людьми мы неизбежно поворачиваем лишь одну грань своей личности к одной грани личности другого; это может быть хорошо, если ведет к установлению контакта; это может быть плохо, когда мы делаем так, чтобы использовать слабости другого. Мы и к Богу поворачиваем также одну свою грань, ту, которая ближе всего к Нему, доверчивую или любящую сторону. Но мы должны помнить, что никогда не встречаемся с одной только гранью Бога: мы встречаем Бога в Его целостности.

Приступая к молитве, мы надеемся почувствовать Бога, как кого-то, кто здесь присутствует, надеемся, что наша молитва будет если не диалогом, то, по крайней мере, речью, обращенной к тому, кто слушает. Мы боимся, что можем не ощутить вообще никакого присутствия, и будем говорить, словно в пустоту, где никто не слушает, не отвечает, не интересуется. Но это чисто субъективное впечатление; если мы сравним свой молитвенный опыт со своими обычными повседневными человеческими контактами, мы можем вспомнить, что иногда человек очень внимательно слушает нас, а нам кажется, что слова наши падают в пустоту. Наша молитва всегда достигает Бога, но не всегда ответом на нее бывает чувство радости или мира.

Когда мы говорим о "стоянии" перед Богом, то всегда думаем, что вот здесь — мы, а вон там, вне нас — Бог. Если мы ищем Бога вверху, перед собой или вокруг, то не найдем

Его. Святой Иоанн Златоустый говорит: "Найди дверь внутренней горницы души твоей, и ты увидишь, что это дверь в Царствие Небесное". Преподобный Ефрем Сирийский говорит, что когда Бог создал человека, то вложил в самую сокровенную глубину его все Царство, и задача человеческой жизни — копать достаточно глубоко, чтобы обнаружить это сокровище. Поэтому, чтобы найти Бога, мы должны копать в поисках этой внутренней горницы, этого места, где в самой нашей глубине присутствует все Царствие Божие, где Бог и мы можем встретиться. Лучшее орудие, орудие, которое пройдет через все препятствия — это молитва. Суть задачи в том, чтобы молиться внимательно, просто и правдиво, не заменяя подлинного Бога никаким ложным богом, идолом, плодом нашего воображения и не стараясь предвосхитить какое-либо мистическое переживание. Сосредоточиваясь на том, что мы произносим, веря, что каждое наше слово доходит до Бога, мы можем употреблять свои собственные слова или слова великих духом людей, выражающие лучше, чем это можем сделать мы, то, что мы чувствуем или смутно ощущаем в себе самих. Не во множестве слов мы будем услышаны Богом, а в их правдивости. Обращаясь к Богу со своими собственными словами, мы должны говорить как можно более точно, стремясь не к краткости и не к пространности, а к правдивости.

Бывают моменты, когда молитва льется легко и свободно, и другие моменты, когда у нас появляется чувство, что источник ее высох. Тогда нужно пользоваться молитвами, которые составлены другими людьми и где выражено в основных чертах все то, во что мы верим, даже если в данный момент это и не оживлено для нас глубоким откликом нашего сердца. В такое время наша молитва должна быть двойным актом веры, — веры не только в Бога, но и в самих себя; мы должны поверить в свою веру, которая в данный момент померкла, хотя и является частью нас самих.

Но бывает и так, что нам не нужны никакие молитвенные слова, ни наши собственные, ни чьи бы то ни было, и тогда мы молимся в совершенном безмолвии. Совершенное безмолвие — это идеальная молитва, при условии, однако, что это подлинное безмолвие, а не мечтательность. Мы очень мало знаем по опыту, что такое глубокое безмолвие тела и души, когда в душе царит совершенная тишина, когда совершенный мир наполняет тело, когда прекращается всякая суета и движение и мы стоим перед Богом до конца открытыми в акте поклонения. Бывают моменты, когда мы чувствуем себя физически хорошо, нам не хочется напрягать ум, мы устали от слов, потому что уже столько произносили их; нам не хочется шевелиться, и мы испытываем радость в этом хрупком равновесии; это тот предел, где можно соскользнуть в мечтательности. Внутреннее безмолвие — это отсутствие всякого внутреннего движения мыслей или эмоций, но это состояние полной бдительности, открытости к Богу. Мы должны, когда можем, хранить полное безмолвие, но никогда не следует допускать, чтобы оно перерождалось в чувство простого удовлетворения. Чтобы уберечься от этого, великие наставники Православия учат нас никогда не оставлять совсем обычных форм молитвы, потому что даже те, кто достиг этого созерцательного безмолвия, признавали необходимым, когда чувствовали опасность духовного расслабления, вновь употреблять слова молитвы, пока молитва не восстановит в душе безмолвие.

Греческие Отцы считали это безмолвие, которое они называли "исихия", — и исходным моментом, и венцом молитвенной жизни. Безмолвие — это состояние, когда все силы души и тела пребывают в полном мире, спокойствии, собранности, в состоянии совершенной бдительности и в то же время свободы от всякой суеты и движения. В творениях многих Отцов мы находим образ пруда: пока на поверхности пруда рябь, ничто не может в нем верно отразиться — ни деревья, ни небо; когда же поверхность его совсем спокойна, в нем совершенно точно отражаются небо и деревья на берегу, и все в этом отражении так же четко, как в действительности.

Отцы употребляют и другой образ: пока не осядет ил, поднявшийся со дна пруда, вода не прозрачна и сквозь нее ничего нельзя увидеть. Оба эти сравнения относятся к

состоянию человеческого сердца. *Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят* (Мф. 5:8).

Пока в душе нет тишины, не может быть видения; но когда тишина поставит нас в присутствие Божие, наступает безмолвие совсем иного рода, гораздо более абсолютное: безмолвие души, которая не только пребывает в тишине и собранности, но которую присутствие Божие удерживает в трепете благоговейного поклонения, безмолвие, в котором, по слову Юлиании Норичской, "молитва соединяет душу с Богом".

Молитва для начинающих

Мы все — начинающие, и я не собираюсь проводить курс лекций, но просто хочу поделиться кое-чем из того, что я узнал, частью из собственного опыта, а еще больше, пожалуй, из опыта других.

Молитва о своей сути — встреча, встреча души и Бога; но для того, чтобы встреча стала реальной, обе личности, которые в ней участвуют, должны быть действительно самими собой. Между тем, мы в огромной степени нереальны, и Бог, в наших взаимоотношениях, так часто нереален для нас: мы думаем, что обращаемся к Богу, а на деле обращаемся к образу Бога, созданному нашим воображением; и мы думаем, что стоим перед Ним со всей правдивостью, тогда как на деле выставляем вместо себя кого-то, кто не является нашим подлинным "я", — актера, подставное лицо, театральный персонаж. Каждый из нас представляет собой в одно и то же время несколько разных личностей; это может быть очень богатым и гармоничным сочетанием, но может быть и весьма неудачным соединением противоречащих друг другу личностей. Мы бываем различными в зависимости от обстоятельств и окружения: разные лица, встречающиеся с нами, знают в нас совершенно различных людей, по русской пословице: "Молодец против овец, а против молодца и сам овца". Как часто это бывает: каждый из нас может вспомнить среди своих знакомых даму, которая — сама любезность с чужими и суцая фурия у себя дома, или грозного начальника, который в семейном кругу — воплощение кротости.

В деле молитвы первая наша трудность — найти, какая из наших личностей должна выступить для встречи с Богом. Это непросто, потому что мы настолько не привыкли быть самими собой, что искренне не знаем, которая из всех личностей и есть это подлинное "я". И мы не знаем, как его найти. Но если бы мы посвящали несколько минут в день на то, чтобы вдуматься в свои поступки и отношения с людьми, то, возможно, очень приблизились бы к открытию этого; мы заметили бы, каким человеком мы были при встрече с таким-то и таким-то, и кем — уже совсем другим — когда делали то или это. И мы могли бы спросить себя: когда же я был действительно самим собой? Может быть, никогда, может быть, лишь на долю секунды или до известной степени при особых обстоятельствах, с определенными людьми. И вот, в эти пять или десять минут, которые вы можете выделить, — а я уверен, что на протяжении дня это может каждый, — вы обнаружите, что нет для вас ничего более скучного, чем остаться наедине с самим собой. Обычно мы живем как бы отраженной жизнью. Дело не только в том, что мы представляем собой, в зависимости от обстоятельств, целую серию разных личностей, но и самая жизнь, которая в нас есть, очень часто вовсе не наша, — это жизнь других людей. Если вы заглянете в самих себя и решитесь спросить себя, как часто вы поступаете, исходя из самых глубин своей личности, как часто вы выражаете свое истинное "я", то увидите, что это бывает очень редко. Слишком часто мы погружены в разные пустяки, которые окружают нас; так вот, в течение этого времени, этих кратких минут сосредоточенности надо оставить все, что не является жизненно важным.

Вы рискуете, конечно, в таком случае, что вам будет скучно наедине с самим собой; ну что ж, пусть будет скучно. Но это не означает, что ничего не остается в нас, потому что в глубине нашего существа мы созданы по образу Божию и это совлечение всего ненужного очень похоже на расчистку прекрасной древней стеной живописи или

картины великого мастера, которую в течение веков, поверх подлинной красоты, созданной мастером, закрашивали лишённые вкуса люди. Сначала чем больше мы расчищаем, тем больше появляется пустоты, и нам кажется, что мы только напортили там, где было хоть несколько красоты; пусть немного, но хоть сколько-то. А затем мы начинаем открывать подлинную красоту, которую великий мастер вложил в свое произведение; мы видим убожество, затем промежуточную путаницу, но в то же время можем предугадать и подлинную красоту. И тогда мы обнаруживаем, что мы такое: убогое существо, которое нуждается в Боге, но нуждается в Нем не для того, чтобы заполнить пустоту, а для того, чтобы встретиться с Ним.

Итак, приступим к этому и, кроме того, каждый вечер в течение недели будем молиться такими, очень простыми словами: **"Помоги мне, Боже, освободиться от всего поддельного и найти мое подлинное "я"**.

Горе и радость, эти два великих дара Божиих, часто бывают моментом встречи с самим собой, когда мы оставляем все свои обезьяньи уловки и становимся неуязвимыми, недостижимыми для всей лжи жизни.

Следующая наша задача — исследовать проблему реального Бога, ибо совершенно очевидно, что если мы решаем обращаться к Богу, этот Бог должен быть реален. Все мы знаем, что такое классный наставник для школьника; когда школьник должен к нему явиться, он идет к нему только как к классному руководителю, и пока он не вырастет и не выйдет из-под его власти, ему никогда не приходит в голову, что классный руководитель — человек. Школьник думает о нем в категориях его функций, но это лишает личность наставника всех человеческих черт, и потому никакой человеческий контакт с ним невозможен.

Другой пример: когда юноша влюблен в девушку, он наделяет ее всевозможными совершенствами; но она может не иметь ни одного из них и очень часто это существо, сфабрикованное из ничего, и в самом деле есть "ничто", облеченное в несуществующие достоинства. Здесь опять-таки не может быть контакта, потому что юноша обращается к кому-то несуществующему. Это верно и в отношении Бога. У нас имеется определенный запас мысленных или зрительных образов Бога, собранный из книг, приобретенный в храме, из того, что мы слышали от взрослых, когда были детьми, а возможно, и от священнослужителей, когда стали старше. И очень часто эти образы не дают нам встретить реального Бога. Они не совсем ложны, потому что в них есть доля истины, и вместе с тем они совершенно не соответствуют реальному Богу. Если мы хотим встретить Бога, мы должны, с одной стороны, пользоваться знанием, которое мы приобрели, будь то лично, будь то посредством чтения, слышания, слушания, но, кроме того, идти и дальше.

Сегодняшнее наше знание о Боге есть результат вчерашнего опыта, и если мы будем обращаться лицом к Богу такому, каким мы Его знаем, мы всегда будем поворачиваться спиной к настоящему и будущему, глядя только на свое собственное прошлое. Поступая так, мы пытаемся встретить не Бога, а то, что уже знаем о Нем. Это иллюстрирует функцию богословия, поскольку богословие — это все наше человеческое знание о Боге, а не то малое, что мы лично уже постигли и узнали о Нем. Если вы хотите встретиться с Богом таким, каков Он есть в действительности, вы должны приходить к Нему с известным опытом, чтобы он подвел вас ближе к Богу, но затем оставить этот опыт и стоять не перед Богом, Которого вы знаете, а перед Богом, вместе уже известным и еще неведомым.

Что же будет дальше? Нечто совсем простое: Бог, Который свободен прийти к вам, отозваться, ответить на ваши молитвы, может прийти и дать вам почувствовать, ощутить Свое присутствие; но Он может и не сделать этого; Он может дать вам почувствовать Свое реальное отсутствие, и этот опыт столь же важен, как и первый, потому что в обоих случаях вы прикасаетесь к реальности Божьего права отозваться или не отозваться.

Итак, постарайтесь найти свое подлинное "я" и поставить его лицом к лицу перед Богом, таким, каков Он есть, отказавшись от всех ложных образов или идолов Бога. И

чтобы помочь вам в этом, чтобы дать вам опору в этом усилии, я предлагаю вам в течение одной недели молиться следующими словами: **"Помоги мне, Боже, освободиться от всякого ложного Твоего образа, чего бы мне это ни стоило"**.

В поисках своего подлинного "я" мы можем испытать не только скуку, о которой я говорил, но и ужас, и даже отчаяние. Эта нагота души приводит нас в чувство; тогда-то мы и можем начать молиться. Первое, чего следует избегать — лжи Богу; это кажется совершенно очевидным, и все же мы не всегда делаем так. Будем говорить с Богом откровенно, скажем Ему, кто мы таковы; не потому что Он не знает этого; но одно дело — принимать тот факт, что кто-то нас любящий знает все о нас, и совсем другое — иметь мужество и подлинную любовь к этому лицу, чтобы говорить с ним правдиво и сказать ему все о себе. Скажем Богу откровенно, что нам не по себе, когда мы вот так стоим перед Ним, что у нас нет настоящего желания встретиться с Ним, что мы устали и предпочли бы лечь спать. Но при этом надо остерегаться вольности или просто дерзости: Он — Бог наш. После этого лучше всего было бы радостно оставаться в Его присутствии, как мы бываем с горячо любимыми людьми, с которыми у нас существует подлинная близость. Мы не испытываем такой радости и такой близости с Ним, чтобы просто сидеть и смотреть на Него и быть счастливыми. А если уж нам приходится говорить, то пусть это будет подлинный разговор. Переложим все наши заботы на Бога, и, рассказав Ему все, так, чтобы Он это узнал от нас самих, оставим попечение о своих заботах, передав их Богу. Теперь, когда Он посвящен в наши заботы, нам не о чем больше беспокоиться: мы можем свободно думать о Нем.

Упражнение этой недели следует, очевидно, присоединить к упражнениям предыдущих недель; оно будет состоять в том, чтобы учиться, поставив себя перед Богом, передавать Ему все наши заботы до единой, а затем оставлять попечение о них; и чтобы получить в этом помощь, будем изо дня в день повторять совсем простую и конкретную молитву, которая определит наше поведение в наших отношениях с Богом: **"Помоги мне, Боже, оставить все мои заботы и сосредоточить мои мысли на Тебе Одним"**.

Если бы мы не переложили своих забот Богу, они стояли бы между Ним и нами во время нашей встречи; но мы видели также, что следующим движением — и это очень важно — мы должны оставить попечение о них. Мы должны сделать это в акте доверия, веря Богу настолько, чтобы передать Ему тревоги, которые мы хотим снять со своих плеч. Но что же затем? Мы как будто опустошили себя, в нас едва ли что-то осталось, — что нам делать дальше? Мы не можем оставаться пустыми, потому что тогда мы наполнимся не тем, чем следует, — чувствами, мыслями, волнениями, воспоминаниями и т.д. Нам нужно, я думаю, помнить, что встреча не означает одностороннюю речь с нашей стороны. Беседуя, мы не только высказываемся, но и выслушиваем то, что имеет сказать собеседник. А для этого надо научиться молчать; хотя это и кажется пустяком, этот момент очень важен.

Помню, когда я принял священство, одной из первых пришла ко мне за советом одна старушка и сказала: "Батюшка, я молюсь почти непрерывно четырнадцать лет, и у меня никогда не было чувства Божия присутствия". Тогда я спросил: "А давали ли вы Ему вставить слово?" — "Ах, вот что, — сказала она. — Нет, я сама говорила Ему все время, — разве молитва не в этом?" — "Нет, — ответил я, — думаю, что не в этом; и вот, я предлагаю, чтобы вы выделили пятнадцать минут в день и просто сидели и занимались вязаньем перед лицом Божиим". Так она и сделала. Что же вышло? Очень скоро она пришла снова и сказала: "Удивительно, когда я молюсь Богу, то есть когда говорю с ним, я ничего не чувствую, а когда сижу тихо, лицом к лицу с Ним, то чувствую себя как бы окутанной Его присутствием". Вы никогда не сможете молиться Богу по-настоящему и от всего сердца, если не научитесь хранить молчание и радоваться чуду Его присутствия, или, если угодно, пребыванию лицом к лицу с Ним, даже если вы Его и не видите.

Очень часто, сказав все, что мы имели сказать, и посидев некоторое время, мы недоумеваем, что же делать дальше. Дальше, я думаю, надо читать какие-либо из

существующих молитв. Некоторые находят это слишком легким и в то же время видят опасность принять за настоящую молитву простое повторение того, что когда-то сказал кто-то другой. Действительно, если это просто механическое упражнение, оно не стоит труда, но при этом забывается, что от нас самих зависит, чтобы оно не было механическим — если мы будем произносить слова внимательно. Другие жалуются, что готовые молитвы чужды им, потому что это не совсем то, что выразили бы они сами, это не их высказывание. В каком-то смысле эти молитвы действительно чужды, но лишь в том только, в каком картина великого мастера чужда, непонятна для ученика или музыка великого композитора — для начинающего музыканта. Но в том-то и дело: мы ходим на концерты, в картинные галереи для того, чтобы узнать, что такое настоящая музыка, настоящая живопись, чтобы формировать свой вкус. И вот почему, отчасти, мы должны пользоваться готовыми молитвами — для того, чтобы научиться, какие чувства, какие мысли, какие способы выражения нам следует развивать, если мы принадлежим к Церкви. Это также помогает в периоды сухости, когда нам почти нечего сказать.

Каждый из нас — это не только то убогое, обнаженное до костей существо, которое мы обнаруживаем, оставшись наедине с самими собой; мы еще и образ Божий; и дитя Божие, которое живет в каждом из нас, способно молиться самыми возвышенными, самыми святыми молитвами Церкви. Мы должны помнить это и пользоваться ими. Я предлагаю, чтобы к прежнему упражнению мы добавили немного молчания, три-четыре минуты, и закончили молитвой: **"Помоги мне, Боже, видеть мои собственные грехи, никогда не осуждать своего ближнего, и вся слава да будет Тебе!"**

Прежде чем начать говорить о молитвах, оставшихся без ответа, я хочу попросить Бога, чтобы Он просветил и меня и вас, потому что это трудная и вместе с тем такая жизненно важная тема. Это одно из больших искушений, которое каждый может встретить на своем пути и из-за которого начинающим и даже людям, имеющим молитвенный опыт, бывает очень трудно молиться Богу. Так часто люди молятся и им кажется, что они обращаются к пустому небу.

Нередко это происходит оттого, что молитва их — бессмысленное ребячество. Я помню, как один пожилой человек рассказывал мне, что в детстве он много месяцев просил Бога даровать ему изумительную способность, которой обладал его дядя, — вынимать каждый вечер свои зубы ибо рта и класть их в стакан с водой, и как счастлив он был позже, что Бог не исполнил его желание. Часто наши молитвы — такие же ребяческие, как и эта, и, конечно, они остаются неисполненными. Мы очень часто бываем уверены, что молимся правильно, но молимся мы о чем-то, что касается и других людей, о которых мы вовсе не думаем. Когда мы молимся о попутном ветре себе, мы не задумываемся о том, что это может оказаться бурей на море для других, и Бог не исполнит прошение, которое принесет вред другим.

Кроме этих двух очевидных моментов, есть и другая сторона вопроса, гораздо более существенная и глубокая: бывает, что мы молимся Богу от всего сердца о чем-то, что со всех точек зрения как будто достойно быть услышанным, и встречаем одно молчание, — а молчание перенести гораздо труднее, чем отказ. Если Бог скажет "нет", то со стороны Бога это будет все же положительной реакцией, а молчание есть как бы отсутствие Бога, и оно ведет нас к двум искушениям: когда наша молитва не получает ответа, мы сомневаемся — или в Боге, или в себе самих. В отношении Бога мы сомневаемся не в Его могуществе, не в Его власти сделать то, чего мы желаем, но в Его любви, Его участии. Мы просим о чем-то очень важном, а Он как будто не обращает внимания; где же Его любовь, Его сострадание? Это первое искушение.

И есть другое искушение. Мы знаем, что, имея веру с горчичное зерно, мы могли бы двигать горами, и когда видим, что ничего не сдвигается с места, то думаем: "Может быть, это значит, что вера моя в чем-то порочна, неистинна?" Это опять-таки неверно, и на это есть другой ответ: если вы внимательно прочтаете Евангелие, то увидите, что в нем есть только одна молитва, не получившая ответа. Это молитва Христа в Гефсиманском саду.

Но в то же время мы знаем, что если когда-либо в истории Бог принимал участие в ком-то, кто молился, то, конечно, именно в Своем Сыне перед Его смертью; и мы знаем также, что если был когда-либо пример совершенной веры, то это было именно тогда. Но Бог нашел, что вера Божественного Страдальца достаточно велика, чтобы вынести молчание.

Бог не дает ответа на наши молитвы не только тогда, когда они недостойны, но и тогда, когда Он находит в нас такое величие, такую глубину, — глубину и силу веры, что Он может положиться на нас, на то, что мы пребудем верными даже перед лицом Его молчания.

Я помню одну женщину, неизлечимо больную; много лет она жила в ощущении присутствия Божия, а затем внезапно ощутила Его отсутствие — действительно реальное отсутствие; она написала мне тогда: "Пожалуйста, молитесь Богу, чтобы я никогда не поддавалась искушению создать себе иллюзию Его присутствия, вместо того чтобы принять Его отсутствие". Вера ее была велика. Она была способна выдержать это искушение, и Бог дал ей испытать Свое молчание, Свое отсутствие.

Запомните эти примеры, продумайте их, потому что когда-нибудь вам, наверное, придется оказаться в таком же положении.

Я не могу дать вам никакого упражнения; хочу только, чтобы вы помнили, что мы всегда должны хранить неизменной свою веру и в любовь Божию и в нашу собственную честную, правдивую веру; и когда такое искушение придет к нам, будем молиться молитвой, состоящей из двух фраз, произнесенных Самим Иисусом Христом: **"В руки Твои предаю дух Мой; не Моя воля да будет, но Твоя"**.

Я попытался дать вам представление о главных путях, какими мы можем подойти к молитве; но означает ли это, что, выполнив все, мною предложенное, вы научитесь молиться? Нет, конечно, потому что молитва — это не просто усилие, которое мы можем сделать в момент, когда решаем молиться; молитва должна корениться в нашей жизни, и если жизнь наша противоречит нашим молитвам или наши молитвы не имеют ничего общего с нашей жизнью, они никогда не будут ни живыми, ни реальными. Конечно, мы можем найти лазейку и обойти эту трудность, исключив из своих молитв все, что в нашей жизни несовместимо с молитвой, — все то, чего мы стыдимся или что вызывает у нас чувство неловкости перед собой. Но этим ведь ничего не разрешишь.

Другая трудность, с которой мы постоянно сталкиваемся, это мечтательность: тогда молитва наша выражает сентиментальное настроение, а не то, чем наша жизнь является по своей сути. Для этих двух трудностей существует одно общее разрешение, а именно: связать жизнь с молитвой так, чтобы это было единое целое, делать свою молитву жизнью. Очень большую помощь окажут при этом готовые молитвы, о которых я уже говорил, потому что они представляют собой объективный, жесткий образец того, как надлежит молиться. Вы можете сказать, что они для нас неестественны, и это верно, в том смысле, что они выражают жизнь людей неизмеримо более великих, чем мы сами, жизнь подлинных христиан; но потому-то вы и можете пользоваться ими, стараясь стать такого рода людьми, для которых эти молитвы естественны.

Помните слова Христовы: *В руки Твои предаю дух Мой*. Они, разумеется, за пределами нашего собственного опыта; но если изо дня в день мы будем учиться быть такого рода людьми, которые способны произносить эти слова искренне, со всей правдивостью, мы не только сделаем свою молитву реальной, мы сами станем реальными — в новой, подлинной реальности становления сынами Божьими.

Если вы возьмете, например, те пять молитв, которые я предложил вам, если вы возьмете одно за другим каждое из этих прошений, если вы постараетесь сделать каждое из них поочередно девизом, лозунгом всего дня, вы увидите, что молитва станет критерием вашей жизни, она даст вам основу вашей жизни, но и жизнь ваша также будет вашим судьей — против вас или за вас, — обвиняя вас во лжи, когда вы произносите эти слова, или, наоборот, подтверждая, что вы веры им. Берите каждую фразу каждой

молитвы, пользуйтесь ею как правилом, день за днем, неделю за неделей, пока не станете такого рода человеком, для которого эти слова являются самой жизнью.

Теперь нам предстоит расстаться. Я был бесконечно рад беседовать мысленно с вами, ибо мы объединены молитвой и нашим общим интересом к духовной жизни. Да будет господь Бог с каждым из вас и среди нас вовек.

И прежде чем мы расстанемся, я предлагаю читателю произнести со мной одну краткую молитву, которая соединит нас перед престолом Божиим: *"Господи, не знаю, чего мне просить у Тебя. Ты Один ведаешь, что мне потребно. Ты любишь меня больше, нежели я умею любить себя. Дай мне зреть нужды мои, которые сокрыты от меня. Не дерзаю просить ни креста, ни утешения, только предстою перед Тобой. Сердце мое Тебе отверсто. Возлагаю всю надежду на Тебя. Ты зри нужды, которых я не знаю, зри и сотвори со мной по милости Твоей. Сокруши и подыми меня. Порази и исцели меня. Благоговею и безмолвствую перед святою Твоею волею, непостижимыми для меня Твоими судьбами. Приношу себя в жертву Тебе. Нет у меня желания, кроме желания исполнить волю Твою. Научи меня молиться, Сам во мне молись. Аминь".*